Ус
Г62

Библиотека декабристов

Записки и письма И.И. Горбачевского

«Современные проблемы»
Н.А. Столляр – Москва
1925

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK212
.G66
1925

254602
947

БИБЛИОТЕКА ДЕКАБРИСТОВ

DK212
.G66
1925

ЗАПИСКИ и ПИСЬМА ДЕКАБРИСТА И. И. ГОРБАЧЕВСКОГО

Под редакцией Б. Е. СЫРОЕЧКОВСКОГО

Издание 2-е дополненное и исправленное

КН-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ".
Н. А. СТОЛЛЯР МОСКВА 1925 г.

пр. 1926.

Типография МКХ им. Ф. Я. Лаврова, Варгунихина гора, 8.
Главлит № 45421 Москва 1925 г
Тираж 3.000 экз.

Библиотека учебных пособий М. Г. У.
24924
МГУ учебная б-ка № 3

И. И. Горбачевский в 30-х годах (из собрания М. М. Зензинова).

И. И. Горбачевский и его Записки.

Иван Иванович Горбачевский родился 22 сентября 1800 года близ Нежина в семье скромного провинциального чиновника: отец его, надв. сов. Иван Васильевич Горбачевский, служил в Витебской казенной палате. в 1818 году старик Горбачевский наравне с прочими служащими палаты за какие-то беспорядки при подряде провианта был отставлен от должности и отдан под суд. Дело перешло в Сенат и там безнадежно застряло. Как ни хлопотал Иван Васильевич, ему не пришлось вернуться на службу, и обстоятельство это сильно сказывалось на материальных условиях его семьи: И. И. Горбачевскому смолоду пришлось терпеть нужду и лишения [1]).

Детство и учебные годы до 17-ти лет Горбачевский жил при родителях в Витебске. Он учился сначала в Витебском народном училище, а с 1813 года—в Витебской губернской гимназии. Кроме Ивана у Горбачевских был еще сын Николай и три дочери [2]). Семья была, повидимому, дружной, и ее ду-

---

[1]) В январе 1827 г. отец Горбачевского, 65 лет от роду, проживал в Витебске в собственном «деревянном малостоящем домике», существуя «приличными званию трудами и вспомоществованиями благотворителей»; при нем жила дочь вдова. (Госархив. I В. № 315. Дело о положении ближайших родных преступников).

[2]) Анна Ивановна (1791—1879) – замужем за И. И. Квистом (1788–1853), директором канцелярии главнокомандующего 1 армией; Ульяна Ивановна; имя третьей сестры нам неизвестно. Николай Ив. Горбачевский служил офицером инженерной части в Кавказск. Отд. Корпусе; умер в начале 1839 г.

ховной атмосфере и всему укладу позднее сам Горбачевский склонен был приписывать большое влияние на выработку своего характера и убеждений. Мать Горбачевского, происходившая из фамилии Кописсских, была, по словам сына, женщина набожная и хозяйка—«истая малороссиянка», которая ничего не понимала и не знала, кроме монахов и Киевской лавры, куда отдавала последнюю копейку, и у которой в чуланах были всегда большие запасы сала и моченых яблок. Зато отец Горбачевского был, повидимому, человек незаурядный. Он не мирился с крепостным правом, и отвращение к нему передал и сыновьям. Когда после смерти жены его осталось имение с крестьянами, то и этот бедный отставной чиновник, и оба его сына один за другим, не задумываясь, отказываются от земли и предоставляют ее в полное и безвозмездное пользование крестьянам. Иван Васильевич Горбачевский оставил записки—«преоригинальная и любопытная вещь», по отзыву сына [1]).

В 1817 году Горбачевский окончил курс гимназии. В том же году один родственник Горбачевских ехал в Петербург, и И. И. отправился с ним в столицу и определился там 24 августа 1817 г. в «Дворянский полк», в училище, соответствующее позднейшим юнкерским. В декабре 1819 г. Горбачевский выдержал выпускные экзамены и был выпущен в артиллерию; 27 июля 1820 г. был произведен в прапорщики и назначен в 8-ю артиллерийскую бригаду в 1-ю батарейную роту; часть эта стояла в Новоград-Волынске, уездном городке Волынской губернии. В 8-й бригаде и прошла вся недолгая служба Горбачевского с той единственной переменой, что в сен-

[1]) Они были отобраны у И. И. Горбачевского в Петровском Заводе, куда прислала их ему сестра, и отосланы в канцелярию III-го Отделения.

тябре 1824 г. он из 1-й батарейной был переведен во 2-ю легкую роту, стоявшую в местечке Барановке, близ Новоград-Волынска. Единственный раз выезжал он из бригады, когда в феврале 1821 г. был вызван в Петербург, в «Дворянский полк» для замещения вакансии; но в виду предстоящего похода в Италию он просил об увольнении и в сентябре был обратно отправлен в свою роту.

В кружке офицеров, к которому примкнул в 8-й бригаде Горбачевский, времяпровождение установилось мало обычное для военной молодежи. Служба и учения брали много времени; но в свободные часы молодые люди много учились, читали, собирались друг у друга; развлечения, удовольствия, знакомства были оставлены и забыты.

Кроме Горбачевского к этому кружку принадлежали Як. Мих. Андреевич, Вл. Ал. Бечаснов, Аполлон Веденяпин, Ал. Сем. Пестов и др.; но душою его были братья Борисовы, Андрей и Петр, с которыми, особено с Петром, Горбачевский тесно сдружился. Борисовы давали тон всему кружку и сообщили ему направление «вольнодумческое». Петр Борисов сочинял стихи и прозу и давал читать товарищам свои листочки о разных «вольнодумческих материях». Потом, выучившись французскому языку, он стал давать товарищам для чтения свои переводы из Вольтера и Гельвеция. Горбачевский, который еще в гимназические годы пристрастился к математике и истории, теперь в бригаде занимался алгеброй, черчением и с увлечением читал «Плутарха о жизни великих мужей, прославивших себя подвигами военными». Борисов пенял ему, что он читает книги на русском языке и уговаривал его учиться по-французски и читать те книги, которые читал он сам.

Общее чтение, споры и беседы на темы философские и политические привели молодых офицеров от

простого товарищества по службе к дружбе, скрепленной единством убеждений; а от такой дружбы в ту эпоху масонских лож и тайных обществ был один только шаг к тайному обществу. Такое общество и возникло в бригаде в 1823 году; основателями его были двое Борисовых и польский шляхтич Люблинский. То было «Общество соединенных славян». В конце зимы того же 1823 г. Петр Борисов принял в общество Горбачевского; он с Бечасновым были первыми принятыми членами. В дальнейшей короткой истории «Общества Соединенных Славян» Горбачевский занимает одно из центральных мест рядом с Петром Борисовым. В первое время общество отличалось несколько романтическим характером. В ходу были тайны, страшные клятвы на оружии, символические знаки; от членов скорее требовалась работа над усовершенствованием своего характера и познаний, чем какая-либо политическая деятельность. Самая цель общества—федеративное об'единение славянских племен—рисовалось отвлеченно и туманно, где-то в далеком будущем, и трудно было наметить какие-нибудь конкретные пути к ее осуществлению. Мечтательная романтика скоро, однако, перестала удовлетворять членов союза, и зимою 1824—25 года Петр Борисов и Горбачевский выступают с проектом реорганизации общества, которая должна была повести к более быстрому росту его и сообщить ему более деятельный и решительный характер.

Переустройство общества решено было провести во время сбора III корпуса на маневры близ местечка Лещина в начале сентября 1825 года. Но при самом вступлении в лагерь «славяне» «открыли» существование Южного Общества, и на очередь выдвинулся вопрос о взаимных отношениях обоих организаций. В начавшихся переговорах и сношениях Гор-

бачевский играл видную роль в качестве одного из полномочных представителей «славян».

С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин выдвинули план немедленного и полного об'единения обоих обществ через вхождение Славянского Союза в состав Южного Общества. Призыв их «славяне» встретили с горячим сочувствием. Энтузиазм Бестужева и обаяние Муравьева их увлекали; им импонировали высокие чины, светское воспитание и образованность членов Южного Общества, с которыми встречались они у Муравьева; силы и связи общества, о которых им говорили не без преувеличений, обещали, казалось, близкое и легкое осуществление тех целей, о которых в своем союзе они едва смели мечтать для далекого и туманного будущего; но главное—в «Русской Правде» Пестеля, о которой им говорили их новые друзья, и с которой они познакомились по тексту «Государственного Завета», они впервые получали определенную политическую программу, а в лозунге С. Муравьева о близком восстании—определенный и решительный ответ на свои искания реальной и действенной тактики; их смутные стремления и чаяния в идеях и планах Южного Общества впервые получали четкое и определенное оформление; славяне как-бы впервые сами себя находили.

Среди общего одушевления только Борисов с небольшой группой своих ближайших друзей, к которым принадлежал и Горбачевский, встречали со сдержанным скептицизмом пылкие речи «южан» и их рассказы о силах и готовности Южного Общества; они критиковали его военно-заговорщицкую, командирскую тактику и настаивали, сообразно правилам своего союза, на необходимости придать движению характер всенародный, а организации усвоить формы широкого самоуправления; они напоминали также славянам, что за ближайшей задачей низвержения

деспотизма в России не должно забывать конечной цели их Союза—образования федерации вольных славянских республик. Борисов и его друзья полагали, что Славянскому Обществу должно сохранить самостоятельность, ограничившись лишь соглашением с Южным относительно плана ближайших действий. В речах и предложениях Борисова определенно звучало стремление предотвратить поглощение славянской организации в близкой по целям, но все же социально несколько отличной среде Южного Общества. Но самая логика дела диктовала присоединение молодого и скромного не оформившегося провинциального общества к обществу большому, старому, влиятельному, охватившему, как уверяли славян их новые друзья, всю Россию до самого верха, обладавшему определенной программой и законченным тактическим планом. Идея полного слияния возобладала: Славянское Общество вошло в состав Южного, образовав две управы: одну—в 8-й пехотной дивизии, другую в 8-й артиллерийской бригаде. В последней посредником для сношений с Верховной Думой был избран Горбачевский.

15 сентября вечером, накануне выступления из лагеря, Горбачевский вместе со Спиридовым и Пестовым был у С. Муравьева. В этот вечер произошел известный спор Муравьева с Горбачевским и Спиридовым о допустимости религиозного элемента в пропаганде среди солдат; в этот же вечер по вызову Бестужева Горбачевский и его товарищи внесли себя в список «заговорщиков», той «garde perdue», на которую падал жребий цареубийства.

Это была последняя встреча Горбачевского с С. Муравьевым и Бестужевым. Еще раз увидел он их мельком в день об'явления приговора 12 июля 1826 года в доме коменданта Петропавловской крепости, а потом в ночь на 13 июля, когда их с остальными

тремя вели мимо окна его каземата к виселице. Несмотря на все несогласия и споры, в заветном и главном Горбачевский был единодушен с Муравьевым. За две недели Лещинского лагеря они успели сдружиться и крепко полюбить друг друга. В минуту прощанья предчувствие ожидавшей их судьбы охватило Муравьева, и он завещал Горбачевскому, если он переживет его, написать непременно записки о тайном обществе, его мечтах и целях и о его жертве для России и русского народа.

По возвращении на зимние квартиры «славяне» в 8-й бригаде начали деятельную подготовку к восстанию, которое во время лещинских собраний было назначено на конец 1826 года. Они обсуждали планы военных действий и вели энергичную пропаганду среди офицеров и фейерверкеров, не открывая им до времени окончательно существования и цели общества. Горбачевский, как посредник, играл видную роль на всех собраниях; принимал участие и в агитации среди нижних чинов, хотя, повидимому, и менее значительное, чем другие товарищи.

Известия о 14 декабря, а затем об аресте С. Муравьева и о восстании Черниговского полка застали «славян» 8-й бригады в самый разгар их агитационной деятельности. Они решают немедленно же начать действия и стараться увлечь в восстание «все, что только показывало склонность к мятежу». Начинается оживленная пересылка с житомирскими членами общества, с Пензенским, Саратовским, Тамбовским полками, с Ахтырскими гусарами; через Креницкого и Головинского завязывается соглашение с поляками, принимается решение «тотчас же по восстании образовать в городе временное правление и выдать прокламации об освобождении крепостных людей». Во всех этих действиях «управы» Горбачевский принимает самое деятельное участие.

Призыв артиллеристов повсюду находил горячий отклик, и разгораясь все более и более мечтами они упивались надеждами на близкую победу, когда разразилась катастрофа: Черниговский полк был разбит под Белою Церковью, Муравьев и его товарищи арестованы. Вскоре на квартире у Горбачевского в Барановке был арестован Петр Борисов, а недолго спустя, в конце января месяца—и сам Горбачевский. Их заковали в цепи и на тройках помчали в Петербург. Поздно вечером 3-го февраля привезли их в Зимний дворец, обыскали и провели в одную из громадных зал. Дверь распахнулась: быстрымы шагами вошел Николай.

— Чего вы хотели? Конституции?

— Нет, государь; мы имели намерение образовать федерацию из всех славян.

— Я—государь, не могу справиться с такой идеей, чтобы об'единить всех славян, а вы самовольно, сумасбродно задумали вершить судьбами народов... [1]).

Первый краткий допрос сделал сам Николай, потом арестованным завязали глаза и отвезли в Петропавловскую крепость. Началось заключение и следствие.

Седьмого февраля 1826 года Горбачевский давал свое первое показание перед Следственной Комиссией. Первое его показание, данное во дворце, кратко, скупо на признания, исполнено достоинства и сдержанности; но Горбачевский, подобно многим декабристам, не выдержал кошмара одиночного заключения и томительных допросов и не проявил достаточной стойкости [2]): уже в письме его из крепости

---

[1]) См. ниже рассказы Горбачевского в передаче Першина.

[2]) В этом отношении Горбачевский представляет исключение среди членов Общества Соединенных Славян, которые вообще, держались твердо от начала до конца процесса.

от 5-го февраля видно желание выгородить себя, разжалобить судей, выставить себя жертвой коварства и обольщения—и кого же!—Борисовых и Бестужева. И таким остается уже до конца дела характер всех показаний Горбачевского... В долгой его жизни это был единственная полоса малодушия.

Приговором Верховного Уголовного Суда Горбачевский был отнесен к первому разряду. В вину ему были поставлены умысел на цареубийство, участие в управлении тайным обществом, подготовка и возбуждение к бунту нижних чинов, прием в общество членов; наказанием по первому разряду назначена была смертная казнь отсечением головы. Казнь, как известно, в порядке монаршего милосердия, заменена была лишением чинов и дворянства и ссылкой в вечные каторжные работы

Через несколько дней после об'явления сентенции, 21-го июля 1826 г., Горбачевский вместе со Спиридовым и Барятинским был отправлен из Петропавловской крепости в Финляндию, в крепость Кексгольм. Здесь всех троих посадили в так называемой Пугачевской башне, где перед тем содержалась семья Емельяна Пугачева. В апреле 1827 г. узников перевезли в Шлиссельбург. Отсюда в октябре того же года Горбачевский вместе с Николаем и Михаилом Бестужевыми отправлен был в Восточную Сибирь, в Читу.

В Читинском остроге Горбачевский содержался в «малом» каземате. Известны обстоятельства жизни декабристов в Чите: теснота, артельное хозяйство, работы, занятия науками и языками. Вероятно, здесь Горбачевский выучился языкам—французскому и немецкому настолько, что потом переводил с них свободно. То, что рассказывают в своих мемуарах декабристы о «славянах» вообще, можно, без боязни ошибиться, применить к Горбачевскому в

отдельности. Несомненно он принадлежал к тому несколько суровому кружку атеистов-материалистов [1]), о котором говорит Якушкин; несомненно, и он был в числе тех славян, которые 30 августа 1828 г. отказывались от царской милости и требовали, чтобы им оставили кандалы по-прежнему. В Чите было много разговоров о «деле», выяснялись все детали следствия и подробности разных событий из истории общества вплоть до самой катастрофы. Надо полагать, что именно в это время собрал Горбачевский в своей памяти так много фактов для позднейших своих рассказов и записок, и что тогда же выработалось окончательно и его понимание пережитых событий, их смысла и значения.

Осенью 1830 года декабристов из Читы перевели в Петровский завод, в новую тюрьму с темными неудобными казематами. Горбачевский был помещен по одному коридору с Е. П. Оболенским и И. И. Пущиным и Вл. Ив. Штейнгелем. Обстоятельства здешней жизни декабристов общеизвестны также.

10 июля 1839 года Горбачевский вышел на поселение и был оставлен тут же, в Петровском заводе, хотя и просился вместе с Оболенским и Быстрицким в Верхнеудинск. Коронационный манифест 1856 г., разрешавший декабристам возвращение в Россию, застал Горбачевского все еще в Петровском заводе. Он мог теперь переехать в любой город Сибири, мог вернуться на родину, но не тронулся никуда. Для переезда в Россию у него не было средств: деньги, которые высланы были ему по завещанию умершего брата, присвоил какой-то иркутский чиновник. В

[1]) Позднее в 1846 г. архиепископом иркутским Нилом было возбуждено дело о том, что находившиеся уже на поселении Горбачевский и Мозгалевский не бывали у исповеди и не посещали церкви, и что из уст. Горбачевского к тому же не раз слышались слова богохульные, обличающие безбожие его. (Центр. Архив Вост. Сибири. К. 33, оп. 160).

1863 году племянники Горбачевского, дети Анны Ивановны Квист [1]), выхлопотали ему позволение жить в Петербурге и Москве и звали его к себе в Петербург, беря на себя полностью его содержание. Горбачевский не воспользовался и этой возможностью и отклонил предложение племянников: он боялся оказаться в России еще более чужим всему и одиноким, чем в Сибири, не хотел стать в зависимость от родственников, да и к Петровскому заводу и к местной жизни успел он привязаться. «Что я туда поеду?»—говорил он П. И. Першину про Петербург: —«там прогресс, все идет вперед, а я засиделся в этом медвежьем углу и отстал». «Ехать на неизвестное, жить с людьми, которых не знаешь, хотя они и считаются родными, что я буду там делать»,— писал он по тому же поводу Оболенскому. Так и остался Горбачевский до самой смерти в Петровском заводе—один, потому, что все товарищи раз'ехались в разные стороны.

Из писем Горбачевского и из воспоминаний о нем П. И. Першина-Караксаркского мы знаем обстоятельства его жизни в этот заводский период.

Забота о материальных средствах стала перед Горбачевским тотчас же по выходе на поселение. Сбережений его едва хватило, чтобы приобрести небольшой домик; родные его могли оказывать ему лишь очень скромную поддержку; и вот Горбачевский, не имея ни природной склонности к хозяйству, ни какого-либо опыта в этой области, вынужден сделаться «хозяином». По совету знакомых занялся он извозом бревен в казну; держал 14 лошадей; понес убытку рублей 900 и бросил. Принялся вместе с заводским доктором Ильинским за

---

[1]) Оскар Ильич (1821—1890), позднее тайный советник, член совета Министерства Финансов.

мыловарение; потерял до 2.000 рублей и остался вовсе без денег. Позднее Горбачевский завел мельницу, но и ее доходность оказалась весьма сомнительной. По доброте своей Горбачевский без отказа раздавал муку в долг и заводским жителям и соседним крестьянам; обратно долги собирались туго, пересрочивались по нескольку раз и вовсе пропадали: должники всегда умели разжалобить Горбачевского, а при случае и обмануть. Горбачевский вернулся к подрядам на казну и на частных золотопромышленников. При скромных потребностях, он сводил кое-как концы с концами, но необходимость постоянно изворачиваться, постоянно налаживать вместо лопнувших предприятий какое-нибудь новое, столь же неинтересное и столь же мало доходное, тяготила его, и чем дальше, тем более ненавидел и проклинал он свое хозяйство.

Горбачевский на Заводе пользовался общим уважением и стал центром немногочисленного местного общества. Заводские инженеры, местный священник о. Поликарп Сычев, несколько купцов, кое-кто из заводских мастеров и рабочих и тянувшаяся к просвещению молодежь, составляли его знакомство. Они брали у Горбачевоского книги, и через него шли в оборот по Заводу журналы и книги, не только издававшиеся в России, но и «Колокол», и «Полярная Звезда», и Долгоруковская «Правда о России», и другие заграничные издания. Споры и беседы в кружке знакомых Горбачевского носили не только литературный, но и политический характер. Особенно притягателен был старый декабрист для молодежи и не для «заводской» только, но и для окрестной: на «поклонение» к нему ездили из округи верст за 200. Для молодых приятелей своих, не владевших языками, Горбачевский,—как некогда Борисов в Новоград-Волынске для славян—перево-

дил из иностранных журналов, из Вольтера, Руссо, из Шиллера.

Одинокий холостяк, Горбачевский любил детей и охотно давал уроки в семьях своих знакомых, заводских служителей и канцеляристов, иногда даже без платы. Обычно курс учеников Горбачевского ограничивался программою уездного училища, а то и просто грамотою и письмом; но некоторые его питомцы шли и дальше. Особенно выдается среди них Илья Степанович Елин. Его Горбачевский подготовил в 4-й класс Иркутской гимназии; по окончании ее Елин поступил на медицинский факультет Московского университета, где был учеником Боткина, который очень ценил его. Елину удалось для завершения образования поехать за границу—в Берлин и Вену. Но воспаление в легких, перешедшее в чахотку, подрезало молодую, много обещавшую жизнь: Елин умер 32 лет в Пизе в 1872 году [1]).

Живые связи завязались у Горбачевского и среди трудового населения Завода. Кузнец Першин, позднее купец и городской голова в Чите, только наиболее выдающийся из его друзей рабочих. С участливым интересом присматривался Горбачевский к ссыльным поселенцам, этому «оклеветанному, убитому

---

[1]) П. И. Першин называет доктора Елина одним из сыновей декабристов, а товарищ Елина—Н. А. Белоголовый в своих записках определенно говорит, что Елин был сын Горбачевского, и что последний заботился о нем до конца своей жизни. В 40-х годах среди товарищей Горбачевского, правда знавших о его жизни на Заводе только по слухам, ходили толки о его «детях любви». Но следует положиться на свидетельство самого Горбачевского: в письмах к Пущину в 1842 г. и в 60-х годах к Оболенскому, с которыми обоими он был очень откровенен, он протестует против «бабских сплетен» и совершенно определенно говорит о своем холостом одиночестве, о том, что не женат во всех отношениях. (См. стр. 259 и 328). За исключением его намерения жениться в 1824 г., от которого отговорил его Петр Борисов, (Госарх. I. В. № 434, л. 22) мы не знаем ни об одном сердечном увлечении Горбачевского.

МГУ учебная б-ка № 3
Библиотека Учебных м. Пособий

народу», среди которых находил он много людей «умных, рассудительных и... даже очень добрых и честных». Многим из них он помогал, занимая для этого, когда у самого не было денег, рубль-два-пять у Першина. Некоторых из выходивших по отбытии наказания «на пропитание» Горбачевский брал к себе в работники по-два, по-три и старался их перевоспитать и приучить к труду. Потом он строил им дома и снабжал всем необходимым для первого обзаведения; так устроил он не менее десяти хозяйств.

С об'явлением на Заводе 12-го апреля 1861 г. воли Горбачевский близко входит в новую жизнь рабочих. Он выступает посредником между рабочими и заводской администрацией в забастовке, вспыхнувшей из-за кулачных расправ, от которых никак не могут отстать мастера и смотрители. Через приятеля своего и соседа, кузнеца Першина, избранного вскоре волостным головою, Горбачевский влияет на решения волостного схода, который постановляет открыть училище, общественную лавку, и на волостное правление, которое разрабатывает примерный договор рабочих с заводом. Когда 25 июля 1864 года, Горбачевский, которому к тому времени возвращено было дворянство, выбран был в мировые посредники на Заводе, это было всего лишь официальным оформлением того положения, которое фактически он уже давно занимал в местной жизни.

Занятый хозяйством, уроками, общественной деятельностью, Горбачевский прочно обжился на Заводе. Он почти никуда не выезжал, даже для поездок в Селенгинск к Бестужевым и в Кяхту к знакомым сибирякам подымался с трудом и редко, за что М. Бестужев и прозвал его «медведем», «сморгонским студентом», и тем не менее Горбачевский чувствовал себя на Петровском Заводе одиноким, чу-

жим и людям и жизни, которая шла вокруг. Семьи у него не было; хозяйство для него было только ненавистным бременем; в местной общественной жизни он был только советником и участником в чужих делах; своего личного дела у него в ней не было. Как ни близок он был со своими заводскими приятелями, не было среди них у него «знакомых по мысли и друзей по сердцу». Мысль и сердце его отданы всецело старым друзьям по декабрьскому делу. С ними он «связан навсегда и душевно, и мысленно», «у него нет родных других, кроме них». Но друзья—далеко, и единственное утешение, которое осталось ему в одинокой сибирской глуши,—переписка с ними. Он пишет им длинные горячие письма, отправляя их до 17 в одну почту. И какие бурные, молодые порывы чувства подымают в его старой груди ответные письма и вести от далеких друзей.

В августе 1842 г. Н. И. Пущин приезжает на Завод с письмами и приветом от Ив. Ив. Пущина и Оболенского. Не наглядится на него Горбачевский, не наслушается его голоса, так напоминает он лицом и речью дорогого Ивана Ивановича. А ночью, торопясь воспользоваться возможностью писать, минуя полицейскую перлюстрацию, он пишет длинное письмо туринским друзьям, полное излияний, горячих упреков и задушевных признаний. 18-ю годами позднее шестидесяти лет от роду, он после долгой разлуки получает письмо от Оболенского. По По надписи на конверте узнает он его почерк, и, «если бы что-нибудь на него упало и придавило, он бы, кажется, меньше был встревожен, оглушен, удивлен»; только пробежавши письмо, он «отдохнул». В 1862 г. 13 марта Оболенский присылает свою фотографическую карточку. Горбачевский не знает, что с собою и делать, когда портрет очутился в его руках. «Грудь стеснилась, ряд воспоминаний блеснул в го-

лове, сердце замерло». Потом, как будто отдохнув, он начинает смеяться, вслух благодарить далекого друга, начинает ходить по комнате, забыв, не замечая мальчика, который принес письмо. «Такое впечатление и такие переживания»,—пишет он Оболенскому,—«производят на меня и ваши письма иногда, и ваши портреты».

Все дорого и близко Горбачевскому в жизни его друзей: он любит их семьи, интересуется их обстоятельствами, их делами, важными и пустячными, но не теперешняя жизнь друзей, не теперешние их интересы связывают его с ними. Они, пожалуй, даже чужды и непонятны иногда ему. Горбачевскому странно кажется, как это они, после всего пережитого, живут там, в Москве, в Калуге, и далее так спокойно и просто. Для него «все это кажется фантазия, мечта». Его «удивляет, как это так сделалось, что у всех у них достало уменья устроить себя так, что живут спокойно, умели завестись семьями, рассуждают хладнокровно, смотрят на дела людские спокойно, чего-то ожидают хорошего и проч.». Он не может вполне понять увлечения Оболенского деятельностью по освобождению крестьян, разделить его интереса к происходящим реформам и надежд на лучшее будущее. А о М. Бестужеве, от маленьких детей которого он сам с такой болью отрывался в побывки свои у него в Селенгинске, он не без раздражения пишет в 1862 г. Оболенскому: «занят своей семьей, следовательно, все и всех забыл».

У самого Горбачевского все мысли и чувства «всегда обращены» на далекое прошлое, на пережитое в годы юности. Это прошлое—прямо или косвенно—основная тема его писем, его разговоров с друзьями, настоящих и воображаемых. В 1861 г. Горбачевский четыре дня провел у Бестужева; «все говорили день и ночь и еще не кончили», и он «раздразнил себя

воспоминаниями». Уезжая, обещал прислать список всех товарищей с краткими отметками о судьбе каждого. И через неделю шлет вместо сухого реестра тетрадь воспоминаний в 10 листов, живо и горячо написанных. Или воображает Горбачевский себя в Калуге вместе с Оболенским в гостях у Свистунова: «сколько бы (было) воспоминаний, разговоров, рассказов о былом прошедшем, которыми (он) только и живет, не зная настоящего и не имея никакого будущего и даже решительно не веря в хорошем».

На это прошлое память у Горбачевского, по его выражению, «чертовская». Жадно впитывая все рассказы, все воспоминания, складывая и сортируя их в себе, он стал живым архивом истории декабристов. Он столько знает и помнит об их движении, как никто из товарищей; и он знает, что мог бы написать такие «записки», каких никто другой не составит. Сесть за них—постоянная его мечта; но нужда заставляет заниматься ненавистным хозяйством, не дает ни времени, ни спокойствия душевного; и Горбачевский с горечью пишет Оболенскому в 1864 г., что, может быть, всему, что он знает и что мог бы рассказать, так и суждено погибнуть вместе с ним.

Исключительное сосредоточение всех душевных сил на прошлом в значительной мере об'ясняется и самыми обстоятельствами биографии Горбачевского. Судьба, прямо со школьной скамьи молодым, пылким юношей, бросив его в тайное общество, в кружок таких же, как он сам, молодых энтузиастов, зажгла его одною мечтою, тотчас же привела в тюрьму, в ссылку и потом уже больше ничего и не дала значительного в личной жизни. У других декабристов годы до катастрофы 1825 г. были наполнены более сложным и разнообразным содержанием, а после тюрем, особенно по возвращению из Сибири радости и

заботы новой жизни заслонили в большей или меньшей степени драматические события их молодости, и память иных из них уже с усилием пробивалась к ним через пережитое. Горбачевскому, которому жизнь не послала ни женской любви, ни семьи, ни культурного уюта, ни интересной общественной работы, ни любимого труда, прошлое светило, ничем не заслоненное в каком-то ослепительном блеске. За гранями этого короткого горения 1823—25 г.г. ничего больше не было значительного в его жизни ни раньше, ни позднее; этим прошлым он и жил в течение всей остальной своей жизни, и только где-то в туманной дали, до которой он сам не надеялся дойти, светилось ему, как мечта, такое же «яркое будущее», которое осуществит в действительности стремления его и друзей его юности. От того незабываемого, ярко светящего прошлого к этим манящим огням будущего и смыкается для Горбачевского смысл жизни. Все встречи, заботы, дела, которые легли в его жизни между этими двумя гранями, кажутся ему ничтожными и неважными, какими-то скучными, серыми буднями.

До конца своих дней оставался он «славянином», верным духу и правилам общества и старыми «славянскими» принципами и взглядами определялись все его суждения во всех вопросах политических и прежде всего в оценке самого движения декабристов.

Никогда ни в малейшей степени не разделял он того признания его принципиально ошибочным, какое в разной степени и с разными оттенками проскальзывало у многих других декабристов. В заговоре и восстании Горбачевский видит ошибки только тактические, которые никогда для него не перестают быть до боли досадными, а в суждениях о должной тактике он и в старости оставался таким же «славянином», каким был в Лещине и Барановке.

Он упрекает членов Северного Общества в том, что они все, как Пущин, хотели революции «на розовой воде», «хотели все сделать переговорами, ожидая, чтобы Сенат к ним вышел и, поклонившись, спросил: «Что вам угодно? Все к вашим услугам!» Досадует он и на то, что С. Муравьев-Апостол, «заразившись петербургской медленностью», упустил в Лещине «случай с 30-ю тысячами солдат» и потом все тою же нерешительностью погубил восстание Черниговского полка, которое могло бы, по его мнению, иметь и другой исход. «Что-ж хорошего после этого в умеренности, в хладнокровии, в нелюбви к пролитию крови, в медленности, в холодном рассудке, в расчете каком-то? Все это—глупости по-моему и по-нашему (т.-е. по-славянски)», пишет Горбачевский 12-го июня 1861 года М. Бестужеву. В «Записках» своих, более сдержанно и спокойно повторяя те же упреки в нерешительности, он еще ставит в укор членам Южного Общества их стремление к командирству, недоверие к офицерам и солдатам, неискренние, демагогические приемы, «махиавелизм», а также недостаток демократизма—желание «произвести переворот одной военной силой, без участия народа», намерение навязать народу готовый политический строй. Извинение и об'яснение ложным тактическим правилам своих друзей из Южного и Северного обществе Горбачевский находит в их социальном положении; по своему происхождению, воспитанию, положению в жизни, они не могли быть революционерами, «патриотами», «республиканцами», «заговорщиками», способными «кверху дном все переворотить», какими были в его глазах «славяне». И на склоне дней в 1861 году в Сибири, как некогда в Лещине, только планы Союза Соединенных Славян продолжает Горбачевский считать правильными и никак не может приучить себя без горечи вспоминать о слиянии их

общества с Южным и о всех последствиях этого шага.

Тем же «славянином» остается Горбачевский в своих суждениях и о происходивших на его глазах, реформах и общественном движении 60-х годов. Реформа 19 февраля не удовлетворяет его своей половинчатостью. Он не понимает дарованной свободы: «Что это такое—шутка или серьезная вещь», —пишет он Оболенскому. К чему вся эта постепенность, уставные грамоты, какое-то затяжное переходное состояние? Зачем столько формальностей, и почему крестьянам не предоставляют самим выработать условия своей новой жизни, окружают их уставами и опекой? Почему бы «не кончить дело одним разом», как кончили когда-то со своими крестьянами братья и отец Горбачевские, отдав им всю землю даром? От воли, устрояемой начальством и помещиками, Горбачевский ничего хорошего не ждет. Не может он разделить и веры Оболенского обещаниям правительства, его надежд на скорое осуществление «гражданского устройства», о котором мечтали они в молодости. Все то, что происходит в России, и в чем принимает участие и сам Оболенский, все эти «заседания по общественному делу», конечно, интересуют Горбачевского очень, он радуется движению, просит писать о нем; но надежд Оболенского не разделяет: «все в тебе хорошо, прекрасно, кроме твоей надежды»,—пишет он. «Я перестал верить и обещаниям людским, и в хорошую будущность: опекунство и благодеяния тяжелая вещь». Он сомневается, чтобы дело до конца обошлось мирно, и чтобы начавшееся движение могло удержаться на полпути. Горбачевский предвидит грозную кровавую борьбу. «Струна была слишком натянута, чтобы пущеная стрела не пошла прямо к цели».

Верный революционным мечтам своей юности Горбачевский и в отношении к власти, торжество-

вавшей победу в декабре 1825 г., до конца дней сохранил всю непримиримость, не научился и не хотел что-нибудь прощать ей и забыть, не видя к тому никаких оснований и поводов. В июле 1861 года, посетив старую их тюрьму, он пишет Оболенскому: «Грудь у меня всегда стесняется, когда я там побываю, сколько воспоминаний, сколько и потерь я пережил, и этот гроб и могила нашей молодости существует! И все это было построено для нас за что? И кому мы все желали зла? Вы все давно отсюда уехали, у вас все впечатления изгладились, но мое положение совсем другое, имеющи перед глазами всегда этот памятник нежной заботливости о нас. Ты скажешь, зачем я сержусь? Я знаю, что ты всегда молишь бога и за своих врагов, но это мне не мешает высказывать тебе мои чувства».

Горбачевский сознавал, что при своем радикализме и верности понятиям своей молодости, он далеко расходился даже с теми из своих друзей, которые не ушли целиком в частную свою жизнь и примкнули к либеральному течению 60-х годов. Различие во взглядах было между ними, конечно, еще и в 1825 году; но теперь жизнь, во многом изменившая друзей Горбачевского, со многим их примирившая, ему же не дававшая никаких поводов к отказу от прежних оценок и взглядов, эти различия еще заметнее усилила. Со своим последовательным демократизмом, с радикализмом своих взглядов, с идеализацией народа и с определенностью своих симпатий к трудящимся и прежде всего к крестьянам, со своим одобрением революционных методов и нелюбовью к постепенности и половинчатым компромиссам, наконец, с самою суровостью своих моральных правил—Горбачевский, пожалуй, гораздо ближе был к выступавшему в те годы на сцену новому революционному поколению, чем к своим старым друзьям по 14-му декабря из Южного и Северного обществ.

В такой внешней обстановке, с такими мыслями и чувствами жил Горбачевский на Петровском Заводе в сороковых-шестидесятых годах.

Годы, между тем, шли, давали себя знать и пережитые невзгоды; могучий организм Горбачевского начинал подаваться; все чаще Горбачевский прихварывает; ревматизм и другие болезни его мучат, а хозяйственные дела его, между тем, идут все хуже: выработка железа на Заводе падает; дешевые уральские продукты вытесняют на рынке дорогие изделия Завода, и золотопромышленники больше уже не дают комиссий на закупки; рабочие руки вздорожали, вздорожало сено. Нужда, самая подлинная, какой не знал Горбачевский даже в прежние годы своей жизни на Заводе, становится его постоянной гостьей. Чтобы хотя как-нибудь добыть денег, ему приходится брать явно убыточные казенные подряды на возку угля и разоряться все дальше и дальше. Хозяйство становится ему окончательно противно.

Все чаще жалуется Горбачевский в письмах Оболенскому на одиночество и тоску. Многих друзей уже нет на свете; оставшиеся пишут редко. Завалишин уехал из Сибири, собирается перебраться в Россию и Бестужев. Когда он уедет, Горбачевский останется совсем один в Восточной Сибири,—«сидеть на развалинах»; «я и сам развалина»,—прибавляет он, —«не лучше Карфагена». Бодрость изменяет старику. В тоне его писем нет прежней энергии, а в особенно горькую минуту у него готов вырваться и упрек далеким друзьям, которые уговаривают его заняться мемуарами, литературной работой, забывая, в каких условиях он живет, и каково должно быть его душевное состояние, но упрек никогда не переходит в просьбу о поддержке.

Так мрачно и тяжело проходили последние годы жизни Горбачевского; но, несмотря на все, он до самой смерти волновался неладицей местной жиз-

ни, работал, как мировой посредник на Заводе и умел откликаться на радости и печали своих сибирских друзей. Умер он 9-го января 1869 г. Смерть подошла к нему тихо. Еще в самый день ее написал он письмо П. И. Першину. Похоронен Горбачевский на Петровском Заводе. Судьба оставшихся после него вещей и бумаг неизвестна [1]):

Печатаемые в настоящем издании «Записки» декабриста И. И. Горбачевского впервые были опубликованы П. И. Бартеневым во 2-й книге «Русского Архива» за 1882 г., по рукописи, доставленной в редакцию из Сибири. Рукопись была анонимная, и Бартенев озаглавил ее при печатании: «Записки неизвестного из Общества Соединенных Славян». Но тогда же, вчитываясь в Записки, он пришел к мысли, что автор их—Горбачевский. Он окончательно уверился в справедливости своего предположения, когда, благодаря любезности племянника Горбачевского—О. И. Квиста, получил возможность сличить рукопись «Записок» с письмами И. И. Горбачевского к сестре его, Анне Ивановне Квист: почерк в обоих случаях, на взгляд Бартенева, оказался один и тот же, и Бартенев определенно решил, что в его руках автограф самого Горбачевского [2]).

Если, однако, нет основания сомневаться в принадлежности «Записок» Горбачевскому, то относительно подлинности рукописи, находившейся в распоряжении П. И. Бартенева, сомнения, как увидим, вполне уместны.

---

[1]) 13 сентября 1924 г. в заседании Иркутской Комиссии по юбилею декабристов сделано было сообщение, что в 1920—21 году Сибирским Агитпропом была вывезена из Петровского Завода в Новониколаевск библиотека Горбачевского и три связки архивных дел о пребывании декабристов на каторге. Дальнейшие судьба библиотеки и архива неизвестны.

[2]) Рус. Арх. 1882 г. № 2, стр. 311 и 555; 1882 г., № 4 стр. 311; 1890 г. № 9, стр. 111—112.

Авторство Горбачевского вполне определенно устанавливается самым содержанием «Записок». И по сведениям, в них сообщаемым, и по общим взглядам, в них развиваемым, они могли быть написаны только кем-либо из членов Общества Соединенных Славян и при том крупных. Близость изложения отдельных эпизодов с передачей их в показаниях Горбачевского во время следствия и полное совпадение проводимых в них общих оценок с суждениями его, хотя бы в письме от 12 июня 1861 г. к М. А. Бестужеву, решает вопрос в том смысле, что автором Записок был именно он.

Между тем, заключения П. И. Бартенева о подлинности бывшего в его руках манускрипта, подрываются следующим обстоятельством. Характеризуя почерк рукописи, Бартенев говорит, что она была написана до того мелко, что из одной ее страницы выходило несколько печатных. Но почерк Горбачевского, хорошо известный по оригиналам его писем,—отнюдь не мелкий и не убористый даже в тех случаях, когда ему приходилось теснить строчки одну к другой где-нибудь на краю листа или в какой-нибудь вставке. Рукопись, с которой печатал П. И. Бартенев в 1882 году Записки Горбачевского, не сохранилась ни в архиве журнала, ни у его наследников, и проверить правильность заключения Бартенева в настоящее время невозможно. Но из сказанного явствует, что можно думать, что в его руках была всего лишь копия подлинного манускрипта Горбачевского. Некоторые основания для такого предположения как будто дают и сведения, сообщаемые Горбачевским о составленных им «Записках» в названном выше письме к М. А. Бестужеву.

Заговорив, как не раз и в других письмах, о своей постоянной мечте написать Записки, Горбачевский намечает три варианта записок, какие мог бы он на-

писать. Это могли быть или, во-первых, подробные жизнеописания всех товарищей (стр. 358) или, во вторых, автобиография самого Горбачевского, охватывающая все происшествия и все встречи его жизни, или, наконец, общая история движения декабристов, начиная с его зарождения под впечатлениями французской революции и кончая судьбою его участников после амнистии 1856 года (стр. 364). В 1861 г. ни один из этих планов выполнен еще не был, и те записки Горбачевского, которые мы теперь имеем, ничего общего ни с одним из них не имеют; их тема—история Общества Соединенных Славян и восстания Черниговского полка—могла бы разве лишь как одна из частей войти в план большого общего сочинения о движении декабристов, но в его составе, она, разумеется, не получила бы такой детальной разработки.

Но в том же письме Горбачевский упоминает о тетради с написанными уже Записками, которую у него видел М. А. Бестужев, и содержание которой ближе не охарактеризовано. Возможно, что это и была рукопись наших «Записок», и тогда можно бы предположить, что, именно, эта рукопись, через ряд рук, дошла в конце-концов до Бартенева.

Однако, тотчас же за тем Горбачевский рассказывает Бестужеву историю и еще одной «порядочной», весьма об'емистой тетради, которую написал он «много тому назад времени», которую давал читать многим и которую потом сжег, выезжая однажды надолго из дому и не найдя, кому доверить их на сохранение.

Итак, какая-то об'емистая тетрадь записок, написанная за много лет до 1861 года и ходившая по рукам среди его знакомых, была уничтожена Горбачевским. Вполне возможно, что этой давней рукописью и был как раз оригинал наших «Записок», ибо они были написаны как раз лет за 20 ранее 1861 года. Время их составления довольно точно устанавли-

вается одним авторским примечанием (стр. 81), в котором о декабристе М. С. Лунине говорится, как о находящемся еще в живых. Лунин же умер в 1845 году; следовательно, «Записки» составлены ранее этого года. Едва ли с другой стороны Горбачевский писал их в тюрьме, так как в этом случае об этом знали бы его друзья, и мы имели бы какие-нибудь упоминания о них в их письмах и мемуарах. Записки несомненно составлены по выходе на поселение, когда Горбачевский оставался один на Петровском Заводе и, таким образом, время их сотавления приходится между 1840 и 1845 годами, и они вполне могли быть теми «давними» записками, о гибели которых Горбачевский с горечью рассказывал в 1861 году Бестужеву.

Но каким же образом дошел до нас текст этих «Записок», если подлинник их погиб от руки автора? Из тех знакомых Горбачевского, которым давал он по его собственному свидетельству, считать эти записки некоторые, несомненно, сняли с них копии; таких копий было несколько; из них одна, написанная мелким почерком, не похожим на почерк Горбачевского, дошла из Сибири через ряд рук до редактора «Русского Архива», была им напечатана и затерялась. Другая копия (о ней будет еще речь ниже), неполная и не вполне точная, тоже писанная почерком мелким и на почерк Горбачевского непохожим, дошла до М. К. Шильдера, и ныне среди бумаг его хранится в «Публичной Библиотеке», в Ленинграде. Такое предположение представляется весьма вероятным.

Однако, вопрос о том, к подлиннику или к копии восходит известный нам по публикации редактора «Русского Архива» текст «Записок» Горбачевского в конце-концов, не так уже важен. Так или иначе, мы имеем в своем распоряжении довольно исправный текст этих замечательных «Записок», которые, по

справедливости, признаются всеми исследователями первоклассным источником для истории Общества Соединенных Славян и восстания Черниговского полка.

«Записки» эти представляют не личные мемуары Горбачевского, а повествование, основанное на рассказах многочисленных участников описываемых событий и только отчасти на собственных воспоминаниях автора. Составителем их проделана большая предварительная работа сопоставления и критической оценки различных вариантов изустной традиции—некоторые замечания и ссылки в тексте вскрывают эту работу. Прошедший через эту проверку материал связан затем в искусно построенный рассказ, с продуманным до деталей планом и с определенным проводимым чрез все изложение истолкованием излагаемых событий. Мемуары у Горбачевского выростают, таким образом, в научное исследование, в историческую монографию.

Как источник для истории общества Соединенных Славян «Записки» Горбачевского имеют цену совершенно исключительную. Прежде всего, ряд фактических данных для истории этого Общества, для характеристики его планов и надежд, его внутренних распорядков и устройства, мы получаем только из них. Но сверх того они необыкновенно живо воспроизводят суждения, взгляды, самое настроение «славян»; в них веет та атмосфера восторженной приподнятости, в которой жили «славяне» осень и зиму 1825 г.; и самые события автор изображает в них под тем углом, в том облике и в том значении, в каких являлись они глазам самих «славян», захваченных их потоком. Причина этой необыкновенной свежести и живости передачи Горбачевским прошлого та, что сам он и в сороковых годах, когда писал свои «Записки», оставался все тем же «славянином», смотрел на

пережитое и думал о нем точно также, как в 1825 году.

Но именно эти достоинства «Записок» Горбачевского, как источника для истории Соединенных Славян, несколько ограничивают их значение как источника для истории восстания Черниговского полка. Записки дают одностороннее изображение этих событий, излагают их под углом истории Славянского Общества. Для исправления этой односторонности изложение Горбачевского должно быть восполнено подходом к тем же событиям в перспективе общей истории Южного Общества, и в частности того последнего ее периода, когда на первый план выдвигаются Сергей Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Тем не менее и для общей истории событий на юге России в 1825—1826 гг. «Записки» Горбачевского являются первоценным источником. Отдельные неточности и противоречия, встречающиеся в них, не уменьшают их значения.

При печатании «Записок» в 1882 году в «Русском Архиве» цензура произвела довольно значительные купюры в уже отпечатанной книжке журнала, урезав текст в девяти местах. Тем не менее сохранилось, повидимому, несколько экземпляров № 2 «Русского Архива» за 1882 г., которые дают текст «Записок» Горбачевского без цензурных из'ятий, в том виде, как он первоначально был напечатан Бартеневым. Один из таких экземпляров имеется в Библиотеке Московского Университета; он и был использован при печатании настоящего и предшествующего издания «Записок» Горбачевского [1]). Неполная копия «Записок» в бумагах Шильдера в «Публичной Библиотеке», о которой упоминалось выше, содержит текст

---

[1]) Выпущено был издательством «Задруга» в Москве в 1916 году.

1-й части «Записок» и начало 2-й до слов: «мог соединиться с ними» (на стр. 100 настоящего издания). Переписчик, делавший эту копию, позволял себе отступления от текста своего оригинала, иногда вносящие явные противоречия и искажающие самый стиль автора [1]). Но в этой копии сохранились фразы, выпущенные самим П. И. Бартеневым при печатании «Записок» в журнале, частью в предвидении цензурных затруднений в виду их резкости, частью—по недосмотру. В настоящем издании эти фразы внесены в текст «Записок», что оговорено каждый раз в подстрочных примечаниях; в примечаниях же приведены и некоторые варианты из этой копии, представляющие, как казалось, некоторый интерес. При всех ссылках копия Публичной Библиотеки сокращенно обозначается *ПБ*, а сокращение *РА* означает текст Бартенева в «Русском Архиве» за 1882 год.

Во второй части настоящей книги, в качестве приложения, даны письма Горбачевского к декабристам Е. П. Оболенскому, И. И. Пущину, М. А. Бестужеву, к сестре декабриста Е. П. Оболенской и к П. И. Першину-Каракасрскому, приятелю Горбачевского по Петровскому Заводу. К ним присоединены два рассказа Горбачевского в записи того же П. И. Першина. Все эти приложения, кроме писем к Першину и записанных им рассказов, печатаются здесь по подлинным рукописям. 18 писем к Оболенскому и его сестре печатаются здесь впервые. Впервые печатается полностью и письмо к Бестужеву от 12 июня 1862 года. Более подробные указания об отдельных приложениях даны в подстрочных примечаниях [2]).

Письма—как и вся книга—печатаются по современной (новой) орфографии, исправлена пунктуация,

---

[1]) Так он последовательно заменяет слова сие, сей словами это, этот.

[2]) Примечания редактора означены цифрами без скобочки; цифрами со скобкой означены сноски самого Горбачевского.

МГУ учебная б-ка № 3

раскрыты сокращения имен. В подстрочных примечаниях даны необходимые пояснения имен и фамилий, впрочем личность некоторых из упоминаемых Горбачевским его сибирских знакомых определить не удалось.

Во второй части настоящей книги, в первом ее издании была дана также статья под заглавием «И. И. Сухинов», которая без обозначения автора напечатана в 1870 году в «Русском Архиве» и которая была приписана в помянутом издании Горбачевскому. Более внимательное сопоставление текста этой статьи при подготовке настоящего издания с соответствующими местами «Записок» Горбачевского обнаружило довольно значительное количество расхождений между ними. С другой стороны совершенно определенные указания С. В. Максимова в его книге «Сибирь и каторга», ч. III, гл. 6 и особенно в его статье в «Русском Архиве» за 1871 (стр. 326) не оставляют никакого сомнения в принадлежности этой статьи декабристу В. Н. Соловьеву, почему эта статья и исключена из настоящего издания [1]).

Собранные во второй части письма и рассказы Горбачевского содержат много ценных и интересных данных для биографии и характеристики и самого его и многих других декабристов; в них разбросано много отступлений и воспоминаний, чрезвычайно важных для общей истории всего движения; написанные живо и горячо они являются как-бы дополнением и продолжением его «Записок».

Заканчивая настоящее введение, составитель его невольно обращается памятью к светлому образу В. И. Семевского, оказавшего содействие работе автора при подготовке первого издания «Записок». Много

---

[1]) К аналогичному заключению пришел и Ю. Г. Оксман в статье «Поимка поручика И. И. Сухинова» в сборнике «Декабристы». Труды Пушкинского Дома. М. 1925 стр 53.

обязан он также редакции журнала «Голос Минувшего», библиотекой и архивом которого он пользовался в свое время при работе. При подготовке настоящего—второго издания он встретил содействие и помощь со стороны покойного А. И. Браудо, и здравствующих И. А. Бычкова, Б. Г. Кубалова, Б. Л. Модзалевского, А. А. Сиверса, С. Я. Штрайха и Е. Е. Якушкина, которым выражает свою искреннюю признательность.

Б. Сыроечковский.

Москва. Январь—июнь 1924 г.

К портретам.

Из портретов, приложенных к книге, первый, относящийся к тридцатым годам, заимствован из издания М. М. Зензинова «Декабристы» и воспроизводит карандашную копию художника Питча с оригинала, писанного акварельными красками Н. А. Бестужевым в Читинском остроге или в тюрьме Петровского Завода. Второй сделан с фотографии, принадлежащей И. И. Попову и воспроизводит карандашный портрет из собрания В. Р. Зотова; он относится к последним годам жизни Горбачевского и также известен (см. Шильдер. «Николай I», т. I, стр. 461). Третий по фотографии Б. Г. Кубалова воспроизводит оригинал, принадлежащий В. С. Манасеину.

Приведем в дополнение к этим портретам отрывок из «Воспоминаний М. И. Венюкова» [1]), который живо рисует наружность Горбачевского в последние годы его жизни. Встреча с Горбачевским, описываемая Венюковым, относится к 1857 г., когда он сопровождал в служебной поездке генерал-губернатора Н. Н. Муравьева.

«На пароходе между другими находился старичок, одетый в ваточный, суконный сюртук с поношенною, меховою оторочкою, в высокие сапоги, в которые были опущены панталоны, и в теплый плюшевый картуз с ушами. Я принял его сначала за какого-нибудь купеческого приказчика низшего разряда. Но вот генерал-губернатор, увидев его, громко

---

[1]) М. И. Венюков. «Воспоминания о заселении Амура». Рус. Стар. 1879, № 1, стр. 84.

сказал: «Здравствуйте, Иван Иванович», и дружески пожал ему руку, а потом вступил в разговор, при котором кроткая физиономия старичка постоянно слегка улыбалась, а прекрасные глаза его сверкали.

— Кто это такой?—спросил я одного из спутников.

— А Горбачевский, один из «перворазрядных» декабристов. Он был в Иркутске, а теперь едет к себе в Петровский Завод, откуда не пожелал возвращаться в Россию после амнистии.

Впоследствии я имел случай несколько ближе узнать И. И. Горбачевского, встретившись с ним у начальника Петровского завода, капитана Дубровина. Это была чудная, светлая личность, высокой нравственной мощи, несмотря на тихий характер. В его присутствии люди не смели лгать, хотя он даже не выражал словами неодобрения лжецу. И мне говорили, что то же чародейное влияние производили некоторые другие из декабристов, даже не в Сибири, где их долго знали и им поклонялись, а в Москве, в Чернигове, кажется даже в самом Петербурге».

Записки декабриста И. И. Горбачевского.

I.

Происшествия Лещинского лагеря.

1.

Общество Соединенных Славян перед Лещинским лагерем.—Планы его реорганизации.—Славяне открывают Южное Общество.—Свидание Борисова 2-го и Горбачевского с С. Муравьевым и Бестужевым 30 августа 1825 г.—Муравьев предлагает соединение общества.—Мнения славян об этом предложении.

В конце 1824 года тайное общество под названием Славянского Союза или Соединенных Славян состояло из малого числа членов, рассеянных по разным местам южной России. Усилия славян укоренить свои мнения и распространить общество оставались без желаемого успеха. Многие из них убеждались даже, что время ни мало не сближает их с целию; но сие убеждение, не ослабляя желаний [1], еще более других воспламеняло. 6 декабря 1824 года Борисов 2-й и Горбачевский, после долгого совещания, признали, что для единства в действиях к скорейшему достижению предназначенной цели необходимо ускорить ход общества, дать новое образование оному, учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности за их действия. В исполнение сей мысли первый из них написал проект окончательного образования общества.

Мы упомянем здесь вкратце о сем уставе, чтобы тем хоть несколько пояснить дела общества и пока-

---

[1] П Б—не ослабляя желаний **всех, некоторых** еще **более воспламеняло.**

зать, в каком положении оно находилось до маневров под Лещиным. Сим проектом управление общества поручалось президенту и секретарю, выбранным на один год и подлежащим ответственности перед обществом; первый назначал время и место обыкновенных и чрезвычайных собраний, давал направление действиям общества и старался привести в исполнение все намерения и планы, служащие к распространению оного. Последний способствовал взаимным сношениям между членами, равно сношениям их с президентом; кроме того ему вверялась общественная сумма, из коей по согласию президента выдавались деньги, назначаемые для всякого предприятия, признанного полезным обществу.

В марте месяце 1825 года многие из славян собрались в местечке Черникове (в 25 верстах от Житомира) и, рассмотрев помянутое предложение, приняли его единогласно: каждый чувствовал необходимость лучшего и правильнейшего устройства. По общему желанию Борисов принял должность президента на время с тем, чтобы, сделав полное собрание членов в лагере под Лещиным и приняв еще некоторые улучшения в предположенном образовании общества, избрать там нового президента. Иванов, находившийся по должности в корпусной квартире и имевший средства вступить в постоянные сношения со всеми членами, был назначен временным секретарем.

Составление общественной суммы должно было начаться с 1-го сентября; сумма сия должна была беспрерывно увеличиваться взносами членов, кроме сего секретарю дозволялось употреблять наличный капитал в торговых оборотах для приращения оного. Но непредвиденный случай разрушил все сии планы, прежде, нежели они были приведены в исполнение.

С давнего времени члены Славянского Союза замечали, что офицеры бывшего Семеновского полка

имеют какие-то тайные предприятия против правительства, и думали, что они состоят в каком-либо тайном обществе. Борисов 2-й, узнав от Пестова и Высочина о близком знакомстве Сергея Муравьева с офицерами конных артиллерийских рот, препоручил Громницкому принять в общество капитана Тютчева, служившего прежде в упомянутом гвардейском полку, и поручить ему возобновить прежнее знакомство с Сергеем Муравьевым, стараясь узнать его мысли и намерения с тем, что ежели он заметит в нем что-либо клонящееся к цели Славянского Общества, то немедленно уведомить о сем Борисова или которого-нибудь из членов. Не нужно говорить, что от Тютчева требовали скромности и осторожности; ему никто не препоручал принимать в члены С. Муравьева; просили только с ним сблизиться и узнать все, что можно, о тайном обществе.

В 1825 году 3-й пехотный корпус (кроме 7-й дивизии) для смотра, назначенного покойным государем, был собран под местечком Лещиным, находящимся от Житомира в 15 верстах, влево от дороги из Житомира в Бердичев. Полки 8-й и 9-й пехотных дивизий ушли на сборное место еще в начале августа месяца; артиллерия же сих дивизий и 3-я гусарская дивизия с принадлежащею к ней конною артиллериею прибыли в лагерь к 1-му сентября.

По [1] проходе 8-й артиллерийской бригады чрез Житомир, Иванов уведомил Горбачевского, что Пензенского пехотного полка капитан Тютчев открыл какое-то тайное общество, к которому принадлежит Черниговского полка подполковник Сергей Муравьев-Апостол. На другой день Борисов 2-й увиделся с Тютчевым, который подтвердил сказанное Ивановым, присовокупляя, что сие тайное общество чрезвычай-

[1] ПБ—При проходе...

но сильно, и что в скором времени оно начнет переворот в России; из слов его видно было, что члены сего общества составили уже для России конституцию и в следующем году намеревались приступить к решительным мерам.

Сие известие поразило всех славян. Борисов 2-й и Иванов хотели уведомить о сем отсутствующих членов и назначить время для предположенного в марте месяце совещания. Другие члены, соглашаясь на сию меру, вместе с тем требовали, чтобы немедленно были открыты сношения с Муравьевым, который, по словам Тютчева и Громницкого, ищет знакомства славян. И в самом деле, С. Муравьев и Бестужев-Рюмин 29 августа приезжали в деревню Млинищи [1]) с намерением познакомиться с Горбачевским и Борисовым 2-м и, не застав их дома, запискою просили их к себе. Опасаясь потерять случай, благоприятный их желаниям, славяне положили, недожидая общего собрания всех членов, препоручить Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношения с Сергеем Муравьевым и Бестужевым, но отнюдь не приступать к решительным мерам, не об'являть им ничего и ни на что не соглашаться без общего согласия всех членов Славянского Общества.

30 августа Громницкий и Тютчев приехали к Борисову и Горбачевскому с предложением ехать в лагерь к Муравьеву; в этом случае они были некоторым образом посредниками между двумя обществами. Свидание сие с помянутыми членами Южного Общества было роковым ударом для Славянского Союза. Муравьев принял Борисова и Горбачевского с осо-

---

[1]) 8-й артиллерийской бригады 1-ая батарейная и 2-ая легкая рота стояли на тесных квартирах в деревне Млинищах, от Лещина 3 версты, от.. [Пропуск в оригинале, Ред.] $1^1/_2$ версты. Там происходили совещания. Вообще, как артиллерия, так и кавалерия 3-го корпуса стояли на тесных квартирах.

бенным радушием, осыпал их ласками и лестными отзывами, которым едва могла противустоять врожденная недоверчивость Борисова. Бестужев-Рюмин, бывший при сем свидании, говорил много и, в пылу разговора, излил всю свою душу. Нельзя довольно изобразить удивления славян, когда члены Южного Общества начали говорить об их цели, намерениях и даже об именах всех [1] их сочленов. Муравьеву и Бестужеву все было уже известно: самое образование Славянского Общества и предположенное совещание для отклонения затруднений сношениям и действиям по обществу. Славяне догадались, что Тютчев, не будучи уполномочен, открыл Муравьеву все тайны их общества по личной к нему доверенности, а, может быть, даже и неосторожности.

Муравьев, говоря о силе своего общества и невозможности, в которой находятся славяне осуществить свои желания без содействия русского и известного ему польского тайного общества, предложил славянам немедленно соединиться с Южным Обществом. Борисов 2-й, желая отклонить подробные об'яснения, отвечал на все поверхностно и неудовлетворительно, между прочим говорил, что правила Славянского Общества запрещают ему входить в положительные сношения с кем бы то ни было без особенного на то согласия других членов, что без согласия своих товарищей он не может ни принять, ни отвергнуть лестных предложений Муравьева; что сие требует времени и размышления. Наконец, после долгих рассуждений, которые имели целью с одной стороны получить решительный ответ на предложение, а с другой избежать оного и оставить сие дело неконченным, условились назначить общее собрание членов Славянского Общества, на котором Муравьев и Бе-

---

[1] ПБ—почти всех...

стужев обещали лично возобновить свои предложения.

Славяне, узнав от своих доверенных о предложении Муравьева, разделились в мнениях: некоторые из них чрезвычайно радовались сему случаю и предлагали, не медля ни мало, соединиться с Южным Обществом; другие, напротив того, вознегодовали на Тютчева и, желая, чтобы Славянский Союз удержал свои формы, требовали его смерти, как примерного наказания за нескромность и нарушение правил Славянского Общества, и тем пресечь все дальнейшие сношения с Муравьевым. Мнение Борисова 2-го было совершенно иное: он предлагал продолжить переговоры, не соглашаясь на предложения С. Муравьева, и стараться склонить его к цели Славянского Общества. В случае же его отказа, взять с него честное слово, что существование Славянского Общества останется тайною для других членов Южного Общества, и уверить его, что все славяне готовы принять участие в перевороте, когда он начнется, и будут споспешествовать оному всеми своими силами. Хотя многие разделяли последнее сие мнение, но никто, кроме Иванова, не поддерживал оного. Умы всех были обворожены близким и как бы несомненным преобразованием России и, повидимому, каждый предоставлял обстоятельствам решить вопрос соединения. Однако ж, после многих сообщений, рассуждений и даже сильных споров, положили собраться на квартире подпоручика Пестова и Борисова 2-го всем членам, находящимся в лагере, пригласить туда Муравьева и Бестужева, вступить с ними в переговоры и потом положить, должно ли Славянское Общество оставаться на прежнем основании или, соединяясь с Южным, принять иной вид и характер.

2.

Собрание славян 3-го или 4-го сентября у Пестова и Борисова.—Речь Бестужева о Южном Обществе.—Славяне знакомятся с извлечением из «Русской Правды».—Встреча Горбачевского и Борисова 2-го с Муравьевым.—Второе собрание славян у Андреевича.—Речь Бестужева об устройстве и связях Южного Общества.—Возражения Борисова 2-го против полного слияния обществ.—Согласие славян на соединение.—Заявление Бестужева об избрании посредника, о приеме членов, об отношении к чиновникам и полякам.

3-го или 4-го сентября большая часть членов Славянского Общества собрались в назначенном месте и, в ожидании приезда членов Южного Общества, рассуждали снова о предложении соединить два общества; но мысль безусловного соединения уже начинала преобладать над умами славян, которых желание действовать обращалось в непреодолимую страсть. Появление Бестужева прекратило сии прения.

Важные дела,—сказал он после обыкновенных приветствий,—помешали Муравьеву сдержать данное им обещание, но он поручил мне кончить наши общие дела. Я должен об'явить вам о намерениях и цели Южного Общества и предложить присоединение к оному Славянского.

Потом начал говорить он о силе своего общества, об управлении оного Верховною Думою, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, гвардейского корпуса и многих полков 3-го и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в себе формы республиканского правления для России и получившая одобрение многих знаменитых публицистов английских, французских и германских, принята была единодушно [1] и членами Южного Общества.

[1] ПБ—единодушно принята была за основание.

Большая часть славян соглашались на соединение, но прежде хотели видеть составленную конституцию, узнать меры к введению оной и имена главных членов Южного Общества [1].

Бестужев обещал немедленно доставить им копию с конституции, об'яснить цель, меры и управление оного общества и, при окончательном соединении, дать наименование главных членов; но об'явил, что правила общества запрещают ему открыть местопребывание Верховной Думы и членов, составляющих оную.

Сии неудовлетворительные ответы поколебали большую часть славян; сомнение вкралось в сердца многих; требовали доказательств, делали возражения,—одним словом с обеих сторон ожидали взаимной доверенности, но никто первый не хотел быть откровенным. Бестужев отложил дальнейшие об'яснения до другого времени, надеясь, что время не охладит порыва, но еще более усилит [2] его, и в этом он не ошибся [1]). На другой день, поутру, он дал Пестову извлечение из «Русской Правды» [3] и просил его сообщить оное всем славянам [3]). В тот же день было

---

[1] Слова «Большая часть... Южного Общества»—из ПБ.

[2] ПБ—что время не охладит, а усилит порыв, замеченный им в большей части членов, и

[1]) Бестужев, увидя на сем совещании Полтавского полка поручика Усовского, удивился, что в 9-й дивизии есть члены тайного общества; он обрадовался сему, но его радость, по замечанию других, была притворная. Причину увидим после.

[3] Славяне получили от Бестужева так называемый «Государственный Завет», сохранившийся в деле Шимкова. Его текст см. в приложении к изданию «Русской Правды». Москва Центрархив 1926.

[3]) Некоторые славяне спрашивали у С. Муравьева, неужели Верховная Дума хочет принудить Россию взять для себя ту конституцию, которую она написала и извлечения из коей находятся у них в руках. Муравьев отвечал, что Верховная Дума только предложит, но что народ может ее принять или отвергнуть.

сделано несколько списков с помянутого извлечения, и ввечеру уже всем славянам была известна будущая форма русского правления. Ввечеру того же дня Горбачевский и Борисов 2-й виделись с Муравьевым, который, подтверждая все сказанное Бестужевым, просил их снова собраться и кончить скорее дело соединением двух обществ.

По прошествии двух или трех дней после первого совещания, все славяне, исключая офицеров Черниговского полка [1]), собрались на квартире подпоручика Андреевича, в деревне Млинищах. Сие собрание было многочисленное. Бестужев приехал вместе с Тютчевым и начал разговор требованием неограниченной доверенности к Верховной Думе; во имя любви к отечеству просил славян соединиться с Южным Обществом без дальнейших с его стороны об'яснений. Громкий ропот и из'явления негодования служили ему ответом.

— Нам нужны доказательства, мы требуем полного об'яснения!—выкрикнуло несколько членов.

Бестужев начал об'яснять чертежом управление Южного Общества, говорил о различных управах (ventes), существующих в разных местах России [2]), об образе их сношения с Верховною Думою, о силе своего общества, наименовал членов оного: кн. Волконского, кн. Трубецкого, генерала Раевского, генерала Орлова, генерала Киселева, Юшневского, Пестеля, Давыдова, Тизенгаузена, Повало-Швейковского, Александра и Артамона Муравьевых, Фролова, Пыхачева, Враницкого, Габбе, Набокова и многих других штаб и обер-офицеров разных корпусов, дивизий и полков.

---

[1]) Черниговского полка офицеры не могли быть на сем совещании по делам службы.

[2]) Как-то: в Каменке, в Василькове, в Тульчине, в Москве, в Петербурге, в Киеве, в Вильне, в Варшаве и пр.

— Все они благородные люди,—сказал он в заключение,—забывая почести и богатство, поклялись освободить Россию от постыдного рабства и готовы умереть за благо своего отечества [1]).

Видя, что его слова произвели сильное действие на умы славян, он присовокупил, что многочисленное Польское Общество, коего члены рассеяны не только в Царстве Польском и присоединенных к России губерниях, но и в Галиции и воеводстве Познанском, готовы разделить с русскими опасность переворота и содействовать оному всеми своими силами и способами; что оно уже соединилось с Южным Обществом, и что для сношения сих двух обществ назначены с польской стороны князь Яблоновский, граф Мошинский и полковник Крыжановский, а с русской—Сергей Муравьев и он, Бестужев-Рюмин. Тут же он об'явил, что открыты следы существования тайного общества между офицерами Литовского корпуса, и что Повало-Швейковскому поручено войти в сношения с членами оного и в особенности действовать на сей корпус.

Откровенность Бестужева обворожила славян; немногие могли противиться всеобщему влечению; согласие соединиться с обществом благонамеренных людей, поклявшихся умереть за благо своего отечества, выражалось в их взорах, в их телодвижениях; каждый требовал скорейшего окончания дела. Только Борисов 2-й и некоторые из присутствующих на сем совещании славян почитали невозможным безусловное соединение двух обществ. По мнению Борисова 2-го, славяне, обязавшиеся клятвою посвятить

---

[1]) Чтобы более убедить в силе своего общества, Бестужев присовокупил, что полки 3 гусарской дивизии, конные роты 5-й и 6-й, многие командиры пехотных полков 3 и 4 корпусов разделяют образ мыслей и совершенно уже готовы принять участие в замышляемом перевороте.

всю свою жизнь освобождению славянских племен, искоренению существующей между некоторыми из них вражды и водворению свободы, равенства и братской любви, не в праве нарушить сих обязательств. Нарушение этого влечет за собою всеобщее порицание и упреки совести.

— Тем более, подчинив себя безусловно Верховной Думе Южного Общества,—продолжал он—будем ли мы в состоянии исполнить в точности принятые нами обязанности? Наша подчиненность не подвергнет ли нас произволу сей таинственной думы, которая, может быть, высокую цель Славянского Союза найдет маловажною и для настоящих выгод, жертвуя будущими, запретит нам иметь сношения с другими иноплеменными народами [1])

Бестужев-Рюмин всеми силами старался опровергнуть сие возражение; он доказывал, что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского Союза—освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеративным [2] союзом.

— Таким образом,—сказал он—наше соединение не только не удалит вас от цели, но, напротив того, приблизит к оной.

Энтузиазм Бестужева-Рюмина походил на вдохновение; уверенность в успехе предприятия вдыхала в сердце каждого несомненную надежду счастливой

---

[1]) При первом свидании с Борисовым и Горбачевским Бестужев обнаружил свои мысли относительно цели славян и сношений русских с поляками; Борисов не мог забыть сего.

[2] Так в ПБ в РА—федеральным.

будущности. Он восторжествовал над холодным скептицизмом Борисова 2-го, ожидавшего успеха от одних усилий ума и приписывавшего все постоянной воле людей [1]. Мысль о силе Южного Общества, надежда видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов увлекла совершенно славян; в общем пылу благородных страстей своих, они согласились немедленно соединиться с Южным Обществом, разделять с ним труды и опасности для блага своей родины и от сей минуты цель, правила и меры, принятые сим обществом, почитать своими собственными. Таким образом, окончательно соединились два общества. Судьба славян была решена. С сего времени Славянский Союз существовал в мыслях и сердцах немногих, которые не могли забыть возвышенной и великой, хотя, может быть, по мнению некоторых, мечтательной идеи федеративного союза славянских народов [1]).

Получив от славян согласие на соединение с Южным Обществом, Бестужев-Рюмин предложил им избрать из среды своей посредника и составить особенную управу [2]).

---

[1] ПБ.—и полагавшего достаточными сильной воли людей для достижения цели.

[1]) Все сказанное Бестужевым о силе Южного Общества и содействии сего общества к освобождению других народов, о силе оного и пр. после сего сообщения было подтверждено многими членами Южного Общества, а особливо с ужасным хладнокровием, отличным красноречием и умом—Сергеем Муравьевым, который не только подтвердил, но еще более об'яснил все, сказанное Бестужевым на совещании. Некоторых из славян это не утешило; они скорбели об участи Славянского Союза, и даже двое из них после сего соединения не хотели больше быть на совещаниях; другие с сожалением согласились с большинством. Достойно замечания, что соединение двух обществ воспоследовало в том самом месяце (сентябре), когда Майборода донес правительству о существовании Южного.

[2]) Члены Славянского Общества, на случай соединения двух обществ, положили следующие условия: они имеют право

— Избранный посредник,—сказал он—должен заведывать делами управы и относиться во всем ко мне или к С. Муравьеву; мы обязываемся с своей стороны доставлять ему предписания от Верховной Думы и уведомлять его о всех делах общества; славяне могут принимать новых членов не иначе, как с дозволения посредника, который должен будет, хотя один раз в год, отдавать отчет Верховной Думе о распространении и делах Славянской управы.

Бестужев-Рюмин продолжал:

— Южное Общество уже так сильно, что не нуждается даже в приобретении новых членов. Посему гораздо лучше славянам заняться постепенным, осторожным и медленным приготовлением солдат. Они могут принимать также в общество офицеров, если найдут таких, которые заслуживают сию честь.

Относительно гражданских чиновников он был вовсе противного мнения: в его глазах эти люди были не только бесполезны, но даже вредны; преобразование России должно было быть следствием чисто военной революции. Поляки подверглись сему исключению. Бестужев-Рюмин требовал от славян, чтобы они умалчивали о существовании Южного Общества даже пред теми, которые уже несколько лет были членами Славянского Общества. Сие исключение Бестужев основывал на том, что в Польше существует особенное общество, и что каждый из поляков должен думать прежде о своем отечестве, а потом уже о России.

Изложив помянутые условия и не дожидая принятия оных, Бестужев требовал, чтобы все бумаги,

---

выбрать посредника из среды своей для сношения с Верховною Думою, состоять в отдельной управе и принимать членов по своим правилам. Муравьев согласился на сии условия; но впоследствии славяне, соединившись с Южным Обществом, в принятии новых членов не следовали уже формам Славянского Общества.

касающиеся до Славянского Союза, и списки членов оного были представлены ему, как лицу, уполномоченному Верховною Думою. Против сего не было сделано никакого возражения: но за то члены Славянского Общества, не почитая себя обязанными следовать первому условию, на которое Бестужев не требовал из'явления их согласия, действовали по своим правилам, т.-е. об'явили всем гражданским чиновникам и полякам о соединении двух обществ [1] и принимали новых членов на прежнем основании.

Совещание кончилось предложением с'ехаться на другой день для избрания посредника и приготовления требуемых Бестужевым бумаг.

3.

Третье собрание славян у Андреевича для избрания посредника.—Доклад Борисова 2-го о Славянском Обществе.—Цель, правила и дух Славянского Общества.

На другой день, в 5 или 6 часу вечера, все славяне собрались снова на квартире (в Млинищах) подпоручика Андреевича; число их было значительно и увеличено вновь принятыми членами. Борисов 2-й представил собранию отчет, содержащий в себе цель и правила Славянского Общества, проект нового образования Славянского Союза, мнения и действия членов, и присовокупил к сему общий список всех славян с означением настоящего их местопребывания и рода службы.

Желая познакомить читателей с духом Общества Соединенных Славян, мы прервем на некоторое время нить нашего рассказа и изложим в нескольких словах цель и правила оного.

---

[1] ПБ—о существовании Южного Общества и соединении с ним Славянского.

Общество имело главною целию освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений.

Вникая в основания благоденствия частного человека, мы убеждаемся, что они бывают *физические, нравственные и умственные;* посему гражданское общество, как целое, составленное из единиц, необходимо зиждется на тех же началах и для достижения возможного благосостояния требует *промышленности*, отвращающей бедность и нищету, *нравственности*, исправляющей дурные [1] наклонности, смягчающей страсти и внушающей человеколюбие, и, наконец, *просвещения*, вернейшего сподвижника в борьбе противу зол, неразлучных с существованием, которое-делает умнее и искуснее во всех предприятиях. Развертывать, распространять сии три основные начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность славянина. Он должен был по возможности истреблять предрассудки и порочные наклонности, и сглаживать различие сословий и искоренять нетерпимость верований, собственным примером побуждать к воздержанию и трудолюбию, стремиться к умственному и нравственному усовершенствованию и поощрять к сему делу других, всеми способами помогать бедным, но не быть расточитель-

[1]) Так в ПБ, в РА—б у р н ы е.

ным; не делать людей богатыми, но научать их, каким образом, посредством труда и бережливости можно приобретать богатства и каким образом, без вреда для себя и других должно пользоваться оными [1].

Убеждение в сих правилах заставляло славян выводить следующие заключения:

1) Никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации; посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный.

2) Народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным. Хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются.

Славяне, убежденные в том, что надежды их не могут так скоро исполниться, как они того желали, не хотели терять времени в пустых и невозможных усилиях, но вознамерили сделать все, что зависит от них и ведет, хотя медленно, к предпринятой цели. В исполнение сего намерения они положили определить некотрую часть общественной суммы на выкуп крепостных людей, стараться заводить или споспешествовать заведению небольших сельских и деревенских училищ; внушать крестьянам и солдатам необходимость познания правды и любовь к исполнению обязанностей гражданина и таким образом возбудить в них желание изменить унизительное состояние рабства и проч.

Не взирая однакож на сии постепенные и кроткие меры, Славянский Союз носил на себе отпечаток

---

[1] Слова: можно приобретать богатства и таким образом и должно — из ПБ.

какой-то воинственности. Страшная клятва, обязывающая членов оного посвящать все мысли, все действия благу и свободе своих единоплеменников и жертвовать всей жизнью для достижения сей цели, произносилась на оружии; от одних своих друзей, от одного оружия славяне ожидали исполнения своих желаний; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотом, но кровью, была вкоренена в их сердцах, и слова знаменитого республиканца, сказавшего: «обнаживши меч против своего государя, должно отбросить ножны как можно далее», долженствовали служить руководством их будущего поведения [1]).

Сей слабый очерк достаточно показывает, что дух Славянского Общества во многом отличался от духа Южного Общества, и что даже в некоторых отношениях они были друг другу совершенно противоположны. Но к соединению двух обществ не столько содействовало сходство их характеров, сколько нетерпение и желание скорейшего достижения цели. Мы обязаны сказать, не упрекая никого, что большинство славян еще худо понимало правила и средства своего союза и порывом своим увлекло тех немногих, которые были вполне проникнуты оными. Сии последние видели невозможность бороться с представителями сильного русского общества, обещавшего немедленно освобождение России, и с прискорбием приняли на себя труд оного [2]. Боязнь повредить благу отечества, показать себя малодушными или себялюбивыми заставила их утешаться надеж-

---

[1]) Сии постановления и правила Славянского Союза были рассматриваемы единственно для того, чтобы их передать Южному Обществу безошибочно, чтобы оно могло в них найти правила, получившие одобрения всех славянских членов, залог будущего их поведения и основные мысли сего общества.

[2] ПБ нет слов—и с прискорбием приняли на себя труд оного.

дами, что после переворота мысль Славянского Союза воспрянет и с новою силою заставит трудиться для освобождения всех славянских народов.

Но время нам возвратиться к славянам, собравшимся для избрания посредника.

4.

Избрание Спиридова в посредники — Изменение духа Славянского Союза после соединения его с Южным Обществом.— Примеры: бунт 1-й гренадерской роты, поднятый юнкером Шеколою; поручик Кузьмин об'являет солдатам о замышляемом перевороте.

Рассмотрев бумаги и проверив списки [1]), представленные Борисовым 2-м, члены Славянского Союза поручили ему же доставить оные Бестужеву и приступили к предположенному избранию посредника. Пензенского пехотного полка майор Спиридов получил большинство голосов. Тотчас после избрания он предложил и взялся сам составить правила, которые могли бы служить руководством членам тайного общества в их будущих действиях. Предложение Спиридова было принято без малейшего возражения; после непродолжительных прений славяне предоставили право другим изложить мысли о сем предмете и предложить их к следующему собранию на общее утверждение.

С сего уже времени характер Славянского Союза начинал приметно изменяться, действия и намерения членов принимали вид решительных и даже слишком смелых мер. Нельзя не заметить, что дух Васильковской Управы находил отголоски в пылких страстях славян и увлекал их за пределы благо-

---

[1]) В списках находились и гражданские чиновники и неслужащие нигде дворяне.

разумия. Одна искра могла произвести пожар. Приведем примеры.

Пред закрытием описываемого собрания один из членов об'явил, что командир 1-й гренадерской роты Саратовского полка притесняет своих подчиненных, что несправедливости и жестокости его превышают всякую меру, и что (он) даже запрещает своим солдатам иметь сношение с солдатами бывшего Семеновского полка, которые, по своему положению, были ревностными агентами тайного общества, возбуждая в своих товарищах ненависть и презрение к правительству.

— Он должен быть наказан за свою жестокость! —закричали немедленно многие.

Борисов 2-й и еще некоторые из славян хотели остановить сей порыв негодования; их усилия остались тщетными.

— Взбунтовать роту!—вскрикнул в исступлении поручик Кузьмин.

Многие его поддержали. Собрание поручило тотчас члену общества Саратовского же полка юнкеру Шеколе привести предложение Кузьмина в исполнение. Отчаянный Шекола с радостью принял сие поручение и на другой же день осуществил желание своих сочленов [1]).

Сие дело кончилось однакож без дурных последствий, которых опасались некоторые из членов союза. Командир 1-й гренадерской роты, узнав, что его подчиненные не хотят более ему повиноваться, и страшась подвергнуть жизнь свою опасности, спрятался в балаган полкового командира, который побе-

---

[1]) Саратовского полка юнкер Шекола имел от роду 20 лет, росту высокого, лицо страшное, обросшее волосами; глаза большие, черные; физиономия изображала всю пылкость его души. Был испытанной храбрости и решительности; родом серб, уважаемый сочленами и любимый солдатами.

жал к восставшей роте, стараясь как можно скорее ее усмирить. Дерзость недовольных солдат час от часу увеличивалась; полковник, боясь, чтобы сие происшествие не навлекло ему неприятности от высшего начальства и не лишило его полка, вступил с ними в переговоры, обещая забыть нарушение военной дисциплины, простить их всех и сменить немедленно ротного командира. Зная трусливый характер полковника, Шекола искусно шепнул солдатам, чтобы они из'явили согласие на сие предложение и просили бы нового ротного командира. Их требование в тот же день было исполнено; полковой командир сдержал вполне свое слово.

Вот другой пример. Васильковская управа, ослепляясь мнимою силою Южного Общества и надеждою счастливого успеха своих предприятий, полагала, что в народе и в армии общество не только не встретит сопротивления ко введению конституции, но найдет даже помощь, и потому намеревалось воспользоваться сбором 3-го корпуса и начать действия тотчас по приезде государя в лагерь. Обстоятельство сие было поводом ко многим разговорам и различным предположениям. Многие члены Южного Общества хотели даже, чтобы корпус поднял знамя бунта, не дожидая приезда государя, полагая, что усердие членов, ропот и негодование войск достаточны для счастливого начала и окончания переворота. Славяне знали все эти предположения и, хотя были убеждены в силе Южного Общества и в скором преобразовании России, однакож, большая часть из них, сколько известно, не думали, чтобы во время лагеря можно было начать восстание: никто из них не сообщил еще о своих намерениях подчиненным, не зная их образа мыслей (впрочем, негодование и озлобление было общим), и потому не слишком надеялся на их пособие, которое, по мнению славян, было необходимым условием успешного переворота.

Несмотря на все сии обстоятельства, Кузьмин, по пылкости и решительности своего характера, был готов на все, даже—и на невозможное. Преобладаемый, так сказать, единственною мыслию о восстании, о котором только и говорил, он вообразил, что существование самовластия в России приходит уже к концу. Не посоветовавшись ни с кем из своих сочленов, этот пылкий человек собрал роту и об'явил преданным своим солдатам о замышляемом перевороте; в коротких словах из'яснил им причину, цель и средства достигнуть оного. Получив от подчиненных согласие и клятву умереть с ним для блага отечества, он с радостным лицом явился в собрание и торжественно об'явил, что его рота готова и ожидает только приказания итти.

— Когда назначено восстание?—спросил он при всех у Горбачевского.

— Этого никто не знает,—ответил последний,—начало его зависит не от нас, но от обстоятельств; ты напрасно спешишь, мы должны приготовлять медленно нижних чинов; может быть, только в будущем году нам представится случай осуществить наши намерения и, вероятно, не ранее.

— Жаль,—возразил Кузьмин,—я думаю лучше скорее начать; пустые толки ни к чему не ведут. Впрочем,—прибавил он,—мои солдаты умеют молчать; я сожалею только, что об'явил о сем юнкеру Полтавского полка Богуславскому и послал его в Житомир с поручением уведомить наших друзей о близком восстании.

Сии слова были громовым ударом для многих: все знали, что помянутый юнкер был глуп, болтлив и развратен, и что он без разбору все пересказывает своему дяде, начальнику артиллерии 3-го корпуса. Никто не мог удержать справедливого своего негодования.

Кузьмин, заметя сие, сказал хладнокровно:

— Разве сего поправить нельзя?—взял шляпу и, выходя из комнаты, прибавил:

— Завтра вы найдете его мертвым в постели.

Горбачевский и Громницкий, зная решительность и твердость Кузьмина, зная, что он ничего напрасно не говорит, схватили его и начали отклонять от сего опасного предприятия.

— Завтра он будет мертвым, повторяю вам!—закричал в бешенстве Кузьмин.

Многие из славян окружили его и после долгих прений склонили, наконец, Кузьмина отказаться от безрассудного и даже преступного намерения лишить жизни глупца, которого легко можно было [1] уверить, что Кузьмин, говоря ему о восстании, хотел пошутить над его легковерием и простотой.

Славяне, однако, не совсем верили Кузьмину и, желая уничтожить в нем мысль о степени неосторожности его поступка, старались дать этому обстоятельству вид маловажности и даже обратили это в шутку; ибо, если бы Кузьмин заметил противоположное, несчастный юнкер в тот же вечер не существовал бы.

На другой день некоторые из славян об'явили Богуславскому, что Кузьмин над ним шутил, смеялся над его легковерием, и этот бедный простак совершенно поверил всему и молчал [1]).

Сии два случая, кажется, достаточно подтверждают сказанное выше об изменении духа Славянского Союза по соединении оного с Южным Обществом. Влияние Васильковской Управы возбудило бурные страсти, до того времени дремавшие в сердцах славян. Люди, до того времени почитавшие себя не вправе делать благодеяния другим без их ведома

---

[1] Было—из ПБ.

[1]) Соловьев и Щепила, следуя примеру Кузьмина, тоже начали приготовлять солдат, бывших еще в лагере.

и согласия, вдруг приняли на себя обязанности покровительствовать притесняемым и карать притеснителей. Мнимая сила Южного Общества и убеждение в его силе породили в славянах сию гордость и самонадеянность.

5.

Спиридов у Муравьева; их спор о приеме в общество офицеров Черниговского полка и о подготовке солдат и офицеров.—Встреча славян с членами Южного Общества у Муравьева.

По окончании вышеописанного совещания, Спиридов возвратился в лагерь, посетил Муравьева и между прочими разговорами сказал ему, что успехи Славянского Общества невероятны.

— Каждый день,—говорил он,—общество усиливается новыми членами; кроме прежних офицеров Черниговского полка, приобретено еще несколько новых в том же полку, в других полках обеих дивизий и артиллерии.

К удивлению Спиридова Муравьев начал осуждать сию деятельность, находил ее неуместною и сказал, что он вовсе не желает, чтобы принимали в общество его полка офицеров, которых он лично знает и коих, по его мнению, можно возбудить к восстанию, об'явив им об этом накануне дела. В ответ на сие Спиридов сказал ему, что Кузьмин и Соловьев состоят в Обществе Соединенных Славян уже два года и что им невозможно воспрепятствовать прямо действовать; ибо прежние правила не только дают им на сие право, но даже обязывают умножать общество новыми приобретениями, налагая на них ответственность за принимаемых членов.

— Эти правила,—сказал Муравьев,—уничтожены соединением обществ; они могут быть пагубны нашему делу. План наших действий совсем иной:

солдаты и офицеры должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего; они будут орудиями и произведут переворот. Вы знаете, что за люди русские солдаты и офицеры?..

Заметя такое ложное понятие о русских солдатах и офицерах и, видя, каким образом С. Муравьев, а, следовательно, и другие главные члены Южного Общества, полагают делать переворот, Спиридов не хотел входить в дальнейшие споры и с прискорбным молчанием удалился.

На другой день после репетиции смотра С. Муравьев пригласил к себе некоторых славян. Мы не знаем, с какими именно намерениями сие было сделано, но, кажется, что он хотел показать славянам на самом деле силу Южного Общества и совершенно разрушить сомнение, которое обозначалось в словах многих относительно сего предмета. Догадка сия подтверждается тем, что даже большая часть членов Южного Общества не знала причины собрания [1]).

Киреев, Горбачевский, Андреевич, Веденяпин 1-й, Борисов 2-й, Громницкий и прочие, тотчас по окончании репетиции, пришли к Муравьеву и застали там Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Швейковского, Враницкого, Фролова, Пыхачева, Врангеля, Нащокина, Бестужева-Рюмина и проч. С. Муравьев ознакомил своих сочленов с славянами и старался дружескими разговорами сгладить разницу в летах и чинах и внушить им взаимную доверенность. Как С. Муравьев, так и прочие члены Южного Общества говорили только о злоупотреблениях правительства. Каждый из них уверял в готовности искоренить зло, доказывал необходимость переворота и убеждал в силе общества, составляемого из благо-

[1]) **Почти все офицеры конной артиллерии спрашивали у славян, зачем звал их к себе Муравьев. Они отвечали, что ничего не знают.**

намеренных людей, поклявшихся улучшить жребий своего отечества. Артамон Муравьев произносил беспрестанно страшные клятвы купить свободу своей кровью. Славяне видели в нем не только решительного республиканца, но и ужасного террориста.

Апполон Веденяпин 1-й, одаренный проницательным умом и никогда не доверявший словам, особенно в столь важных случаях, заметил некоторым из своих товарищей, что не должно полагаться на слова сих господ; что их поведение совершенно несогласно с тем, что они говорят; что, по его мнению, каждый член, какого бы он звания ни был, необходимо должен представить доказательства преданности к священному делу не на словах, но на самых действиях; что, сколько ему известно, полковые командиры, состоящие в обществе, не только не действуют на солдат, но даже не стараются принимать в общество достойных офицеров своих полков, и что без сего никогда нельзя ожидать успеха.

Апполон Веденяпин сии самые слова повторил С. Муравьеву и Бестужеву, прибавляя, что для успеха в предпринимаемом перевороте необходимо, чтобы все члены, без из'ятия отдавали отчеты в своих действиях. С. Муравьев отвечал ему, что, вероятно, Верховная Дума, управляющая Южным Обществом, приняла меры, и что не должно сомневаться в чувствах тех, которые уже своими делами доказали возвышенность и благородство своей души.

Веденяпин возразил, что он не знает никаких дел и потому судить о них не может, но для побуждения к действию недостаточно одних чувств, к сему необходима обдуманная и твердая решительность; что в борьбе против гигантской власти мало одной военной храбрости, потребно еще гражданское мужество; что надо заранее приучить себя к сей мысли: «я погибну, если начну действовать; пусть другие доканчивают».

— Для достижения цели,—сказал он, наконец,— нужна сила; без единства же, совокупности и подчиненности нет силы, которая сверх того тогда только может быть известна, когда есть отчетность [1]

Никто не поддержал Веденяпина, и разговор снова обратился на предметы общие, и снова начались восклицания. Горбачевский спросил Муравьева, по какой причине Южное Общество не воспользуется настоящим сбором корпуса и не начнет действовать.

— Я и мои товарищи,—продолжал он,—могут ручаться за себя и за своих подчиненных; вы сами сему свидетели. По вашим словам, большая часть полковых командиров разделяют наши мысли и готовы на все; все остальные более или менее склонны последовать их примеру. 1-ая батарейная и 2-ая легкая роты 8-й бригады начнут первые, если... [2].

В это время командир 5-й конной роты Пыхачев схватил Горбачевского за руку и сказал с жаром:

— Нет, милостивые государи, я никому не позволю первому выстрелить за свободу моего отечества! Эта честь должна принадлежать 5-й конной роте! Я начну! Да, я!

С. Муравьев бросился Пыхачеву на шею и оставил Горбачевского без ответа. Разговор снова переменился.

Последствия покажут, до какой степени можно было считать на сии мгновенные порывы и взаимные уверения некоторых лиц, имевших случай *делом* доказать прочность своих мнений и оправдать надежды Общества.

---

[1] ПБ вместо слов: «которая сверх того.... отчетность»— которая может тогда только быть, когда она не скрывается и всем известна, а этого не может существовать без отчетности.

[2] Слова—все остальные... если—из ПБ; в РА их нет.

6.

План разделения Славянского Общества на две управы.—Четвертое собрание у Андреевича.—Строгие правила, предложенные Спиридовым, отклоняются.—Разделение на две управы и избрание посредниками Спиридова и Горбачевского.—Права и обязанности посредников.—Спор Бестужева и Борисова о роли в перевороте войска и народа.

Выходя от Муравьева, Бестужев-Рюмин, остановив Борисова 2-го и Бечаснова, спросил их, выбрали ли они посредников, и, не дождавшись ответа, прибавил в рассеянности:

— Сделайте милость, не выбирайте Борисова 2-го.

— Мы выбрали Спиридова,—сказал хладнокровно сей последний,—вы, вероятно, уже об этом знаете.

— А я именно хотел сказать, чтоб его не выбирали,—подхватил Бестужев-Рюмин с замешательством и начал извиняться в своей ошибке.

Борисов 2-й улыбнулся вместо ответа.

— Нельзя ли как-нибудь переменить избрания?—продолжал Бестужев-Рюмин [1]).

— Я убежден в невозможности,—отвечал Борисов 2-й,—избрание происходило в присутствии избранного; почти все голоса были в его пользу. Устранить его значит нанести оскорбление не только ему, но всем избирателям; впрочем, если вы имеете на сие достаточную причину, об'ясните ее и при будущем совещании предложите новый выбор.

— Я не имею никакой причины,—прервал Бестужев с досадою,—но мне бы хотелось...

Бечаснов вывел его из сего затруднительного положения, предложив разделить Славянское Общество на два округа, таким образом, что артиллерия

---

[1]) **Причина сей недоверчивости к Спиридову Бестужева никому неизвестна.**

будет составлять одну управу, а пехота—другую, из коих каждая будет иметь своего посредника.

Эта мысль чрезвычайно понравилась Бестужеву; он и Муравьев просили славян собраться на другой же день и осуществить оную. Аполлон Веденяпин предложил с'ехаться на его квартиру, которая находилась в уединенном месте, на берегу реки, на что и согласились.

На другой день [1] за несколько часов до назначенного времени, Бестужев просил славян переменить избранное ими место для совещаний и собраться опять у Андреевича. Сию перемену он основывал на каком-то особенном затруднении; после некоторых возражений он получил, наконец, согласие и взялся уведомить о последовавшей перемене офицеров Черниговского полка.

Славяне собрались у Андреевича гораздо позже назначенного времени. Принятые в общество члены поручик Шультен, Тихопов (9-й артил. бригады) и старший ад'ютант 9-й дивизии Шахирев приехали с Пестовым. Вслед за ними явился Бестужев-Рюмин и пригласил собрание, не дожидаясь отсутствующих членов, заняться немедленно делами [1]).

Спиридов тотчас представил составленные им правила. Они заключались в том, что каждый член подвергался ответственности за свое бездействие и должен был отдавать отчет в своих поступках, кому следует, подвергаясь за нескромность, неосторожность и упущения по делам общества удалению от совещаний и проч. За значительную же вину наказывался немедленно смертью.

Во время чтения сего проекта сильное большинство оказалось против сих правил, во главе коего

---

[1] На другой день– из ПБ.

[1]) Отсутствующие члены были офицеры Черниговского полка и Черноглазов.

был Бестужев-Рюмин. Но Борисов 2-й, Горбачевский, Апполон Веденяпин и Драгоманов думали, что сии правила необходимы и поддерживали Спиридова. Они доказывали, что заговорщики не могут быть свободны в своих действиях; что, принимая на себя священные, необходимые, вместе с тем и ужасные обязанности, они более, нежели кто-либо, должны сами подчинять обществу личную свою свободу и соблюдать с точностью правила и постановления, служащие к достижению цели, к сохранению союза и к безопасности членов оного: безнаказанное нарушение каких бы то ни было обязательств неминуемо разрушает всякое сообщество, и совесть каждого не всегда может быть верным и надежным блюстителем принятых обязательств.

Бестужев-Рюмин с жаром отвергал сии доводы, говорил о неограниченной свободе, о благородстве цели, о высокости намерений.

— Для приобретения свободы,—вскричал он,— не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принуждения: нужен один энтузиазм. Энтузиазм— продолжал он в исступлении,—пигмея делает гигантом! он разрушает все и он создает новое!

Ему делали возражения; он опять отвечал; наконец, стали собирать голоса, и предложение Спиридова было отвергнуто сильным большинством. Большинство сие вполне разделяло мнение Бестужева и не хотело слышать ни о каких правилах.

Тотчас же после сего Бестужев предложил новое разделение Славянского Общества на две управы; опять сделаны были возражения, но большинство снова взяло верх, при чем он прибавил, что члены 9-й артиллерийской бригады будут относиться к Пестову, который, находясь при корпусной квартире, имеет возможность вести с Южным Обществом постоянные сношения, а члены 3-й дивизии непо-

средственно поступят в ведение Муравьева. Это предложение было одобрено, противники оного не могли даже замедлить его принятия. Тотчас приступили к новому избранию. Спиридов был снова избран (хотя Бестужев тайно противился сему) 8-ю пехотною дивизиею; мнения артиллеристов пали на двух кандидатов—Борисова 2-го и Горбачевского. Первый уклонился сам, а последний был выбран посредником.

Посредники сии обязаны были сохранять порядок, последовательность и единство в действиях управы, наблюдать за поведением и поступками членов. Они одни имели право сноситься с Верховною Думою через С. Муравьева или Бестужева-Рюмина и представлять Думе разные проекты и мнения членов, которые через них получали предписания Думы относительно действий восстания, и проч. Равным образом для принятия кого-либо в члены общества необходимо было согласие посредника, который, впрочем, сам имел право принять не только в члены общества, но даже из них назначать в заговорщики [1]).

Об'яснив права и обязанности посредников, безусловное и слепое повиновение членов предписаниям Верховной Думы, Бестужев-Рюмин читал речь. В сей речи он доказывал пользу соединения двух обществ, сильно говорил о необходимости переворота в России и красноречиво убеждал в несомненном успехе оного. По окончании чтения он об'явил собранию о полученных им от Борисова 2-го бумагах, которые он взялся доставить Верховной Думе, восхищался намерением и целью Славянского Общества, но постепенное стремление и отдаленность цели ему не нравились. Сделать народ участником переворота казалось ему весьма опасным.

---

[1]) Это различие об'яснится впоследствии.

— Наша революция,—сказал он,—будет подобна революции испанской (1820 г.) [1] : она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа; Москва и Петербург с нетерпением ожидают восстания войск. Наша конституция утвердит навсегда свободу и благоденствие народа. Будущего 1826 года в августе месяце император будет смотреть 3-й корпус, и в это время решится судьба деспотизма; тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдем в Москву, провозглашая конституцию.

— Но какие меры приняты Верховною Думою для введения предположенной конституции? — спросил его Борисов 2-й'—кто и каким образом будет управлять Россией до совершенного образования нового конституционного правления? Вы еще ничего не сказали об этом.

— До тех пор, пока конституция не примет надлежащей силы, — отвечал Бестужев — временное правление будет заниматься внешними и внутренними делами государства, а это может продолжаться десять лет.

— По вашим словам,—возразил Борисов 2-й.— для избежания кровопролития и удержания порядка, народ будет вовсе устранен от участия в перевороте; революция будет совершенно военная, одни военные люди произведут и утвердят ее. Кто же назначит членов временного правления? Ужели одни военные люди примут в этом участие? По какому праву, с чьего согласия и одобрения будет оно управлять 10 лет целою Россиею? Что составит его силу, и какие ограждения представите в том, что один из членов вашего правления, избранный воинством и поддерживаемый штыками, не похитит самовластия?

---

[1] И в РА, и в ПБ – ошибочно 1823 г.

Вопросы Борисова 2-го произвели страшное действие на Бестужева-Рюмина; негодование изобразилось во всех чертах его лица.

— Как можете вы меня об этом спрашивать! — вскричал он с сверкающими глазами.—Мы, которые убьем некоторым образом законного государя, потерпим ли власть похитителей! Никогда! Никогда!

— Это правда —сказал Борисов 2-й с притворным хладнокровием и с улыбкой сомнения; — но Юлий Цезарь был убит среди Рима, пораженного его величием и славою, а над убийцами, над пламенными патриотами восторжествовал малодушный Октавий, юноша 18 лет.

Борисов хотел продолжать, но был прерван другими вопросами, сделанными Бестужеву, о предметах вовсе незначительных. Бестужев-Рюмин сим воспользовался и не отвечал ничего Борисову 2-му; потом поспешая домой, просил избранных посредников назначить день последнего собрания для утверждения клятвою соединения двух обществ и готовности умереть за Россию [1].

7.

Намеренное устранение Бестужевым офицеров Черниговского полка. — Об'яснение с Муравьевым по этому поводу. — Различие взглядов славян и Южного Общества по вопросу о цареубийстве.

Собрание было закрыто. Все обратили внимание на поспешный от'езд Бестужева; вслед за ним уехали некоторые из членов Славянского Общества, как вдруг вошел Черниговского полка поручик Щепила и, видя, что собрание уже кончилось, с гневом сказал:

— Я и мои товарищи, по сделанному прежде условию, приехали к Веденяпину; не застав его до-

[1] ПБ—за свободу.

ма и не зная ничего о перемене места, мы долго дожидали приезда других членов; наконец решились ехать назад с намерением найти кого-нибудь из сочленов и узнать, где происходит совещание. Недалеко от лагеря мы встретили Мозгана, который сказал нам, что место собрания переменено, по какой причине—сего никто не знает, и что оно уже кончилось. Сия новость весьма огорчила моих товарищей; они подозревают, что Бестужев-Рюмин и даже некоторые славяне хотят удалить нас от общества, как будто опасных или беспокойных людей. Напрасно я старался уговорить их ехать сюда для об'яснений; они меня не послушали и говорили только о нанесенном им оскорблении и о своих подозрениях насчет Муравьева и Бестужева-Рюмина.

Слова Щепилы произвели сильное впечатление на присутствующих; они видели обман со стороны Бестужева, и многие приняли сторону Черниговских офицеров. Борисов 2-й просил Щепилу употребить все силы для прекращения возбужденного негодования и предупреждения ссоры, которая в самом начале может разрушить все предприятия. Для лучшего успеха он с ним поехал к Соловьеву, но не застав его дома, он должен был отложить сии переговоры до другого дня.

К сожалению, мы должны сознаться, что во многих случаях не можем одобрить поведения Бестужева и Муравьева. Желание удалить от совещания Черниговских офицеров и гражданских чиновников (причину сего мы увидим после) разрушило прежнюю связь и доверенность, которыми всегда хвалилось Славянское Общество.

Речь Бестужева, его пустые и ничего незначущие ответы на вопросы Борисова 2-го, его замешательство, неприбытие Черниговских офицеров на совещание и его скорый выезд из собрания многим весьма не понравились и навели на него подозрения.

Шультен, Тихонов и Черноглазов после сего отказались присутствовать на совещаниях и не хотели принимать участия в делах общества.

На другой день Горбачевский поехал к Кузьмину и Сухинову, об'яснил, почему он не уведомил о перемене места, назначенного для собрания, и убедил их вместе с ним итти к Бестужеву и Муравьеву, желая об'яснить все недоразумение, породившие столь неприятные чувства. Придя к Муравьеву, Горбачевский спросил его, почему он удаляет от совещаний Черниговских офицеров и по какому праву он это делает?

Муравьев ответил хладнокровно, что все касающееся до Черниговского полка принадлежит ему исключительно, и он не позволит никому другому вмешиваться в его распоряжения.

— Но каким образом — возразил Горбачевский — мы можем прекратить сношения с теми, которые уже около двух лет считаются нашими сочленами? мне кажется, для сего нужно наше и их согласие.

Ответ Муравьева был точно такой же, как и первый; казалось, он не хотел дать никаких об'яснений и надеялся, что его хладнокровие и настойчивость заставят [1] их из уважения к нему забыть оскорбление и кончить ссору. Но он обманулся; его настойчивость и хладнокровие привели Кузьмина в бешенство.

— Черниговский полк,—вскричал он вне себя от ярости,—не ваш и не вам принадлежит! Я завтра взбунтую не только полк, но и целую дивизию; не думайте же, господин подполковник, что я и мои товарищи пришли просить у вас позволения быть патриотами! Повернулся и вышел вон.

Бестужев-Рюмин подошел к Сухинову и старался оправдать себя и Муравьева, однакож его оправдания

---

[1]) Надеялся... заставят—из ПБ; в РА—и заставить их.

не произвели никакого действия. Сухинов, не слушая их, сказал ему в сильном гневе:

— Если он когда-нибудь вздумает располагать мною и моими товарищами, удалять нас от тех, с которыми мы быть хотим в связи, и сближать с теми, которых мы не хотим знать, то клянусь всем для меня священным, что я тебя изрублю в мелкие куски: знай навсегда, что мы найдем дорогу в Москву и Петербург; нам не нужны такие путеводители, как ты и... тут он взглянул на С. Муравьева.

Муравьев, видя, что сии об'яснения могут иметь весьма вредные следствия, переменил тон и начал хвалить чувствования Кузьмина и Сухинова, превозносил их любовь к отечеству и сказал, наконец:

— Я не имел никогда намерения что-либо скрывать от таких достойных людей; но хотел только иметь честь сноситься с вами прямо, как с товарищами одного полка, и тому подобное.

За сим последовало примирение. Разговоры Щепилы и Борисова успокоили совершенно черниговских офицеров и других членов, и все пришло в прежний порядок.

Здесь должно заметить, что до 4-го совещания ни Бестужев-Рюмин, ни С. Муравьев ничего не говорили о покушении на жизнь императора Александра, хотя при первом свидании с Борисовым и Горбачевским С. Муравьев старался проникнуть мысли славян на сей счет и узнать, думают ли они, что государь согласится дать конституцию и что, давши оную, соблюдает ее с точностью. Борисов 2-й, при всей своей осторожности и недоверчивости своего характера, говорил всегда о перевороте чистосердечно и свободно; но как цель Славянского Союза была чрезвычайно отдаленна, то никто из членов с его общества не делал себе вопроса, что будет с царствующим императором и его домом. Каждый считал бес-

полезным заниматься решением оного. Славянское Общество желало радикальной перемены, намеревалось уничтожить политические и нравственные предрассудки; однакож всем своим действиям хотело дать вид естественной справедливости и потому, гнушаясь насильственных мер, какого бы рода они ни были, почитало всегда самым лучшим средством законность. Посему Борисов 2-й и некоторые из его товарищей осуждали убийство Павла 1-го, Людовика XVI [1], изгнание Иакова II и заточение Фердинанда VII.

С. Муравьев, желая, вероятно, приготовить славян к мысли Южного Общества, т.-е. к истреблению всей царской фамилии, сказал однажды Борисову 2-му и Горбачевскому, что невозможно полагаться на слова государя, и в доказательство привел поступок испанского короля с конституционистами. Борисов 2-й, не зная помянутой меры Южного Общества, выразил откровенно мысли своего общества следующими словами:

— Народ должен делать условия с похитителями власти не иначе, как с оружием в руках, купить свободу кровию и кровию утвердить ее; безрассудно требовать, чтобы человек, родившийся на престоле и вкусивший сладость властолюбия с самой колыбели, добровольно отказался от того, что он привык почитать своим правом; хотя некоторые и приводят в пример Траяна, который хотел в римской империи ввести демократическое правление, но Траян может быть исключением очень редким, как в физической, так и в нравственной природе человека и не может служить правилом и руководством.

---

[1] Так в ПБ; в РА—осуждали.... и все вообще дворцовые революции, не одобряли суд Карла 1-го, Людовика XVI.

Вероятно, Муравьев и Бестужев слова Борисова приняли в пользу мер Южного Общества[1] и думали, что истребление царствующего дома не будет новостью для славян; однако-ж, во всех своих разговорах они никогда не упоминали о сей мере, и на четвертом только совещании, как мы видели, Бестужев, увлеченный энтузиазмом, в первый раз в присутствии славян воскрикнул: «Тогда тиран падет под нашими ударами». Впрочем и сие восклицание можно было принять в переносном смысле, если бы на том же совещании он не сказал Борисову 2-му: «Мы, которые убьем законного государя»... Это одно об'ясняет, почему многие из славян показывали в Следственной Комиссии, что злоумышление на царствующий дом было известно всем славянам, и что об этом было говорено неоднократно, между тем Борисов 2-й, Горбачевский и еще некоторые всеми силами отрицали сии показания, и на их стороне была справедливость.

Без сомнения, те даже, которые говорили утвердительно о истреблении, никогда не думали о сем; рассуждая о близком перевороте, зная, что форма правления должна быть республиканская, они полагали, что император и его дом не могут остаться в России и, может быть, после слов Бестужева-Рюмина: «Убьем законного государя», истребление всей царской фамилии показалось им самым надежным и скорым решением сего трудного вопроса.

Если бы план сего сочинения не заставлял нас заняться главнейшими происшествиями и избегать рассуждений, то мы могли бы подтвердить нашу мысль многими другими разговорами славян и тем доказать, что помянутое истребление никогда не было предметом общих рассуждений на совещаниях.

[1] В ПБ—Вероятно, Муравьев и Бестужев приняли за положительные правила Славянского Общества эти слова Борисова 2-го и думали.

8.

Пятое собрание славян 13 сентября у Андреевича 2-го.— Клятва.—Горбачевский, Спиридов, Пестов 15 сентября у С. Муравьева и Бестужева.—Разговор Горбачевского и Муравьева о приготовлении солдат.—Спор о действии на солдат посредством религии. — Назначение заговорщиков.—Борисов 2-й 16-го сентября у Муравьева.—Выступление из лагеря.

13 сентября, в день, назначенный для последнего совещания, все члены Славянского Общества поспешили собраться на квартиру Андреевича 2-го. Это собрание было многочисленное и представляло любопытное зрелище для наблюдателя. Люди различных характеров, волнуемые различными страстями, кажется, помышляли только о том, как бы слиться в одно желание и составить одно целое; все их мысли были заняты предприятием освобождения отечества; все их надежды затмевались надеждою блистательных и несомненных успехов. Радость, самоотвержение блистали на их лицах. Посреди всеобщего упоения проницательный взор наблюдателя мог бы заметить, что не все славяне чистосердечно радовались соединению их общества с Южным, подобно как просвещенный путешественник, присутствующий при шумном и радостном торжестве диких, погребающих одного из своих собратий, читает в глазах отца и супруги скорбное чувство разлуки и видит незамечаемую никем слезу, посвященную памяти умершего [1].

Приезд Бестужева-Рюмина довершил упоение. Он говорил снова об успехах, о счастии пожертвовать собою для блага своих сограждан, и после сего каждый хотел произнести немедленно требуемую клятву; все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, дей-

[1] От слов: подобно как—и до конца фразы в ПБ нет.

ствовать с преданностью и с самозабвением. Бестужев-Рюмин, сняв образ, висевший на его груди, поцеловал оный пламенно, призывая на помощь провидение; с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу и передал оный славянам, близ него стоявшим. Невозможно изобразить сей торжественной, трогательной и вместе странной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные страшные клятвы смешивались с криками:

— Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да гибнет различие сословий! Да гибнет дворянство вместе с царским саном!..

Образ переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети, одним словом, это собрание походило на сборище людей исступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной[1]. Бестужев-Рюмин, пораженный и тронутый сими чувствами, сим бурным порывом энтузиазма или желая, может быть, надеждою лучшей будущности еще более воспламенить страсти славян, сказал со слезами на глазах:

— Вы напрасно думаете, что славная смерть есть единственная цель вашей жизни; отечество всегда признательно: оно щедро награждает верных своих сынов. Наградою вашего самоотвержения будет не смерть, а почести и достоинства; вы еще молоды, и вас ожидает не мученический венец, но венец славы и счастья.

---

[1] Когда Бестужева вели на казнь, он сей самый образ, над которым клялись славяне, подарил своему сторожу, который был при нем в каземате. Сторож продал оный образ Лунину, у которого оный и теперь хранится.

Сии слова, подобно магическому жезлу Эндоры, в одно мгновенье переменили сцену: шумные восклицания умолкли, негодование заступило место упоения.

— Говоря о наградах,—воскликнули многие — вы обижаете нас!

— Не для наград, не для приобретения почестей хотим освободить Россию —говорили другие.

— Сражаться до последней капли крови: вот наша награда!—закричали с неистовством некоторые.

Бестужев-Рюмин смешался, видя, что неуместно выразился насчет наград; но сие справедливое негодование прошло после нескольких слов, сказанных Бестужевым. Они успокоили славян, которые снова предались излиянию своих чувств.

15 сентября С. Муравьев попросил к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова, которые приехали к нему в назначенный час. Бестужев-Рюмин начал разговор похвалами Славянскому Обществу, рассказывал и повторял несколько раз С. Муравьеву, с каким восторгом они произносили клятву соединения двух обществ, превозносил их преданность к общему делу и тому подобное. Но Спиридов, Горбачевский и Пестов все еще не знали, зачем их к себе звал С. Муравьев. Сначала они полагали, что он их приглашает к себе по каким-нибудь маловажным обстоятельствам или для того, чтобы кончить какие-нибудь переговоры; но вышло противное. Мы увидим в скорости, чего хотели С. Муравьев и Бестужев-Рюмин от славян, на что они согласились и в чем отказали С. Муравьеву.

Разговор сделался общим; рассуждали о сношениях с Верховною Думою, о действии на нижних чинов и пр. Спиридов, Пестов и Бестужев-Рюмин перешли к рассуждениям о принятии членов и, по несогласию мнений относительно сего предмета, между ними произошел довольно жаркий спор. Сергей Му-

равьев с Горбачевским, удалившись в другой конец комнаты разговаривали о восстании, в особенности о приготовлении солдат. Горбачевский утверждал, что от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащей осторожностью об'яснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны общества, разумеется не открывая им сего [1], заставить их о сем думать и дойти до того, чтобы они сражались не в минуту энтузиазма, но постоянно, за свои мысли и за отыскиваемые ими права. Здесь Горбачевский рассказал С. Муравьеву предполагаемый славянами план действия на нижних чинов и говорил, что должно принять всем членам одинаковый способ действий. Он был убежден, что откровенность и чистосердечие подействует на русского солдата более, нежели все хитрости махиавелизма. Муравьев думал иначе: эму казалось не только бесполезным, но даже опасным открывать солдатам что-либо, клонящееся к цели общества; что они отнюдь не в состоянии понять выгод переворота; что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будут для них загадкою сфинкса. Горбачевский возражал, что сих политических тонкостей не нужно им толковать и рассказывать, но что на это есть другой язык, который они поймут, лишь бы только соображались с их понятиями.

— Кроме того,—прибавил он —у всякого командира есть столько способов, что если солдаты, во время восстания за ним не пойдут, то, конечно, командир сам виноват, и сие должно приписать ничему другому, как его нехотению, или просто нерадению.

С. Муравьев отвечал, что, по его мнению, лучший способ действовать на русских солдать религиею; что в них должно возбудить фанатизм, и что чтение библии может внушить им ненависть к правительству.

---

[1] В ПБ—не открывая им главного.

— Некоторые главы,—продолжал он—содержат прямые запрещения от бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление божие, то, не колеблясь нимало, согласится поднять оружие против своего государя.

— Я с вами не согласен, — отвечал Горбачевский,—вы знаете, что терпимость составляет отличительную черту русского народа; вам не нужно говорить, что ни священники, ни монахи не могут иметь влияния на русских, и что они пользуются весьма невыгодным для них мнением между нашими соотечественниками. Скажите, можно ли с русским говорить языком духовных особ, на которых он смотрит с весьма худой стороны? Я думаю, что между нашими солдатами можно более найти вольнодумцев, нежели фанатиков, и легко может случиться, что здравый смысл заставит некоторых из них сказать, что запрещение израильтянам избирать царя было не божие повеление, а обман и козни священников-левитов, желавших поддержать теократию.

— Вы делаете много чести нашим солдатам — возразил Муравьев;—простой народ добр, он никогда не рассуждает и потому он должен быть орудием для достижения цели.

Говоря сие он вынул из ящика исписанный лист бумаги и, подавая его Горбачевскому, сказал:

— Поверьте мне, что религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца; она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам русского, по вашим словам, равнодушного к религии и доставит ему мученический венец.

Горбачевский молча взял бумагу из рук Муравьева, пробежал ее глазами и увидел, что это перевод той главы из Ветхого Завета, где описывается избрание израильтянами царя Саула.

— Это все очень хорошо,—сказал он, отдавая назад Муравьеву помянутый лист; но я уверен, что

никто из славян не согласится, таким образом действовать; что же касается до меня, то я первый отвергаю сей способ и не прикоснусь до сего листа.

В это время подошел к ним Спиридов. С. Муравьев, отдавая ему сей лист, повторил сие [1] мнение. Услышав оное, Спиридов начал поддерживать мнение Горбачевского, говоря, что сей способ совершенно не соображен с духом русского народа, что он не принесет никакой пользы, что кто проникнут [2] чувством религии, тот не станет употреблять столь священный предмет орудием для достижения какой-либо посторонней цели. Муравьев силился доказать Горбачевскому, что сие средство действовать на солдат есть самое надежное; Горбачевский же, напротив, утверждал, что оно относительно русского солдата, есть совершенно бесполезное, и что ежели ему начнут доказывать ветхим заветом, что не надобно царя, то с другой стороны ему с малолетства твердят и будут доказывать Новым Заветом, что итти против царя, значит итти против бога и религии [3], наконец, что никто не захочет входить в теологические споры с солдатами, которые совсем не в том положении, чтобы их понимать, и не те отношения между ними и офицерами. Муравьев замолчал, положил бумагу в ящик и обратил разговор на другой предмет.

Мы не будем здесь рассуждать, почему Муравьев полагал, что священным писанием можно привлечь к делу солдат и показать им, каким образом должны управляться народы; не будем также доказывать, ложно или справедливо было сие его мнение; но только скажем, что ни Горбачевский, ни Спиридов не

---

[1] В ПБ—свое.

[2] ПБ—никакой пользы для неверующих, а напротив того, кто проникнут....

[3] ПБ—твердят и доказывают ветхим и новым Заветом, что все власти от бога, что итти против царя....

только не приняли предложения С. Муравьева, но даже впоследствии оставили его без всякого внимания и не сообщали его своим товарищам, ибо наперед знали, что они будут противного мнения.

Во время разговора[1] Горбачевского с Муравьевым, Спиридов, Пестов и Бестужев-Рюмин спорили между собою.

Бестужев вскричал:

— Членов много, но скажите, возьмется ли кто-нибудь из них нанести удар императору?

Пестов отвечал с удивлением:

— Я не понимаю вашего вопроса; мне кажется, что каждый, поклявшийся умереть за отечество, должен быть на все готов; он должен исполнить все, служащее ко благу отечества, лишь только оно будет признано необходимым.

При сих словах на лице Бестужева изобразилась радость; он вместо всякого ответа вынул из кармана список членов Славянского Общества, подбежал к столу и, обращаясь к Пестову, Спиридову и Горбачевскому, сказал:

— Коль скоро так, то прошу на сем списке отметить имена славян, которые, по вашему мнению, готовы пожертвовать всем и одним ударом освободить Россию от тирана.

Очень хладнокровно и нимало не противореча, все три подошли к столу. Пестов назначил самого себя; Спиридов, кроме себя, еще Тютчева, Громницкого и Лисовского; Горбачевский—себя и двух братьев Борисовых; Бестужев-Рюмин сам назначил Бечаснова и потом самого себя, Кузьмина, Соловьева и Сухинова. Когда Горбачевский отметил Борисова 2-го, Бестужев-Рюмин об'явил неудовольствие и не

---

[1] Место со слов: «Во время разговора» и кончая словами—«у Муравьева и Бестужева были Пестов, Спиридов и Горбачевский»—выкинуто было цензурой в РА.

хотел, чтобы он был назначен. Пестов и Горбачевский почли сие устранение оскорбительным и спросили причину оного.

— Он слишком холоден и неспособен к энтузиазму,—отвечал Бестужев,—и потому я почитаю его неспособным к этому решительному предприятию.

— Вы его не знаете,—отвечали они с негодованием, стараясь разрушить предубеждение Бестужева, который должен был наконец согласиться поместить Борисова 2-го в число заговорщиков —так он называл людей, которые назначались к отважному предприятию покуситься на жизнь государя.

Кончив сии назначения и не входя ни в какие предварительные рассуждения, Бестужев сказал:

— Заговорщики должны дать клятвенное обещание в неизменном исполнении возложенного на них поручения и до исполнения оного никому из членов общества не открывать своего назначения и даже никому не говорить о сей мере Южного Общества.

Он первый поклялся исполнить сей обет и—как оказалось после—первый его нарушил, написавши к Пестелю и сказавши другим, что у него есть 15 человек, готовых убить государя. Славяне поклялись, и не только никто из их сочленов не знал о сей мере Южного Общества, не только никто не знал о существовании заговорщиков, но даже никто из них не слыхал, что 15-го сентября, вечером у Муравьева и Бестужева были Пестов, Спиридов и Горбачевский.

Таким образом кончилось замечательное и странное совещание. Описывая его подробно, со всею справедливостью и истиною, мы хотим показать, каким образом действовали С. Муравьев и Бестужев, чего они хотели, и должно ли было им так поступать с людьми, которые, не скрывали [1] от них ничего, и которые, один раз решившись на все, не подвергая обсу-

[1] Так в ПБ; в РА—не скрывая.

ждению предложение Бестужева, хладнокровно и без всякого противоречия, назначали себя в убийцы из одного убеждения, что сего требует цель общества и успех предприятия. Но, между тем, Бестужев и Муравьев не заметили самого важного: от их внимания ускользнуло, что, действуя таким образом, они теряют доверенность, необходимую в столь важных случаях, и наводят на себя подозрения. Славяне ясно видели, что с ними обходятся неоткровенно и употребляют изворотливость, вовсе ненужные, чтобы получить от них согласие. Однако, несмотря на сие, имея всегда в виду только достижение цели, они согласились и молчали обо всем, единственно для того еще, чтобы не повредить успеху дела. Не менее того заговорщики с сей минуты еще более убедились в невыгодных мнениях на счет откровенности Муравьева и Бестужева и вообще насчет дел их общества.

Муравьев и Бестужев, прощаясь с Пестовым и Горбачевским, просили их сообщить о всем происшедшем на сем совещании Борисову 2-му и желали, чтоб он непременно до выхода из лагеря с ними повидался. Борисов 2-й на другой день рано утром был у Муравьева и Бестужева (они вместе жили), которые, сообщив ему помянутую меру Южного Общества, об'явили ему, что он поступил в заговорщики, и взяли с него клятвенное обещание.

В тот же день, т.-е. 16 сентября, все полки и артиллерийские роты, бывшие в лагере, выступили на кантонир—квартиры.

9.

Отличительные черты Южного Общества и Союза Соединенных Славян.

Краткое описание сих происшествий Лещинского лагеря доказывает, сколь сильное влияние имело соединение двух обществ на направление действий и будущую судьбу оных. Постараемся теперь означить,

сколько возможно, отличительные черты каждого из этих обществ: сие сближение яснее покажет составные части и характер оных.

Члены Южного Общества действовали большею частью в кругу высшего сословия людей; богатство, связи, чины и значительные должности считались как бы необходимым условием вступления в общество; они думали произвести переворот одною военною силою, без участия народа, не открывая даже предварительно тайны своих намерений ни офицерам, ни нижним чинам, из коих первых надеялись увлечь энтузиазмом и обещаниями, а последних— или теми же средствами, или деньгами и угрозами [1]).

---

[1]) В справедливости сего мы могли бы привести множество примеров, но скажем главные, которые служат доказательством нашего мнения.

Из происшествий Лещинского лагеря легко можно видеть, что Муравьев и Бестужев с трудом согласились, чтобы славяне действовали на солдат, и когда дали оное согласие, то не иначе как с ограничением, как-то: действовать медленно, косвенно. Мы смело утверждаем, чему свидетели все бывшие в Лещине, что полковые командиры всегда говорили, в том числе и С. Муравьев, что они без всякого предварительного приготовления увлекут за собою солдат и офицеров. Сему служат (доказательством) самые резкие примеры.

Ни один полковой командир 9-й дивизии, 8-й гусарской и командир артиллерийской роты, никто из них никогда из своего полка не принял ни одного офицера в общество (хотя в полках сих дивизий находилось много членов общества из субалтерн-офицеров, но все они были приняты или славянами или Бестужевым-Рюминым). Муравьев не только не принимал в члены офицеров Черниговского полка, но даже не знал, что с ним служат офицеры, которые уже два года принадлежат к другому тайному обществу. Мнение, что можно увлечь с собою офицеров и солдат, было единственною причиною, которая заставляла С. Муравьева противиться, чтобы Черниговского полка офицеры не принимали никакого участия в совещаниях, бывших в Лещине, и сия же самая причина была удивлению Бестужева при первом совещании (прим. 1, стр. 50), когда он увидел там 9-й дивизии поручика Усовского. Черниговского полка офицеры прямо действовали на солдат, но о сем никогда не знал С. Муравьев; никогда сии офицеры не

Сверх того, так как члены Южного Общества были, большею частью, люди зрелого возраста, занимавшие довольно значущие места, имевшие некоторый вес по гражданским отношениям, то для них было тягостно самое равенство их свободного соединения; привычка повелевать невольно брала верх и мешала повиноваться равному себе и тем более препятствовала

говорили ему о сем, ибо знали наперед, что он будет сему противиться.

Вятского полка командир Пестель никогда не заботился об офицерах и угнетал самыми ужасными способами солдат, думая сим возбудить в них ненависть к правительству. Вышло совершенно противное. Солдаты были очень рады, когда его избавились, и после его ареста они показали на него жалобы. Непонятно, как он не мог себе вообразить, что солдаты сие угнетение вовсе не отнесут к правительству, но к нему самому: они видели, что в других полках солдатам лучше, нежели им; следовательно, понимали и даже говорили, что сие угнетение не от правительства, а от полкового командира.

Полковник Тизенгаузен всегда говорил, что для него довольно будет, если он, выстроивши полк, выкативши несколько бочек вина, выдавши несколько денег, вызвавши песенников вперед, крикнет [1]: Ребята за мной!—чтобы полк двинулся и действовал в смысле его.

Бригадный командир 3-й бригады, подполковник Фролов, и ротный командир 5-й конной роты, капитан Пыхачев, говорили то же самое, что и полковник Тизенгаузен, прибавляя еще к их словам, что он прикажет дать несколько кусков сала, в кашицу, и солдаты пойдут за ним.

Бывший командир 27-й конно-артиллерийской роты, подполковник Енгальцев, однажды спросил у Горбачевского:

— Зачем в 8-й артиллерийской бригаде об'явили солдатам и фейерверкерам о замышляемом перевороте?

— Затем,—отвечал ему Горбачевский,—чтобы им знать, за что они будут сражаться, и поэтому быть совершенно убеждену в их содействии и усердии и быть уверену всякую минуту в готовности их к восстанию.

— Этого никогда не должно делать; я бы свою роту, если бы она за мной не пошла, погнал бы палкою,—возразил Енгальцев.

[1] РА—крикнувши.

иметь доверенность в сношениях по обществу с лицами, стоящими ниже их в гражданской иерархии.

Славяне, напротив, в действиях своих руководствовались совершенно противоположными началами: они требовали от своего сочлена, ни мало не взирая на светские его отношения, старания стремиться к собственному усовершенствованию, презрения к предрассудкам и твердого обдуманного желания полного во всем преобразования. Они были проникнуты обширностью своего плана и для приведения его в исполнение считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание—ничтожны без сего всемощного двигателя в политическом мире. Славяне, все без исключения, люди молодые, пылкие, доверчивые и решительные, не могли ограничиваться одними желаниями: деятельность сделалась потребностью их души, жаждущей овладеть желаемым. Равенство и даже подчиненность в стремлении к общему делу не могли устрашить тех, которые не вкусили еще яда власти.

Однако, несмотря на разномыслие в средствах и образе действий, сии люди соединились и поклялись, жертвуя всем, достигнуть цели. Сближение сие, конечно, изменило несколько характер Васильковской Управы, но не могло вполне пробудить ее от бездействия. Славяне же, укрепленные новыми силами, начали еще с большим рвением действовать на своих подчиненных. Плодм их действия было восстание Черниговского полка, которое составляет главный предмет нашего рассказа. Сила обстоятельств заставила, может быть, начать его ранее нежели следовало, и надолго удалила Россию от того благоденствия, которое ей обещало сие благородное усилие людей истинно благомыслящих. Приступим к описанию сего

незабвенного происшествия и вместе с тем изложим предварительно все содействовшие оному обстоятельства [1]

---

[1] В ПБ—дальше следует: Пусть каждый оценит это дело по совести, воспользуется ошибками первого опыта и почтит память погибших за святое дело.

II.

Восстание Черниговского полка.

1.

Агитация славян среди солдат.—В конце октября Горбачевский и Борисов 2- посылают с Андреевичем 2-м в Киев Бестужеву письмо о подготовке восстания.—Известие о смерти Александра I.—Присяга Константину и происшествие в Черниговском полку при ее совершении.

Немедленно, по возвращении из Лещинского лагеря на зимние квартиры славяне, горевшие нетерпением достигнуть желаемой цели, начали распространять свои мысли между нижними чинами. В 9-й дивизии офицеры Черниговского полка еще во время лагеря действовали на солдат; прибыв на квартиры они усилили свои действия и неослабимо с величайшею ревностью приготовляли своих подчиненных—будущих сподвижников великого дела. В полках 8-й дивизии члены общества также не оставались праздными и всеми способами стремились к избранной цели; но можно положительно сказать, что никто из них не действовал сильнее и решительнее артиллеристов 8-й бригады. Они употребляли все возможные усилия к приготовлению своих подчиненных, старались как бы слиться с ними, породнить их с своими мыслями и желаниями; они даже открыли им все свои намерения, и когда поверяли им свои надежды, в сем случае славяне Черниговского полка и 8-й бригады переступили, может быть, границы благоразумия, но к их счастью и к чести русских между нижними чинами не нашлось ни одного изменника: за доверенность своих офицеров они платили скромностию и верностию, слушали пылких славян со вни-

манием, любопытством, хотя и не без удивления; некоторые из них даже клялись следовать всюду за добрыми, как они говорили, офицерами и, если нужно, умереть вместе с ними. Какое-то темное желание изменить существующий порядок вещей волновало их ум и сердце; настоящее положение было им тягостно; они хотели перемены, но какой?—они в том не могли себе сначала дать ясного отчета.

В конце октября месяца командирован был начальством Андреевич 2-й в Киевский арсенал для черчения планов [1]). Горбачевский послал с ним письмо к Бестужеву, где описывал действия славян на нижних чинов, готовность их к восстанию и принятие новых членов. В сем письме успехи славян нисколько не были преувеличены: они желали чистосердечно переворота, потому действовали смело и были уверены в скором исполнении их желаний. Тут же было приложено мнение Петра Борисова относительно приготовления артиллерии и переделки снарядов: он предлагал управляющим обществами найти способы внушить начальству урез кого-нибудь из близких к оному мысль об отдании приказа по корпусу насчет осмотра и переделки всех вообще зарядов и полагал необходимым привести сию меру в действие по крайней мере в тех ротах артиллерии, где находятся члены общества [2]).

---

[1]) После лагеря Андреевич был переведен из 2-й легкой роты в 1-ую батарейную 8-й же бригады.

[2]) В артиллерийские роты для практических учений порох и снаряды принимались всякий год в Киеве и расходовались во время лагеря. Между тем, по небрежению ротных командиров, заряды, находящиеся в ящиках, никогда не переменялись. Это делалось почти везде, и Борисов, будучи в сражении против горцев с бригадою, которая перешла на Кавказ из первой армии и пошла тотчас в действие, не успев переменить и осмотреть снарядов и будучи свидетелем неудачного действия гранат, брандскугелей и картеч, боялся, чтобы сего не случилось и при восстании.

Среди сих занятий и приготовлений получено было известие о внезапной смерти Александра I. Сие неожиданное происшествие призывало к немедленному восстанию. Различные чувства волновали сердца; ожидания, надежды приводили умы в движение, но все было спокойно. В начале декабря военные и гражданские чиновники получили повеление приступить к присяге новому императору Константину. Славяне присягали с неудовольствием и, пользуясь сим случаем, старались внушить своим подчиненным недоверенность к правительству и представить сию присягу как обстоятельство, вынужденное насилием, от которой каждый может освободиться при первом благоприятном случае без малейшего упрека совести.

В Черниговском полку сами обстоятельства помогли офицерам действовать на солдат в сем смысле. Командир сего полка, подполковник Гебель, не соображаясь нисколько с духом времени, ни с важностью присяги, поступили, как обыкновенно поступают наши должностные люди, по мнению коих все искусство в управлении состоит в том, чтобы сбыть с рук скорее дело. Пользуясь сбором полка для присяги, он вздумал привести в исполнение сентенцию главнокомандующего 1-ю армиею над двумя рядовыми, приговоренными за грабительство к позорному наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу. Таким образом в один и тот же час, по его распоряжению, были исполнены два повеления, разительно противоположные одно другому. Солдаты знали, что они собраны для присяги, и не могли не удивляться, услышав чтение сентенции и видя приготовления к постыдному наказанию виновных их товарищей. При самом начале чтения в рядах был слышен глухой ропот, который скоро превратился в явное из'явление негодования. Сей поступок полкового командира убеждал солдат в его злобе и недоброжелательстве. Они думали, что он мог бы избавить их товари-

щей от жестокого наказания, зная, что при восшествии на престол нового государя самые ужасные злодеи получают смягчения наказания [1]). Офицеры, пораженные сим неблагоразумным распоряжением, жаловались вслух при солдатах на неуместную жестокость правительства, выражали явно свою ненависть к деспоту [1], к исполнителям его воли и, не желая быть свидетелями сего позорища, оставили свои места. Сие торжество человеколюбия пред военною дисциплиною сильно подействовало на солдат. Казалось, они ожидали только слова, чтобы следовать примеру своих офицеров.

Нечаянный случай выразил сей порыв. Сергей Муравьев, человек чувствительный по своему высокому и благородному характеру, чуждый всякой жестокости, был поражен воплем жертв, тяжко терзаемых вечно-свирепым палачем [2]. Напрасно он делал усилия казаться спокойным: не будучи в состоянии выдержать сильных потрясений души, производимых сим отвратительным зрелищем, он лишился чувств и пал за-мертво. Офицеры и солдаты, увидя сие все без исключения, забыв военную дисциплину, забыв присутствие строгого Гебеля, бросились к Муравьеву на помощь. Строй пришел в совершенный беспрядок. Солдаты собрались в кучу около лежавшего без чувств С. Муравьева и старались возвратить его к жизни. Ни командные слова, ни угрозы не могли привести их к послушанию и восстановить порядок.

Происшествие сие еще более привязало солдат Черниговского полка к их офицерам и особенно

---

1) Сии несчастные солдаты, будучи пьяны, отлучились от полка и в 3 верстах от штаба отняли у мужика 2 рубля сер. Конечно, они виноваты, но в сем случае такая строгость хуже всякого послабления.

1 ПБ—к деспотизму.

2 ПБ—жертв, терзаемых бесчеловечно свирепым палачем.

к Муравьеву; в его чувствительности они видели доказательство его человеколюбия и участия к бедственному жребию русского солдата, неогражденного никакими законами от самовластия последнего офицера; они чувствовали, что он для их собственного добра желает перемены их положения. Увлеченные гневом, они осыпали проклятиями полкового командира, правительство, и сей случай заронил в их сердца искру мщения. Присяга новому императору произнесенная сейчас, после сей ужасной экзекуции не могла быть чистосердечна: умы и сердца были поражены жестокостью наказания и не могли вознестись к престолу вечного, с обещанием умереть за тирана [1].

2.

23-го декабря вести в Черниговском полку о событиях 14-го декабря.— От'езд С. Муравьева 24-го декабря в Житомир.— Сборы Бестужева в Петербург.—25-го декабря присяга Николаю.—Прибытие жандармов для ареста Муравьева.—Выезд Бестужева в Житомир для предупреждения Муравьева.— Приезд и от'езд Андреевича 2-го.

За два дня до Рождества Христова, в Черниговском полку узнали о происшествии 14-го декабря. На другой день поутру С. Муравьев об'явил славянам, что он поедет в Житомир и скоро возвратится. Целью сей поездки, по его словам, было намерение испросить у корпусного командира отпуск Бестужеву-Рюмину в С.-Петербург. Нам неизвестно, зачем Бестужев должен был ехать в столицу; мы только можем сказать, что он не задолго перед сим писал Горбачевскому и Спиридову и приглашал их приехать к 15 января 1826 г. в г. Киев, вместе с Бори-

[1] Тирана из ПБ; в РА—в тексте точки, а под строкой примечание редактора т. е. П. И. Бартенева—в подлиннике не разобрано.

совым и Тютчевым. Накануне от'езда С. Муравьева, Бестужев-Рюмин просил Кузьмина приготовиться в дорогу и сказал об этом Соловьеву, Сухинову и Щепиле.

— Вы все поедете,—говорил он:—со мною в Киев, а оттуда в С.-Петербург [1]).

По сим данным невозможно сделать никакого заключения и весьма трудно решить, зачем Бестужев приглашал их в Киев к назначенному сроку.

Вечером того же дня, вскоре после от'езда С. Муравьева (24 декабря), ротные командиры Черниговского полка получили от полкового командира повеление собрать роты в полковой штаб для присяги новому императору Николаю I. Услыша о сем повелении, славяне сейчас согласились собрать свои роты в полной походной и боевой амуниции, намереваясь воспользоваться случаем и, не ожидая приезда Муравьева из Житомира, возмутить полк и итти прямо на Киев, где Муравьев, услыша о сем [1], мог соединиться с ними. Сию мысль подало им известие о неудачном происшествии 14 декабря в С.-Петербурге: зная несчастные следствия оного, они хотели произвесть новое восстание на юге и тем спасти тайное общество от конечной гибели.

Рано поутру, 25 декабря, когда все роты Черниговского полка собрались в Васильков, члены славянского Общества поколебались в своем намерении; они не знали, на что решиться: начать ли действовать, или ожидать возвращения С. Муравьева.

— Что мы будем делать, — говорили некоторые из них —если, по приходе нашем в Киев, мы не найдем ни одного из членов, желающих разделить с нами опасность восстания, и если по каким-либо

---

[1]) Муравьев прежде сам хотел ехать в Петербург с сими офицерами, но, как видно, отложил сие намерение.

[1] ПБ—об этом, на этих словах рукопись ПБ обрывается.

непредвиденным обстоятельствам Муравьев будет задержан в Житомире и не приедет к нам? Наше восстание, начатое без ведома и согласия главных членов общества, не повредит ли общему делу и не расстроит ли планов, составленных ими?

Сие рассуждение остановило бурный порыв нетерпеливых славян, и после долгого совещания они почли нужным, наконец, отложить свое предприятие и спокойно ожидать возвращения С. Муравьева [1]).

Того же дня в 10 часов утра, был совершен обряд присяги [2]). Солдаты произносили обещание с отвращением; некоторые из них стояли с мрачным и неподвижным взором, в глубоком молчании, и не только не повторяли слов священника, но даже не слушали оных; офицеры показывали явно нетерпение и негодование, были совершенно невнимательны к сему обряду, и многие из них даже не поднимали руки, как это бывает при подобных случаях. Глухой ропот в рядах сопровождал почти каждое слово священника.

— Сколько будет этих присяг?—говорили иные.

---

[1]) ... Офицеры говорили впоследствии о сем Муравьеву; он очень жалел, что они тотчас не исполнили.

[2]) Рано поутру ротные командиры Соловьев и Щепила, пришли к полковому командиру с рапортом о прибытии их рот в штаб. Когда они явились, подполковник Гебель спросил у них, между разговорами, знают ли они причину требования в штаб? Соловьев отвечал, что он слышал будто бы присягать новому государю. Гебель сие подтвердил, прибавив, что он боится, чтобы при сем случае не было переворота в России, и при сих словах заплакал. Соловьев отвечал с улыбкою, что всякий переворот всегда бывает к лучшему, и что даже желать должно. «Ох, я боюсь»,—сказал, закрывая руками лицо, Гебель, как будто предчувствуя то, что с ним случится. Соловьев начал шутить, Гебель плакать; а Щепила, который был характера вспыльчивого и нетерпеливого, ненавидел Гебеля за его дурные поступки, дрожа от злости, сердился и едва мог удерживать свою досаду. Соловьев рассказывает, что из этого вышло пресмешная и оригинальная сцена.

— Бог знает,—отвечали другие—это ни на что не похоже: сегодня присяга одному, завтра—другому, а там, может быть, и третьему.

Неудовольствие, досада изображались во всех движениях и показывали сильное брожение умов; казалось, что все ожидали чего-то необыкновенного и желали быть свидетелями совершения оного. Гебель все сие видел, но старался скрыть свое неудовольствие от своих подчиненных и произносил клятвенное обещание с особенным благоговением и усердием, как бы желая тем пробудить в сердцах угасшую их преданность к царственному дому. Тотчас по окончании присяги полк был распущен по квартирам; члены общества, по принятому ими намерению, остались в Василькове, и, отпустив свои роты в деревни, приказали им, по первому приказу, явиться в полной боевой и походной амуниции туда, куда потребуют их ротные начальники [1]).

Вечером по случаю полкового праздника приглашены были к подполковнику Гебелю на бал все офицеры, городские жители и знакомые помещики с их семействами. Собрание было довольно многочисленное; хозяин всеми силами содействовал к увеселению гостей, а гости старались отблагодарить его

---

[1]) Читая сии намерения членов Славянского Общества и их распоряжения, нельзя не убедиться, как важно для всякого общества, которое хочет действовать военною силою, иметь в нем ротных командиров и субалтерн-офицеров, и как важно заранее об'явить свое намерение солдатам. Спрашивается: кто бы осмелился приказывать ротам явиться в походной амуниции к присяге и, пришедши в штаб, скрыть оное от всех? Кто бы осмелился приказывать ротам явиться с боевыми патронами туда, куда потребует ротный командир? Можно ли отдавать такие приказания таким солдатам, которые не знают намерений ротного командира? Вопросы сии сами собой решаются. Но мы еще прибавим, что одни офицеры в состоянии сие сделать и при том таким образом, что ни батальонный, ни полковой командир никогда о сем не могут знать. Этому пример—Черниговский полк.

радушием, веселились от чистого сердца и танцовали, как говорится в тех местах, до упаду. Музыка не умолкала ни на минуту; дамы и кавалеры кружились беспрестанно в вихре танцев; даже пожилые люди принимали участие в забавах, опасаясь казаться невеселыми. Одним словом, веселиться и веселиться искренно было общим желанием, законом собрания. Время летело быстрее молнии. Вдруг растворилась дверь в залу, и вошли два жандармских офицера: поручик Несмеянов и прапорщик Скоков. Мгновенно удовольствия были прерваны, все собрание обратило на них взоры, веселие превратилось в неиз'яснимую мрачность, все глядели друг на друга безмолвно: жандармы навели на всех трепет. Один из них подошел к Гебелю, спросил его, он ли командир Черниговского полка, и, получа от него утвердительный ответ, сказал ему:

— Я к вам имею важные бумаги.

Гебель тотчас удалился с ними в кабинет.

Тут начались вопросы, предположения, беспокойства; одни члены Славянского Общества сейчас поняли, что ударил час общей для них гибели.

— Все открыто,—думали они про себя.—Сегодня арестуют одного, завтра другого: надобно на что-нибудь решиться!

Через несколько минут Гебель, в сопровождении жандармских офицеров, возвратился в залу и, не сказав никому ни слова, вышел, сел в те же самые сани, в которых приехали Несмеянов и Скоков, и вместе с ними поскакал на квартиру С. Муравьева [1]).

В это время Бестужев-Рюмин находился в Василькове и жил с Башмаковым на квартире Муравьева. Было довольно поздно; они уже спали.

---

[1]) Сии жандармские офицеры посланы были из главной квартиры 1-й армии; один приехал, чтобы арестовать С. Муравьева, другой—брата его Матвея.

Никто из членов, бывших у Гебеля, не мог их уведомить о нечаянном появлении жандармов: отдаленное расстояние и быстрое действие Гебеля не позволили предварить их, и они узнали о нем только тогда, когда, разбуженные стуком и требованием огня, увидели перед собою командира Черниговского полка, сопровождаемого жандармами, которые прямо вошли в кабинет Муравьева и, не сказав ни одного слова, взяли все бумаги, там находящиеся. Кончив свое дело, они помчались по житомирской дороге. Бестужев-Рюмин и Башмаков, пораженные сим явлением, оставались несколько минут в недоумении, из коего были выведены пришедшими славянами, которые, полагая наверное, что жандармы привезли повеление арестовать Муравьева, оставили тотчас дом Гебеля и побежали в разные места города, чтобы собрать хотя несколько солдат и захватить Гебеля вместе с жандармами; но, не найдя солдат, которые до одного разошлись по деревням, они поспешили к Бестужеву и попросили его скакать в ту же минуту вслед за Гебелем, стараясь обогнать его и уведомить Муравьева, об угрожающей ему и всему обществу опасности, говоря, что между тем они займутся приготовлением к восстанию. Бестужев-Рюмин не ожидал повторения, взял лошадей и полетел. Он так скоро ехал, что обогнал на дороге Гебеля, был четвертью часа на первой станции прежде его и поскакал далее.

Отправив Бестужева, офицеры Черниговского полка решили в Василькове ожидать возвращения С. Муравьева и, если он будет арестован на дороге, непременно поднять полк и идти на Киев, не заботясь, какой конец будет иметь сие действие. Однакож, не взирая на сию твердую решительность пасть первыми жертвами свободы, их положение было весьма тягостно. Окруженные неизвестностью, мучимые желаниями, они терзались в догадках и предположе-

ниях и почти не покидали квартиры Муравьева, ожидая его возвращения. 27 декабря, когда по обыкновению все там находились и беседовали о будущем, стараясь забыть настоящее, неожиданно явился 8-й бригады подпоручик Андреевич 2-й. Черниговцы обрадовались. Андреевич, войдя в комнату, спросил, где Муравьев?

— Мы не знаем, где он и, что с ним делается, отвечали славяне.

Тут рассказали они Андреевичу в коротких словах о всем случившемся 25 декабря и потребовали, чтобы он немедленно ехал по следам Муравьева и старался отыскать его, чтоб он просил его остаться в 8-й дивизии или в каком-нибудь гусарском полку и там поднять знамя бунта. Они поручили Андреевичу успокоить его на счет их; ибо коль скоро они узнают о восстании, то немедленно взбунтуют Черниговский полк и придут на сборное место. Сверх того они сказали Андреевичу, чтобы он известил всех известных ему членов, как Южного, так и Славянского обществ о начале восстания и, наконец, если Муравьев арестован, то, чтобы он старался побудить других членов к действию и к освобождению арестованного, и что сами они ожидают от него уведомления об успехе его предприятия. Андреевич не делал никаких возражений: предложение черниговских офицеров ему понравилось: он тотчас согласился его исполнить со всевозможною ревностью. Ему дали казенную подорожную на имя Александрийского гусарского полка поручика Сухинова, а Кузмин снабдил его деньгами на прогоны. Андреевич, ни минуты не медля, поскакал по дороге к Житомиру [1]).

---

[1]) Торопливость, с какою отправили Андреевича, была так велика, что никто даже не вздумал спросить у него, зачем он приезжал в Васильков.—Черниговского полка поручик Сухинов был еще в начале ноября месяца 1825 года переведен

3.

Движение в 8-й артил. бригаде.—Совещание Андреевича, Бечаснова, Борисова и Горбачевского ночью 20 декабря в Барановке.—Пункты о подготовке и начале движения.—Артиллеристы открываются фейерверкерам.—Брожение в городе и среди солдат.—От'езд Андреевича 23 декабря.

Теперь оставим на время Черниговский полк и бросим взгляд на движение, происходившее в то время в других местах: это отступление необходимо для обозрения общего хода дела; мы часто будем переносить нашего читателя из одного места в другое, прерывать начатый рассказ и начинать новый.

После присяги Константину, славяне 8-й дивизии, 8-й артиллерийской бригады не имели никакого известия ни от Муравьева, ни от Бестужева. Несмотря на сие, члены неусыпно старались приготовлять солдат. Хотя план восстания, назначенный на Лещинских собраниях к концу 1826 года, расстраивался смертью Александра I, но они думали, что распространение мыслей и желание переворота не может вредить общей цели. 20 декабря Борисов 2-й был у Горбачевского, и когда они рассуждали о своих действиях на солдат, один фейерверкер принес Горбачевскому письмо от Андреевича, в котором он иносказательно из'яснял, сколько Бестужев радуется успехам славян в их действиях, и... о близком начале желаемого переворота.

Еще не было прочтено письмо, как, к удивлению их, Андреевич сам вошел в комнату в дорожном платье. Радость их была неимоверная. Он подал им письмо от Бестужева. Из сего письма они увидели,

---

в Александрийский полк и в том же месяце получил от полка повеление отправиться куда следует; но, несмотря на все угрозы начальства, которое побуждало его ехать в гусарский полк, Сухинов не выезжал из Черниговского полка, единственно дожидая восстания оного.

что главные члены Южного Общества почитают необходимым начать действие ранее положенного времени; Бестужев просил славян ускорить дело и употребить все усилия к приготовлению нижних чинов. «Нам представляется случай ранее, нежели мы думали, умереть со славою за свободу отечества— писал он Горбачевскому: — может быть, в феврале или марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы». В сем же письме Бестужев просил Горбачевского вместе с Борисовым 2-м приехать к 15 января 1826 года в г. Киев.

Известие сие чрезвычайно ободрило славян. Горбачевский тотчас уведомил Бечаснова о приезде Андреевича и просил его приехать к нему. Славяне провели всю ночь в сообщениях, разбирали возможность скорого восстания, приискивали средства к приведению сего дела в исполнение и, наконец, положили: ускорить свои действия, об'явить фейерверкерам и рядовым о близости переворота, стараться укрепить их дух и усугубить деятельность. Они поручили Андреевичу из'яснить словесно Бестужеву то, что они считали необходимым для поднятия артиллерийских рот 8-й бригады. Борисов 2-й, с общего согласия, написал памятную записку и вручил ее Андреевичу. Сия записка заключалась в следующих семи пунктах, на которые Андреевич должен был требовать разрешения от Муравьева и Бестужева:

1) Артиллерия не может выступить в поход и действовать без прикрытия; посему необходимо снестись с Спиридовым, Арт. Муравьевым. и требовать, чтобы они прислали в 8-ю артиллерийскую бригаду: первый—пехоту, а второй—гусар.

2) В батарейной роте состоит налицо один только офицер (прочие в командировке), принадлежащий к обществу, и рота находится в городе, где квартирует бригадный командир, который, в случае восстания, может получить содействие от внутренней стра-

жи. Посему для надлежащего действия в сей роте нужна значительная часть пехоты и кавалерии, без коей фейерверкеры и рядовые, вооруженные только тесаками, несмотря на их готовность и рвение к делу, не могут одни обещать успех, тем более, что артиллерийские лошади стоят в 45 верстах от парка.

3) Во 2-й легкой роте не существует сих затруднений к восстанию: она совершенно готова и требует только прикрытия на походе.

4) Из 4 орудий, остающихся в каждой роте, за неимением лошадей (роты состоялн на мирном положении), славяне намерены сформировать новую батарею; лошадей надеются найти под квитанцию одного из своих сочленов, а прислугу думают взять из 4-й парочной роты, полагаясь вполне на служащих в оной солдат.

5) Немедленно по восстании славяне полагают необходимым об'явить скорое освобождение крестьян.

6) Славяне хотят, посредством поляков, состоящих в их обществе, действовать на шляхту и склонить ее к участию в общем деле об'явлением всеобщего восстания (pospolite ruszenie).

Наконец, 7) Славяне требуют от Муравьева и Бестужева немедленного уведомления о сделанных ими распоряжениях, заблаговременного извещения о дне восстания с означением сборного пункта, где предполагается сосредоточить все силы, поднявшие оружие против правительства.

На другой день Горбачевский и трое его товарищей виделись с фейерверкерами двух рот 8-й бригады и, согласно с принятым решением, сообщили им о полученных из Киева известиях и о мерах к дальнейшему действию. Это не удивило фейерверкеров: они, кажется, заранее были на все готовы; но нечаянный приезд Андреевича из Киева без дозволения начальства сильно подействовал на умы солдат

и произвел глубокое впечатление, благоприятное намерениям славян. Через два дня Андреевич оставил 8-ю бригаду и возвратился в Киев, откуда 27 декабря отправился в Васильков к Муравьеву, которого, как мы видели выше, не найдя дома, поехал отыскивать, после минутного свидания с офицерами Черниговского полка.

Приезд Андреевича еще более сблизил славян с их подчиненными. Доверенность возрастала с каждым днем, и некоторые фейерверкеры сделались настоящими членами тайного общества. Офицеры не пренебрегали их беседами и, напротив, старались всеми средствами облагородить чувства своих подчиненных, возвысить их в собственных их глазах и тем пробудить в их сердцах желание свободы. Все содействовало их намерениям: неожиданное отречение от престола Константина и присяга новому императору Николаю и его наследнику. Сии происшествия поселили в умах неизвестность и сомнение, весьма споспешествующее замышляемому перевороту. Члены общества пользовались сими важными событиями для ускорения своего дела. Между всеми сословиями начали распространяться разные слухи о перемене существующего порядка. Один из фейерверкеров, преданных Борисову 2-му, сообщил, что городской голова, мещанин, уважаемый всем городом, разговаривая с ним о смерти Александра, явно обнаружил свои надежды на лучшую будущность и намекал о близком перевороте, которого желают многие. По словам сего же фейерверкера, многие унтер-офицеры и солдаты Саратовского полка, ночевавшие в городе, из'являли готовность действовать и упоминали о каком-то штаб-офицере, который поддерживал эти чувства и давал им понять, что улучшение их положения находится в собственных их руках, и что от них самих зависит терпеть притеснения или прекратить оные. Подобные слухи и разговоры нижних

чинов сильно помогали действиям славян, коих дела приметно улучшались.

4.

26 декабря в 8-й бригаде узнают о происшествии 14 декабря.—Поездка Борисова 2-го в Житомир 30 декабря.—Совещание в Житомире; решение начать восстание.—Борисов 1-й привозит в 8-ю бригаду известие о погоне за Муравьевым и о решении в Житомире.—Артиллеристы решают начать действия.—Борисов 1-й отправляется в Пензенский полк для призыва к началу мятежа.—Возвращение его и от'езд в Киев.—Весть о восстании Муравьева.—Надежды.

14 декабря неожиданно приехал в Новград-Волынск из Харьковской губернии Борисов 1-й. Узнав из письма своего брата о знакомстве его с Муравьевым и Бестужевым, он отправился в Киев с намерением повидаться с ними; но, не застав там ни Муравьева, ни Бестужева, он приехал к брату. Приезд Борисова обрадовал не только его брата, но и других славян: они с удовольствием узнали о намерении его вступить опять в военную службу и определиться в одну конную роту, стоявшую в Украине.

26 декабря по утру известие, полученное о происшествии 14 декабря, заставило славян собраться для совещания; они убедились в скором восстании, думая, что члены Южного Общества пожелают довершить начатое в столице. На сем совещании они положили держать своих подчиненных в строгой дисциплине, стараться предупреждать беспорядки, обходиться с жителями как можно лучше, тотчас по восстании образовать в городе временное правление и выдать прокламации об освобождении крепостных людей, между тем в ожидании положительного известия от Муравьева, приготовлять солдат и офицеров, на которых совершенно можно бы положиться.

Борисов 1-й вызвался ехать немедленно в Харьковскую губернию и приготовить к восстанию конные

роты, в коих было несколько офицеров, принятых им в Славянское Общество; проезжая же Житомир, он хотел об'явить находящимся там славянам о мерах, принятых в 8-й бригаде. Вследствие сего плана. Борисов 1-й отправился 30-го декабря из Новград-Волынска в Житомир; но обстоятельства изменили все предположения.

В Житомире, при свидании с Ивановым и Киреевым, он узнал о повелении арестовать С. Муравьева, о погоне за ним подполковника Гебеля и о проезде Андреевича через Житомир, который тоже поскакал догонять С. Муравьева. Борисов 1-й сейчас предложил всем членам собраться и положить, что должно делать в сих затруднительных обстоятельствах. Члены тайного общества, находившиеся тогда в Житомире, без отлагательства с'ехались к Веденяпину 2-му. На сем совещании были Иванов, Веденяпин 1-й, Веденяпин 2-й, Киреев, Андреев, Нащокин и некоторые другие. Борисов 1-й предложил им восстать немедленно, стараться освободить Муравьева, если он арестован, и действовать по обстоятельствам, сообразно с планом, принятым артиллеристами 8-й бригады, который состоял в том, чтобы итти на Киев или на Бобруйск, запереться в которой-нибудь из сих крепостей и ожидать присоединения 2-й армии и полков 3-го и 4-го пехотных корпусов, на содействие коих можно было надеяться по уверениям членов Южного Общества. Конной роты поручик Нащокин, принятый в общество Бестужевым-Рюминым, противился сему предложению, почитая такого рода восстание безрассудным поступком, внушенным отчаянием.

— Мы должны погибнуть, — возразил Борисов 1-й—и погибнуть позорно; нашему выбору представляется или смерть или заточение. Мне кажется лучше умереть с оружием в руках, нежели жить целую жизнь в железах.

Сие мнение одержало верх; все согласились с Борисовым 1-м.

— Я еду обратно в 8-ю бригаду, и там положим начало мятежу; но дайте мне письменное доказательство, что вы будете содействовать моему брату и тем, которые согласится погибнуть вместе с нами.

Сего не приняли, а удовольствовались тем, что Иванов написал две записки: одну Горбачевскому о готовности житомирских членов действовать, а другую к двум ротным командирам Троицкого полка, коих он приглашал участвовать в восстании. Киреев также написал письмо к Борисову 2-му, исполненное рвения к благому делу и совершенною надеждою на несомненные успехи.

Борисов 1-й поспешил от'ездом и, к удивлению своего брата и Горбачевского, был уже снова в Новграде-Волынске. Узнав о происшедшем в Житомире, Борисов 2-й и его товарищи решились немедленно начать действие, не ожидая уведомления С. Муравьева, и стараться увлечь за собою все, что только показывало склонность к мятежу. Они просили Борисова 1-го ехать в Пензенский полк и, если можно, оттудова уведомить членов Саратовского полка, лично или письменно, смотря по обстоятельствам. Между тем как искали лошадей для Борисова 1-го, брат его написал к Громницкому, Тютчеву и Лисовскому письмо в весьма сильных выражениях, напомнил им священные узы, их соединяющие, клятву, данную Южному Обществу, общую опасность, законы чести, одним словом—все, что только могло пробудить в них самоотвержение и решить трудный выбор между смертию и позором. Письмо сие он вручил брату, который должен был доставить его лично, равно как и к Спиридову записку от Горбачевского.

В это самое время отставной поручик Кременицкий, принимавший во всем деятельное участие, привел к Борисову 2-му четырех поляков, присоединенных

им к Славянскому Обществу и давших клятвенное обещание действовать и погибнуть вместе с артиллеристами за общее дело. Борисов 2-й написал письмо к юнкеру Головинскому, служившему в 4-й парочной роте, квартировавшей тогда в Овручском уезде (в Некорости). Он просил помянутого члена приготовить к восстанию солдат и убедить своего брата, занимавшего должность поветового маршала содействовать им по возможности и, наконец, стараться узнать мнение шляхты Овручского повета. и, если можно, склонить их к участию в деле. Славяне думали во время восстания послать Киреева из Житомира в парочную роту для окончательного действия на солдат, которые могли быть полезны 8-й бригаде. С сим письмом к Головинскому двое поляков отправились в Овруч, взяв на себя обязанность действовать там на шляхту; третий поехал в Заслав с тем, чтобы узнать расположение тамошних поляков, действовать на них и при первом известии о начале восстания поднять оружие. Четвертый из них остался в Новграде-Волынске при Борисове 2-м, надеясь иметь некоторое влияние на шляхту, живущую в окрестностях сего города.

Славяне были в большом беспокойстве, видя невозможность вдруг отправить Борисова 1-го в Старый Константинов; они не могли найти наемных лошадей; почтовых же никому не давали, даже по подорожной, без особенного дозволения местного начальства. У евреев был праздник, и никто из них не хотел нарушить закон. По сим обстоятельствам Борисов 1-й выехал из Новград-Волынска уже поздно вечером 1-го января. На другой день неизвестный еврей доставил Борисову 2-му записку из местечка Полонного от его брата, в коей было сказано, что Ахтырский полк собирается в штаб-квартиру м. Любар; что артиллерия второй армии и Литовский кор-

пус, квартирующие в Полонном, находятся уже в сборе и, что везде замечается движение войск.

Надежда возбудилась в сердцах славян. В таком положении дел им невозможно было соблюдать правила, принятые на Лещинских совещаниях. Точное исполнение оных было даже безрассудно; посему они немедленно уведомили фейерверкеров и рядовых о всех сих происшествиях, о своем намерении восстать, о надежде на пособие других и особенно от С. Муравьева, и о непременном прибытии к ним Пензенского полка и ахтырских гусаров. Они препоручили им действовать на остальных своих товарищей и приготовляться к походу. Борисов 2-й говорил явно двум офицерам, что он ожидает переворота и приглашал их принять в нем участие, представляя опасность противиться или оставаться равнодушным во время восстания. Сии офицеры дали слово действовать.

Борисов 1-й, возвращаясь из Старого Константинова, заехал в Барановку к Горбачевскому и Бечаснову и сказал им, что он виделся с Тютчевым, Громницким и Лисовским, которые готовы действовать, но отсоветовали ему ехать к Спиридову, говоря, что они сами сообщат [1] майору свои намерения. Борисов прежде сего не был знаком с офицерами Пензенского полка. Он видел из их слов, что они как будто не доверяют Спиридову, которого он тоже никогда не видал. Надеясь, что они исполнят свое обещание, он уехал от них. Горбачевский и Бечаснов советовали Борисову 1-му ехать из Барановки прямо домой, не подвергаться опасности быть заранее арестовану в Новграде-Волынске или где-нибудь на дороге, и взялись уведомить о всем его брата. Борисов 1-й охотно согласился тем более, что считал свое присутствие в 8-й бригаде совершенно ненуж-

[1]) Исправлено чтение РА—сообщают.

ным, между тем как надеялся в конных ротах возбудить офицеров к участию в общем деле. Кроме того он намеревался обо всем происходившем в 8-й дивизии уведомить киевских членов и, если можно, сделать там что-нибудь в пользу восстания, смотря по ходу обстоятельств.

Борисов отправился вечером 5-го числа проселочными дорогами в Житомир. Город был окружен военною цепью. Он отпустил извозчика и пешком прошел заставу. Тут сообщил он Кирееву и Иванову, в каком положении находятся дела общества. Ему нужно было продолжать путь, и хотя трудно было выехать из Житомира, но ему удалось обмануть бдительность местного начальства. Еще до его приезда в Житомир монахини католического ордена сестер милосердия предлагали некоторым членам общества скрыть их от поисков правительства и вывести за границу. Андрей Борисов отказался от сего предложения и просил только доставить ему случай выехать из города. Желание его было немедленно исполнено, и он отправился в Киев. В сем странствовании на каждом шагу встречал новые опасности, которые однакож миновал довольно счастливо.

6-го января Борисов 2-й узнал о восстании С. Муравьева, а 7-го получил через еврея из-под Житомира от его брата записку следующего содержания: «Я сделал все, что мог: Громницкий, Лисовский и Тютчев готовы на все, ожидайте их. К вам будет скоро, если не весь Пензенский полк, то по крайней мере, батальон. Они послали при мне за патронами. Прощай. Еду в конные роты к знакомым». Борисов 2-й и его товарищи были уверены в скором прибытии Пензенского полка и ахтырских гусаров и старались приготовить все нужное к походу. Между тем как они упивались надеждою и мечтами, судьба готовила им страшное разочарование; гроза носилась над

их головами, покоющимися под сенью доверенности и ожидания.

Оставим их в сем сладком заблуждении, возвратимся назад и посмотрим, что делалось в Старом Константинове и Любаре.

5.

Приезд Борисова 1-го в Пензенский полк.—Совещание 3-го января в Старом Константинове.—Колебания и несогласия офицеров.—Выступление Тютчева 7-го января в Житомир для занятия караулов.—Движение в Саратовском полку.—Известие о положении Муравьева.—Вредное влияние на ход восстания нерешительности Муравьева и Бестужева.

Борисов 1-й приехал в 11 часу ночи со 2 на 3 января в Старый Константинов, прямо к Громницкому и Лисовскому, которые жили вместе. Рассказав в коротких словах все ему известное и отдав им письмо от брата, он просил их немедленной помощи. Будучи уверен, что движение гусарских полков производится в революционном смысле, по планам членов Южного Общества, Борисов 1-й говорил пензенским офицерам утвердительно, что восстание уже начато в 3-й гусарской дивизии и, вероятно, в Черниговском полку, где служит С. Муравьев. В последнем он не ошибся. Громницкий и Лисовский из'явили согласие на все меры, принятые артиллеристами, попросили Борисова 1-го ехать к капитану Тютчеву, квартировавшему с своей ротой в 10 верстах от города, в деревне Кузьмине, говоря, что вперед согласны на все, что предложит их товарищ.

Борисов 1-й через два часа был уже у Тютчева, который тотчас согласился с предложением артиллеристов и просил его ехать с ним вместе в Константинов к помянутым офицерам для совещания, каким образом приступить к действию. Выезжая из дому, в присутствии Борисова 1-го Тютчев отдал прика-

зание фельдфебелю собрать роту рано поутру и раздать боевые патроны. Желая скрыть приезд свой в город, он не заехал к Громницкому и остановился с Борисовым 1-м в отдаленной корчме, куда послал пригласить Громницкого и Лисовского, которые вместе с Тютчевым уговорили Борисова 1-го ехать назад в 8-ю бригаду, известить членов о готовности офицеров Пензенского полка к восстанию и сказать, что они в самом скором времени с ротами прибудут в 8-ю бригаду. Борисов 1-й хотел дождаться начала действия, но сии офицеры представили ему опасность его положения, говоря, что он может навлечь на себя подозрение и тем самым повредить делу. Везде были разосланы повеления арестовать подозрительных людей; опасение быть схваченным, заставило Борисова 1-го согласиться на немедленный от'езд.

Отправив его, пензенские офицеры снова начали рассуждать о предложении артиллеристов 8-й бригады. Тютчев предложил взбунтовать полк и итти на Новград-Волынск за артиллерией. Громницкий и Лисовский согласились с сим мнением, попросили его с'ездить к Спиридову, отдать ему записку Горбачевского и потом уже приступить к делу всем вместе. Тютчев охотно принял сие поручение и, пробыв в Константинове целый день, вечером поехал к Спиридову, отдал ему записку Горбачевского, которая была следующего содержания: «Податель сей записки расскажет вам подробно все случившееся с нашими знакомыми; от него вы узнаете, на что мы решились и чего ожидаем от вас».

— Где податель? — спросил Спиридов, прочитав записку—и кто он?

— Он уже уехал обратно,—отвечал Тютчев —то был брат известного вам Борисова 2-го. Потом он рассказал все, что слышал от Борисова 1-го о намерении членов, находящихся в 8-й бригаде в Житомире.

— Итак, надобно начинать,—сказал Спиридов,— но готовы ли у вас роты?

— Я согласен действовать и приговорил 30 человек самых лучших солдат моей роты; я убежден, что они увлекут за собой всех, и за это я ручаюсь,— отвечал Тютчев;—что же касается до рот Громницкого и Лисовского, я ничего не знаю: поедем к ним.

Спиридов согласился, а между тем, пока приготовляли лошадей, он написал в Саратовский полк к Шимкову, следующее:

— Уведомьте членов, что восстание начнется немедленно, приготовьте к сему солдат, но не начинайте действовать до вторичного моего уведомления; может быть я сам приеду к вам.

А к Горбачевскому в 8-ю бригаду:

— Если не удастся мне привести к вам Пензенский полк, то я сам приеду; будучи вместе, мы скорее придумаем, что должно делать в таких обстоятельствах.

Обе сии записки он отдал своему верному человеку, которому приказал непременно доставить их по адресам как можно скорее и надёжнее. После Спиридов поехал с Тютчевым в Константинов к Громницкому и Лисовскому. Он предложил начать восстание, спрашивая предварительно, полагаются ли они на своих солдат, готовы ли роты?

— Нет,—отвечали единогласно Громницкий и Лисовский,—мы не успели приготовить ни одного солдата.

Спиридов дал заметить, что почитает это неисполнением принятых на себя обязанностей, на что Лисовский с жаром вскричал:

— С. Муравьев требовал, чтобы мы действовали на солдат медленно; Бестужев-Рюмин говорил мне лично, равно как и всем, что восстание начнется не ранее августа 1826 г.; поэтому я действовал сообразно с принятыми на себя обязанностями; клянусь

всем, что для меня свято, что к назначенному времени вся рота пойдет за мной в огонь и в воду.

Громницкий оправдывал свое поведение тем же условием медленно действовать и кроме того сказал:

— Нам предлагает начать бунт простой член общества Борисов 2-й; приглашение сие привез его брат; но мы не имеем никакого уведомления ни от С. Муравьева, ни от Бестужева, которым мы дали слово содействовать. Я не обязывался сломить себе шею для каждого; пускай приедет сам Муравьев, или пускай покажут мне приглашение к восстанию, написанное его рукою, — я тотчас взбунтую свою роту; до сего же времени ограничусь приготовлением солдат.

Тютчев не отказывался от сказанного им прежде Борисову 1-му и Спиридову: он опять подтвердил при всех, что готов ту же минуту начать действовать, что он ручается за свою роту, и прибавил к сему:

— Если мы начнем восстание, и ежели полковой командир будет нам препятствовать, я беру на себя убить его.

Наконец, после долгих рассуждений, Спиридов и Тютчев, видя, что невозможно никого уговорить, уехали.

Капитан Тютчев выступил с ротою 7-го января в поход, следуя с батальоном Пензенского полка в Житомир для занятия караулов при корпусной квартире. Майор же Спиридов возвратился в Красилов, куда на другой день прибыл посланный им человек, который не мог исполнить в точности его поручения; ибо, оставив Шимкову записку и взяв от него ответ, он, на дороге к Новград-Волынску, был схвачен земскою полициею, как шпион злоумышленного общества. Его обыскивали, но так как по приказанию Спиридова записки были зашиты в складках шинели около воротника, то и не были найдены,

несмотря на то, что полицейские служители отпаривали даже воротник. Из-под ареста ночью он бежал с помощью еврея, в корчме коего содержался под стражею. Еврей за полтину серебра отважился спасти арестанта, который возвратился к Спиридову и вручил ему записку от Шимкова, в коей заключалось следующее:

«Саратовский полк с нетерпением ожидает начала восстания. Я ездил в Тамбовский полк и принял там 5 ротных командиров, которые поклялись, при первом случае, соединиться с нашим полком и готовы содействовать нам с своими подчиненными».

При записке Шимкова была другая, от капитана того же полка Ефимьева, который, между прочим, говорил:

«К сожалению моему,—писал он к Спиридову,— я так несчастлив, что не заслужил вашей доверенности и не был членом Общества; это моя вина. Но теперь будьте уверены и знайте, что при первом известии начинать, я поведу свою роту, на которую полагалось совершенно, и надеюсь на помощь своих товарищей; осмеливаюсь ручаться не только за несколько рот, но и за весь полк».

Спиридов однако не мог воспользоваться сим предложенем. Получив отказ двух ротных командиров Пензенского полка и узнав 7 января о совершенном разбитии С. Муравьева, он неминуемо должен был удержаться от дальнейшего действия.

Описывая сии разнообразные действия, мы не можем не заметить, сколь много вредил делу неопределенный и двусмысленный язык членов Южного Общества. Слова, беспрестанно повторяемые С. Муравьевым, Бестужевым-Рюминым и прочими, *медленно, постепенно, исподволь*, заставили многих членов вовсе не действовать. Беспечность некоторых находила в них благовидный предлог к извинению; другие оправдывали ими свою

нерешительность или, лучше сказать, трусость, и краснея смотрели в глаза тем, которые требовали точного соблюдения обязательств. Не менее сего вредно было явное желание Муравьева и Бестужева сосредоточить всю власть в своих руках: они хотели одни двигать членами, разбросанными в разных полках, и запрещали им иметь между собою сношения. Таким образом, не имея возможности уведомить о начале восстания, они доставили случай многим членам искренно или только наружно сомневаться в необходимости местных возмущений, направленных к одной цели.

Мы желали показать общее усилие славян восстать против правительства, с целью дополнить картину описываемого нами события. Сие отвлекло нас от Черниговского полка; мы полагаем, что такого рода отступление не только не лишнее в нашем повествовании, но даже необходимо: оно дает понять о расположении умов и о ходе дела.

6.

С. Муравьев 25 декабря в Житомире у Рота, в Трилесе и Любаре.—Бестужев привозит весть о погоне за Муравьевым.—С. Муравьев призывает Артамона Муравьева поднять Ахтырский полк.—Противодействие Артамона Муравьева.—Приезд С. Муравьева в Трилесы 29 декабря.—Проезд Гебеля и жандармов через Любар.

Теперь возратимся к С. Муравьеву, которого мы оставили в Житомире.

Приехав в Житомир рано утром 25 декабря, он явился к корпусному командиру, который пригласил его к себе на обед. Во время стола генерал Рот рассказал ему подробно о происшествии 14 декабря, получив сие известие через экстра-почту. Из сего разговора С. Муравьев ясно видел, что общество открыто правительством, и что меры к арестованию

членов уже приняты. После обеда, ни мало не медля, он проехал в Троянов, где квартировал Александрийский гусарский полк, коим командовал Александр Муравьев, брат Артамона Муравьева. Сергей Муравьев, пробыв в Траянове не более часу, успел переговорить с офицерами сего полка, принадлежавшими к обществу, и без сомнения уведомил их о случившемся в столице происшествии. Потом поехал он с братом своим Матвеем в Любар к Артамону Муравьеву, командовавшему Ахтырским полком. Должно полагать, что С. Муравьев в это время не думал о возмущении, ибо по приезде к Артамону Муравьеву он не делал никаких предложений, но старался узнать о готовности нижних чинов и даже, рассказывая о 14 декабря, он не одобрял сего дела. Потом разговор обратился на предметы вовсе посторонние, как вдруг вошел в комнату Бестужев-Рюмин.

— Тебя приказано арестовать,—сказал он, задыхаясь С. Муравьеву,—все твои бумаги взяты Гебелем, который мчится с жандармами по моим следам.

Эти слова были громовым ударом для обоих братьев и Артамона Муравьева.

— Все кончено!—вскричал Матвей Муравьев. — Мы погибли, нас ожидает страшная участь; не лучше ли нам умереть? Прикажите подать ужин и шампанского,—продолжал он, оборотясь к Артамону Муравьеву:—выпьем и застрелимся весело.

— Не будет ли это слишком рано?—сказал с некоторым огорчением С. Муравьев.

— Мы умрем в самую пору,—возразил Матвей:—подумай, брат, что мы четверо главные члены, и что своею смертью можем скрыть от поисков правительства менее известных.

— Это отчасти правда,—отвечал С. Муравьев,—но однакож, еще не мы одни главные члены общества. Я решился на другое. Артамон Захарович может переменить вид дела.

И обратясь к Артамону Муравьеву, он предложил ему немедленно собрать Ахтырский полк, итти на Траянов, увлечь за собой Александрийский гусарский полк (так, как прежде и обещал Артамон Муравьев), явиться нечаянно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру. Не ожидая ответа от Артамона, С. Муравьев вслед за сим написал две записки: одну—к Горбачевскому, другую к Спиридову и Тютчеву, в коих уведомлял их о начале восстания и приглашал к содействию, назначив Житомир сборным пунктом. Отдавая сии записки Артамону Муравьеву, он просил его убедительно отправить их тотчас с нарочным. Артамон, взяв от него сии записки, после некоторого молчания, начал говорить о невозможности восстания и, между прочими отговорками, сказал:

— Я недавно принял полк и потому еще не знаю хорошо ни офицеров, ни солдат; мой полк не приготовлен еще к такому важному предприятию; пуститься на оное значит заранее приготовить неудачу.

Ротмистр Семичев, который пришел к Артамону Муравьеву за несколько минут до приезда Бестужева, при таком ответе своего командира о расположении полка, не мог удержаться от возражения.

— Я думаю совершенно противное, г. полковник,—сказал он:—в этом случае нужна решимость и сильная воля; если вы не хотите сами говорить с офицерами и солдатами, то соберите полк в штаб-квартиру; остальное нам предоставьте.

Замечание Семичева пробудило надежду в сердце Муравьева, его просьба приняла вид требования; представляя будущность, ожидающую членов общества, от требования он перешел к упрекам. Но Артамон Муравьев не хотел и слышать о возмущении.

— Я сейчас еду,—сказал он с жаром,—в С.-Петербург к государю, расскажу ему все подробно об

обществе, представлю, с какою целью оно было составлено, что намеревалось сделать и чего желало. Я уверен,—продолжал он,—что государь, узнав наши добрые и патриотические намерения, оставит нас всех при своих местах, и верно найдутся люди, окружающие его, которые примут нашу сторону.

При сих словах он сжег на свечке записки, писанные Сергеем Муравьевым к славянам. С. Муравьев потерял терпение.

— Я жестоко обманулся в тебе,—сказал он с величайшею досадою:—поступки твои относительно нашего общества заслуживают всевозможные упреки. Когда я хотел принять в общество твоего брата, он, как прямодушный человек, об'явил мне откровенно, что образ его мыслей противен всякого рода революциям, и, что он не хочет принадлежать ни к какому обществу; ты же напротив принял предложение с необыкновенным жаром, осыпал нас обещаниями, клялся сделать то, чего мы даже не требовали; а теперь в критические минуты, когда дело идет о жизни и смерти всех нас, ты отказываешься и даже не хочешь уведомить наших членов об угрожающей мне и всем опасности. После сего я прекращаю с тобой знакомство, дружбу, и с сей минуты все мои сношения с тобой прерваны.

После минутного молчания С. Муравьев еще раз попытался уговорить Артамона Муравьева, написал новую записку в 8-ю бригаду и, отдавая ее Артамону, сказал с выражением горести:

— Доставь эту записку в 8-ю бригаду; это последняя моя просьба к тебе, одна услуга, которую я смею от тебя ожидать.

Артамон Муравьев взял записку и, казалось, тронутый просьбами своего родственника и сочлена, соглашался доставить оную славянам; но лишь только С. Муравьев уехал, он ее уничтожил, как и прежние. Славяне после сетовали на С. Муравьева и именно

за то, что он из Любара не дал им никакого известия, и впоследствии только узнали причину непонятного молчания.

Сергей Муравьев решил тотчас оставить мест. Любар, не имея более надежд на ахтырских гусар. Он просил Артамона Муравьева дать ему своих лошадей, чтобы скорее доехать в свой полк, но и сия маловажная просьба осталась без удовлетворений: командир Ахтырского полка извинялся и клялся, что у него нет ни одной лошади годной к упряжи. Между тем Бестужев-Рюмин решился ехать к артиллеристам и лично уведомить славян о начале восстания.

— Я сам еду в 8-ю бригаду,—сказал он,—дайте мне, Артамон Захарович, верховую лошадь; 20 верст не далекий путь.

Просьба Бестужева имела одну участь с просьбою Муравьева: Артамон засыпал его словами, но не дал верховой лошади, оправдываясь тем, что такой поступок покажется подозрительным местному начальству. Он советовал Бестужеву выехать из Любара вместе с Муравьевым, отпрячь за городом от его тройки пристяжную лошадь и, об'ехав кругом Любар, скакать куда ему угодно.

Огорченный столь неожиданным поведением командира Ахтырского полка, Сергей Муравьев вместе с братом Матвеем и Бестужевым-Рюминым спешили оставить Любар и должны были тащиться на измученных уже лошадях. Желая скорее приехать в свой полк, С. Муравьев дал еврею, своему извозчику, по 3 рубля серебром на милю. Разными проселочными дорогами, наконец, 29 декабря, под вечер они достигли деревни Трилесы, отстоящей от Василькова в 45 верстах, и остановились на квартире поручика Кузьмина, квартировавшего в сей деревне с своею ротой. Бестужев-Рюмин тотчас же опять уехал неизвестно куда.

Вскоре после от'езда С. Муравьева из Любара, приехал к Артамону Муравьеву подполковник Гебель с жандармским поручиком Лангом, которого он взял с собою из Житомира, вместо двух жандармских офицеров, Несмеянова и Скокова, бывших у него в Василькове. Командир Ахтырского полка, под разными предлогами задержал Гебеля несколько часов и чрез то дал возможность С. Муравьеву и его товарищам доехать до деревни Трилесы,—одна услуга оказанная им тайному обществу и С. Муравьеву.

Не позволяя себе обвинять поведение кого-либо из членов в сии критические минуты, можно однако заметить, что если бы Артамон Муравьев имел более смелости и решительности в характере и принял немедленно предложение С. Муравьева поднять знамя бунта, то местечко Любар сделалось бы важным сборным пунктом восставших войск. Стоит только знать месторасположение полков 8-й дивизии с артиллериею и второй гусарской бригады и взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Любар был почти в самой средине сих войск, куда при восстании они сошлись бы в самое короткое время, как радиусы к своему центру.

7.

Поездка Андреевича 2-го 27—31 декабря.—Радомысль; малодушие Повало-Швейковского.—Траянов.—Любар; малодушие Артамона Муравьева.—Неподготовленность к восстанию Ахтырского полка.—Прибытие в Васильков 31 декабря.—Андреевич спешит в Киев с известием о восстании Муравьева.

В то самое время, как С. Муравьев старался уговорить к действию командира Ахтырского полка, Андреевич 2-й, посланный из Василькова, как мы выше сказали, черниговскими офицерами с подобным предложением к другим членам общества, приехал в город Радомысль к бывшему командиру Александрийского полка, полковнику Повало-Швейковскому. Хо-

тя. со времени Лещинского лагеря Швейковский лишился полка, но как он неоднократно утверждал, что это не помешает ему поднять прежний свой полк, то славяне положительно считали на его помощь. Андреевич узнал от юнкера Энгельгардта, жившего у Швейковского, что полковника нет дома. Сгорая от нетерпения приступить скорее к об'яснению, Андреевич был в ужасной досаде.

— Давно ли уехал полковник?—спросил он юнкера.

— Он уехал рано поутру,—отвечал Энгельгардт с замешательством.

— Не знаете ли вы, скоро ли он воротится назад?

— Не знаю, но, вероятно, около полуночи; ибо он всегда возвращается в это время.

— Скажите, по крайней мере, далеко ли он уехал?

— Не очень далеко, за несколько верст, в гости к одному помещику.

Андреевич спросил бумаги и написал к Швейковскому записку, прося его поспешить домой.

— Я должен переговорить с вами—писал он—о важном деле; время мне дорого. Потом, отдавая записку Энгельгарду, сказал:

— Потрудитесь послать с сим письмом нарочного к полковнику, а между тем прикажите дать мне чаю; дорога чрезвычайно дурная, я жестоко прозяб; к тому же чай сократит время ожидания, которое мне кажется весьма долгим.

Юнкер взял письмо и, ни слова не говоря, вышел вон. Подали чай. Андреевич расположился покойно за чайным столом, с твердою решимостью дождаться возвращения Швейковского, полагая, что он виделся с Муравьевым и Бестужевым, знает о приказе арестовать первого из них и может сказать ему, куда они оба поехали. Ему необходимо было свидание с бывшим командиром Алексопольского полка: он должен

был известить его о начале восстания, уговорить его, чтобы он немедленно возбудил алексопольцев к мятежу и, приняв над ними команду, шел на Киев или Житомир, для соединения с Черниговским полком или с 8-ю дивизиею. Между тем время летело, и от Швейковского не было ответа. Андреевич терял терпение. Беспрестанно возрастающее замешательство Энгельгарда подало Андреевичу мысль, что отсутствие Швейковского ничто иное, как ложь, вымышленная единственно для того, чтобы избавиться от неприятного гостя. Сие подозрение скоро показалось ему несомненною истиною. В боковых комнатах были слышны шопот и тихий стук шагов. Все двери, ведущие в комнаты из залы, в которой находился Андреевич, были заперты.

— Вероятно, он дома,—думал Андреевич про себя—догадываясь о цели моего приезда, без сомнения, он хочет уклониться от об'яснений. Но это напрасно: я должен говорить с ним.

В сих мыслях он подошел к одной из боковых дверей и попробовал отворить оную, но внутренний замок сопротивлялся его силе. С досадою он пошел прочь и начал снова ходить по зале, ожидая развязки. Наконец, его терпение истощилось совершенно. Не видя юнкера, Андреевич не мог более владеть собою: подошедши к запертой двери, он ударил ее изо всей силы ногою; замок не мог устоять против удара, дверь отворилась с шумом, и к удивлению он увидел перед собою Швейковского, который в замешательстве отступил назад и не знал, с чего начать разговор с неотвязчивым гостем...

— Г-н полковник! — сказал Андреевич, приняв важный вид,—я друг Бестужева-Рюмина; вероятно, вы догадываетесь, о чем дело идет; но наперед позвольте вас спросить, был ли он у вас и, если был, то куда он поехал?

— Бестужев у меня был, но куда он поехал, я не знаю.

— Наше общество открыто правительством,—сказал Андреевич,—и мы решились поднять знамя мятежа. Потом, в коротких словах рассказав Швейковскому о всем случившемся в Василькове, он просил принять участие в общей опасности и, взбунтовав свой полк, итти на Киев или Житомир.

— Оставьте скорее мой дом,—был ответ полковника,—я ничего не могу для вас сделать.

— Я думаю совершенно противное,—возразил с притворным хладнокровием Андреевич; — товарищи мои надеются на вас, и их надежды основываются на ваших собственных словах; вы не раз говорили о преданности и любви к вам своих подчиненных, о готовности офицеров и солдат следовать за вами повсюду; итак, вам легко возбудить их к мятежу.

— Вы ошибаетесь,—отвечал Швейковский,—меня ненавидят и офицеры и солдаты.

Андреевич, пораженный сим ответом, не знал, что говорить и, наконец, видя, что уговаривать полковника значит понапрасну терять слова и время, после долгого молчания, сказал:

— Вы видите, что я приехал к вам безо всего, в одной шинели; вы знаете, куда и зачем я еду; на каждом шагу я должен подвергаться опасности быть арестовану... Итак, дайте мне пару пистолетов или солдатское ружье; в моем положении необходимо иметь что-нибудь для обороны.

Швейковский ему и в этом решительно отказал, говоря:

— Не ожидайте от меня ничего.

Андреевич, раздраженный таким его поведением, сказал с негодованием:

— Успокойтесь г. полковник—я вижу, вы бледны, как смерть; успокойтесь, я вас оставлю—и с этими словами удалился.

Из Радомысля Андреевич спешил в Житомир; там он надеялся увидеться с славянами и решиться на какие-нибудь меры. Приезд Андреевича обрадовал житомирских членов. Они ему сказали, что Муравьев 25 декабря уехал в Траянов и требовали от него, чтобы он тотчас ехал по следам и старался бы его догнать. Между тем как они будут стараться дать знать во все полки о начале восстания.

В Траянове Андреевич узнал, что С. Муравьев поехал в Любар, почему, не останавливаясь ни на минуту, он пустился в дорогу. За несколько верст от Любара лошади его выбились из сил. К счастью, какой-то польский извозчик ехал тою же дорогою и, видя затруднительное положение незнакомого ему офицера, предложил Андреевичу место в своей повозке и довез его очень скоро до Любара.

Приехавши туда, он тотчас пошел к командиру Ахтырского полка, думая, что если он и не застанет у него С. Муравьева, то, по крайней мере, получит от него прикрытие для артиллерии, которая квартировала от Любара очень близко, и что Артамон Муравьев, вероятно, начнет восстание. Пришедши к нему, Андреевич узнал, что С. Муравьев и Бестужев уехали. Тогда он об'явил Артамону Муравьеву, что должно начать восстание, что в 9-й дивизии непременно будут действовать и что он, с своей стороны, обязан вывести свой полк. Артамон Муравьев отвечал, что он не может ничего сделать, приводя те же причины, которые он представлял лично С. Муравьеву. Андреевич, видя, что он отказывается, возразил с жаром:

— По крайней мере, дайте мне, полковник, один эскадрон гусар; я пойду с ним в артиллерийские роты и там начнем действие.

Муравьев решительно отказался дать ему какое-либо пособие, говоря:

— Поезжайте куда хотите.

Андреевич представлял ему, что он не может никуда ехать; что из 25 рублей серебром, данных ему черниговскими офицерами на наем лошадей, остался у него один рубль; что у него нет паспорта, ни вида, кроме одной подорожной, и то на имя Сухинова; что он везде затрудняется лошадьми и что даже не только не имеет способа догнать С. Муравьева, но даже выехать из Любара.

— У меня нет денег: я десять тысяч дал С. Муравьеву, когда он от меня уезжал, и мне нечем вам пособить.

— Дайте мне гусар,—мне не надо ваших денег,— сказал с досадой Андреевич;—я приехал к вам не за деньгами, а за гусарами. Дайте мне гусар, мне нужны ваши солдаты и офицеры!—повторил он несколько раз в совершенном отчаянии.

— В последний раз говорю вам, что ваше требование не может быть исполнено: мой полк не готов,— возразил полковник и вышел в другую комнату. Через несколько минут он возвратился и, подавая Андреевичу 400 руб., сказал:

— Я знаю, что у ротмистра Малявина продается лошадь; купите ее за эти деньги и поезжайте верхом скорее вслед за Муравьевым и Бестужевым. Прощайте, я ничего не могу для вас сделать.

Замешательство Андреевича увеличивалось более; он не знал, что делать: скакать верхом зимою до Василькова, почти 200 верст, ему казалось невозможным; но, видя, что Артамон Муравьев решительно отказывается поддержать славян восстанием, решился ехать, взял деньги и спешил к ротмистру Малявину. Пришедши туда, он застал у Малявина многих офицеров, из коих некоторые были члены Южного Общества, принятые Бестужевым-Рюминым. После обыкновенных приветствий Андреевич обратился к хозяину.

— Я слышал от вашего полковника, что вы продаете лошадь, которую цените в 400 руб.; я даю вам сию сумму без торга, не видавши лошади.

Громкий смех всех присутствующих был ответом на сие предложение. Андреевич удивился...

— Полковник давно знает, что я мою лошадь иначе не продаю, как за 800 руб.,—отвечал Малявин.—Вы напрасно ему поверили.

Андреевич, огорченный неудачей, об'яснил офицерам, принадлежавшим к обществу, цель своей поездки, рассказал им свое свидание с Швейковским, с Арт. Муравьевым и их отговорки. Гусары слушали Андреевича с величайшим чувством негодования, когда же он кончил, то ругательства и проклятия посыпались на малодушных, но гнев их кончился одними словами. Они не могли приступить тотчас к действию: полк их был разбросан по деревням.

— Солдаты наши не приготовлены,—говорили они,—и большая часть офицеров ничего не знает; полковой командир никогда не говорил нам о намерениях общества и не имел никаких сношений с нами; поэтому мы сами оставались в таком бездействии и не думали приготовлять своих подчиненных.

Андреевич, видя, что все надежды его исчезли, убедясь, что нет надобности ехать в артиллерийские роты без требуемого его товарищами прикрытия, решил ехать по следам С. Муравьева, стараться догнать его и, приехав с ним в какой-нибудь полк, начать там восстание. Ротмистр Семичев и другие члены Южного Общества были согласны с сим мнением Андреевича и советовали ему немедленно ехать в Васильков. Семичев просил сказать С. Муравьеву, если он начнет восстание и если Ахтырский полк будет послан для усмирения мятежа, то все офицеры за долг почитают соединиться с ним и станут действовать за общее дело. Поручик Никифораки сам по-

бежал искать лошадей и в скорости возвратился с нанятым им евреем, который взялся доставить Андреевича до Василькова за неимоверно высокую плату. Делать было нечего: Андреевич тотчас согласился и снова пустился в дорогу.

От'ехав верст 40 от Любара, под самым селением Пятками, извозчик его сбился с дороги. Ночь была темная; порывистый ветер, начавший дуть с вечера, поднял сильную метель. Андреевич не имел на себе никакой теплой одежды. Одна офицерская шинель сверх мундира не могла его защитить от пронзительного холодного ветра. Поле было ровное и не представляло никакой защиты. К счастью, лошади сами собою набрели на крестьянскую избу, где жили майданщики, делающие селитру. Эта нечаянность спасла ему жизнь. Обогревшись и дав отдохнуть измученным лошадям, Андреевич поскакал проселочными дорогами прямо в Васильков: но приехав в сей город 31 декабря, он не застал уже Черниговского полка, который выступил в поход.

Город был в величайшем страхе, и никто не принимал приезжающих к себе на квартиру: местное начальство замечало за всеми подозрительными людьми. Угрожаемый каждую минуту попасться в руки правительству, Андреевич спрятался к одному еврею, который согласился его принять в дом за несколько рублей серебром. Потом просил он его достать ему лошадей, чтобы догнать Черниговский полк. Еврей старался сыскать, но не мог, хотя Андреевич обещал ему тотчас заплатить вдесятеро. Видя невозможность оставаться в Василькове, он решился выйти из города пешком, в дальней деревне, в стороне от большой дороги, нанял у крестьянина пару лошадей и поехал в Киев. Он старался доехать туда как можно скорее, поспешая об'явить всем киевским членам о действиях С. Муравьева.

8.

Черниговские офицеры ночью 28 декабря получают записку от С. Муравьева из Трилес и спешат к нему на выручку.—Арест и освобождение Муравьевых.—Бегство Ланга.—Нападение на Гебеля.—Поход в Васильков.

Оставим Андреевича в Киеве и обратимся, наконец, к описанию восстания Черниговского полка, которое началось в деревне Трилесах вскоре по приезде туда С. Муравьева и Бестужева-Рюмина.

Черинговские офицеры, которых мы оставили в Василькове, с нетерпением ожидали знака к восстанию. Хотя они не сомневались в готовности других членов тайного общества содействовать им в достижении общей цели и были уверены, что поездка Андреевича и Бестужева увенчается счастливым успехом, но неизвестность становилась для них час от часу тягостнее: они не могли действовать и не умели оставаться праздными. Для начала действия им необходимо было узнать, где С. Муравьев и на что он решился. Наконец, сие желание их исполнилось. Около 11 часов ночи с 28 на 29 декабря 1825 года[1], Кузьмин получил через рядового вверенной ему роты записку следующего содержания:

«Анастасий Дмитриевич! Я приехал в Трилесы и остановился в вашей квартире. Приезжайте и скажите барону Соловьеву, Щепиле и Сухинову, чтобы они тоже приехали как можно поскорее в Трилесы. Ваш Сергей Муравьев».

Кузьмин немедленно сообщил своим товарищам желание Муравьева с ними увидеться.

— Едем,—вскричали они в один голос,—едем в сию же ночь.

---

[1] Противоречие в датах: ср. 125 стр.

Через несколько минут лошади были готовы. Но мысль, что, может быть, С. Муравьев уже арестован Гебелем, по приезде его в Трилесы, остановила их стремление и заставила их подумать.

— Что мы будем делать, если Гебель арестовал Муравьева?—спросил один из них.

— Освободить его и начать действовать, освободить его!—был единодушный ответ.

Решившись на столь смелое предприятие и не зная, какою дорогою поедет Гебель с арестованным Муравьевым из Трилес в Васильков, черниговские офицеры решились разделиться и ехать двумя дорогами, чтобы непременно его встретить. Соловьев и Щепила поехали большою дорогою, а Кузьмин и Сухинов—проселочною.

Между тем как они спешили в Трилесы, их опасение исполнилось. В полночь того же числа прибыл туда Гебель с жандармским офицером Лангом и, узнав, что С. Муравьев и брат его Матвей остановились на квартире Кузьмина, он собрал часть квартировавшей там роты, окружил дом, вошел тихонько в комнату, в которой оба Муравьева спокойно спали, взял пистолеты, лежавшие на столе, и потом, разбудивши их, об'явил им повеление об аресте [1]).

В 8 часов утра 29 декабря Кузьмин и Сухинов прискакали первые в Трилесы. Увидя дом свой окруженным часовыми, Кузьмин сказал своему товарищу:

---

[1]) Муравьев сделал ошибку, приехав в Трилесы и, зная, что по следам его скачет Гебель, не взяв никаких предосторожностей, даже не приказав фельдфебелю роты Кузмина дать ему тотчас знать, когда Гебель приедет. Он лег спать спокойно; но Гебель с своей стороны, арестовав Муравьевых, был тоже неосторожен, не отправивши тотчас их дальше, но стал дожидаться рассвета и, удовольствовавшись тем, что они уже арестованы, расположился преспокойно отдыхать и готовился поутру пить чай. Бедный Гебель не знал, что роковая записка была послана в Васильков.

— Сбылось наше предположение: Муравьев арестован! К счастью, мы его здесь застали.

И с этими словами они оба вошли прямо в комнату. Гебель встретил Кузьмина выговором за отлучку от роты, а Сухинова—за неявку к новому своему назначению. Кузьмин и Сухинов, пораженные таковыми приветствиями, старались однакож сохранить хладнокровие и не отвечать ни слова на дерзости Гебеля. Мысли их были заняты другим предметом: они с нетерпением ожидали приезда Соловьева и Щепилы, которые с таким же чувством летели к ним на помощь и скоро достигли Трилес. Сухинов выбежал к ним навстречу.

— Муравьев арестован! Гебель здесь,—сказал он с досадою.

Услышав сие, Щепила тотчас соскочил с повозки и в сильном волнении сказал:

— Убить его!—сделав два шага вперед—убить его непременно!—повторил несколько раз решительным голосом пылкий товарищ Соловьева.—Пойдем к ним скорее,—продолжал он, задыхаясь от гнева и идя скорыми шагами к квартире Кузьмина. Соловьев и Сухинов за ним следовали.

Командир Черниговского полка, увидя еще двух новоприезжих и, может быть подозревая их в каком-нибудь замысле, начал также им делать выговоры и упреки за отлучку от своих мест и требовал, чтобы они немедленно отправились в свои роты. Барон Соловьев отвечал ему, что он первый решительно не будет повиноваться его приказанию. Щепила повторил то же. Не взирая на положительность отказа и на решительный тон, которым он был произнесен, Гебель требовал повиновения с еще большей настойчивостью. Это произвело ужасный спор, во время которого Муравьев дал знак офицерам, чтобы они приступили к действию, и к сему знаку прибавил он тихим, но внятным для них голосом:

— Убить его!

Гебель, разгоряченный спором, хотя и не заметил знака и не слыхал рокового приговора, но, видя невозможность восторжествовать над упорством своих офицеров, а, может быть, опасаясь неприятных следствий, смягчил строгий голос командира и хотел восстановить дисциплину ласковыми словами. Однако его усилия были тщетны; все было кончено, и намерение начать действовать твердо было принято.

Через несколько минут Кузьмин вышел в другую комнату, отделенную от первой большими проходными сенями, с тем, чтобы все приготовить к восстанию и об'явить солдатам своей роты о предпринимаемом действии. Щепила, Соловьев и Сухинов вышли вслед за ним с тою же целью. Успех был неимоверный: солдаты из'явили готовность во всем повиноваться своим офицерам. Ободренные столь счастливым началом, офицеры Черниговского полка немедленно хотели приступить к освобождению Муравьева. Щепила и Соловьев вышли из кухни, где была временная караульня, в сени, чтобы свободнее там переговорить о мерах, необходимых к исполнению сего намерения. В это самое время поручик Ланг, хлопотавший об от'езде, вышел из противолежащей комнаты. Щепила, увидя Ланга и думая, что он подслушал их разговор, схватил ружье, стоявшее в углу сеней и хотел его смертию начать предполагаемое действие, но Соловьев, махнув рукою, отвел смертельный удар.

— Оставим его в живых,—сказал он Щепиле,—лучше мы его арестуем; для нас достаточно этого.

Испуганный жандарм, видя опасность, выбежал без всякого шума из сеней и искал спасения в бегстве. Черниговские офицеры заметили его удаление и, опасаясь, чтобы он не известил кого-либо о начале возмущения и не остановил бы тем успеха, по-

слали тотчас Сухинова схватить Ланга и привести его. Сухинов поймал жандармского поручика недалеко от дома, но, из человеколюбия не решившись вести ненавистного жандарма к своим товарищам, он оставил его в доме священника и посадил в погреб, намереваясь его взять оттуда, когда умы успокоятся и когда можно будет содержать его под арестом, не подвергая опасности его жизнь. Возвратившись, он об'явил своим товарищам, что жандарма не нашел; в пылу негодования Щепила и Кузьмин настоятельно требовали от Сухинова, чтобы он привел беглеца. Сухинов послушался и поспешил в дом священника, но, к удивлению своему, не нашел там своего узника, который во время его отсутствия в самом деле бежал и почти первый донес в дивизионную квартиру о начале возмущения.

Между тем подполковник Гебель, разговаривая с Муравьевым, ничего не знал, что происходило в сенях. Не видя долгое время поручика Ланга и скучая долгим приготовлением лошадей, он начал звать его громким голосом. Не имея никакого ответа, он с досадою выбежал из комнаты и бросился прямо в караульню, чтобы послать вестового отыскивать Ланга, но, встретив там Щепилу и Кузьмина, который отдавал приказания своему фельдфебелю, он забыл свое намерение, пришел снова в бешенство и начал осыпать выговорами и укоризнами офицеров, которые на этот раз не были так снисходительны, как прежде: Щепила ответил Гебелю на его выговоры сильным ударом штыка в брюхо. Почувствовав тяжелую рану, командир Черниговского полка хотел выскочить вон из комнаты, но в дверях его встретил Соловьев и, ухватив обеими руками за волосы, повалил на землю. Кузьмин и Щепила бросились на упавшего Гебеля и начали его колоть и бить. Соловьев, оставя Гебеля в руках своих товарищей, спешил освободить арестованных Муравьевых, кото-

рые, пользуясь отсутствием полкового командира и жандарма и заметя движение офицеров и шум, происходивший в сенях, выбили окошко и выскочили из комнаты. Часовой, не зная ничего, хотел было воспрепятствовать мнимому побегу, но прибежавший на его крик ефрейтор заставил его молчать пощечиною [1]). Соловьев вбежал в комнату и, не нашед в оной Муравьевых, Сергея и брата его Матвея, бросился к выбитому окошку, из коего, к крайнему удивлению, увидал С. Муравьева на дворе, наносившего тяжелые удары ружейным прикладом по голове Гебелю, который после побоев Щепилы и Кузьмина, собрал последние силы и, поднявшись на ноги, вынес их, так сказать, на своих плечах из сеней и был остановлен в дверях С. Муравьевым.

Вид окровавленного Гебеля, прислонившегося к стене и закрывающего голову руками, в надежде тем защитить себя от наносимых ему ударов, заставил Соловьева содрогнуться. Он немедленно выскочил в окно и, желая как можно скорее кончить сию отвратительную сцену, схватил ружье и сильным ударом штыка в живот повергнул Гебеля на землю. Обратясь потом к С. Муравьеву, начал он его просить, чтобы он прекратил бесполезные жестокости над человеком, лишенным возможности не только им вредить, но даже защищать свою жизнь. Сии просьбы имели свое действие. С. Муравьев оставил Гебеля и только в это время почувствовал, что озноблил себе пальцы от прикосновения ружейного ствола.

Едва С. Муравьев оставил полумертвого Гебеля, как сей несчастный пришел в себя, приподнялся на ноги и в беспамятстве пошел, шатаясь, сам не зная куда. К несчастью, он попался на глаза Кузьмину, который подбежал к нему, ударом по шее сшиб его с ног и в исступлении нанес ему еще восемь тяже-

---

[1]) Этот самый часовой был в походе с Муравьевым и был один из лучших солдат во время оного.

лых ран; удары были так сильны, что за каждым разом Кузьмин должен был употреблять силу, чтоб выдернуть свою шпагу из костей Гебеля. Может быть, Кузьмин прекратил бы страдания Гебеля, если бы не подбежал к нему Соловьев и не уговорил оставить изувеченного человека, представляя его совершенно безвредным и едва дышащим. Кузьмин удалился, но жизнь не оставила Гебеля. Ослабленный истечением крови, с разбитою головою, покрытый ранами, он снова собрал силы, поднялся на ноги и, шатаясь, вышел за ворота, сделал там несколько шагов и упал без чувств посреди улицы. Один рядовой роты Кузьмина остановил ехавшего по улице крестьянина, положил Гебеля на сани и повез его в дом управителя.

С. Муравьев, узнав об этом впал в некоторый род неистовства: требовал, чтобы офицеры отыскали Гебеля и непременно лишили его жизни, а сам побежал по переулку с намерением перехватить сани, на которых солдат вез своего полкового командира. Не догнав его, С. Муравьев поручил Сухинову непременно остановить Гебеля, вывезти его за деревню и бросить в снег. Видя ярость и бешенство С. Муравьева, Сухинов притворился согласным исполнить его приказание и побежал вслед за санями, но, возвратившись, об'явил Муравьеву, что солдат отдал уже Гебеля управителю и что сей последний собрал к себе множество вооруженных крестьян [1]).

Между тем. С. Муравьев приказал Кузьмину собрать роту и итти в Ковалевку, а сам, взяв с собою

[1]) Покажется странным, что после стольких полученных ран Гебель мог еще оставаться в живых. Но вероятно всему способствовало его крепкое и здоровое сложение, скорая помощь лекаря, а может быть от исступления и ярости офицеров неверно наносимые удары. Однакож за всем тем он был четыре месяца в постели, лишился нескольких пальцев на обеих руках, которые ему отбил С. Муравьев ружейным прикладом, и получил 13 тяжких ран острым оружием.

Соловьева и Щепилу, поехал вперед в сию деревню. Когда они под'ехали к управительскому дому, Щепила, находясь еще в сильном раздражении, предложил С. Муравьеву заехать к управителю и убить там Гебеля. С. Муравьев тотчас согласился и приказал кучеру прямо туда ехать; но Соловьев всеми силами воспротивился сему как бесполезному, так и ничтожному покушению, просил Муравьева оставить его намерение и, не ожидая его согласия, крикнул грозно на кучера:

— Пошел прямо!

Кучер послушался Соловьева, ударил по лошадям и пронесся мимо дома. Муравьев и Щепила противились. Соловьев их не слушал и тем отвратил их от сего бесполезного действия.

Щепила и Соловьев, оставив С. Муравьева в деревне Ковалевке, где квартировала 2-я гренадерская рота под командою поручика Петина, поехали к своим ротам через Васильков.

9.

Меры майора Трухина в Василькове.—С. Муравьев в Ковалевке.—Поездки Башмакова, Фурмана, Какаурова и Бестужева.—Вступление в Васильков.—Арест Трухина, захват знамен и полкового ящика.—Приход Шутова с частью 5-й роты.—Арест жандармов.

Все, случившееся в Трилесах, было уже известно в городе. Ужас распространился между жителями, а местное начальство старалось взять меры, могущие остановить успех Муравьева. Трухин, старший майор после С. Муравьева, удвоил городской караул и отправил приказание во все роты непременно собраться в город. Узнав, что, Соловьев и Щепила приехали в Васильков и остановились у полкового квартирмейстера поручика Войниловича, майор Трухин тотчас взял роту внутренней стражи, городничего и дежур-

ного по караулам поручика Быстрицкого, пошел на квартиру помянутого офицера и там арестовал Соловьева и его товарища, в то время как они отдыхали, ожидая свежих лошадей. Потом он приказал поручику Быстрицкому ехать в деревню, принять роту Соловьева и привести ее в Васильков. На главной гауптвахте, где содержались арестованные офицеры, было отдано строжайшее приказание от майора никого к ним не впускать, не говорить ни слова с мятежниками и, если они вздумают подговорить караульных, то стрелять по ним без всякого сожаления. Однако, несмотря на сей строгий приказ, Щепила и Соловьев не только принимали посещения других офицеров, говорили с солдатами, но даже рассказали им подробно о всем случившемся в Трилесах и просили их не оставлять своих товарищей в столь трудных обстоятельствах. Как караульные солдаты, так и офицеры, посещавшие арестантов, обещали непременно присоединиться к восставшим ротам.

В скором времени майор Трухин, вероятно, из предосторожности, разлучил Соловьева и Щепилу, приказав перевести сего последнего на квартиру и содержать там под таким же строгим присмотром, как и на гауптвахте. Бедный майор не замечал, что над его приказаниями явно смеялись не только офицеры, но и солдаты, хотя, повидимому, приводили их в исполнение.

С. Муравьев в деревне Ковалевке позвал тотчас к себе фельдфебеля и унтер-офицеров 2-й гренадерской роты, чтобы узнать их мнение относительно замышляемого возмущения.

Видя, что они готовы разделить с ним все опасности предприятия, он приказал фельдфебелю собрать роту. Гренадеры собрались против квартиры своего ротного командира, с которым Муравьев вышел к ним и после обыкновенных приветствий об'явил о деле в коротких словах, потом спросил их, чувству-

ют ли они довольно мужества, чтобы отважиться на столь смелый и великий подвиг. Гренадеры единодушно изъявили свое согласие и отвечали положительно. Распустив их по квартирам, С. Муравьев приказал им готовиться к походу.

Для успеха восстания, начатого без всякого предварительного плана, необходимо было скорое и единодушное содействие всех членов тайного общества. С. Муравьев был уверен в преданности к общему делу членов Славянской управы, и потому спешил их уведомить о восстании Черниговского полка. С сим намерением он послал Башмакова известить членов 8-й артиллерийской бригады и пригласить их к поднятию оружия. Кроме сего Башмаков должен был заехать к капитану Черниговского полка Фурману и отправить его с таким же поручением к членам 8-й пехотной дивизии. Вслед за Башмаковым Муравьев послал в 17-й егерский полк к подпоручикам Вадковскому и Молчанову унтер-офицера Какаурова с запиской, в которой просил одного из них приехать в Васильков для совещания [1]). От скорого исполнения подобных приказаний может быть, зависел жребий С. Муравьева и его товарищей; но, к несчастью, сии приказы не были исполнены с надлежащею скоростью и точностью. Унтер-офицер Какауров выполнил возложенную на него обязанность, как следовало умному и расторопному солдату, но поведение Башмакова и Фурмана заслуживает самое строгое порицание: вместо того, чтобы спешить в назначенные им места, они теряли время за картами и вином. В 25 верстах от Василькова они были

---

[1]) Вместо того, чтобы послать Какаурова в 17-й полк с приказанием, дабы члены, там находящиеся, взбунтовали тотчас полк и шли бы к черниговцам на помощь, С. Муравьев приказал приехать в Васильков одному члену и тогда дал ему оные поручения. От сего произошла неудача и потеря времени, которая так дорога в сих случаях

арестованы земским исправником, который взял их за карточным столом весьма не в трезвом виде.

Бестужев-Рюмин приехал в Ковалевку и тут узнал о происшествиях, случившихся во время его поездки. Положительно неизвестно, где он был; но, вероятно, сколько можно догадываться по обстоятельствам, он ездил в ближайшие полки и приглашал к действию командиров оных[1]). Почти вслед за ним пришел Кузьмин с частью своей роты. Опасаясь оставить С. Муравьева без прикрытия, он не дожидался, пока соберется вся рота, разбросанная по деревням, и предпоручил своему фельдфебелю Шутову привести остальную команду в город Васильков.

На другой день, 30 декабря, рано поутру, С. Муравьев с 1-ю гренадерскою ротой и большею частью 5-й мушкатерской выступил из Ковалевки, намереваясь в один переход сделать 35 верст и притти в Васильков. Майор Трухин, узнав о сем движении, приказал в городе бить тревогу, а 4-й мушкатерской роте, занимавшей караулы, приготовиться к бою. Сии приготовления навели на городских жителей ужас: все думали, что через несколько минут Васильков будет театром кровавой битвы; но вышло совершенно противное.

В три часа пополудни авангард С. Муравьева под командою Сухинова спокойно вошел в город, достиг городской площади без всякого сопротивления и

---

1) Положительно известно, что Бестужев приезжал в Радомысль к Швейковскому, и тот от него спрятался. С огорчением он уехал оттуда; но неизвестно, где он еще был. Станционный писарь города Радомысля после разбития С. Муравьева доставил начальнику записку его, писанную на французском языке к Швейковскому, где он приглашал его к восстанию; из сего видно намерение Бестужева и его неудача. Вероятно, он был и у других полковых командиров. По возвращении своем он очень скрывал от черниговских офицеров, куда он ездил, где был и зачем.

не обнаружил никаких неприязненных расположений против жителей. Миролюбивый вид мятежников ободрил майора Трухина; надеясь обезоружить их одними словами, он, в сопровождении нескольких солдат и барабанщика, подошел к авангарду и начал еще издалека приводить его в повиновение угрозами и обещаниями: но, когда он подошел поближе, его схватили Бестужев и Сухинов, которые, смеясь над его витийством, толкнули его в средину колонны. Мгновенно исчезло миролюбие солдат. Они бросились с бешенством на ненавистного для них майора, сорвали с него эполеты, разорвали на нем в клочки мундир, осыпали его ругательствами, насмешками и, наконец, побоями. В сие время С. Муравьев, подошедши с своею колонною на площадь, избавил Трухина от дальнейших неприятностей, приказав солдатам не трогать его и отправить на гауптвахту под арест. Почти в то же самое время 4-я мушкатерская рота, стоявшая на карауле, и 6-я пришедшая к ней на смену, под предводительством арестованного Соловьева при радостных восклицаниях присоединилась к С. Муравьеву. Вскоре потом пришел на помощь Щепила, командуя караулом, содержащим его под арестом.

Столь счастливое начало оживило новою надеждою сердца Черниговских офицеров. Они не сомневались в будущих успехах своего оружия и уже мечтали об окончании трудного подвига. Приезд подпоручика Вадковского 17-го егерского полка усилил еще более их надежды. Он обещал С. Муравьеву с помощью товарища Молчанова взбунтовать, если не весь егерский полк, то, по крайней мере, батальон; и в ту же минуту отправился с площади в Белую Церковь для приведения в действие своего намерения. Но по приезде туда, на заставе был арестован, закован в кандалы и тотчас отправлен в главную квартиру 1-й армии.

Когда все роты собрались на площади, и Муравьев увидел, что город в его власти, он приказал Сухинову и Мозалевскому итти на квартиру Гебеля, (которого уже привезли из Трилесов) за знаменами и полковым ящиком. При сем случае произошел беспорядок, о котором нельзя не упомянуть. При входе в дом, занимаемый Гебелем, Мозалевский заметил, что на левом фланге взвода, назначенного под знамена, не достает нескольких рядов; тут же услышал он в комнатах шум и крик. Он тотчас догадался, что солдаты, оставив ряды, ворвались во внутренность дома и предаются бесчинству. Догадки свои он сообщил Сухинову, который, обнажив саблю, бросился в комнаты и увидел пред собою толпу раз'яренных солдат, готовых принести Гебеля в жертву их мщению. Они оскорбляли несчастную жену своего командира, а некоторые даже предлагали убить ее вместе с малолетними ее детьми. Просьбы и ласковые слова были в сем случае бесполезны. Одна твердость характера, смелость и решительность могли укротить буйство солдат. Сначала Сухинов угрожал наказать смертью тех, которые, забыв военную дисциплину, оставили ряды без приказания офицера, осмелились нарушить спокойствие бедной женщины, оскорбляют ее и даже замышляют гнусное убийство. Но видя, что его слова не производят никакого действия, он решился подтвердить оные делом и наказать немедленно первого виновного. Раздраженные солдаты вздумали обороняться, отводя штыками сабельные удары и показывали явно, что даже готовы покуситься на жизнь своего любимого офицера; Сухинов, не теряя духа, бросился на штыки, осыпал сабельными ударами угрожавших ему убийц и выгнал их из дому. Остальные солдаты, стоявшие в это самое время на дворе под командою Мозалевского, хотели было итти на помощь к своим товарищам, но Мозалевский, встав впереди с саблею в руках, сказал им, что кто

первый осмелится пошевелиться, тот ляжет на месте. Мужеством и твердостью сих двух офицеров спасена жизнь Гебелю, его жене и детям, их дом избавился от конечного разграбления.

По возвращении на площадь со знаменами, Мозалевский получил от С. Муравьева приказание отыскать непременно скрывшегося полкового ад'ютанта Павлова, отобрать от него архив, полковую печать и посадить его самого под арест. Щепиле дано было такое же повеление и, взявши солдат, они отправились вместе с Мозалевским отыскивать Павлова, который, как известно было, скрывался в городе. Поиски были бесполезны. Павлов был спрятан в постели между перинами у жены городничего, где он пробыл до самого выступления С. Муравьева из Василькова, и тогда только оставил свою роскошную темницу и поспешил уведомить киевское начальство о возмущении в Черниговском полку. Сии поиски, коих цель была известна всем в городе, послужили однакож к сплетению гнусной клеветы, которою недоброжелатели всякого нововведения старались очернить С. Муравьева и его сподвижников и выдумали, что будто бы по приказанию его уголовные преступники были выпущены из тюрьмы, а уездное казначейство разграблено. Но, по произведенному самим правительством следствию, эти обвинения оказались ложными, к стыду самих клеветников [1])

---

[1]) Офицеры, посланные Муравьевым для отыскания ад'ютанта Павлова и утомленные долгими и безуспешными поисками, начали расспрашивать городских жителей о беглеце. Мозалевскому какой-то канцелярист сказал, что Павлов скрывается в уездном казначействе. Он прямо туда пошел с находящимися при нем рядовыми, которых однакож оставил на дворе присутственного места, вошел в оное один и, узнав от служащих приказных, что никого другого из посторонних не находилось и не находится в том месте, он вышел обратно и спешил продолжать свои розыски в других местах города. При сем должно заметить, что на этом же дворе находилась город-

С. Муравьев оставался на городской площади и еще не делал последних распоряжений. Заметя беспокойство городских властей и желая уничтожить их опасения, он призвал к себе почетных граждан, объявил им цель возмущения, которое ни мало не угрожало личной и вещественной их безопасности, просил их не предаваться напрасному страху и уверил, что порядок и тишина будут строжайше наблюдены. Потом просил он доставить под квитанцию нижним чинам с'естные припасы и водку. Ласковое и благородное обращение Муравьева не осталось без действия. Успокоенные жители доставили все припасы, удовольствованные солдаты были помещены на тесных квартирах, город окружен военною цепью, а Богуславская и Киевская заставы были заняты сильным караулом. На первую был назначен Мозалевский, на вторую—Рыбаковский.

В 8 часов вечера пришел в Васильков 5-й мушкатерской роты фельдфебель Шутов с рядовыми, оставленными поручиком Кузьминым. Не доходя 7 верст до Василькова, около корчмы, называемой Мытницы, встретил его командир 9-й дивизии, генерал Тихановский, и на его вопрос, куда он идет с командою, Шутов отвечал:

— К своей роте, в Васильков.

— Знаешь ли ты, что делается в полку?—спросил генерал.

— Знаю, и затем именно туда иду,—отвечал смело Шутов.

ская тюрьма, в коей содержались разного рода уголовные преступники. Сии два обстоятельства подали повод выдумать, будто бы Муравьев посылал солдат с офицером в уездное казначейство с приказанием завладеть государственною казною и кроме того разбить тюрьму и освободить оттуда всех преступников. Кто первый выдумал столь унизительную ложь, неизвестно.

Генерал Тихановский, услышав сие, приказывал ему итти с командою в дивизионную квартиру или обратно на ротный двор. Шутов отвечал, что он не может ему повиноваться и нарушить обещания, данного ротному командиру, поручику Кузьмину и батальонному командиру С. И. Муравьеву, что ежели его команда оставит, то он один пойдет в Васильков. Генерал Тихановский, видя твердость Шутова, оставил его и, подошедши к солдатам, стал их уговаривать отстать от своего фельдфебеля и итти не в Васильков, а в Белую Церковь; грозил им жестоким наказанием за непослушание, а в противном случае обещал им большие награды. Но слова и убеждения его не действовали: солдаты остались так же верны, как и их фельдфебель: все до одного пришли под командою Шутова в Васильков и явились к своему ротному командиру. Шутов, донося при вечернем рапорте, сказал ему:

— Я хотел, было, ваше высокоблагородие, арестовать его, но не смел этого сделать, не имея на сие никакого приказания [1]).

Полагая, что Тихановский может быть, приедет в Васильков, С. Муравьев приказал Мозалевскому арестовать его на заставе и привести тотчас к нему. Сего, однако, не случилось; но вместо Тихановского в 9 часов вечера на Богуславскую заставу прискакал жандармский поручик Несмеянов. Часовые остановили повозку и вызвали офицера. Мозалевский потребовал от жандарма его бумаги об'явил ему, что он арестован. Жандарм не хотел ничего слушать и показывал вид, что он намерен защищаться, вынимая пистолеты. Мозалевский приказал караульным

---

[1]) Такая верность и преданность солдат достойна всякого замечания. Шутов знал, что он произведен в офицеры, что приказ об оном находится в дивизионной квартире; также знал, какая его ожидает награда и какое наказание. Он прогнан сквозь строй и сослан в Сибирь на каторгу.

окружить повозку и скомандовал «на руку». Нечего было делать: жандарм выдал свои бумаги и был отведен на главную гауптвахту. В скором времени другой жандармский офицер—Скоков, приехавший с повелением арестовать Матвея Муравьева, подвергся той же участи, как и первый, который должен был арестовать Сергея Муравьева.

10.

Приготовления к походу.—Сбор мятежных рот на площади 31 дек.—Молебен и чтение катехизиса.—Выступление на Мотовиловку.—Приезд Ипполита Муравьева.

Между тем офицеры Черниговского полка не теряли времени. Ночь с 30 на 31 декабря проведена в приготовлениях к походу. Каждый занимался своим делом, забывая опасность; деятельность и усердие членов общества были беспримерны; они старались одушевить солдат новым мужеством и поддержать бодрость их духа. Чтобы успешнее действовать на них, они всеми силами старались обеспечить их продовольствие. Сами солдаты в приготовлении к походу показывали не менее ревности: ружья, патроны и вся амуниция были осмотрены с величайшим тщанием, и все недостатки были исправлены. Посреди общей деятельности один С. Муравьев не принимал участия в приготовлениях: он оставался уединенным, писал целую ночь, но куда и к кому — никто даже из близких ему не мог то узнать.

В вечернем приказе С. Муравьева было сказано, что все роты, находящиеся налицо, должны собраться на площадь на другой день, 31 декабря, в девять часов утра. В назначенное время пять рот, а именно: 1-го батальона 3-я мушкатерская, 2-го батальона—2-я гренадерская, 4-я, 5-я и 6-я мушкатерские роты пришли на сборное место в полной походной амуниции. Музыканты без всякого приказания явились са-

ми, и 60 человек, оставя инструменты, взяли оружие из полкового цейхгауза и стали в ряды своих товарищей. 1-й гренадерской и 1-й мушкатерской рот не было на площади, потому что по приходе в Васильков С. Муравьев тотчас послал приказание в сии роты собраться им в деревню Мотовиловку и там ожидать его прихода. 2-я мушкатерская рота, за которой был отправлен поручик Быстрицкий майором Трухиным, не успела еще притти.

При собравшихся ротах находились следующие офицеры, командиры рот: 3-й мушкатерской—поручик Щепила, 2-й гренадерской—поручик Петин, 4-й мушкатерской—поручик Маевский, 5-й—поручик Кузьмин, 6—поручик Сухинов, вместо откомандированного Фурмана, командир 2-й мушкатерской роты шт.-капитан барон Соловьев тут же находился, хотя рота его еще в то время не пришла. В сих ротах—офицеры: Апостол-Кегич, Рыбаковский, князь Мещерский, Мозалевский, Белелюбский, Кондырев, Жизневский, Войнилович. Сверх того находились тут и Полтавского полка поручик Бестужев-Рюмин, отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол и приехавший во время сбора полка на площадь свиты е. в. подпоручик Ипполит Муравьев-Апостол. Ротные командиры и офицеры поверили людей, осмотрели амуницию и с нетерпением ожидали С. Муравьева, который долго не выходил из своего кабинета, проведши там около часу времени с Мозалевским. Никто не знал, зачем Мозалевский был у Муравьева и какое получил поручение.

Вышедши в залу, он приказал позвать полкового священника и, об'яснив ему цель восстания и свои намерения, просил его содействовать в сем благом деле молитвою и крестом.

Русское духовенство,—сказал ему наконец С. Муравьев, — всегда было на стороне народа; оно всегда во времена бедствий нашего отечества являлось

смелым и бескорыстным защитником прав народных.

Священник, человек молодой и довольно просвещенный, постигнул возвышенные и благородные чувства С. Муравьева.

— Я согласен на ваше предложение,—сказал он ему,—и готов умереть с вами для общей пользы; но... я имею жену, детей,—прибавил он после некоторого молчания,—если ваше предприятие не удастся, что будет с ними? Бедность, нищета и даже позор ожидают мою жену и моих сирот.

Супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали в нем первый порыв любви к отечеству; он готов был отказаться от прежних слов своих. Но Муравьев снова успел возбудить в душе его благородное самоотвержение. Желая успокоить справедливое опасение священника насчет его семейства, он дал ему 200 руб.

— Вручите сии деньги вашему семейству,—сказал С. Муравьев,—они будут необходимы для него во время вашего отсутствия; между тем будьте уверены, что ни Россия, ни я никогда не забудем ваших услуг.

Священник, не возражая более, пошел вместе с Муравьевым на площадь.

Собравшиеся роты были построены в густую колонну. Подошедши к ней, Муравьев приветствовал солдат дружелюбно и потом в коротких словах изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу. Восторг был всеобщий; офицеры и солдаты изъявили готовность следовать всюду, куда поведет их любимый и уважаемый начальник. Тогда С. Муравьев, обратясь к священнику, просил его прочитать Политический Катехизис, который состоял из чистых республиканских правил, приноровленных к понятиям каждого. Священник читал громким и внятным голосом правила и обязанности свободных граждан.

— Наше дело,—сказал Муравьёв по окончании чтения, обратясь снова к солдатам,—наше дело так велико и благородно, что не должно быть запятнано никаким принуждением; и потому кто из вас, г.г. офицеры и рядовые, чувствует себя неспособным к такому предприятию, тот пускай немедленно оставит ряды; он может без страха остаться в городе, если только совесть его позволит ему быть спокойным и не будет его упрекать за то, что он оставил своих товарищей на столь трудном и славном поприще и в то время, когда отечество требует помощи каждого из сынов своих.

Громкие восклицания заглушили последние слова С. Муравьева. Никто не оставил рядов и каждый ожидал с нетерпением минуты лететь за славою или смертью.

Между тем священник приступил к совершению молебна. Сей религиозный обряд произвел сильное впечатление. Души, возвышенные опасностью предприятия, были готовы принять священные и таинственные чувства религии, которые проникли даже в самые нечувствительные сердца. Действие сей драматической сцены было усугублено неожиданным приездом свитского офицера, который с восторгом бросился в об'ятия С. Муравьева. Это был младший брат его—Ипполит. Надежда получить от него благоприятные известия о готовности других членов заблистала на всех лицах. Каждый думал видеть в его приезде неоспоримое доказательство всеобщего восстания, и все заранее радовались счастливому окончанию предпринятого подвига.

Среди сих надежд колонна, получив благословение священника, с криком: ура! двинулась по дороге в деревню Мотовиловку. Городские жители, теснившиеся вокруг, провожали воинов, желая им успеха.

— Да поможет вам бог!—раздавалось повсюду.

Солдаты были бодры, мужество блистало в их взорах, веселые песни выражали спокойствие их душ. Для удержания порядка и отвращения внезапного нападения, войско шло в боевом порядке. Авангардом командовал Войнилович; ариергардом — Сухинов. Деятельность и бдительность сего последнего оправдали вполне доверенность Муравьева и его товарищей. Несмотря на благородное чувство, одушевлявшее большую часть солдат, в столь значительном числе оных неминуемо находились такие, которые думали, что при подобных случаях можно позволить себе, без упрека совести разного рода шалости и бесчинства и безнаказанно нарушать дисциплину. Сухинов благоразумною осторожностью и строгим соблюдением военных правил укрощал их буйство и поддерживал порядок. Некоторые из них притворялись пьяными с намерением отстать от полка и предаться беспорядкам. Подобные хитрости не ушли от бдительности Сухинова; он уничтожал все их замыслы. При самом начале один рядовой, сорвавший платок с женщины, провожавшей его как доброго постояльца, был немедленно строго наказан при всех его товарищах. Войнилович, по распоряжению С. Муравьева, приближаясь к каждой корчме, посылал туда унтер-офицера и двух рядовых с строгим приказанием ставить у дверей корчмы часовых и никого не впускать в оную. Таким образом прекращались все беспорядки, почти неизбежные при движении полка.

Во время дороги к Мотовиловке Ипполит Муравьев рассказал офицерам Черниговского полка, что он выехал из Петербурга 13 декабря с поручением от членов Северного Общества уведомить членов Южного о намерении начать возмущение в столице и пригласить их к содействию. Тут же он сказал, что московские члены разделяют мнение петербургских и обещают помогать успехам восстания,

где бы оно ни началось. И, наконец, он прибавил, что дорогою узнал о печальном событии 14-го декабря.

— Мой приезд к вам в торжественную минуту молебна,—говорил он,—заставил меня забыть все происшедшее. Может быть, ваше предприятие удастся; но если я обманулся в своих надеждах, то не переживу второй неудачи и клянусь честью пасть мертвым на роковом месте.

Сии слова тронули всех.

— Клянусь, что меня живого не возьмут!— вскричал с жаром поручик Кузьмин.—Я давно сказал: «Свобода или смерть!».

Ипполит Муравьев бросился к нему на шею. Они обнялись, поменялись пистолетами и оба исполнили клятву.

11.

Поездка Мозалевского в Киев.—Мозалевский у неизвестного генерала и у полк. Крушенникова.—Катехизисы.—Тревога в городе.—Арест Мозалевского.—Кн. Щербатов.

Прервем рассказ о Черниговском полку, который уже выступил из Василькова, и займемся отправлением и поездкою Мозалевского в Киев. Сие отступление отчасти об'яснит нам намерения, действия и надежды С. Муравьева.

31-го декабря, в день выступления полка из Василькова, в 8 часов утра, Мозалевский был с рапортом у С. Муравьева, который после некоторых вопросов о приготовлении полка к походу сказал ему, что намерен откомандировать его с важными поручениями и потому просил его приготовиться скорее к дороге и запастись партикулярным платьем.

— О времени вашего отправления, — прибавил он,—вы узнаете, когда все к тому нужное будет готово.

В 10 часов Мозалевский узнал от Щепилы, что Муравьев желает с ним видеться. Он сейчас пошел к нему и нашел там Бестужева-Рюмина и Матвея Муравьева, которые, впрочем, кажется, ничего не знали о намерении С. Муравьева. Едва Мозалевский успел войти в комнату, как С. Муравьев взял его за руку, повел в свой кабинет и запер за собою дверь. Потом сказал ему, что он должен ехать в Киев с письмами к тамошним членам тайного общества.

— Вы должны,—говорил он,—спешить в сей город; постарайтесь как можно скорее кончить порученное вам дело и немедленно возвратиться ко мне. Будьте осторожны, старайтесь всеми средствами скрыть ваш приезд как от киевских жителей, так и от тамошнего местного начальства.

По поручению Муравьева Мозалевский должен был вручить письма трем членам тайного общества и распустить в народе несколько списков Политического Катехизиса. Содержание сих писем неизвестно; но из наставлений, данных Муравьевым Мозалевскому, можно догадываться, чего он желал и на что надеялся. Вручая ему письмо на имя одного генерала (которого фамилия неизвестна), Муравьев просил Мозалевского пересказать ему о всем случившемся в Черниговском полку, узнать от него, что думают другие члены о происшествии 14 декабря и о восстании Черниговского полка, и расспросить его о мерах, какие они с своей стороны думают принять, об'явить ему о надеждах С. Муравьева на Киев, где находится так много членов русского и польского обществ и, наконец, просить на все письменного или словесного ответа. Отдавая другое письмо к подполковнику Крупенникову, Муравьев сказал:

— Об'явите ему, что представляется удобный случай присоединиться ему с своим полком к нашему; скажите, что я надеюсь на его патриотизм и усердие

к общему делу и ожидаю от него положительного ответа. Сверх того не забудьте узнать от сих членов о мерах, принятых правительством против нас, и какие именно полки назначены воспрепятствовать нашим успехам, и кто ими будет командовать. Но более всего требуйте от них ответов,—повторил он Мозалевскому несколько раз.

Наконец, он отдал ему третье письмо, адресованное на имя одного поляка. Тут же вручил он Мозалевскому большой пакет, заключавший в себе несколько списков Политического Катехизиса, приказал выбрать из своего полка надежных и расторопных двух рядовых и одного унтер-офицера, одеть их в простое платье, или, по крайней мере, срезать с шинелей погоны, взять их с собою в Киев и по приезде туда поручить им пустить в народ сии катехизисы, снабдив для сего необходимыми наставлениями.

На вопрос Мозалевского, когда он должен ехать и где по исполнении поручения догнать полк, Муравьев отвечал:

— Чтобы отвлечь всякое подозрение о вашей поездке, вы должны быть во время молебна на площади и выйти из города вместе с полком, пройти с ним до первой корчмы, Малой Мытницы, а оттуда вы можете уже ехать проселочными дорогами, миновав Васильков. Когда же кончите все ваши дела в Киеве, то приезжайте в Брусилов и дожидайтесь меня там у командира Кременчугского полка полковника Набокова; ежели не застанете меня там, то узнавши, где я, немедленно приезжайте ко мне [1]).

По окончании разговора С. Муравьев вместе с Мозалевским пошел на площадь, где были собраны вос-

[1]) Не выходя еще из Василькова, С. Муравьев хотел итти через Фастов в Брусилов, взявши там Кременчугский полк, следовать в Радомысль, соединиться там с Александрийским полком и оттуда итти на Житомир.

ставшие роты Черниговского полка. Нам уже известно, что там происходило. Мозалевский с большим затруднением мог нанять лошадей. Узнав о времени своего отправления, незадолго до выступления полка и не имея возможности отлучиться в продолжение молебна и чтения катехизиса, он двинулся вместе с полком и тогда только забежал на свою квартиру, когда полк проходил мимо ее. Он приказал своим людям отыскать непременно две тройки лошадей, дать за наем все, что хозяева потребуют и стараться как можно скорее догнать его. Лошади были отысканы и наняты. Они догнали полк за ½ версты от Малой Мытницы. Муравьев, узнав о сем, тотчас приказал Мозалевскому взять с собою означенных солдат и отправиться куда следует. Мозалевский воротился, проехал глухими переулками Васильков, поворотил вправо, на деревню Бугаевку, лежащую в стороне от большой дороги, и проселками доехал до деревни, находящейся близ Киева. Тут он должен был взять свежих лошадей, встретил новые затруднения, однакож после некоторой остановки, нашел извозчика и выехал на большую Васильковскую дорогу под самым Киевом. Здесь, отдав унтер-офицеру Николаеву и одному из рядовых по равному числу списков Политического Катехизиса, он приказал им, по приезде в город, оставить лошадей в каком-нибудь скрытом месте, разойтись в разные стороны по Подолу и Печерску и там раздавать сии списки встречающимся людям, подбрасывать их в дома или оставлять в местах, более посещаемых; когда же все списки таким образом будут сбыты с рук, то немедленно сойтись и ожидать его близ заставы на Подоле.

В полночь с 31 декабря на 1 января Мозалевский приехал в Киев, миновав заставу на Печерске позади госпиталей. В городе все было тихо; кажется, никто не знал о восстании Черниговского полка и никто не думал, что спокойствие города скоро будет

нарушено. Зная квартиру того генерала, к которому имел письмо, Мозалевский прямо поехал к нему (он жил на Печерске). Оставив в недальнем расстоянии своих лошадей и при них бывшего с ним солдата, он вошел в дом и просил доложить о себе, не упоминая, однако, ни своего звания, ни своей фамилии. По прошествии нескольких минут его попросили войти. После обыкновенных приветствий Мозалевский вручил генералу письмо, об'явив, что он—офицер восставшего Черниговского полка, присланный с поручением от С. Муравьева. Замешательство генерала было чрезвычайно. Прочитав письмо, он сказал Мозалевскому дрожащим голосом:

— Я не буду отвечать, скоро сам с ним увижусь.

Потом он стал просить Мозалевского оставить скорее его дом и спешить выехать из Киева. Когда же Мозалевский спросил его, что сказать Муравьеву на словесные его поручения, генерал отвечал ему еще с большим замешательством:

— Я ничего не знаю.

Мозалевский несмотря на это повторил несколько раз вопросы, которые поручил ему сделать С. Муравьев и на которые вместо всякого ответа генерал повторял:

— Ничего не знаю; прошу оставить меня.

Мозалевский видя его страх и опасение и не получая от него никакого ответа, решился, наконец, удалиться. От него он не мог уже ехать, а пошел пешком, потому что должен был отыскать квартиру подполковника Крупенникова, которую нашел, шедши с Печерска на Подол. Мозалевский вошел к нему и, отдавая письмо, начал рассказывать о восстании Черниговского полка.

— Знаю, знаю,—сказал Крупенников с радостью, —и желаю вам успеха от всего сердца.

Потом, прочитав письмо и узнав от Мозалевского некоторые подробности, спросил:

— Куда намерен итти С. Муравьев и надеется ли на помощь других членов?

Мозалевский отвечал, что Муравьев идет на Брусилов, хотя сего не знает он наверное; что все зависит от обстоятельств, но что Муравьев положительно больше всего надеется на Киев.

— Я уверен,—возразил Крупенников,—что братья Александр и Артамон Муравьевы, первые пристанут к нему со своими гусарскими полками. За четверть часа до вашего прихода здешнее начальство,—продолжал он,—получило известие о вашем восстании и приказало бить тревогу: все войска, находящиеся здесь, будут собраны и пойдут в Васильков для усмирения вспыхнувшего мятежа. Посему, если вы имеете еще какое-либо поручение, то исполняйте его как можно скорее и спешите выехать из Киева. Я думаю, впрочем, вы не успеете уведомить Сергея Муравьева: правительство везде берет против него сильные меры. Чтобы не задерживать,—продолжал Крупенников,—я не стану отвечать письменно, но скажите С. Муравьеву, что из Киева идут против него три батальона. Я иду с ними и буду иметь случай соединиться с вами, исполнить данное обещание и разделить общую опасность.

При выходе Мозалевского от него, Крупенников прибавил:

— Я не могу уведомить С. Муравьева, что думают другие члены, находящиеся в Киеве, насчет восстания, на что они решились и что намерены делать; но, вероятно, Воронежскому и Витебскому полкам также дано повеление итти против Муравьева и, конечно, члены, находящиеся в сих полках, воспользуются случаем исполнить принятую ими

обязанность и соединиться с Черниговским полком для общего дела.

Едва Мозалевский вышел от Крупенникова, как уже во всех частях города били тревогу. Это был второй час ночи. Смятение беспрестанно увеличивалось; испуганные жители выбегали из домов, толпились на улицах или бежали, сами не зная куда и зачем. Солдаты, в полной походной амуниции пробегали улицы, не зная также, что означает всеобщая тревога. Темнота, вопли жителей, крики солдат, барабанный бой и звук оружия увеличивали ужас сей ночи. Мозалевский, видя предстоящую для него опасность, спешил оставить Киев и, не видавши третьего члена тайного общества, решился, как можно скорее уведомить обо всем С. Муравьева. Для сего он старался отыскать приехавших с ним унтерофицера Николаева (Харитонова?) и рядового, которые, исполнивши в точности данные им поручения, ожидали своего офицера в назначенном месте [1]).

Не имея возможности достигнуть Радомысльской заставы большими улицами, в которых толпился народ и войско, Мозалевский, чтобы избежать задержки, хотел выехать в ближайшую от Подола заставу и предместьем Кореневкою пробраться на большую дорогу в Брусилов. Но, не доезжая до заставы, он услышал позади себя лошадиный топот и смешанные голоса; вскоре громкие крики: «стой, стой!» убедили его, что за ним гонятся. Надежда миновать опасность не оставила его в сию критическую минуту. Он приказал ямщику не жалеть лошадей, обещая большие деньги; но все усилия усердного извозчика были тщетны: толпы народа стремились им навстречу и беспрестанно останавливали повозку.

---

[1]) **Они несколько списков подбросили в публичные места много роздали в трактирах, прочие по рукам на улицах, большею частью во время тревоги.**

Тогда Мозалевский, видя невозможность спастись от рук правительства, разорвал письмо, которое не успел вручить по адресу, и начал глотать куски бумаги. Между тем извозчик с усилием пробирался сквозь толпу народа, и едва Мозалевский успел проглотить изорванное письмо, как обе повозки были окружены взводом жандармов, при которых находились начальник штаба 4-го корпуса генерал Красовский, старший ад'ютант Малецкий и киевский полицеймейстер полковник Дуров. Мозалевский был отвезен в дежурство 4-го корпуса, откуда, не снимая с него допроса, отправили его на главную гауптвахту.

По прошествии нескольких минут его повели к командиру 4-го корпуса князю Щербатову, где, к удивлению, он увидел Черниговского полка майора Трухина, полкового ад'ютанта Павлова и двух жандармских офицеров Несмеянова и Скокова. Князь Щербатов позвал Мозалевского в кабинет и, оставшись с ним наедине, с душевным прискорбием сказал ему:

— Вы начали действовать слишком рано; я знаю лично С. И. Муравьева, уважаю его и жалею от искреннего сердца, что такой человек должен погибнуть вместе с теми, которые участвовали в его бесполезном предприятии. Очень жалею вас: вы—молодой человек и должны также погибнуть.

Слезы катились у доброго генерала. Потом князь Щербатов вместе с Мозалевским вышел в ту комнату, где находились помянутые лица и с ними начальник штаба. Тут начал он спрашивать Мозалевского, к кому он приезжал в Киев и с какими именно поручениями. Мозалевский отвечал:

— Я убежал из восставшего полка с намерением явиться к вашему сиятельству.

— Это несправедливо,—возразил майор Трухин, обращаясь к князю.—Он приехал сюда с поручением от С. Муравьева, но к кому и зачем—я не знаю. Он участвовал в бунте и вместе с Сухиновым хотел убить меня, когда я содержался на гауптвахте [1]).

---

1) Мозалевский арестованного последнего жандарма сам отводил к С. Муравьеву который приказал ему отвести его на главную гауптвахту. Идя туда, он встретился на улице с Сухиновым, который с ним тоже пошел на гауптвахту за каким-то делом. Там содержался под арестом майор Трухин. При входе в комнату Трухин при всех солдатах упал на колени перед ними и начал просить помилования, говоря, что он ни в чем не виноват. Мозалевский и Сухинов удивились, видя в сем положении майора, начали уверять, что они не затем пришли на гауптвахту, чтобы что-нибудь с ним сделать, но за своим делом и просили его встать, говоря, что неприлично для майора это положение, и с сими словами они его подняли на ноги. Трухин не переставал просить помилования. Сухинов, видя его подлость, начал ему говорить о развратном его поведении, укорял в низости перед начальством, в тиранстве с солдатами и потом советовал ему оставить военную службу, чтобы перестал он носить мундир, который марал своим поведением. Трухин во всем согласился с Сухиновым, признавал во всем себя виновным и клялся ему, что он оставит службу, в которой недостоен служить; но вдруг упал на колени и начал жалобным тоном просить, повторяя: «батюшка, Иван Иванович (имя Сухинова), сделайте милость!»—Сухинов и Мозалевский бросились к нему с поспешностью и начали ему опять повторять, чтобы он ничего не боялся чтобы он был покоен и что скоро выпустят его на волю. Трухин, не вставая, продолжал просить. Сухинов долго не мог понять, чего он просит, и, наконец, как-то нечаянно спросил, чего он хочет. «Батюшка, Иван Иванович, сделайте милость, пришлите мне бутылку рому» —отвечал Трухин. При сих словах хохот раздался, как гром по всей гауптвахте Сухинов закричал: «унтер-офицер, пошли ко мне на квартиру за бутылкой рому для майора, и ежели он вперед захочет хоть целую бочку водки привезти к себе на гауптвахту, то позволить ему это для утешения его». Караульные солдаты, арестованные жандармы громко смеялись, а Мозалевский и Сухинов тотчас оставили это место. Майора Кузмин из жалости послал ему на гауптвахту сто рублей на водку и на ром. После этого майор донес в Киев на Сухинова и Мозалевского, что они приходили на гауптвахту убить его.

Ад'ютант Павлов с своей стороны уверял князя, что Мозалевский искал его в Василькове с намерением лишить его жизни. Жандармские офицеры говорили, что они были арестованы Мозалевским, стоявшим тогда с мятежниками на карауле, на в'езде. Князь Щербатов приказал обыскать Мозалевского; майор Трухин взял на себя исполнить сию обязанность, но ничего не нашел. Невзирая на то, что Мозалевский отрицал все сделанные на него показания, он был отправлен в главную квартиру первой армии в 3 часа утра с жандармским офицером Скоковым.

Таким образом кончилась неудачная поездка Мозалевского, которая, конечно, была бы успешнее, если бы Муравьев послал его тотчас по восстании полка. Мозалевский с своей стороны сделал все, что мог, доказательство,—что он приехал в Киев получасом раньше майора Трухина и жандармских офицеров, которые, будучи освобождены из-под ареста Муравьевым в корчме Мытнице, тотчас возвратились в Васильков, взяли с собою ад'ютанта Павлова и поскакали прямо в Киев на почтовых лошадях. Они первые известили местное начальство обо всем, что могли узнать или слышать.

12.

Поход С. Муравьева.—Вступление в Мотовиловку.—Отказ от участия в восстании 1-й гренадерской роты.—Дневка.—Крестьяне. — Присоединение Быстрицкого. — Решимость унтерофицеров и фельдфебелей.—Бегство офицеров.—Выступление на Пологи.—Разведка Сухинова.

Возвратимся опять к Черниговскому полку, который мы оставили на пути к Мотовиловке, и посмотрим, что происходило в сей деревне по прибытии туда восставших черниговцев.

31 декабря 1825 г., в 2 часа пополудни роты Черниговского полка под командою С. Муравьева

вступили в Мотовиловку, где уже были собраны 1-я гренадерская рота и часть 1-й мушкетерской и ожидали его прибытия. Как скоро Муравьев увидел солдат помянутых рот, подошел к ним [1]) и начал говорить о цели восстания и дальнейших своих намерениях.

— Я надеюсь,—сказал он,—что вы не оставите своих товарищей и готовы или умереть или победить с ними; однако, если вы чувствуете себя неспособными разделить наши труды, я не принуждаю вас следовать за полком—это зависит от вашей воли.

Солдаты молчали и ни один из них не из'явил готовности повиноваться своему подполковнику.

— Я отгадываю ваши мысли,—воскликнул С. Муравьев после некоторого молчания.—Вы не можете быть нашими товарищами. Итак, возвратитесь на свои квартиры.

Гренадеры немедленно пошли обратно в деревню Снетинку; взвод же мушкетеров 1-й роты, квартировавший в Мотовиловке, хотя разошелся по квартирам, однакож после соединился с полком.

С. Муравьев, не распустив еще полк, отдал приказ, что 1-го января будет дневка, поручил ротным командирам иметь попечение о продовольствии нижних чинов, так и о снабжении их теплою одеждою и стараться более всего поддерживать бодрость духа солдат. Роты, по его приказанию, были размещены по тесным квартирам; на всех входах и выходах из деревни и в деревню были поставлены посты, всем

---

[1]) Носились слухи, будто бы 1-й гренадерской роты капитан Козлов скрылся от С. Муравьева, переодетый в солдатское платье. Это совершенная ложь. Когда С. Муравьев подходил к сей роте, то капитан Козлов был тут же и даже рапортовал С. Муравьеву о благополучии своей команды. И когда С. Муравьев увидел, что гренадеры молчат и не хотят за ним итти, то он обратясь к капитану Козлову, приказал их вести по квартирам.

отдано было приказание быть в готовности во всякое время к защите, и были назначены дежурные по полку и ротам. На дневке С. Муравьев осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободряя их и более всего заботился о их нуждах.

Об'езжая караулы, Муравьев был окружен народом, возвращавшимся из церкви. Добрые крестьяне радостно приветствовали его с новым годом, желали ему счастья, повторяли беспрестанно:

— Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш!

С. Муравьев тронут был до слез, благодарил крестьян, говорил им, что он радостно умрет за малейшее для них облегчение, что солдаты и офицеры готовы за них жертвовать собою и не требуют от них никакой награды, кроме их любви, которую постараются заслужить. Казалось, крестьяне при всей их необразованности понимали, какие выгоды могут иметь от успехов Муравьева; они радушно принимали его солдат, заботились о них и снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников. Чувства сих грубых людей, искаженных рабством, утешали С. Муравьева. Впоследствии, он несколько раз говорил, что на новый год он имел счастливейшие минуты в жизни, которые одна смерть может изгладить из его памяти.

В тот же день прибыл в Мотовиловку со 2-ю мушкатерскою ротою подпоручик Быстрицкий. Получив приказание от майора Трухина принять означенную роту, он немедленно отправился в деревню Германовку, где собрав оную, выступил с нею в Васильков. В Василькове узнал он, что С. Муравьев с полком уже вышел в поход и тотчас решился догнать его, но перед тем хотел убедиться в расположении солдат. Для сего спросил их, хотели ли

они следовать за товарищами и намерены ли действовать с ними заодно? Они все об'явили готовность, однако Быстрицкий сим еще не удовольствовался. Взяв в сторону фельдфебеля, всем полком любимого и уважаемого унтер-офицера Аврамова, он спросил его, как он думает: можно ли решиться на сие дело?

— Не только можно, но должно,—отвечал храбрый и честный Аврамов;—нам будет стыдно отстать от своих товарищей. Как я, так и вся рота знаем цель Сергея Ивановича Муравьева; я ручаюсь за солдат.

Уверясь, таким образом, в единодушии всей роты, Быстрицкий тотчас выступил из Василькова и на другой день, в 12 часу прибыл в Мотовиловку, переночевавши в деревне Салтановке. Быстрицкий построил роту на небольшой площадке сей деревни, поблагодарил солдат за их усердие, за сохранение порядка и тишины во время похода, и в заключение сказал:

— Я уже не ваш командир, вы здесь найдете любимого вашего капитана—и, простившись с ними, пошел к Муравьеву.

Отдадим должную похвалу обдуманному и решительному действию подпоручика Быстрицкого, который до самого конца не изменил своему характеру. Когда после разбития он и товарищи его были привезены в Могилев к начальнику штаба и когда генерал Толь сказал ему:

— Вы могли бы удержать роту и тем заслужить награду,—он отвечал ему:

— Ваше превосходительство, я, может быть, сделал глупость, но подлости никогда.

Между тем Соловьев, узнав о прибытии своей роты, спешил к своим мушкатерам. Солдаты бросились навстречу к своему командиру, обнимали, цело-

вали его; искренняя радость изливалась из сердец непринужденно. Тут унтер-офицер Кучков при всей роте спросил Соловьева, куда Муравьев хочет итти, и в каком месте соединятся они с другими полками? Услышав от Соловьева, что Муравьев идет на Житомир и соединится на пути к сему городу с другими полками, Кучков возразил с радостью, которая выражала некоторое нетерпение:

— Что нам медлить, зачем еще дневка, лучше бы без отдыха итти до Житомира!

Солдаты одобряли слова Кучкова. Проницательность и опытность старого служивого внушили ему столь здравое размышление. Слова его смутили Соловьева; он чувствовал всю справедливость сего замечания, но желая успокоить солдат, хладнокровно сказал:

— Полковник [1], лучше вас знает, что делать. Надобно подождать, а тем временем проведать, какие полки идут против нас.

Отдав некоторые приказания фельдфебелю, Соловьев велел разместить роту по квартирам.

Наблюдая действия 2-й мушкатерской роты и других восставших рот Черниговского полка, с невольным удивлением спрашиваешь себя, откуда Шутов, Николаев (Харитонов), Аврамов и другие взяли сию твердость и решимость. Каким образом, во всех нижних чинах явилось столь постоянное усердие и столь высокое самоотвержение? Преданность к ротным командирам и любовь к С. Муравьеву одни не могли сего произвести. К сим побуждениям присоединились другие двигатели. Кузьмин, Щепила, Соловьев и другие офицеры часто беседовали между собою о делах общества в присутствии своих фельдфебелей и таким образом знакомили их с своим образом мыслей, который заставлял сих

[1]) Так в РА.

простодушных, но благородных людей обдумывать свое поведение и готовиться оправдать доверенность своих начальников. Фельдфебели, с своей стороны, были откровенны с солдатами, и сии последние невольным образом, сколько могли, привыкли разделять их желания и цель. Присоединим к сему действию благородное поведение офицеров, кроткое обращение с подчиненными, бескорыстную заботливость о их нуждах; тогда это вместе нам покажет, каким образом, они умели найти верное и неизменное содействие людей, решившихся с ними погибнуть.

Вечером [1], 1-го января, был отдан приказ о выступлении в поход, и на другой день, в 8 часов утра, роты были уже на сборном месте. Уныние и какая-то боязнь изображались на всех лицах. Щепила, Кузьмин, Соловьев и Быстрицкий, заметя в солдатах сию внезапную перемену и полагая, что на их нравственное состояние имело влияние бегство многих офицеров, которые ночью уехали в Васильков, тотчас пошли уведомить о сем С. Муравьева и просили его взять против сего меры [2]). При сем известии Муравьев не мог скрыть своего замешательства, но успокоив верных ему офицеров, пошел с ними к собравшимся ротам.

— Не страшитесь ничего,—сказал он солдатам,— может ли вас опечалить бегство подлых людей, которые не в силах сдержать своего обещания и которые чувствуют себя не только неспособными, но даже недостойными разделить с нами труды и участвовать в наших благородных предприятиях? Если кто-нибудь из вас столь малодушен, что из бегства

---

[1] От слов «Вечером 1-го января» ... кончая словами: позволением удалиться» было выкинуто цензурой из первоначального текста РА.

[2]) Бежавшие офицеры в первый раз были: Рыбаковский, Белелюбский, Кондырев, князь Мещерский, Войнилович, Кегич-Апостол.

ничтожных людей делает невыгодные заключения о нашем деле и желает покинуть своих товарищей, пусть тот сейчас оставит ряды и, покрытый негодованием, идет куда хочет: его никто не будет удерживать, ни уговаривать.

Важность, внушающая уважение, смелость, громкий и твердый голос С. Муравьева, возвратили ему прежнюю доверенность его подчиненных. Его слова видимо ободрили солдат, слушавших его со вниманием; прежнее спокойствие опять заблистало на всех лицах, и никто не думал воспользоваться позволением удалиться.

В 9 часов полк выступил из Мотовиловки и двинулся по дороге, которая через деревню Марьяновку ведет к деревне Пологам, лежащей в 12 верстах от Белой Церкви. Сим движением Муравьев надеялся соединиться с 17-м егерским полком, квартировавшим тогда в сем местечке. В 4 часа пополудни 2 января, С. Муравьев занял деревню Пологи. Не получая никакого известия о 17-м егерском полку, на который он имел большую надежду, С. Муравьев препоручил Сухинову разведать, где находится сей полк, и чего можно ожидать, от находящихся в сем полку членов. При наступлении вечера Сухинов взял несколько надежных солдат и, составив из них конный отряд, отправился к Белой Церкви. За 1½ версты от сего местечка он встретил казаков графини Браницкой, посланных для разведывания и охранения ее имения от так называемых бунтовщиков. Сухинов воспользовался встречею. Под'ехав на довольно близкое расстояние к казачьему отряду, он обнажил саблю и бросился на них с громким криком «вперед!» Испуганные нечаянным и смелым нападением казаки рассеялись; один из них, пойманный самим Сухиновым, хотел было сопротивляться, но Сухинов ударом сабли сшиб его с лошa-

ди и начал расспрашивать. Хотя, повидимому, казак чистосердечно говорил, что 17-й егерский полк уже другой день как вышел из Белой Церкви неизвестно куда, но Сухинов, желая удостовериться в истинности сего показания, сам под'ехал к местечку и старался узнать от некоторых жителей все, касающееся до выхода сего полка. Ответы жителей, с которыми говорил Сухинов, подтвердили сказанное казаком. В самом деле, полковой командир арестовав Вадковского, в ту же ночь выступил с полком из Белой Церкви в противуположную сторону от Василькова, не сказав никому, куда идет.

Разведывание Сухинова о 17-м егерском полку послужило поводом к сплетению гнусной лжи, будто бы С. Муравьев, возмутив Черниговский полк, пошел к Белой Церкви с намерением завладеть несметными сокровищами, хранившимися у богатой и скупой графини Браницкой. Конечно, никто из благоразумных людей не верил и не поверит сей клевете; но, может быть, нашлись люди, которые почитали возможным столь бесчестное действие. Привязанность их к старому порядку вещей, выгоды, получаемые от злоупотреблений, внушают им ненависть ко всякой перемене и заставляют думать, что каждое нововведение есть уже начало анархии, что желающий улучшения есть (не) [1] более, нежели анархист, и потому способен быть убийцею, грабителем, одним словом—противообщественным человеком.

13.

Поворот на Пологи.—Бегство второй группы офицеров.—Силы Муравьева. — Встреча с отрядом Гейсмара и поражение. — Потери.

Известие о выходе 17-го егерского полка заставило С. Муравьева переменить план действия. На

[1] «Не» —внесено редактором.

другой день, т.-е. 3 января, оно оставил Пологи и вознамерился итти через Ковалевку и Трилесы на Паволочь, а оттуда в Житомир для соединения с славянами. В Паволоче квартировала 5-я конная рота. С. Муравьев думал, что командир сей роты и офицеры, принадлежа к обществу, тотчас соединятся с Черниговским полком. Нет сомнения, что с артиллериею дело Муравьева приняло бы иной вид, тем более что пехотные солдаты смотрят на орудия с некоторым благоговением и ожидают от них почти сверх'естественной помощи; к тому же присоединение конной роты придало бы новые силы солдатам и обновило бы их надежды на другие полки.

В деревне Пологах, ночью с 2-го на 3-е января, несколько гусар под'ехали к самым часовым. Часовые хотели стрелять, и потому гусары, не отваживаясь на дальнейшие покушения, скрывались немедленно. Замечательно, что в это время гусарский офицер, высокого роста и довольно плотный под'ехал на близкое расстояние к одному из постов, начал разговаривать с солдатами, хвалить их решительность, одобрять восстание, удивляясь их пожертвованиям, и обещал скорой помощи. На другой день офицеры Черниговского полка, услышав о сем обстоятельстве от солдат, занимавших сей пост, полагали, что приезжавший офицер был командир Ахтырского полка, и радовались нечаянной помощи от человека, на которого перестали рассчитывать. Но, вероятно, это было не что иное, как хитрость: гусарам нужно было только узнать расположение и дух черниговских солдат, ибо прежде рассвета они все скрылись и до самого разбития С. Муравьева ни один солдат не видал ни одного гусара.

3-го января[1], когда полк собрался для высту-

[1] От слов 3-го января, кончая словами: своих товарищей—выкинуто цензурой из первоначального текста—РА.

пления из Полог, Муравьев увидел, что и в сию ночь много офицеров оставили свои места и скрылись неизвестно куда, между тем как ни один солдат, в продолжение всего сего несчастного восстания, даже и не думал покинуть своих товарищей [2]).

Сергей Муравьев, как и все оставшиеся с ним офицеры, скрыли свое неудовольствие и, по возможности, старались поддерживать бодрость солдат, обещая скорую помощь и несомненный успех в предприятии.

В 4 часа утра Черниговский полк выступил из Полог и в исходе 11-го часа вступил в деревню Ковалевку, где Муравьев дал солдатам роздых, остановясь на площади против управительского дома. Он потребовал под квитанцию хлеба и водки для нижних чинов. Управитель доставил всего солдатам в изобилии, во время привала пригласил С. Муравьева и офицеров к себе на обед и угощал их радушно. Тотчас после обеда С. Муравьев вместе с офицерами пересматривал бумаги, взятые у него Гебелем в Василькове и опять отнятые в Трилесах; как бы предчувствуя ожидавшее его поражение, он сжег все письма, полученные от членов тайных обществ, и некоторые из бумаг, относящиеся к сим делам. Те же, которые он, неизвестно почему, оставил, были впоследствии захвачены правительством.

В полдень Муравьев вышел из Ковалевки к Трилесам. Прежде нежели расскажем встречу его с отрядами Гейсмара, необходимо показать, сколько нам известно, в каких силах он сошелся с неприятелем. Полагая круглым счетом в роте по 140 человек с унтер-офицерами, в 6 ротах было 840 человек. К сему должно прибавить взвод мушкатеров 1-й ро-

---

[2]) Бежавшие во второй раз из деревни Полог были: Петин, Маевский и Жизневский; большая часть из них были увлечены Муравьевым во время восстания.

ты, которые в числе 70 человек соединились в Мотовиловке с полком, и 60 музыкантов, ставших в ряды своих товарищей по собственному желанию; следовательно вся сила С. Муравьева состояла из 970 человек нижних чинов и пяти офицеров, а именно: барона Соловьева, Щепилы, Кузьмина, Сухинова и Быстрицкого. Кроме сих офицеров находились при нем Бестужев-Рюмин, Матвей и Ипполит Муравьевы-Апостолы. С. Муравьев с своим отрядом, оставив вправо и влево дороги, идущие из Ковалевки в Трилесы через деревни, для сокращения пути избрал дорогу, проложенную прямо через степь [1]). Полк, сомкнутый в полувзводную колонну, медленно двигался вперед, не выходя из околицы [2]), и прошедши от Ковалевки не более 6 верст, между солдатами распространился слух, будто бы пушечное ядро убило в обозе крестьянина с лошадью. Никто не слышал выстрела; нигде не было видно не только орудий, но даже ни одного неприятельского солдата; между тем в колонне произошло волнение, и солдаты начали толковать, спорить, теряясь в догадках. Офицеры старались их успокоить, уверяя, что сия новость не что иное, как выдумка какого-нибудь труса или лгуна. Однакож С. Муравьев построил взводы, сомкнув полк в густую колонну справа, вызвал стрелков по местам взводов и продолжал итти.

Едва колонна вышла из околицы и сделала не более ¼ версты, как пушечный выстрел поразил слух изумленных солдат, которые увидели в довольно зна-

---

[1]) Дорога, лежавшая в право из Ковалевки в Трилесы, идет через деревни Пилиповку, Фаменовку (?) и Королевку; они соединяются между собою и составляют как бы одно селение до самых Трилес; влево дорога лежит через деревню Устиновку.

[2]) В Киевской губернии загороженные около деревни на большое пространство пастбищные места называются о к о л и ц а м и.

чительном расстоянии орудия, прикрытые гусарами. За сим выстрелом последовало несколько других, но ни один из оных не причинил ни малейшего вреда колонне: может быть стреляли холостыми зарядами. Полк шел вперед. Муравьев приказал осмотреть ружья и приготовиться к бою. Приказание сие ободрило солдат, но сей порыв оживленного мужества был остановлен действительными пушечными выстрелами. Первый картечный выстрел ранил и убил несколько человек. С. Муравьев хотел вызвать стрелков: новый выстрел ранил его в голову; поручик Щепила и несколько рядовых пали на землю мертвыми. С. Муравьев стоял как бы оглушенный. Кровь текла по его лицу. Он собрал все свои силы и хотел сделать нужные распоряжения, но солдаты, видя его окровавленным, поколебались: первый взвод бросил ружья и рассыпался по полю; второй следовал его примеру; прочие, остановясь сами собой, кажется, готовились дорого продать свою жизнь. Несколько метких картечных выстрелов переменили сие намерение. Действие их было убийственно. Множество солдат умерло в рядах своих товарищей. Кузмин, Ипполит Муравьев были ранены. Быстрицкий получил сильную контузию, от которой едва мог держаться на ногах. Мужество солдат колебалось; Сухинов, Кузмин и Соловьев употребили все усилия к возбуждению в них прежних надежд и бодрости. Последний, желая подать собою пример и одушевить их своею храбростью, показывал явное презрение к жизни, становился под самые картечные выстрелы и звал их вперед; но все было тщетно. Вид убитых и раненых, отсутствие С. Муравьева нанесли решительный удар мужеству восставших черниговцев: они, бросив ружья, побежали в разные стороны. Один эскадрон гусар преследовал рассыпавшихся по полю беглецов: другой окружил офицеров, оставшихся на

месте, занимаемом прежде колонною, между ранеными и убитыми. В это самое время Соловьев, увидя недалеко от себя С. Муравьева, идущего тихими шагами к обозу, подбежал к нему, чтобы подать ему помощь. С. Муравьев был в некотором роде помешательства; он не узнал Соловьева и на все вопросы отвечал:

— Где мой брат, где мой брат?

Взяв его за руку, Соловьев хотел его вести к офицерам, оставшимся на прежнем месте. Но едва он сделал это движение, как Бестужев-Рюмин подошел к ним и, бросаясь на шею к С. Муравьеву, начал осыпать его поцелуями и утешениями. Вместе с Бестужевым приблизился к ним один рядовой 1-й мушкатерской роты. Отчаяние изображалось на его лице; вид Муравьева привел его в исступление; ругательные слова полились из дрожащих от ярости уст его.

— Обманщик!—вскричал он, наконец,—и с этим словом хотел заколоть С. Муравьева штыком.

Изумленный таковым покушением Соловьев закрыл собою Муравьева.

— Оставь нас, спасайся —закричал он мушкатеру,—или ты дорого заплатишь за свою дерзость.

Сделав несколько шагов назад, солдат прицелился в Соловьева, грозя застрелить его, если он не откроет С. Муравьева. Соловьев схватил на земле лежащее ружье и сделал наступательное движение, которое заставило опомниться бешенного солдата; он удалился, не сказав ни слова [1]).

Когда надежды успеха исчезли, Ипполит Муравьев, раненный, истекая кровью, отошел несколько шагов от рокового места, и почти в то же самое вре-

[1]) При допросе сей солдат показал, будто бы С. Муравьев бежал, будто он его удержал, грозя ему за сие смертью. Эта презрительная ложь недостойна никакого опровержения. Состояние Муравьева само за себя говорит. Говорили, что сего солдата произвели в унтер офицеры в Полтавский полк.

мя, когда гусар наскочил на него, он прострелил себе череп и упал мертвый к ногам лошади гусара. По приказанию генерала Гейсмара гусары окружили офицеров и раненых солдат и отобрали от них оружие [1]).

Таким образом, кончилось пагубное для многих восстание Черниговского полка. Около 60 человек и 12 крестьян, находившихся в обозе, были убиты или тяжело ранены. Поручик Щепила умер в рядах; С. Муравьев был ранен в голову; Ипполит Муравьев в левую руку: Кузмин в плечо навылет; все трое— картечами. Быстрицкий получил сильную контузию в правую ногу; шинель Бестужева была прострелена в нескольких местах. Это служит доказательством, под каким убийственным огнем стоял Черниговский полк, и сколь мало думали офицеры о своей жизни. Носились слухи, будто бы гусары сделали атаку на безоружных черниговцев и рубили их без пощады. Долг истины заставляет сказать, что сие вовсе несправедливо. Они, догнавши некоторых окружили, других, рассеявшихся, собирали в одно место. Один только вахмистр начал ругать черниговских офицеров. Соловьев, обратясь к гусарскому поручику, сказал:

— Г. офицер, прикажите этому глупцу молчать.

Офицер полновесною пощечиною заставил вахмистра быть учтивее.

---

[1]) В Annuaire Historique за 1826 год напечатано показание самого С. Муравьева, который об'яснил сие дело таким образом: «Je fis ranger mes compagnies en bataille; je leu commandai de se porter sur les canons etc». Неизвестно, почему так написал С. Муравьев. Двояким образом можно об'яснить сие: или он нехорошо помнил все подробности, происходившие вокруг него, или—желание облегчить наказание солдат, которых он увлек за собою, заставило его об'яснить сие дело, оправдывая более солдат и обвиняя себя. Быстрицкий, Сухинов и Соловьев говорят, что ничего подобного не происходило, и они не слыхали сих распоряжений от С. Муравьева.

14.

Под стражей в Трилесах.—Самоубийство Кузмина.—Отправка пленных в Белую Церковь.—Начало следствия над солдатами.—Отправка офицеров в Могилев.—Планы киевских членов общества об освобождении Муравьева.—Аресты.

В 5 часов вечера 3 января пленные офицеры и солдаты были привезены под сильным конвоем в дер. Трилесы. С. Муравьев, брат его Матвей, Соловьев, Кузмин, Быстрицкий, Бестужев-Рюмин и солдаты, разжалованные из офицеров,—Грохольский и Ракуза—были все вместе помещены в корчме в одной большой комнате, а за перегородкою находилась караульня. Внутри и около корчмы были расставлены часовые. Нижние чины были размещены по разным крестьянским избам под строгим караулом.

Вскоре после приезда в Трилесы умер Кузмин истинно-геройскою смертию. При самом начале дела он был ранен картечною пулею в правое плечо навылет, но рана сия не помешала ему ободрять солдат словами и личным своим примером. Будучи, прежде всех окружен гусарами, он сдался без сопротивления. Тут же в душе его возродилась мысль кончить добровольно бесполезные страдания, избегнуть позора и наказания. Когда с места сражения отправили их в Трилесы, Кузмин сел в одни сани с Соловьевым. В продолжение дороги он был спокоен, весел, даже шутил и смеялся. Недалеко от Трилес Соловьев, почуствовав холод, встал из саней и прошел около версты пешком; садившись опять в сани, он нечаянно облокотился на плечо Кузмина. При сем движении болезненное выражение изобразилось на лице его товарища. Соловьев заметя сие и не подозревая вовсе, что он ранен, спросил его:

— Что с тобою? Вероятно, я крепко придавил тебе плечо: извини меня,

Кузмин ему отвечал:

— Я ранен, но сделай милость не сказывай о сем никому.

— По крайней мере,—возразил Соловьев,—приехав в Трилесы, позволь мне перевязать твою рану.

— Это лишние хлопоты: рана моя легкая,—сказал улыбаясь Кузмин,—я вылечусь без перевязки и пластыря.

Веселость Кузмина действительно, заставила Соловьева думать, что рана неопасна; он замолчал, ожидая приезда на место. В корчме раненного С. Муравьева положили в углу комнаты, в которой было ужасно холодно. Он лежал там около часу, но, почувствовав сильную знобь, встал и пошел отогреться к камину. Кузмин с самого приезда все ходил тихими, но твердыми шагами по комнате, но, вероятно, ослабевши от истечения крови и чувствуя маленькую лихорадку, присел на лавку, подозвал к себе Соловьева, которого просил придвинуть его поближе к стене. В ту самую минуту, как Соловьев взяв его под руки потихоньку приподнимал, чтобы хорошенько посадить, С. Муравьев, от теплоты ли огня, горевшего в камине, или от другой какой-либо причины упал без чувств. Нечаянность его падения встревожила всех; все, исключая Кузмина, бросились к нему на помощь, как вдруг пистолетный выстрел привлек общее внимание в другую сторону комнаты. Часовые выбежали вон, крича: «Стреляют, стреляют!»— и дом почти остался без караула. Удивление и горесть поразили сердца пленников. На скамье лежал окровавленный Кузмин без черепа; большой еще дымящийся пистолет был крепко сжат левою омертвевшею его рукою. Когда же с Кузмина сняли шинель и мундир, то увидели, что правое плечо раздроблено картечною пулею, которая вышла ниже лопатки; все нижнее платье было в крови. Тут товарищи его уви-

дели явно, что он, получивши рану во время сражения, несмотря на жестокую боль, скрывал ее с намерением лишить себя жизни пистолетом, спрятанным в рукаве его шинели, и выжидал удобную минуту прибегнуть к роковой его помощи. Таким образом, кончил жизнь один из злополучных и отважнейших сподвижников С. Муравьева. Сила воли, твердость души были отличительными чертами его характера. Будучи столь же пылок и решителен, как Ипполит Муравьев, Кузмин присовокуплял к сему постоянство в стремлении к цели: ни время, ни препятствия не могли отвратить его от предпринятого им однажды намерения. «Свобода или смерть»—часто говаривал он с душевным движением, и смертью своею доказал, что чувствовал и говорил одно. Ипполит Муравьев и Кузмин покоятся в одной могиле с Щепилою близ деревни Трилесы [1]).

На другой день [2] 4 января (1826) в 9 часов утра всех пленных офицеров и рядовых отправили в город Белую Церковь. Дорогою в 15-ти верстах от Трилес по распоряжению эскадронного командира приготовлен был для всех арестантов обед. Тут гусары, находившиеся в конвое, старались разведать тайно от пленных офицеров, что было причиною восстания С. Муравьева, и когда узнали его цель и намерения, тотчас начали лучше обращаться с арестантами и жалели, что не знали сего прежде, говоря, что их уверили, будто бы Черниговский полк взбунтовался для того, чтобы грабить безнаказанно. Из этих рассказов стало известно, что при выступлении гусар против Черниговского полка, все эскадронные коман-

---

[1]) Ипполит Муравьев, Кузмин и Щепила брошены 4 января 1826 года в одну могилу, вырытую в поле близ Трилес.

[2] От слов: На другой день... кончая словами:...против него. — было выкинуто цензурой из первоначального текста РА.

[1] В РА—22 января; здесь эта явная опечатка исправлена.

диры были переменены и все русские офицеры заменены немцами. Нечаянный сей поход чрезвычайно был изнурителен для гусар, и они уверяли простодушно, что при малейшем сопротивлении Муравьева, при первом ружейном залпе, обратились бы назад и не стали бы действовать против него.

В 4 часа пополудни пленные пришли в Белую Церковь и были сданы 18 егерскому полку, который к тому времени пришел в сие местечко из города Богуславля. С. Муравьев и Бестужев-Рюмин были арестованы порознь, а Матвей Муравьев и другие офицеры остались вместе. Нижние чины содержались в крестьянских избах и были тут закованы в кандалы, сделанные из 100 пуд. железа, пожертвованного графинею Браницкою, которая на сей раз забыла свою скупость, 5 января началось следствие, порученное ген.-майору Курносову, в продолжение коего, в ночь с 11 на 12 января, Муравьев и прочие офицеры в кандалах были отправлены в г. Могилев.

Между тем члены общества, находившиеся в Киеве, по приезде к ним Андреевича и Борисова 1-го, намеревались там произвести восстание, надеясь на содействие 8-й пехотной дивизии. Среди сих начинаний они узнали о разбитии С. Муравьева, тотчас же решились освободить его и Бестужева и нашли еврея, который за 2.000 руб. брался доставить арестованных из Белой Церкви в Киев. Не найдя сей суммы, офицеры начали закладывать вещи, но прежде, нежели они успели собрать нужные деньги, неожиданно Андреевич и Борисов были арестованы, и тем самым осталось без исполнения покушение возвратить свободу С. Муравьеву, которого впрочем, по словам Соловьева, легко было увезти чрез заднее окошко того дома, где он содержался: оно примыкало к жидовской корчме, и близко оного не было поставлено часового.

15.

Общий взгляд на восстание. — Ошибка С. Муравьева. — Его нерешительность. — Его нравственное состояние. — Влияние М .И. Муравьева.—Офицеры и С. Муравьев.—Планы С. Муравьева и малодушие членов общества.—Решительные меры правительства.—Возможность успеха.

Мы описали [1] восстание Черниговского полка, видели плачевный конец этого подвига на Юге, который при других обстоятельствах мог иметь благодетельное влияние на судьбу России.

Взглянем теперь на совокупность происшествий и рассмотрим внимательно беспристрастно действия С. Муравьева.

Медленность и какая-то неопределенность в движениях поражают при первом взгляде. Спрашиваем, что заставило его после столь смелого начала ограничиться движением около Василькова, делать небольшие переходы и дневать в Мотовиловке, между тем как солдаты, так и офицеры только того и желали, чтобы действовать наступательно? Сии жалобы не могли скрыться от начальника. Если бы Муравьев, не дожидая помощи, сам искал оную; если бы движения Черниговского полка были быстры, внезапны, то кроме существенной выгоды сии движения укрепляли бы дух подчиненных и поддерживали их надеждою успеха. С. Муравьеву должно было собрать полк как можно скорее, избрать какой-либо один или два пункта и действовать с быстротою молнии. Киев, Брусилов, Белая Церковь, Паволочь, потом Житомир— вот места, куда [он] [2] должен был броситься и увлечь за собою, находившиеся там полки, в коих

---

[1] От слов: Мы описали... кончая словами:... на судьбу России—выкинуто было цензурой из первоначального текста РА.

[2] «Он» — вставлено редактором; в РА нет этого слова.

или командиры или офицеры, будучи членами тайного общества, верно бы соединялись с ним, тем более что один усиленный переход достаточен был для занятия которого-нибудь из этих мест [1]). В Киеве он мог бы надеяться на присоединение Курского пехотного полка и даже других полков, стоявших в окрестностях города. Кроме того артиллерийские офицеры, находившиеся при арсенале, вероятно, сдержали бы слово, данное ими Андреевичу, и занятие такого города, как Киев, имело бы большое влияние на умы. В. Паволоче командиры конной роты артиллерийской и офицеры, принадлежа к обществу, конечно, не упустили бы случая оправдать при появлении С. Муравьева делом все, что говорилось ими при других членах. Брусилов и Белая Церковь представляли ему более или менее подобных выгод. Если же он не имел намерения воспользоваться сими выгодами и надеялся более на 8-ю, нежели на 9-ю дивизию, то в таком случае ему должно было устремиться к квартирам и занять Житомир быстрым, неожиданным движением.

Во время самого похода из Василькова до деревни Полог и далее С. Муравьев на каждом шагу делал ошибки и непростительные упущения; кроме того он не принимал никаких предосторожностей. Когда он находился в Пологах и его уведомили, что ночью гусары под'ехали к самым постам, он оставил сие донесение без внимания. Совет Сухинова сделать сильную рекогносцировку также был отвергнут. Вместо того, чтобы, по предложению Сухинова, итти из Ковалевки в Трилесы которою-нибудь из дорог, лежащих через деревни, он пошел степью, не защищенною ничем и весьма удобною как для кавалерийской атаки, так и для действия артиллерии. Идя же в Трилес-

[1]) От Василькова до Киева—35 верст; прочие места более или менее на такое же расстояние отстоят от Василькова.

сы чрез деревни Поленичинцы, Пилиповку и Королевку, которые, соединяясь между собою составляют как бы одно селение. при нападении на него отряда Гейсмара, он мог бы защищаться против гусар стрелками; тем более, что тогда артиллерия не вредила бы ему картечью и, может быть, Гейсмар не решился бы сжечь селения. Даже при выстрелах в него, сделанных конной артиллерией, он мог бы переменить направление и послать одну или две роты в деревню Королевку, которые обойдя гусарский полк могли бы ударить его во фланг или грозить ему сим движением [1]). Конечно, гусары не стали бы оспаривать поле сражения, ибо, повидимому, они были посланы только для наблюдения за движением Черниговского полка в ожидании войск, шедших против оного. Кроме сего гусары неохотно действовали и, может быть, некоторые из них присоединились бы, если-б сии последние одержали верх в сем деле. С. Муравьев должен был употребить всю деятельность и расторопность, чтобы непременно в первом деле иметь хоть малый успех над неприятелем: это придало бы более нравственной силы его подчиненным и, может быть, слухи о его успехе привлекли бы к нему людей нерешительных, но готовых действовать.

При этом случае нельзя не упомянуть и о нравственном состоянии самого С. Муравьева. Кажется, он вовсе не приготовлялся к восстанию и не думал об оном: оно было произведено обстоятельствами. Решительное действие четырех офицеров, когда он был арестован, поставило его в необходимость принять команду. Насильственное начало, ужасная и жестокая сцена с Гебелем сильно поразили его душу: во все время похода он был задумчив и мрачен, действовал без обдуманного плана, и как будто предавая се-

---

[1]) Он мог держаться в деревнях и ночью продолжать путь, как солдаты сами желали того.

бя и своих подчиненных на произвол судьбы. Веселость появлялась на его лице только в кругу офицеров, которые всегда были одушевлены надеждами: тут он опять находил в себе твердость и решительность и, когда выходил с ними к фронту, всегда являлся с свойственною ему привлекательностью и важностью,—одушевлять солдат сильным, кратким красноречием, которое овладевало всеми умами. Но сие действие было непродолжительно. Его брат Матвей много вредил ему. Не имея ни твердости в характере, ни желания жертвовать всем для достижения цели, этот человек с своею детскою боязнью, своими опасениями смущал С. Муравьева и отнимал у него твердость духа. После каждого разговора с братом С. Муравьев впадал в глубокую задумчивость и даже терялся совершенно. Офицеры, заметя сие, старались не оставлять Матвея наедине с братом и даже хотели просить С. Муравьева, чтобы он удалил его от полка. Он дорогою упрекал С. Муравьева в неумеренной жестокости с Гебелем до того, что С. Муравьев хотел в Василькове итти просить у него прощения, но офицеры его не допустили. По его же совету С. Муравьев выпустил из-под ареста майора Трухина и жандармских офицеров. При первых выстрелах он спрятался в обозе. Вообще, поведение его было таково, что офицеры раскаивались, что из уважения к С. Муравьеву не настояли на том, чтобы удалить его от отряда. Тягостно иногда говорить прямую истину, но уважение к памяти погибших людей и уважение к самому себе требует исполнения с их обязанностей.

Мы сказали, в чем можно упрекнуть С. Муравьева; скажем теперь и то, что может служить к его оправданию.

Может быть он держался вблизи Василькова с каким-либо намерением: вероятно, надежда, что по-

сланные против него полки соединятся с ним, была причиною медленности его движений (это подтверждается наставлениями, данными Мозалевскому при отправлении его в Киев, а именно—узнать, какие полки будут посланы против него, кто ими будет командовать и пр.). Высокие чувства и благородная душа С. Муравьева не позволяли ему сомневаться в обещании других членов; он надеялся, что те, которые ручались честию за свои полки и роты, не оставят его в трудные минуты восстания. Он верил всем, не воображая, что в этом случае люди, известные своею храбростью и честностью, сыграют роль трусов и обманщиков. Обещания их набросили на его шею веревочную петлю; за уверенность в их мужестве и правдивости он заплатил жизнью. Приуготовительные действия членов Южного Общества не имели никакой определенной цели. Раздоры членов, обманчивые надежды на помощь людей (солдат), с коими они не имели никаких сношений, преувеличивание сил своих, слабость характеров, боязнь междуусобия, желание достигнуть своей цели без трудов и опасностей — заранее уничтожили всякую уверенность в успехе. В таких обстоятельствах борьба горсти людей с исполинскими силами правительства была верх безрассудства; чтобы выйти победителем нужно было чудо. Без сомнения, никто не станет обвинять С. Муравьева в легковерии. Можно ли было полагать, что средством к разбитию Черниговского полка будет употреблена конная артиллерийская рота, в которой не только командир, но все без исключения офицеры принадлежали к Южному тайному обществу [1])?

---

1) Генерал Рот, узнав о восстании Черниговского полка, поехал в расположение квартир гусарской бригады и конной артиллерии. Пыхачев мог бы его там арестовать, но он потерял в сем случае, как говорят, голову.

Если медленность Муравьева и робость некоторых членов общества вредили успехам переворота, то, с другой стороны, и решительные меры, принятые местным начальством для усмирения мятежа, делали оные невозможными. Командиры 3 и 4 корпусов действовали с необычайною скоростью. Положительно известно, что все повеления в полки о выступлении в поход были посланы от них; неизвестно, имели ли они прежде какие-либо предписания от высшего начальства или сами собою действовали. Не станем теряться в догадках: сближая время восстания Черниговского полка и движения войск против него со временем разбития С. Муравьева, можно предполагать, что корпусные командиры лично от себя распоряжались.

Как скоро слух о восстании Черниговского полка дошел до командиров 3 и 4 корпусов, то все квартировавшие недалеко от Василькова пехотные и кавалерийские полки поднялись с быстротою молнии и шли для укрощения возникшего мятежа. Жандармский офицер Ланг, бежавший из Трилес, дал первый знать в дивизионную квартиру 9-й дивизии, в Белую Церковь о случившемся там происшествии 29 декабря 1825 г. Курьеры в ту же минуту были отправлены к высшему начальству. По получении известия генерал Рот тотчас поехал в Бердичев и Паволочь за гусарскими полками и артиллерией. Должно думать, что местные начальства не имели настоящего понятия о силе общества.

Боязнь и подозрительность увеличивали в их глазах опасность. Из распоряжений генерала Рота можно видеть, что Мариупольский полк и конная № 5 рота были посланы только для наблюдения за движением Черниговского полка, а не для усмирения оного. Ибо разделив помянутый полк на три отряда, он приказал им занять те дороги, по которым

мог следовать С. Муравьев, единственно с тем, чтобы сии конные отряды действовали по обстоятельствам в ожидании других войск. Сии отряды были расположены следующим образом: первый, под командою самого генерала Рота, находился между Белою Церковью и Паволочем; второй—в деревне Пологах, под командою генерала Гейсмара, который отыскал С. Муравьева и потом разбил его; третий неизвестно где стоял: по всей вероятности, он занимал такой пункт, из которого мог в случае надобности [1] подать скорую помощь, как первому, так и второму отряду. Кроме того, генерал Рот приказал двинуться в Паволочь гусарским полкам, а именно, принца Оранского, Александрийскому и Ахтырскому.

Еще с большей скоростью действовало военное начальство города Киева. Узнав от майора Трухина и жандармских офицеров о восстании Черниговского полка, там все пришло в движение. В ту же ночь высланы были против С. Муравьева стоявшие в карауле 8 дивизии—Курский пехотный полк и 7 дивизии—батальон Муромского полка. Кроме того в 1½ не более часа было отправлено множество курьеров в полки с повелениями выступить немедленно к Василькову [1]), а к разным начальствам—с уведомлением о происшествии [2]). Вследствие сих повелений, полки 10 дивизий: Витебский, Полоцкий, 19 и 20 егерские полки, вся 11 дивизия, полки 12 дивизии: Воронежский, Рыльский, Старооскольский —высту-

---

[1] В РА—**надежды**,—здесь эта явная опечатка исправлена.

[1]) Мозалевский был в ту же ночь отправлен с курьером в г. Могилев, и уже на первой станции ни одной тройки не нашли лошадей. Курьеры, разосланные из Киева с известиями о восстании Черниговского полка, забрали всех лошадей.

[2]) Между прочими курьерами князем Щербатовым были посланы два курьера в Полтавскую губернию: один—прямо в имение С. Муравьева, село Хомутец, неизвестно зачем, другой—к Полтавскому генерал-губернатору с сообщением наложить запрещение на имение С. Муравьева.

пили из своих квартир еще до разбития С. Муравьева и двинулись против Черниговского полка; 4-я драгунская дивизия следовала к Василькову, а некоторые полки оной дивизии 3 января уже дошли до города Козельца. Кроме сего 2-й армии драгунская дивизия была на походе и находилась уже близ Василькова. 25-я пехотная дивизия Литовского корпуса была собрана в городе Дубнах и ожидала только вторичного повеления выступить в поход. Утверждают, будто границы Галиции занял 30-ти тысячный корпус австрийцев. Генерал Рот, подозревая, что офицеры 3-го корпуса должны быть в связях с С. Муравьевым, не послал против него ни одного пехотного полка вверенного ему корпуса и отрядил только 3-ю гренадерскую дивизию и конную артиллерию [1]). Вероятно, он предоставил действовать пехотою против С. Муравьева командиру 3-го корпуса князю Щербатову, который двинул почти все полки своего корпуса [2]). Но и здесь генерал Рот и князь Щербатов могли жестоко обмануться: полки Курский, Витебский, Воронежский, Старооскольский, где были члены общества подполковники: Крупенников, Хотяинцев, Капнист и, вероятно, много других штаб- и обер-офицеров, могли соединиться с Черниговским полком и подать помощь С. Муравьеву. Можно было также надеяться на часть 4-й драгунской дивизии. Кроме сего к С. Муравьеву могло присоединиться множество членов тайного общества, рассеянных в разных полках, которые, при малейшем успехе, лично или с своею частью войск, пристали бы к нему и тем уве-

---

[1]) С. Муравьев не принял в соображение сего обстоятельства и для того ему должно было не дожидать помощи, но самому стремиться в те полки, где находятся члены.

[2]) 3-го корпуса 7-й дивизии батальон Муромского полка, стоявший в городе Киеве, один из целого корпуса был послан против С. Муравьева и то князем Щербатовым.

личили его силу. Если бы С. Муравьев был подкреплен артиллерией и несколькими пехотными или конными полками и имел некоторый успех, если бы поляки и жители западных губерний приняли участие в сем деле, то правительство встретило бы большие затруднения в усмирении мятежа. Неизвестно, чем бы[3] все это кончилось; может быть ничтожное восстание С. Муравьева с Черниговским полком было бы новою эпохою жизни русского народа.

16.

Бегство Сухинова.—Сухинов в Пилиничинцах, Гребенках, у Зинкевича в Каменке.—Арест Сухинова в Кишиневе.—Отправка в главную квартиру.

Оставим догадки и предположения и возвратимся к печальной существенности —к нашему повествованию. Мы оставили поручика Сухинова на месте сражения. Скажем теперь каким образом он избег на некоторое время преследования правительства и по какому случаю подвергся потом одной участи со своими товарищами.

Сухинов, видя невозможность остановить и собрать рассеянных солдат, решился сам искать спасения в бегстве и пустился вслед за ними к деревне Пилинчинцам, отделенной от поля сражения глубоким оврагом. Преследуемый гусарами, он добежал до сего оврага и прямо бросился в оный: снег был глубок и вязок; Сухинов никак не мог выйти и уже думал, что тут кончилось его предприятие при самом начале. Но солдаты Черниговского полка, увидя любимого ими офицера, с опасностью жизни бросились к нему на помощь и, вытащив его из снега, перенесли на другую сторону оврага. Тщетно гусары, стоя на

---

[1] Со слов: Неизвестно, чем... и кончая словами:... русского народа выкинуто было цензурой из первоначального текста РА.

краю пропасти, приказывали им схватить офицера и привести назад: солдаты не повиновались сему приказанию; переправив Сухинова, они воротились и сдались гусарам. Часть преследовавших гусар окружила сдавшихся солдат и повела их к сборному месту. Другая поскакала кругом с намерением перехватить Сухинова, который, между тем перебежал поле, отделяющее овраг от деревни и достиг безопасно одной крестьянской избы. Увидя хозяина, он просил убежища; добрый крестьянин спрятал его в погреб. Положение Сухинова было ужасно: вообразите человека в глубоком, холодном погребе, терзаемого горестными мыслями о несчастии своих товарищей и лишенного всех надежд и ожиданий. Крики гусар, обыскивающих ближние дома, беспрестанно напоминали ему об угрожающей опасности и ожидающей его участи. В таком положении Сухинов пробыл до наступления ночи; жизнь казалась ему тяжким бременем, от коего он желал освободиться как можно скорее. При свидании с товарищами, рассказывая им свои приключения, он чистосердечно признавался, что в эти тягостные минуты он дорого бы заплатил за вечный, беспробудный сон.

— Сидя в холодном погребе,—говорил он,— слыша лошадиный топот и крики гусар, я решился умереть. Со мною был заряженный пистолет; два раза клал оный к себе в рот, и два раза кремень осекался. Бросив, наконец, убийственное оружие, я подумал, что мне должно жить и ожидать другой участи.

Вскоре после сего пришел к нему крестьянин и простым малороссийским наречием сказал:

— Идыте, пане, до хаты; нечутко никого; москали побiглi далi.

Пришед в избу, Сухинов подкрепил истощенные свои силы ужином, надел крестьянскую одежду хозяина и собрался в дорогу. Прощаясь с добрым кре-

стьянином, который, провожая, благословил нечаянного своего гостя, он отдал ему последние шесть рублей серебром. Простодушный малороссиянин долго не хотел принять сих денег, но усиленные просьбы Сухинова победили наконец. его бескорыстие.

Уже было около 10 часов ночи, как Сухинов пошел прямо в Гребенки, где жил знакомый ему поляк. Он постучал в окно и просил приюта. Поляк, узнав Сухинова по голосу, вышел к нему навстречу, повел в комнату и, расспрося о всем случившемся, благословлял небо за спасение его приятеля. Как он, так и его жена осыпали Сухинова ласками, стараясь помочь ему во всем, чем только могли. Они приняли все предосторожности для отвращения всякого подозрения; старались даже, чтобы дворовые люди не знали о приходе Сухинова. Хозяйка сама согрела воды и приготовила чай, между тем как хозяин пошел тихонько в конюшню, запряг лошадь в сани и, одев Сухинова в свое платье, снабдил его 10 рублями на дорогу и отправил в путь с истинным желанием счастья. Благородный поступок поляка и его жены выше всяких похвал; он сам за себя говорит; за достоверность оного ручается каждое благородное сердце. Прискорбно, что имя и фамилия сего великодушного человека останутся неизвестными, но он щедро награжден своею совестию.

Оставив деревню Гребенки, наш странник выехал на Богуславскую дорогу и в первый ров бросил свое военное платье. Чрез несколько дней он добрался до селения Каменки, принадлежавшего полковнику Василию Львовичу Давыдову. У Давыдова был штаблекарь Зинкевич, прежде служивший в Черниговском полку и потому знакомый Сухинову. Зинкевич, увидя его, тотчас догадался, что он участвовал в возмущении и ищет убежища. Сухинов с откровенностью рассказал Зинкевичу все случившееся.

— Я надеюсь,—сказал он, кончив свой рассказ, что вы будете великодушны... и дадите мне способ скрыться от поисков правительства.

Зинкевич отвечал почти положительно, но был прерван приходом Давыдова, который, поговорив с Зинкевичем, вывел его тотчас в другую комнату. Через несколько минут Зинкевич возвратился один и об'явил Сухинову, что правительство ищет его повсюду, и что он должен, не теряя времени, уехать туда, где думает обмануть деятельность полиции.

— Я вам советую—,говорил он,—прошу вас, требую, чтобы вы не оставались ни секунды не только здесь, но даже и в имении Давыдова; поезжайте скорее и куда хотите; я не хочу отвечать за вас, бог с вами!

Пораженный, как громовым ударом, Сухинов не мог произнести ни одного слова. Он никак не думал найти такого приема в деревне, принадлежавшей одному из главных членов Южного Общества; никогда не полагал, чтобы прежний товарищ Зинкевич таким образом его принял. Штаб-лекарь, заметя смущение Сухинова, смешался и начал извиняться.

— Я неволен ни в одном из своих поступков,— сказал он между прочими извинениями;—я служу у помещика и потому нахожусь в зависимости, не могу ничего сделать для вас без его согласия, но рад вам пособить всем, чем могу и что принадлежит собственно мне. Я еще повторяю вам, что вы не найдете у меня убежища; скрывайтесь, если можете, в другом месте и поезжайте поскорее.

Может быть, опасение навлечь на себя подозрение правительства заставило Зинкевича принять таким образом несчастного своего товарища, но Сухинов всегда думал и впоследствии говорил своим то-

варищам, что Зинкевич, может быть, и не сделал бы сего без особенного внушения со стороны Давыдова.

Огорченный Сухинов запряг свою лошадь и, простившись с Зинкевичем, собрался в дорогу. Когда он уже сел в сани, Зинкевич подошел к нему, дал ему несколько рублей серебром и, прощаясь, просил Сухинова убедительно не открывать правительству своего пребывания в Каменке, если по несчастью он не успеет уехать за границу.

Сухинов, поблагодарив своего товарища за денежное вспоможение, сказал:

— Относительно моей скромности я вас уверяю, что никогда не вспомню ни о Каменке, ни о ее владельце.

Таким образом, он выехал из деревни днем, пробыв в ней не более часа. Между тем правительство разослало повсюду об'явление о бежавшем Сухинове с описанием его примет и с строгим повелением доставить его в руки начальства; везде производились розыски. Приехав в Александрию Херсонской губернии, Сухинов отыскал своего родного брата, служившего там в гражданской службе, и был принят им с братским участием; но, как человек недостаточный, он ничем не мог ему помочь и, живя в наемном доме, не решался долго скрывать его у себя. Посему Сухинов, пробыв в Александрии несколько дней, написал себе паспорт отставного офицера и поехал в Кишинев с целью пробраться в турецкие владения. Путь его к Кишиневу был весьма труден и опасен; очень часто он думал, что его узнают, часто он читал об'явления правительства о бежавшем мятежнике Сухинове, иногда ему случалось ночевать вместе с отыскивавшими его чиновниками; несколько раз спрашивали его, не случалось ли ему встретить где-нибудь человека с такими-то приметами, розыскиваемого Сухиновым.

Наконец, после долгого и трудного странствования он приехал в Кишинев 6 февраля 1826 года и остановился у одного мещанина. Расспросив в городе у разных людей дорогу и место переправы через Прут и узнавши, что очень легко сие исполнить, он решился, наконец, оставить Кишинев и вместе с ним отечество.

— Горестно было расставаться с родиною,—говорил он после с сильным чувством своим товарищам: —я прощался с Россиею, как с родною матерью, плакал и беспрестанно бросал взоры свои назад, чтобы взглянуть еще раз на русскую землю. Когда я подошел к границе, мне было очень легко переправиться через Прут и быть вне опасности, но, увидя пред собою реку, я остановился... Товарищи, обремененные цепями и брошенные в темницы, представились моему воображению... Какой-то внутренний голос говорил мне: ты будешь свободен, когда их жизнь пройдет среди бедствий и позора. Я почувствовал, что румянец покрыл мои щеки, лицо мое горело, я стыдился намерения спасти себя, я упрекал себя за то, что хочу быть свободным... и возвратился назад в Кишинев!.. Пробыв несколько дней в городе у прежнего своего хозяина, я снова вознамерился бежать. Опять на берегу Прута—та же тяжесть расстаться с родиною, и опять тот же упрек совести, и я опять возвратился снова в Кишинев.

Когда он возвратился во второй раз в Кишинев, он был уже без денег. Тут он продал лошадь, подаренную ему в Гребенках поляком, решился остаться в России и не укрываться от поисков правительства. Без всякой предосторожности написал он к своему отцу, где подробно изобразил свое положение, место своего пребывания и отослал сие письмо на почту. Между тем хозяин дома начал подозревать своего постояльца. 15 февраля Сухинов сидел один

в дальней комнате, преданный самым мрачным мыслям, как вдруг увидел пред собою полицеймейстера, который, посмотрев на него пристально, вышел вновь, не сказав ни слова. Нельзя было не догадаться, что его узнали; но Сухинов спокойно ожидал своей участи. Вскоре после сего приехал генерал Желтухин с помянутым полицеймейстером. На вопрос генерала, кто он таков, Сухинов отвечал смело:

— Офицер Черниговского полка; после разбития С. Муравьева я бежал, скрывался до сих пор в Кишиневе и других местах; я с радостью отдаюсь в руки правительству, мне тягостно мое положение.

По приказанию Желтухина его тотчас повели на гауптвахту, где заковали ему руки и ноги. На другой день он был отправлен в Одессу. Дорога из Кишинева в Одессу была весьма тягостна для Сухинова: цепи, обременявшие его руки и ноги были столь тесны, что железо впилось в тело. Холодная и сырая погода, трудный путь, боль, производимая цепями расстроили его здоровье; раны, полученные им в Отечественную войну открылись, и он чувствовал лихорадку [1]).

В Одессе он был представлен немедленно графу Воронцову, который принял его очень ласково и оказал величайшее соболезнование. Цепи с Сухинова были сняты по приказанию графа. Ему была отведена особая комната в доме генерал-губернатора, дано новое белье, предложен обед и ужин. На другой день по-утру на Сухинова набили те же самые железа и под присмотром частного пристава отправили в главную квартиру, в г. Могилев. Обхождение поли-

---

[1]) Сухинов служил в Отечественную войну в Лубенском гусарском полку, получил в разных сражениях против французов семь ран, левая рука была сильно разрублена и в другой раз прострелена пулей.

цейского чиновника было грубо и даже жестоко. Сухинов, переносил оное с терпением. Приехав в Житомир, частный пристав остановился в трактире обедать. Сухинов, пользуясь сим, просил позволения отдохнуть несколько времени, представляя ему, что открывшиеся раны и расстройство здоровья лишают его возможности продолжать попрежнему дорогу. Грубости были ответом на его просьбу. Сухинов, выведенный из терпения и раздраженный жестокостями частного пристава, схватил нож, лежавший на столе и, бросившись на него, вскричал в бешенстве:

— Я тебя, каналья, положу с одного удара; мне один раз отвечать; но твоя смерть послужит примером другим мошенникам, подобным тебе.

Испуганный полицейский чиновник упал на колени и, дрожа весь от страха, просил прощения во всех оскорблениях, нанесенных им Сухинову, обещал вперед быть вежливым и делать все, что от него будет зависеть. Частный пристав сдержал свое слово: от Житомира до Могилева заботился о Сухинове, как о своем родном, позволял ему отдыхать, сам перевязывал ему раны, был учтив и вежлив. Угрозы сделали его совсем другим человеком. Поступок Сухинова, во всяком случае достойный порицания, который мог даже усугубить его положение, был ему на этот раз полезен. Страх заставил испорченное и грубое сердце вспомнить о том, что требует от нас несчастный, изнемогающий под бременем судьбы. В конце февраля Сухинов прибыл в главную квартиру 1-й армии, где уже по высочайшему повелению производилось следствие.

17.

Действие славян в Полтавском полку.—Призыв к мятежу во время караула в Бобруйске.—Отступничество Тизенгаузена.

Для полноты рассказа упомянем о действии славян, служивших в Полтавском пехотном полку,

оно—в тесной связи с восстанием С. Муравьева. Мы уже видели, что оно случилось неожиданно для большей части членов тайного общества, что некоторые узнали о сем происшествии вместе с разбитием, а иные, хотя узнали прежде, но не хотели или не могли содействовать оному. Другие же, напротив, полагая, что Черниговский полк восстал по предварительному намерению, и будучи уверены, что сие восстание и есть исполнение заранее обдуманного плана,—только что услышав о происшествии 29 и 30 декабря, решились сами действовать. Таким образом, члены Славянского Общества, служившие в Полтавском полку, почитая священною обязанностию исполнить слово, данное во время присоединения к Южному Обществу, и думая, что возмущение Черниговского полка есть знак ко всеобщему восстанию, хотели немедленно следовать влечению сих чувств, но встретили препятствие в своем полковом командире Тизенгаузене, члене Южного Общества. Расскажем подробно сие происшествие: оно резко обозначивает характер лиц, участвовавших в сем деле, и представляет полезные наблюдения изучающему человеческое сердце.

В 1824 году был принят в Славянское Общество юнкер Драгоманов, молодой человек, получивший хорошее воспитание. Природные его дарования были развиты занятиями, деятельною жизнью и желанием образовать себя еще более. Вступив в общество, он был ревностнейшим членом оного, участвовал во всех совещаниях в лагере под Лещиным и знал условия, на коих соединились два общества. Хотя он был недоверчив и не полагал, что можно так скоро освободить Россию, однакож, верил силе Южного Общества и надеялся на успех замышляемого переворота. Будучи убежден, что для возмущения полка необходимо принять в общество ротных командиров, способ-

ных действовать на солдат, и зная, что в Полтавском полку, кроме полкового командира Тизенгаузена, поручика Усовского и Бестужева-Рюмина, нет ни одного члена, он решился тотчас после Лещинского лагеря увеличить число оных. Вследствие сего намерения он принял в общество двух ротных командиров: поручика Троцкого и подпоручика Трусова, пылких и решительных молодых людей; сообщил им все известное о делах и намерениях тайного общества, взял обещание действовать по общему плану и поднять знамя свободы при первом знаке к восстанию.

За три месяца до восстания Черниговского полка Тизенгаузен со своим полком занял крепость Бобруйск для содержания в оной караула. Драгоманов, Усовский, Троцкий и Трусов, будучи отдалены от своей дивизии, не знали, что происходит в оной. От Бестужева-Рюмина, который никогда не жил в полку, они не имели никакого известия; он их не уведомлял даже, что намерены предпринять члены тайного общества после смерти государя. По сему они следовали правилам, положенным в Лещине: действовать медленно на солдат и офицеров, не быть в готовности на все. С. Муравьев не заботился о них и, вероятно, забыл, что они существуют: он видел одного Тизенгаузена и всю надежду полагал на него; Тизенгаузен же, с своей стороны, не имея в душе намерения способствовать к восстанию и показывая себя свободолюбивым из каких-то личных по службе неудовольствий, никогда не заботился об офицерах и солдатах и с первыми не имел никакого сношения по делам общества.

Обхождение Тизенгаузена с офицерами было в полном смысле предосудительно. При каждом случае он обнаруживал деспотический и мстительный характер; лучшие офицеры вышли из его полка, другие намеревались оставить оный; обращение его с

солдатами было еще хуже: на него жаловались как на грабителя и притеснителя подчиненных [1]).

В начале января 1826 года в Бобруйске Полтавский полк вступил в свою очередь в караул. За несколько часов до развода разнесся слух о восстании Черниговского полка. Трусов и Троцкий, думая воспользоваться случайным сбором полка, немедля нимало, положили взбунтовать полк и завладеть крепостью Бобруйском. Пылая рвением подражать черниговцам и полагаясь на содействие Тизенгаузена, как ревностного члена Южного Общества, сии офицеры при вступлении полка в развод обнажили шпаги и, выбежав вперед, закричали:

— Товарищи солдаты, за нами! Черниговцы восстали. Стыдно нам от них отстать; они сражаются за нашу свободу, за свободу России; они надеются на нашу помощь; пособим им,—вперед, ура!

Все офицеры были поражены поступком Троцкого и Трусова. Нечаянность сего поступка навела на всех какую-то неподвижность и оцепенение; солдаты поколебались, в рядах раздался гул, и если бы хотя один из них выбежал вперед, без сомнения он увлек бы многих. Может быть, нужно было одного человека, одной минуты, и Бобруйск был бы в руках общества; но какая-то невидимая сила держала солдат и офицеров, как прикованных к одному месту. Троцкий и Трусов, пробегая ряды, продолжали убеждать солдат; но Тизенгаузен, стоявший с начала сего действия в отдалении, тотчас догадался, о чем идет дело. Подбежав к Троцкому и Трусову, он приказал их схватить и связать, как негодных бунтовщиков. Ему повиновались немедленно: их схватили и тут же пе-

---

[1]) Сие мнение было общим в 3-м корпусе, а особливо в 9-й дивизии. Положительно можно сказать, что Тизенгаузена офицеры и солдаты ненавидели. Насчет его характера, деспотического и мстительного, можно было бы множество примеров привести. Кто служил в 3-м корпусе, те все знают их.

ред полком связали. Троцкого и Трусова сейчас отвели на гауптвахту, где Тизенгаузен приказал им набить кандалы на руки и ноги. Потом написал рапорт о сем происшествии к главнокомандующему 1-й армией и при сем рапорте отправил Троцкого и Трусова через час в город Могилев. Те, которые читали сей рапорт, говорят, что полковник Тизенгаузен не позабыл ничего, могущего очернить сих двух офицеров; он был, так сказать, наполнен словами: пьяницы, разбойники, бунтовщики, развратники, грабители и проч.

По приезде в Могилев Троцкий и Трусов в тот же день были отправлены в Петербург, из коего, по прошествии суток, были снова отосланы в главную квартиру с повелением кончить дело в 24 часа. По прошествии сего времени им была прочтена военно-судною комиссиею сентенция, коей они приговорены к смерти; но конфирмациею главнокомандующего сие наказание смягчено и переменено в вечно-крепостную работу.

Они подверглись своему наказанию на месте преступления: через два дня их отправили в крепость Бобруйск. Когда Троцкого и Трусова представили коменданту сей крепости генералу Безаку, который их лично знал, он им сказал:

— Вы меня простите, я нисколько не могу смягчить вашей участи; вы по такому делу сосланы сюда, что я ничего не в состоянии для вас сделать.

Им тут же выбрили головы, надели каторжное платье и отослали тотчас на работу.

III.

Судьба участников

1.

Военный суд в Могилеве.—Исполнение сентенции над офицерами.—Приговор над солдатами.—Участь Грохольского и Ракузы.

Описав восстание Черниговского полка и горестный конец сего предприятия, мы почитаем необходимым сказать, какой жребий постиг всех участников в оном.

Все офицеры Черниговского полка были перевезены в Могилев и там преданы военному суду при главной квартире, исключая капитана Фурмана и С. Муравьева, которые судились в Петербурге. Мы не будем говорить, каким образом производилось дело, о чем подсудимых спрашивали, и что они показывали. Мы только скажем, что в Могилеве было две комиссии военного суда, из коих одна разбирала дело о 40 человеках, служивших в разных пехотных и кавалерийских полках и артиллерийских ротах и взятых по подозрениям и показаниям, а во второй судились 13 человек офицеров Черниговского полка и еще 17-го егерского полка подпоручик Дмитрий Молчанов. Каждый из офицеров Черниговского полка содержался в особой комнате. Соловьев, Сухинов, Быстрицкий и Мозалевский были закованы во время суда в железа. Монастырь, принадлежавший прежде иезуитам, служил темницею сим офицерам. Суд был кончен в конце мая месяца, и 13 июля в Могилеве были прочтены сентенции офицерам, бежавшим из полка во время восстания, а именно: Рыбаковскому, Кондыреву, князю Мещерскому, Апостол-Кегичу и Белелюбскому,

кои были приговорены к шестимесячному заключению в крепости и, по истечении сего срока, к зачислению в полки теми же чинами. Петин, Войниловичъ, Жизневский и Маевский были лишены чинов и дворянского достоинства и сосланы в рядовые в дальние сибирские гарнизоны. Соловьеву, Сухинову, Мозалевскому и Быстрицкому в Могилеве не читали конфирмованных сентенций; они 18 июля были отправлены в городъ Острог, где квартировал новосформированный Черниговский полк. 22 или 23 июля, на другой день их приезда в помянутый городъ, новый Черниговский полк был собран на городской площади подъ командою излечившегося от ран полковника Гебеля [1]). Для исполнения сентенции назначен был начальник 3-го корпуса князь Горчаков.

Первые были выведены передъ полком Соловьев и Быстрицкий, которым на квартире сняли железа [2]). Соловьеву прочли сентенцию, в коей, между прочим, сказано было: переломить шпагу передъ полком; с имения взыскать деньги за растраченные казенные вещи во время бунта; подвесть на месте преступления, в городе Василькове, подъ виселицу, и пр.; Быстрицкого же,—разжаловав и переломив шпагу передъ полком, сослать навечно на каторжную работу. По исполнении сего их тут же на площади заковали в железа. Быстрицкого прямо отвезли в городскую тюрьму для отсылки в Сибирь, а Соловьева посадили в приготовленную кибитку и отправили в Житомир. Потом привели пред полком Сухинова и Мозалевского: им была

---

[1]) Гебель в сие время назначен уже был комендантом в городъ Киев, но за неприбытием нового полкового командира продолжал командовать Черниговским полком.

[2]) Соловьев был в одной рубашке и халате. Генерал прислал ему сюртук и рейтузы, чтобы одеться для церемонии. Соловьев не принял сего и пошел к слушанию сентенции в том, в чем был прежде, и в этом же самом платье дошел с партией до Москвы.

прочтена сентенция та же самая, что и Соловьеву. Когда Сухинов услышал слова: «сослать в вечно-каторжную работу в Сибирь, то громко сказал:

— И в Сибири есть солнце.

Но князь Горчаков не дал ему докончить, закричал с бешенством, чтобы он молчал, грозя, что будет за это непременно во второй раз отдан под суд. Говорят даже, что начальник штаба хотел привести в исполнение сию угрозу, но генерал Рот не согласился.

Соловьев, Сухинов и Мозалевский, привезенные из города Острога, содержались в Житомире целый месяц и потом отправлены были в город Васильков. 23 августа, на другой день их приезда в сей город, они были выведены на городскую площадь, на которой собран был Тамбовский пехотный полк, занимавший в сие время прежние квартиры старого Черниговского полка, и батальон, составленный из солдат, собранных из всех рот каждого полка 9-й дивизии. На площади стояла огромная виселица; народ теснился кругом площади, как бы в ожидании какого-нибудь необыкновенного зрелища. Помещики, не только киевские, но из Полтавской и Черниговской губерний приехали в Васильков с своими семействами единственно для того, чтобы увидеть каким образом, повесят бунтовщиков.

Кровли домов и заборы—все было унизано зрителями. По вторичном прочтении читанной уже сентенции палач каждого из них обводил кругом виселицы и оставил всех трех некоторое время под оною. Тут же к виселице прибили доску с именами Щепилы, Кузьмина и Ип. Муравьева. По окончании сей церемонии, Соловьев и его товарищи были сданы офицеру инвалидной команды, который их отвел в городскую тюрьму.

Из всех нижних чинов, участвовавших в восстании Черниговского полка и бывших в походе с С. Му-

равьевым, военным судом приговорено было к наказанию 120 человек, из коих несколько были присуждены к прогнанию сквозь строй через 12 тысяч и к сосланию в Сибирь в каторжную работу; прочие через 8, 6, 5, 2 и 1 тысячу человек; некоторые только к 500 или 200 ударов палками пред полком и с сосланием в Грузию на службу. Те из солдат, которые не были наказаны, отправились в Грузию все вместе; наказанные же отправлены туда, по 12 человек в партии, под конвоем.

Сии приговоры приведены были в исполнение в Белой Церкви генерал-майором Вреде; Тамбовский и Саратовский полки назначены были для экзекуции. Человеколюбие генерал-майора Вреде заслуживает особенной похвалы. Он просил солдат щадить своих товарищей, говоря, что их поступок есть следствие заблуждения, а не злого умысла. Его просьбы не остались тщетными: все нижние чины были наказываемы весьма легко; но в числе сих несчастных находились разжалованные прежде из офицеров Грохольский и Ракуза и были приговорены к наказанию шпицрутеном через шесть тысяч человек. Незадолго до экзекуции между солдатами пронесся слух, что Грохольский и Ракуза лишены офицерского звания за восстание Черниговского полка, и не взирая на сие, приговорены судом к телесному наказанию. Мщение и негодование возродилось в сердцах солдат; они радовались случаю отомстить своими руками за притеснения и несправедливости, испытанные более или менее каждым из них от дворян. Не разбирая, на кого падет их мщение, они ожидали минуты с нетерпением, ни просьбы генерала Вреде, ни его угрозы, ни просьбы офицеров—ничто не могло остановить ярости бешенных солдат; удары сыпались градом; они не били сих несчастных, но рвали кусками мясо с каким-то наслаждением. Грохольского и Ракузу вынесли из линии почти мертвыми.

Отец Грохольского, богатый помещик Смоленской губернии, дал своему сыну весьма хорошее воспитание и определил его в Полтавский полк, где в скором времени он дослужился до капитанского чина; но, не взирая на то, что кротость и благородство души составляли отличительные черты его характера и внушали любовь и уважение каждому, Грохольский, оскорбленный батальонным командиром, имел несчастие ударить его в щеку. За сей поступок он был лишен всего и записан в рядовые в Черниговский полк. Мы не знаем, где и когда он познакомился с одною благородною девицею, полюбил ее, был любим взаимно. Родители сей девицы согласились на их брак; Грохольский был уже обручен и ожидал только перемены своей участи, чтобы назвать ее своею; но восстание С. Муравьева разрушило счастье двух любовников. Услыша об аресте Грохольского, его невеста приехала в Белую-Церковь и просила тамошнее начальство о дозволении видеться с Грохольским; ей было дозволено, и она, воспользовавшись этим, каждый день по нескольку часов проводила в тюрьме с злополучным женихом своим. Ее родители и сам Грохольский просили ее оставить Белую-Церковь и возвратиться домой, но все просьбы были напрасны. В роковой день экзекуции невеста Грохольского прибежала на лобное место; вид ее жениха, терзаемого бесчеловечными палачами, его невольные стоны смутили ее рассудок: в беспамятстве, она бросилась на солдат, желая исторгнуть из их рук несчастного страдальца; ее остановили от сего бесполезного предприятия и отнесли домой. Сильная нервическая горячка была следствием сего последнего свидания. Во все продолжение краткой своей болезни она слышала стон своего друга, видела кровь его и старалась остановить свирепых его мучителей. Искусство врачей было бесполезно, и в тот же самый вечер смерть прекратила ее страдания.

Ракуза был из польских дворян, служил в Пензенском полку поручиком и за такую же вину, как Грохольский, был разжалован в солдаты в Черниговский полк. Во время суда он помешался в уме, но сие помешательство не спасло его от жестокого телесного наказания.

Бывший командир 17 артиллерийской бригады полковник Башмаков, известный в армии своею храбростью и разжалованный в 1820 году в солдаты, с зачислением в Черниговский полк за растрату артельных сумм, по участию его в делах тайного общества был приговорен к наказанию шпицрутеном через 12 тысяч человек и к сосланию в Сибирь в каторжную работу. Неизвестно, был ли он наказан или нет; но только известно, что впоследствии он был сослан на поселение Тобольской губернии в город Тару.

2.

Соловьев, Сухинов, Мозалевский и Быстрицкий в тюрьме после приговора.—Их путь в Сибирь.—Встреча в Московской тюрьме с Шутовым, Николаевым и Никитиным.—Встреча в Сибири с ссылаемыми товарищами.—Встреча в Чите с женами декабристов.

Участь, постигшая С. Муравьева, как начальника восстания, и Бестужева-Рюмина как ревностнейшего члена общества, всем известна. Петербург видел[1] позорную и между тем высокую смерть сих мучеников свободы. Итак возвратимся к Соловьеву, Сухинову, Мозалевскому и Быстрицкому, которых мы—трех первых—оставили в городе Василькове, а последнего—в городе Остроге, и для которых с сего времени началась новая эпоха жизни и бедствий.

---

[1] От слов: Петербург видел... кончая словами: мучеников свободы выкинуто цензурой из первоначального текста РА.

В тот же день, когда они стояли под виселицею, они были отправлены чрез внутреннюю стражу в Киев. В сем городе они нашли больного горячкою Быстрицкого; его болезнь помешала немедленному их отправлению в Сибирь, и они пробыли в Киеве с 23 августа по 5 сентября в ожидании выздоровления их товарища. Во все это время с них не снимали желез. Однажды полковник Дуров, киевский полицеймейстер, приехал в тюрьму, в которой содержались бывшие черниговские офицеры, и об'явил им, что некоторые жители Киева, зная их бедность и нужду, прислали чрез него некоторую сумму денег и просят их принять оные, не как подаяние, но как пособие из человеколюбия и участия соотечественников. Соловьев и его товарищи благодарили добрых киевлян, но не приняли предложенных им денег, хотя нуждались как в деньгах, так и в платье. При переводе в гусарский полк Сухинов заказал киевскому портному полную офицерскую обмундировку, но не успел взять сшитого платья до несчастного восстания Черниговского полка. По прибытии своем в Киев он возмечтал продать оное и употребить вырученные деньги на содержание свое и своих товарищей во время дороги в Сибирь, почему и просил полицеймейстера взять сие платье у портного и продать оное хоть за 1.000 рублей. Охотно на сие согласился Дуров, но на другой день начал отговариваться от взятого на себя обязательства. Предлоги сего отказа были самые ничтожные; между прочим, он говорил, что невозможно продать платье до их отправления и советовал Сухинову для избежания бесполезных хлопот отдать свои вещи на церковь. Услышав такой совет, Сухинов не мог удержаться от смеха.

— Ваше предложение кажется мне странным,— сказал он полицеймейстеру,—ужели вы не знаете, что я и трое моих товарищей должны итти 7000 верст без платья и денег?

Дуров не противоречил, но с сего времени до самого отправления Сухинов не видал в глаза полицеймейстера, ни платья, ни денег.

Легко представить себе положение черниговских офицеров без всякого пособия, без родных, без знакомых, оставленных и забытых всеми. Они отправились в Москву, полуодетые, имея при себе два рубля серебром. Наготу барона Соловьева прикрывали рубашка и старый халат. При отправлении своем из Киева они виделись в канцелярии с 12 человеками своего полка солдат и с 14-летним, разжалованным юнкером, назначенным в Грузию; их свидание было трогательно; нечаянная встреча заставила их на минуту забыть свое несчастие. Слезы катились из глаз добрых солдат, видя бедственное положение своих офицеров; они хотели утешить их, но их утешения обращались в простые, но сильные выражения горести. Соловьев и его товарищи отдали своим сослуживцам последние два рубля серебром и не иначе могли их заставить принять оные, как обманом, уверяя, что они имеют деньги и ожидают еще скорой помощи от родных; сами же пошли на кормовых, которых полагается по 12 коп. в сутки.

5 сентября 1826 года с партиею арестантов они отправились в Москву через города Козелец, Нежин, Глухов, Орел и Калугу. Не станем описывать трудностей сей дороги: никакое перо не может изобразить оных и, может быть, самое пламенное и самое мрачное воображение не в состоянии представить себе страданий, испытанных нашими изгнанниками. Без одежды, без денег, оставленные на произвол судьбы, преданные самовластию каждого командира инвалидной команды, они испытывали все физические и нравственные мучения. Днем они подвергались всем переменам осенней погоды и не имели средств защитить себя от холода и дождя. Ночью, смрадная и тесная тюрьма, вместо отдыха была для них новым

истязанием. Сообщество воров, разбойников, бродяг и распутных женщин внушало отвращение к жизни и презрение к человечеству. В городе Кромах Орловской губернии тюрьма, в коей они провели ночь, была настоящею пыткою и сделалась почти губительною для них. В двух маленьких комнатах набито было полно арестантов, между коими находилось несколько больных женщин, которые из религиозного фанатизма отрезали себе груди и были оставлены без всякого пособия; тела их были почти полусгнившие: смрад был такой, что к ним близко никто не подступал. Кроме сего теснота, жар и дурной запах делали сию тюрьму нестерпимою. Соловьев провел всю ночь у маленького тюремного окошка. Его товарищи спали под нарами, на сыром и нечистом полу, но в сем успокоении они должны были чередоваться по причине чрезмерной тесноты. Когда один лежал, другие двое стояли. На другой день после сего ночлега, барон Соловьев и Мозалевский заболели; смрадные и тесные тюрьмы совершенно расстроили их здоровье. С железами на руках и на ногах, они не могли даже переменить рубашку (у них были на руках, так-называемые наручники, т.-е. железная палка, не имеющая посредине ни одного кольца). С ними сделалась сильная горячка, так что они ничего не помнят о случившемся с ними во время дороги от Калуги до Москвы. Когда в Москву входила партия, они до того были слабы, что, лежавши на подводах своих арестантских вещей, были привязаны веревками к повозке. Сухинов и Быстрицкий кое-как еще держались на ногах, но по пришествии в Москву также заболели горячкою и были все четверо помещены в госпиталь, в Московском замке находящийся.

По прошествии некоторого времени здоровье их начало поправляться. С ними вместе в тюремном замке содержались под арестом прапорщик конно-пионерного эскадрона Молчанов и гвардейского кон-

егерского полка капитан Алексеев за стихи, написанные им на смерть С. Муравьева, Рылеева, Пестеля, Бестужева-Рюмина и Каховского. Соловьев и его товарищи познакомились с сими офицерами и проводили с ними время, как обыкновенно проводят время в тюрьмах. Одна твердость характера спасла их: хладнокровное терпение, презрение ко всем гонениям рока, беспечность и беззаботливость о будущем были единственными средствами спасения их от уныния, самой ужасной из нравственных болезней в сем положении. Однажды однообразная их жизнь была прервана приходом в Московский замок бывших Черниговского полка фельдфебеля Шутова, унтер-офицера Николаева и рядового Никитина, прежних их сослуживцев. Это нечаянное свидание было величайшею радостию для всех; дело, за которое они погибли, уничтожило между ними различие чинов и сословий; общее несчастие сделало их искренними друзьями. Ни один упрек не сорвался с языка благородных солдат: напротив, утешения и заботы о прежних их офицерах, казалось, заставляли их забывать свои собственные бедствия и были источником чистых удовольствий. Вскоре их разлучили: Шутов и его товарищи были отправлены в Сибирь.

Соловьев виделся в замке с родным своим братом, который, узнав о его прибытии в Москву, тотчас к нему приехал и потом часто у него бывал; он помогал несчастному брату всем, чем только мог: положение Соловьева и его товарищей поправилось, но это продолжалось недолго, ибо деньги, полученные ими, частию были розданы несчастным, находившимся в совершенной нищете; 200 руб. из-под подушки больного Соловьева украли; прочие они издержали на пищу и на покупку самых необходимых вещей. Московское начальство имело намерение отправлять Соловьева и его товарищей по мере их выздоровления, но снисходя к убедительным их просьбам, все

откладывало их отправление. К несчастью, Быстрицкий снова заболел горячкою; его товарищи снова прибегнули к новым просьбам, но на сей раз их просьбы были бесполезны, и 1 января 1827 года Соловьев, Сухинов и Мозалевский, закованные в кандалы, отправились из Москвы, оставя в оной бедного Быстрицкого. Вьюги, мятели, и жестокие морозы встречали и провожали их на пути. Те же бедствия начались снова и не раз заставляли их вспомнить горемное заключение в Московском замке. Однако, по мере того, как они удалялись от границ Европейской России, их положение видимо улучшалось, несмотря на то, что они нуждались во всем по-прежнему Известно, что до границы Азиатской России нет этапов; тюрьмы, наполненные всегда арестантами—тесны, нечисты и смрадны; в Сибири же, напротив, построены довольно просторные этапы, в которых можно провести ночь утомленному трудною дорогою арестанту с некоторым удобством. Разумеется это улучшение, есть относительное к тому состоянию, в котором они находились; но такая дальняя и медленная дорога, сообщество развратных и порочных людей, нужда, холод, лишение всякого пособия, неизвестность о родных и друзьях, мысль, никогда не видеть родины и мрачная, страшная будущность, все это может поколебать человека с самою твердою душою, и все это было предоставлено испытать нашим изгнанникам.

Сенатор князь Куракин, бывший в Западной Сибири ревизором, при проезде чрез Тобольск виделся там с Соловьевым и его товарищами. Он спросил, не может ли им быть чем-нибудь полезным? Но, когда Соловьев, Мозалевский и Сухинов представили страшную картину их жизни и просили, чтобы он приказал или отправить их поскорее к месту назначения или снять с рук и ног обременяющие их же-

леза, то князь, тронутый их бедственным положением, соболезновал и в заключение всех утешений и сострадания об'явил, что в сем отношении не может им ни в чем помочь и не имеет права удовлетворить их просьбам.

Но судьба бывает столь же непостижима в своих гонениях, как и в своих дарах, и человек, преследуемый ею, нередко, когда менее всего ожидает, встречает минуты утешения. Наши путешественники-страдальцы не один раз забывали свои несчастья; не раз слезы радости текли из впадших их глаз. Две станции за Тобольском догнала их Елисавета Петровна Нарышкина, которая ехала к своему мужу, сосланному в каторжную работу за участие в делах тайного общества; но на почтовом дворе она узнала, что Черниговского полка офицеры следуют в Нерчинск в партии арестантов, и остановилась нарочно для ночлега. Не медля ни мало, она пришла в острог и провела с ними более двух часов. Не нужно говорить, что ощущала сия добродетельная женщина при сем свидании: ее муж страдал подобно тем, которых она видела перед своими глазами; она рассказала им об участи их товарищей, сосланных в Сибирь и содержащихся в Чите, также и других знакомых нашим странникам; она простилась с ними и просила их принять на дорогу 300 рублей денег, обещая увидеться с ними в помянутом селении и доставить им все нужное. Недалеко от Томска они видели Суттофа, Щепина-Ростовского и Панова; в одном селении Иркутской губернии их догнали двое Бестужевых, Горбачевский и Барятинский, которых тогда везли в Читу. Они хотели видеться с ними, но офицер позволил разменяться только несколькими словами через окошко. Сии свидания были кратки, но в их положении приносили чистое удовольствие и в скучной и долгой дороге доставляли им минуты несказанно приятные и утешительные. После свида-

ния с Нарышкиной им оставалось еще пройти 4000 верст. Истративши деньги, которыми она их наделила, они подвергнулись снова всем бедствиям нищеты; они всегда нуждались в одежде и здоровой пище, но в сем трудном положении им как-будто было назначено среди долгих страданий чувствовать всю цену добродетельных сердец и получать внезапно утешения в своих бедствиях. Неисповедимое провидение посылало им по временам ангелов-хранителей, как бы для поддержания в сем суровом испытании.

12 февраля 1828 года Соловьев и его товарищи пришли в Читу. Княгиня Трубецкая, княгиня Волконская, Ентальцова и Александра Григорьевна Муравьева не замедлили увидеться с ними (в сие время Нарышкина была сильно больна и не могла с ними видеться). Невозможно себе представить участие, которое принимали сии добродетельные женщины в наших страдальцах: каждая из них как бы хотела превзойти других в великодушии, между тем как они все с искренним сердцем и беспримерною попечительностью заботились о несчастных жертвах. Своею внимательностью они старались удалить от них мысль, что они забыты и оставлены своими родными; их утешения и заботливость о состоянии несчастных были целительным бальзамом для растерзанных сердец Соловьева, Сухинова и Мозалевского, и видя живое участие, принимаемое сими женщинами в их положении, они в сие время забыли прошедшие свои бедствия и не думали о будущих. Партия, в которой они шли, имела дневку в Чите. Дамы старались сколь возможно более облегчить их участь, проводили с ними целые часы; сильный мороз не мог воспрепятствовать им оставаться вне или внутри тюремной ограды. Княгиня Волконская и княгиня Трубецкая посещали их чаще и оставались с ними долее других. Заметя в Сухинове озлобление против правительства и желание отомстить ему каким бы то ни

было образом, они употребляли все средства, могущие успокоить его и отвратить от всяких намерений; говорили ему о терпении и надеждах и пр. Потом просили Соловьева и Мозалевского беречь своего товарища и иметь о нем попечение; наконец, снабдив их деньгами и платьем, они расстались с ними, оставив в признательных сердцах Соловьева, Мозалевского и Сухинова вечную благодарность и утешительные воспоминания.

3.

Сухинов в Чите.—Его непримиримость.—План восстания и освобождения членов тайного общества.—Заговор.—Нравы и качества ссыльных.—Опасения Соловьева и Мозалевского.

14 февраля партия вышла из Читы и 16 марта 1828 года наши странники прибыли в Большой Нерчинский завод, лежащий между Нерчинскими рудниками в 270 верстах за Нерчинском и в 20 верстах от китайской границы. По прошествии двух дней их отправили в Горную контору, находящуюся от Большого завода в 15 верстах и от границы в 9 верстах, и по прибытии в оную они были на другой день посланы в глубокие рудники на работу.

Так кончилось их долгое путешествие до китайской границы, продолжавшееся 1 год 6 месяцев и 11 дней. Сие время казалось им вечностью; однообразие, порождающее нестерпимую скуку, было уже адским мучением; но присоединив к сему бедность и крайнюю нищету, железа, обременяющие руки и ноги, сообщество людей, оподленных преступлениями и развратом,—вы будете иметь понятие о бедствиях, испытанных нашими изгнанниками.

Но сим не кончились их страдания. Им было суждено еще раз испытать все ужасы их беззащитного положения и оплакать смерть своего товарища, который по своему сердцу и качествам заслуживал лучшей участи. Нельзя не упомянуть о сем проис-

шествии. Характер лиц [1], участвовавших в оном и трагическая их смерть не только любопытны, но даже наставительны.

Сухинов, человек пылкого и решительного характера, раздраженный неудачею восстания и своими несчастиями, поклялся всеми средствами вредить правительству.

— Наше правительство,—говорил он часто,—не наказывает нас, но мстит нам; цель всех его гонений не есть наше исправление, не пример другим, но личное мщение робкой души.

Сия мысль укрепляла и увеличивала его озлобление; вредить правительству чем бы то ни было, сделалось для него потребностью; освободить себя и всех было его любимою мыслию. Он жил только для того, чтобы до последней минуты своей жизни быть вредным правительству. Любовь к отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасала; но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему [правительству] [2].

Сухинов и его товарищи жили в Горной конторе, в доме, принадлежавшем одному солдату Семеновского полка, сосланному по известному делу полковника Шварца. Зная, что Соловьев и Мозалевский не согласятся участвовать в каком-нибудь предприятии, Сухинов таил от них свои намерения, но не скрывал своей злобы против правительства. Решившись на что-либо однажды для исполнения предпринятого им дела, он не видел уже никаких препятствий, его деятельности не было границ. Он шел прямо к цели, не думая ни о чем более, кроме того,

---

[1] От слов: Характер лиц... кончая словами: ...торжествующему правительству.—было исключено цензурою из первоначального текста РА.

[2] Правительству—в скобках в РА, очевидно это слово внесено П. И. Бартеневым в текст рукописи

чтобы скорее достигнуть оной. Его характер, твердый и настойчивый, не терпел отлагательства; предаться на произвол судьбы и ожидать спокойно от нее одной было для него величайшим несчастием. В бедствии и в неволе он считал не только правом, но долгом искать собственными силами свободы и счастья; к тому же его душа всегда искала сильных потрясений; посреди опасностей только он находился в своей сфере.

Намерение Сухинова было освободить всех членов тайного общества, содержавшихся в Читинском остроге и бежать с ними за границу. Он замыслил составить заговор и посредством доверенных людей взбунтовать всех ссыльных, находившихся в семи Нерчинских заводах и в 20 рудниках, вооружить их по возможности, итти с ними на Читу и привести в исполнение свое намерение. Освободив же государственных преступников, или тотчас бежать за границу, или действовать по их согласию для достижения какой-либо цели. Чтобы исполнить сие предприятие, Сухинов вверился двум ссыльным, которые ему казались способными ко всему, и сделал их главными своими агентами. Голиков, разжалованный и наказанный кнутом фельдфебель какого-то Карабинерного полка, и Бочаров, сын одного богатого астраханского, кажется, купца, подвергнувшийся тому же наказанию, были люди, им избранные. Они действовали на других по наставлению Сухинова и открыли свои замыслы Михаилу Васильеву, также бывшему фельдфебелю в одном гвардейском полку, и еще двум другим ссыльным, которых имена нам неизвестны.

Голиков, Бочаров и трое их товарищей были, каждый в своем роде, весьма замечательные люди и отличались от презренной толпы обыкновенных воров и разбойников. Ни страх наказания, ни видимая опасность не могли удержать их ни в каких замыс-

лах; будучи доведены до крайней нищеты и унижения, не имея никакой надежды к избавлению, испытывая беспрерывно несправедливости, они были ожесточены против всяких начальств. Ненависть, злоба и мщение наполняли их сердца; разврат погасил в их сердцах чувствование своего достоинства; однакож, при всем своем унижении, они отличались от всех других ссыльных каким-то особенным над ними влиянием и, видимо, брали везде над своими товарищами поверхность. Голиков поражал всех диким и независимым своим нравом; какая-то душевная сила возвышала его над всеми другими и приводила в трепет самых закоснелых, отчаянных воров и разбойников. Тонкий и хитрый ум Бочарова и некоторая степень образованности покоряли ему развращенную и необдуманную [1] толпу его товарищей. Михайло Васильев и двое других сообщников более или менее походили на Голикова и Бочарова.

Составив между собою род некоторого совета, во главе коего был Сухинов, Голиков и его сообщники, приступили к действию. Они сообщили свои замыслы еще некоторым из ссыльных и начали распространять оные с удивительною скоростью между менее значительными по своим качествам негодяями. Удрученные бедствиями, без цели в жизни, без надежды лучшего жребия, развращенные и ожесточенные долговременными страданиями, ссыльные принимали с радостью предложения Бочарова и Голикова. Они не думали ни о каких важных предприятиях, не думали об улучшении своей участи: для них довольно было и того, чтобы освободиться на некоторое время от работ и тягостной подчиненности, грабить и провести несколько веселых дней в пьянстве и разного рода буйствах—вот их цель.

---

[1] Так в РА, быть может, в подлиннике стояло—необузданную?

Сначала Соловьев и Мозалевский ни в чем не подозревали Сухинова и не обращали никакого внимания на его сношения с ссыльными. Они часто разговаривали с ним о своем положении, и когда Сухинов начинал говорить о возможности освобождения, они старались доказать ему нелепость такого предприятия. Несогласие их мнения происходило особенно от того, что Соловьев и Мозалевский смотрели на ссыльных без всякого пристрастия; напротив того, Сухинов видел в них качества, коих они никогда не имели. В его глазах сии люди были способны ко всяким предприятиям, были храбры, отчаянны, тверды и настойчивы в своих намерениях, и потому не чужды благородных чувствований, разврат же их происходил только от унижения и бедности. Это заблуждение погубило Сухинова и внушило ему недоверчивость к советам его товарищей, которые употребляли все средства, могущие отвратить его от обманчивых надежд и разрушить ложное мнение о качествах ссыльных.

Нельзя сказать, чтобы между ссыльными не было людей, не заслуживающих имени человека. Если бы начальство обратило внимание на сих несчастных и если бы оно обеспечило их нужды, занялось исправлением пороков, удалило молодых, еще неопытных от старых закоснелых мошенников и дало им надежду на изменение их состояния, то нет никакого сомнения, что многие из них возвратились бы снова на путь добра и честности и, узнав гнусность и тягость порока, имели бы более возможности оценить добродетель. Но состояние сосланных в каторжную работу, обращение с ними препятствует всякой спасительной перемене их нравов. Кажется, что те, которые избрали сей род наказаний, имели целью ополлить и развратить преступников, а не исправить их. Дальний поход в партии, составленной из людей разного возраста и пола; содержание их в одной тюрьме,

в одних казармах, нужды, жестокие и несправедливые наказания, одним словом—все служит к тому, чтобы низвести их на самую последнюю степень нравственного существования.

Если бы предмет сего сочинения позволил нам подробно изложить все причины развращения ссыльных, показать все пагубные следствия наказания подобной ссылки, то каждое сердце, не чуждое человеколюбия, облилось бы кровью при чтении сего описания. Но как наш труд имеет вовсе иную цель, то мы скажем только, что сосланные в Сибирь преступники нисколько не походят ни на испанских, ни на германских разбойников. Между русскими разбойниками нет никакого сообщества; их выгоды одинаковы, но они не понимают сего и никогда не действуют согласно; на каждом шагу обман, измена и предательство; часто составляют заговоры и сами доносят на тех, которым предлагали разделить свои замыслы. Штоф водки есть такая цена, за которую почти каждый ссыльный продаст под кнут себя и своих товарищей, не колеблясь ни минуты. Воровство у своих товарищей, картежная игра, пьянство и разврат, суть главные и единственные их занятия. Если ссыльные предпринимают частые побеги, то целью их побегов бывает только одна надежда уклониться на некоторое время от работ и на воле предаться пьянству, грабительству и убийствам. Сколько есть примеров (и это все знают, которые жили в заводах), что за штоф водки, за рубль, два или пять, ссыльные берут на себя преступления; а за сии деньги, которые бывают прожиты на водку или проиграны в карты, выдерживают по 100, 150 и более ударов кнутом. Кто между ними подвергается часто сему наказанию, тот почитается героем. Вот с какими людьми Сухинов думал освободить всех государственных преступников и, может быть, что-нибудь

более! Не удивительно, что его товарищи не приняли в этом никакого участия.

По прошествии некоторого времени, частые посещения Голикова и Бочарова, тайные их переговоры с Сухиновым, начали безпокоить Соловьева и Мозалевского. Справедливое подозрение побудило их к решительному поступку. Они вознамерились узнать от самого Сухинова о его предприятиях и употребить все силы к уничтожению вредных замыслов и к спасению своего ослепленного товарища. При первом удобном случае они спросили Сухинова, в чем состоят его сношения с Голиковым и, что значат частые посещения сего ссыльного и его товарища Бочарова? Ответ Сухинова был холоден и двусмыслен:

— Я имею свои цели,— сказал он:—вы напрасно беспокоитесь; будьте уверены, что мои поступки не причинят зла ни вам, ни мне.

Эти слова не успокоили Соловьева и Мозалевского; напротив того, увеличили их подозрение. Они старались удержать своего товарища от сношений с ссыльными и употребили все, что могли, для отвращения от предприятия, в коем начали его подозревать. Но ни дружба, ни любовь к нему Соловьева и Мозалевского, ничто не могло поколебать Сухинова в замышляемом плане. На все их увещания, советы и просьбы был один ответ:

— Ничего не бойтесь; будьте спокойны.

Видя упорство своего товарища, Соловьев и Мозалевский запретили Голикову и другим ссыльным ходить в свой дом без надобности. Сухинов сердился, негодовал; а Голиков и другие его товарищи продолжали видеться с Сухиновым по-прежнему.

Несчастье соединило черниговских офицеров еще теснейшими узами дружбы, нежели совместная служба. Различие между твоим и моим сделалось им неизвестно: вещи, деньги все было общее; но каждый из них сообщал своим товарищам, куда он

истратил деньги и кому отдал какую вещь. Поэтому, Соловьев и Мозалевский, видя недостаток в некоторых вещах и зная, что Сухинов издерживает много денег, не говоря им для чего, еще более утвердились в своих подозрениях относительно его сношений и замыслов с Голиковым и Бочаровым, и старались узнать о сем, чтобы принять против оных какие-нибудь меры... Упрекать Сухинова в расточительности не позволяла им деликатность, а угрожавшая бедность и, может быть, ужасное наказание рождали в них сильное беспокойство. Положение было тягостное: они предвидели гибель Сухинова и не имели средств спасти его. 17 мая они купили дом с огородом и другими хозяйственными заведениями, а 24 числа перешли с нанимаемой ими квартиры и думали вполне заняться хозяйством.

4.

Заговор Сухинова (продолжение).—Предательство и гибель Казакова.—Открытие заговора.—Следствие.—Попытки Сухинова отравиться.—Приговор.—Самоубийство Сухинова.—Казнь.

Между тем, как Соловьев и Мозалевский тщетно искали средства отвратить своего товарища от сношений с Голиковым и Бочаровым, шайка заговорщиков час от часу увеличивалась. Тут же находился один негодяй, по прозванию Козаков; большая часть дурных его качеств, кажется, не была известна его соумышленникам, ибо они слепо вверили ему свои предприятия и наименовали ему Сухинова в тот же самый день, как он со своими товарищами перешел в купленный ими дом. В тот же самый день 24 мая, Голиков и Бочаров со многими из своих соумышленников пьянствовали в кабаке и, когда прогуляв назначенные для сего деньги, начали расходиться по домам, то пьяный Козаков, проходя мимо управляющего рудниками, маркшейдера г. Черниговцева и

увидя его близ окна, вздумал сделать донос на своих товарищей. Не колеблясь ни мало, он тотчас подошел к нему и об'явил. что ссыльные составили заговор для освобождения своего, и что главные участники оного суть «секретные» (так называли всех государственных преступников). Управляющий, видя Козакова пьяным, отослал его в казарму, сказав, что он потребует его к себе через несколько времени.

Сообщники Голикова, жившие в доме управляющего, тотчас узнали о доносе Козакова и уведомили о сем его и Бочарова. Сведав об угрожающей им опасности, сии отчаянные разбойники бросились в казарму и предложили Козакову распить штоф вина вместе с другими товарищами на свободе, в маленьком леске недалеко от завода. Развратный Козаков, несмотря на то, что едва держался на ногах, принял с радостью предложение новой попойки и, шатаясь, пошел вслед за Голиковым. Достигнув назначенного места, Бочаров и его товарищи бросились на пьяного Козакова и, не дав ему притти в себя от нечаянного нападения, убили его. Тело сего жалкого негодяя было разрублено на части и закопано в разных местах.

Но роковой час ударил для сих злодеев. Кажется, что какая-то невидимая сила старалась разрушить их замыслы и ускорить трагическую развязку. Между тем как они думали избегнуть преследования, спасти себя и своих соумышленников убийством изменника, другой из сообщников явился к Черниговцеву с доносом и подтвердил сказанное Козаковым. Сей вторичный донос обратил внимание управляющего заводом и породил в нем справедливое подозрение. Не медля ни мало, он приказал схватить заговорщиков, и заковать их в кандалы. Голиков был в числе схваченных, Бочарову удалось бежать. Подозреваемые в заговоре тотчас были приведены к допросу. Известно, каким образом в Сиби-

ри производится допрос: плети, палки и розги почитаются в сем случае лучшими путеводителями к истине. Телесные истязания заставили Голикова признаться и, по его показанию, в вечеру 26-го мая, Сухинов и его товарищи были взяты под стражу. Голиков не сказал ни слова об участи Козакова, почему и думали, что сей негодяй бежал вместе с Бочаровым. По прошествии нескольких недель, голодная собака, вырыв из земли руку убитого человека, принесла в завод. Этот случай заставил сделать розыски, и открыто было разрубленное на части тело Козакова. Однакож его смерть оставалась загадкою до тех пор, пока пойманный Бочаров не сознался в своем преступлении. Вскоре после сего началось формальное следствие: ссыльные несколько раз показывали на Сухинова и несколько раз отрицали свои показания. Но удары плетьми снова заставляли их именовать Сухинова главным заговорщиком. Сухинов отрицал все решительно и не признавался ни в чем.

Между тем как Горная Экспедиция разбирала сие дело, управляющий г. Черниговцев рапортовал об открытом заговоре в С.-Петербург. В сентябре месяце Горная Экспедиция и комендант Горных Заводов, генерал Лепарский получили повеление из Петербурга отдать всех замешанных по делу Голикова и Бочарова под военный суд. В конце сего же месяца Сухинов и все участвовавшие в сем деле были перевезены из Горной конторы в Большой Нерчинский завод и преданы военному суду. Всех подсудимых было 22 человека.

Мозалевский и Соловьев оставались в Горной конторе, но во время производства дела их требовали пред военный суд для снятия допросов. Они отвечали на все вопросы отрицательно, но не могли отклонить от себя подозрения судей, которые знали, что Соловьев и Мозалевский жили вместе с Сухиновым и были соединены узами дружбы, укрепленной

еще более несчастиями. Невозможно себе представить положения Соловьева и Мозалевского: кроме явной гибели их товарища, к которому они питали искреннюю любовь, ужасное наказание носилось над их несчастными головами. Невинные, подозреваемые, они ожидали каждую минуту несправедливого решения судей—невежд, развращенных и бесчувственных. Не было никакого средства доказать свою невинность; они молчали и покорились своей судьбе, уже решаясь погибнуть с Сухиновым, как одно показание при допросе Голикова и Бочарова переменило вид их дела и спасло их от явной погибели. Голиков и Бочаров показали пред военным судом, что они однажды спрашивали у Сухинова, знают ли о его намерении Соловьев и Мозалевский, можно ли о сем говорить с ними и пойдут ли они.

— Мои товарищи,—отвечал Сухинов,—не знают ничего и не должны вовсе знать: вы должны таить от них все, что я говорю.

Когда же Голиков и Бочаров, удивленные сим ответом, старались узнать, по какой причине он скрывает свои замыслы от своих товарищей, с которыми живет дружно и разделяет все, что имеет, то Сухинов сказал им:

— Если Соловьев и Мозалевский узнают о нашем предприятии, то они помешают нам; когда все будет готово к исполнению нашего намерения, то откроем им оное, и если они не захотят следовать за нами, то мы заставим их итти за собою; если же они станут противиться и захотят нам препятствовать, то наше мщение упадет на них, и они сделаются первыми жертвами нашего праведного гнева.

Сухинов, закованный в железо, содержался особенно от других под строгим караулом. Упорствуя в прежних своих показаниях, он отвергал все улики ссыльных, оправдывал Соловьева и Мозалевского и совершенно отрицал существование заговора. Но не

взирая на это, он узнал, что по свидетельству других он подвергнется позорному наказанию и, дабы предупредить оное, он вознамерился лишить себя жизни, которая давно уже сделалась для него тяжким бременем. Неизвестно каким образом он достал мышьяку и при первом удобном случае принял часть оного; вероятно, прием был очень слаб относительно физического его сложения, ибо яд произвел только рвоту. Сухинов скрыл это от часовых и на другой день, усилив прием, проглотил вторично; и тут яд не имел надлежащего действия. Сильная рвота, которою Сухинов страдал от сего приема, обратила внимание часовых; они спрашивали у него причину болезни и предлагали ему разные средства прекратить оную; Сухинов старался отклонить от себя все подозрения и успел в этом. Наконец, через несколько времени выпил третий прием, и через несколько минут ужасные конвульсии обнаружили действие яда. Сначала он скрывал боль, но вскоре природа восторжествовала над твердостию его души, и он упал без памяти на землю в сильных конвульсиях и невольным стоном обнаружил свои страдания. Испуганные часовые дали тотчас о сем знать; прибежал лекарь, которого искусство сверх всякого чаяния спасло жизнь несчастному страдальцу,—и следствием покушения на свою жизнь была одна долговременная тяжкая болезнь. Сухинов был сильно огорчен, когда узнал от лекаря, что действие яда уничтожено. Смерть составляла для него единственное благо; он жаждал ее пламенно, как вечного спокойствия, в коем он надеялся найти конец всем своим страданиям; но всякий раз, как он думал достигнуть сей счастливой для себя пристани, враждебные силы снова бросали его в бурный океан жизни.

Комендант Нерчинских рудников, находившийся в Чите при государственных преступниках, торопил военно-судную комиссию кончить дело Сухинова,

как можно поскорее. Он предписал сей комиссии решить оное непременно в последних числах ноября, об'являя при сем, что в исходе сего месяца он сам приедет в Большой завод для конфирмования и приведения в исполнение приговора. Повеление, полученное из С.-Петербурга в самом начале ноября месяца, побудило коменданта сделать сие предписание. Ему было повелено конфирмовать военно-судное дело, главных участников в открытом заговоре расстрелять, а их соумышленников наказать кнутом и плетьми по собственному усмотрению. В последних числах ноября военно-судная комиссия кончила дело. Сухинов—не по собственному признанию, а по свидетельствам других — и главные его сообщники были приговорены к позорному и тяжкому наказанию—400 ударами кнутом. Сей приговор не был им об'явлен, вероятно потому, что для подтверждения оного нужно было прибытие генерала Лепарского.

В конце ноября месяца приехал комендант в Большой завод. Тот же день неизвестно кто уведомил Сухинова, что он приговорен к 400 ударам кнута, и что генерал Лепарский приехал в завод. Повеление правительства наказать главных виновников смертною казнию было для всех глубокою тайною, и даже никто не полагал возможности такого наказания, вышедшего из употребления с давнего времени и почти никогда не существовавшего для ссыльных.

Сухинов, будучи уверен, что комендант утвердит приговор военно-судной комиссии, решился во что бы то ни стало избавиться от позора: самоубийство было единственным средством. За несколько дней до приезда Лепарского Сухинова перевели из особенной тюрьмы, где он один содержался. Намерение лишить себя жизни гнездилось в его душе; он тщательно осматривал все углы и стены тюремные и, увидя большой гвоздь, вбитый в стену недалеко от печки над нарами, решился привести свою мысль в испол-

нение. В роковую ночь по пробитии зари, когда в тюрьме погасли огни, и когда беззаботные преступники, не думая, что ожидает их завтра, предались сну, Сухинов, отвязав ремень, на котором поддерживал свои железа, прикрепил оный к помянутому гвоздю, набросил на свою шею петлю, и, спустив ноги с нар, повесился. Через несколько минут один из арестантов, проснувшись, пошел зачем-то к дверям и задел за ноги Сухинова; ему показалось это странным. Он хотел узнать, что это такое; стал искать около себя ощупью и дотронулся до тела Сухинова. Испуганный арестант начал кричать:

— Спасайте, кто-то из наших повесился!

Сей неожиданный крик поднял всех на ноги, принесли тотчас огонь и первый предмет, который представился, это было бездушное тело Сухинова. Ремень был снят с его шеи, привели лекаря, который тотчас заметил в теле признаки жизни. Можно думать, что для возвращения оной не нужно было употребить больших усилий искусства, ибо гвоздь был вбит довольно низко, и Сухинов, желая затянуть как можно крепче петлю, спустивши ноги с нар, еще коленами касался оных. Нет сомнения, что лекарь сообразил все сии обстоятельства, но, вероятно, не зная приговора правительства и не решаясь из сострадания предать бедного Сухинова позорному наказанию кнутом, он не старался возвратить к жизни несчастного страдальца, но приказал тело его положить на телегу и отвезти в лазарет шагом, как можно тише, как будто бы для того, чтобы не произвести в нем ни малейшего сотрясения, могущего возбудить кругообращение остановившейся крови. Тотчас по привозе в лазарет тело было спущено в погреб и положено на лед. Если сии причины, а не невежество и равнодушие побудили лекаря оставить без внимания все средства, которые могли возвратить жизнь Сухинову, то поступок его достоин уважения, и са-

мое бесчеловечие было великодушно. Таким образом несчастный Сухинов кончил свою бедственную жизнь. Заговор не делает пятна его чести; желание получить утраченную свободу и возвратить ее своим товарищам ослепило пылкий ум его и заставило унизиться предосудительною связью с презрительными людьми. Ошибка сия смыта его страданиями и его кровью.

На другой день после смерти Сухинова начались приготовления к наказанию Голикова, Бочарова и его сообщников. Рыли глубокую яму, ставили столбы, шили саваны, делали новые и исправляли старые кнуты и плети. Соловьев и Мозалевский были привезены из Горной конторы, закованные в железо, и содержались в полиции. 2-го или 3-го декабря, на другой день после приезда Лепарского и смерти Сухинова, приступили к исполнению приговора. Генерал присутствовал сам и распоряжался экзекуциею. Он приказал производить вдруг все роды наказания, вероятно, для сокращения времени. Все преступники были приведены на лобное место, и охладевшее тело Сухинова между ними видимо было, которое тотчас бросили в приготовленную яму. На приговоренных к смерти надели белые саваны, и первый Голиков был привязан к столбу у самого края вырытой ямы. Он был весьма спокоен и просил убедительно оставить его глаза незавязанными, но его просьбы не были уважены. Незадолго до выстрелов он начал что-то говорить...

— Я не виноват!—были последние слова, как ружейный залп вырвал у него жизнь с быстротою молнии. Бездушное тело спустилось вниз по столбу, сейчас было отвязано и брошено в яму.

Потом расстреливали Бочарова. Должно думать, что сия необыкновенная сцена подействовала на самих исполнителей приговора, ибо солдаты потеряли меткость. Бочаров был только ранен; унтер-

офицер подошел к нему, вонзил штык в грудь и сим кончил мучения бедного страдальца. Михайло Васильев выдержал залп и остался невредим. Солдаты укоротили дистанцию и начали поодиночке стрелять. Генерал Лепарский сердился, кричал, бранил офицера и батальонного командира за то, что подчиненные их не умеют стрелять и приказал скорее, как-нибудь сию трагическую сцену кончить. Солдаты ранили Васильева несколькими пулями, но не убили; наконец, подскочили к нему и прикололи его штыками. С двумя последними сообщниками Голикова и Бочарова почти то же самое случилось, что с Михайлом Васильевым.

В одно и то же время, когда одних расстреливали, три палача наказывали кнутом и плетьми других, приговоренных к сим наказаниям. Невозможно представить себе всех ужасов сей кровавой сцены. Вопли трех жертв, терзаемых палачами, командные слова, неправильная пальба, стон умирающих и раненых,—все это делало какое-то адское представление, которое никто не в силах передать и которое приводило в содрогание самого бесчувственного человека. Всякий может вообразить себе, какое действие произвело сие наказание на зрителей, но никто не станет утверждать, что оно улучшило их нравственность, и [что] [1] перестали производиться злодейства в заводах.

Из судившихся военным судом пятеро было расстреляно; шестой, Сухинов, избегнул сей участи самоубийством. Из остальных многие получили от 400 до 150 ударов кнутом; прочие были наказаны жестоко плетьми. По окончании сей кровавой сцены, Соловьеву и Мозалевскому в полиции прочитали приговор, конфирмованный комендантом Нерчинских рудников. Решение их участи заключалось в следу-

[1] Слово что внесено редактором, его нет в РА.

ющем: Соловьев и Мозалевский, найденные военно-судною комиссиею непричастными к делу Голикова, Бочарова и других, освобождаются от суда, но горному начальству предписывается (сия мера вероятно взята Лепарским) удалить их из Горной Конторы и сослать в отдаленные рудники порознь. Через два дня они были отправлены из завода: Соловьев в рудник Култуму, а Мозалевский—в Акатуй, лежавшие один от другого на расстоянии 200 верст. В сей новой ссылке они провели два месяца в скуке и бедности. По прошествии сего времени горное начальство получило повеление от коменданта Лепарского прислать государственных преступников Соловьева и Мозалевского в Читинский острог. В начале февраля 1830 года они были отправлены в Читу и скоро прибыли к месту назначения, где нашли прежнего товарища своего Быстрицкого, которого комендант оставил в Чите, когда он следовал с партиею через сие селение в Нерчинские рудники. В 1830 году Соловьев, Мозалевский и Быстрицкий, вместе с другими государственными преступниками, были перевезены из Читинского острога в государственную тюрьму, вновь построенную при Петровском Заводе, находящемся в Верхнеудинском округе, на реке Баляге.

ПИСЬМА.

И. И. Горбачевский в последние годы (из собрания В. Р. Зотова).

I.

Письма И. И. Горбачевского к Е. П. Оболенскому [1].

1.

5 августа 1839 г. Завод Петровский.

Дважды от тебя получал уже известия, мой любезный Евгений Петрович. Мы тебя все благодарим за твою память и интересные новости для нас; собрался и я к тебе писать, но не знаю, с чего начать. У нас все по-старому, т.-е. скука и грусть, грусть и скука. Ты очень справедливо говоришь, что мы только в разлуке узнаем цену наших товарищей, в разлуке только узнаем потерю их; я прежде тебя это почувствовал и до сих пор не могу еще опомниться. У нас все здоровы, и всё благополучно. Крашенинникова родила сына Степана, но все-таки не могла следовать за мужем, хотя уже и на ногах. Лошадь я твою видел, и все говорят, что ты недорого заплатил. Не могу тебе нахвалиться Ждановым и Арбузовым [2]: они такое принимают во мне участие, что как будто я их родной или какой-нибудь их бывший благодетель. Хотя я еще ничего не предпринимаю, хотя я

---

[1] Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в «Пушкинском Доме» Академии Наук; одиннадцать из них (с 14-го по 23-е включительно и 26-е были опубликованы в «Русской Старине» за 1903 г., №№ 9 и 10, но с пропусками и не вполне точно.

[2] Жданов и Арбузов—местные торговцы.

еще ничего не делаю по их советам, но не менее того я им очень благодарен за их готовность всем для меня быть полезным. Меня это трогает чрезвычайно. Они приказали тебе кланяться. К отцу Поликарпу [3] я еще не хожу часто: он или на покосе, или мне нет времени; я у него однажды только был и то ненадолго. Громов сегодня уезжает отсюда в Иркутск и продал все выгодно; я с Бахмутовым пополам купили у него сено.

6 августа.

Рота уже собирается, и я спешу к тебе кончить письмо, мой любезный Оболенской. Громов еще здесь, и я скоро к нему пойду провожать его. Меня ужасно тронуло положение Якова. Бедный человек; я просил здешних наших солдат и У. О., чтобы его там берегли, в Удинске, и они обещали мне это сделать. Ты, может быть, удивляешься, почему я ничем еще не занимаюсь; причина тому именно та, что я еще не уверен, что здесь в Петровском останусь; боюсь истратиться, боюсь завестись, а потом, когда переведут в другое место, придется в половину цены все продавать. Подожду утверждения, а потом начну действовать.

Здесь был окружной, и я его не видал; мне очень жаль; Александр Ильич [4] забыл за мной послать, хотя с ним обо мне говорили. Окружной говорил, что мне отведут землю в ближних деревнях. Не знаю, где и как это будет, но мне бы хотелось более сенокосов и поближе к Петровскому. Мозалевский тебе кланяется; ему было хуже немножко, но теперь все по-старому. У него я часто бываю. Все здоровы и

---

[3] Сычев, Поликарп Павлович—священник в Петровском Заводе.

[4] Арсеньев, Александр Ильич, горный инженер управлявший заводом.

всё благополучно. Катерина Дмитриевна [5] кланяется тебе и жалеет очень, что тебе будет скучно в Итанце [6]. Александр Ильич тоже кланяется тебе и говорит, лучше бы ты остался здесь, нежели в деревне жить. Мы почти все думаем, что ты будешь проситься в окрестности Иркутска—и лучше: там тебе будет веселее.

Насонов [7] тебе кланяется и спрашивает, не надо ли тебе чего-нибудь подчинить; он у меня теперь; приходит ко мне всякое утро и говорит, что никак не может расстаться со мною; ему скучно дома сидеть. Сенька Грузин часто тебя вспоминает и просит тебя к себе, в Петровский; они думают, что ты им опять жалованье будешь давать и платить за каждую безделицу.

Бедный наш Булыч совсем пропал; Трофим, который оставлен в каземате сторожем, говорит, что он хлеба в рот не берет, скучает, и думает, что Булыч издохнет.

Прощай, мой Евгений Петрович! Целую тебя мысленно, желаю тебе от всей души всякого счастия и благополучия. Прошу тебя, пиши ко мне, не забывай

любящего тебя И. Горбачевского.

Вчера и сегодня я писал к Поджио и к Пущину. Как мне было утешительно слышать благословения

---

[5] Ильинская, Екатерина Дмитриевна, урожд. Старцева, жена Дмитрия Захаровича Ильинского, доктора в Петровском заводе.

[6] Е. П. Оболенский был поселен близ села Итонцинского (Итонцы) Верхнеудинского округа, Иркутск. губ. в Турутаевской слободе, Стангинской волости, на реке Етанце.

[7] Насонов, Дмитрий Иванович, слуга Оболенского, Пущина и Горбачевского из ссыльных. Насонов говорил про Оболенского: «Не я ухаживаю за барином, а он за мной». См. Першин. «Воспоминание сторожила». Газета «Забайкалье». 1902 г. № 42.

здешнего народа и благодарность его за благодеяния Трубецкого, Пущина и твои, мой любезный Оболенской,—ужасно меня это трогало и утешало. Вы по себе трое здесь оставили такую память, что дай бог, чтобы мои дети до того дожили и были бы так счастливы.

Прощай, друг мой, еще прощай; буду к тебе писать все подробно и не упускать ни одной оказии; пиши ко мне, не забывай твоего навсегда

Горбачевского.

2.

19 августа (1839 г.). [8]

Мой милый, любезный Евгений! Не могу вспомнить без горести о тебе: Етанца твоя, чтобы она пропала, так я об ней наслышался! Твоя участь, я думаю, не хуже ли всех наших товарищей. Что будет с тобой зимой? Эти бесконечные холода и зимние вечера—я об них вспомнить не могу без ужаса. Я имел несчастие видеть Хареуз, когда вас провожал, да еще после с Ждановым ездил в Кули, деревню отсюда 20 верст, на Хилке; тогда я представил все положение тех, которые в деревнях будут жить:—беда да и только.

Я уговорил Крашенинникова жену, чтобы ехала в Удинск на нанятых лошадях; расчет прямой: она бы проехала на казенных подводах 8 дней, как говорят, а теперь будет там в 3 дня, и покойно с детьми, без всяких хлопот и перекладов по прямой дороге доедет скоро за 10 рублей.

Я получил от 4-го августа твою записку, также и прежние все твои записки. Благодарю тебя за твою память и любовь: твои записки принесли мне много утешения, говорю тебе правду, потому что, хотя я и

[8] Год в подлиннике не обозначен, проставлен редактором предположительно, как и далее, где даты заключены в скобки.

не скучаю, хотя имею развлечение, но все я вижу, что я между чужими, и нигде не нахожу того отголоска, к которому мы все привыкли.

Я получил известие о Петре Борисове; он ко мне не пишет, но Морозов, который оттуда [1] приехал, говорит, что он никуда не выходит, никто его и брата в деревне еще не видал, прислуги никакой не имеют и не могут сыскать, и как говорит Морозов, что хотят перепроситься в другое место. Петру везде будет худо—ты понимаешь вероятно, ежели он не выходит никуда, то причиною этому брат, который боится один в доме остаться, чтоб его не убили. Ежели он хочет перепрашиваться, то тоже—брат, который хочет все в Иркутск. Сегодня Ильинский [2] едет к нему нарочно и хочет посмотреть и сам увидеть, что с ним там делается; добрейший человек, он так же болеет за нас всех, как будто он с нами сидел в тюрьме, горюет и скучает. Он переведен лекарем в Кайдалово на этап, за Читой две станции; скоро поедет туда налегке, чтобы там прожить до отставки.

Я живу все попрежнему: ничем не занимаюсь и ничего не делаю; не думай, друг мой, чтобы это происходило от лености или нерадения; нет—так советуют все те, которые обо мне заботятся. Бахмутов, Арбузов и Жданов, как будто гении-хранители мои, меня стерегут, обо мне заботятся и хлопочут; я без их совета ничего не делаю и не буду делать: видя их усердие, я не знаю, как их благодарить.

Вообрази, я письмо к тебе пишу, как повозка под'езжает к моим воротам. Это Крашенинникова с детьми едет к тебе. Спешу: она меня гонит; я к тебе еще буду писать через Мазорова (Морозова ?). Я по-

---

[1] То-есть из дер. Подлопатиной, близ Селенгинска, где были поселены Борисовы.

[2] Ильинский, Дмитрий Захарович, доктор в Петровском Заводе.

лучил от Бечаснова, от Трубецкого письма; они переехали уже Байкал, все здоровы. Пущин, Поджио с комендантом 2-го августа уехали на открытой лодке в Иркутск, и уже давно там.

Прощай, мой любезный, прощай, мой Евгений, целую тебя в душе моей; пиши ко мне.

Твой навсегда И. Г.

Приписка Сизых.

Весть или сам у вас, Е. П., вторник, четверток и я отправлюсь и намереваюсь быть в Етанце, сим извещая, остаюсь с истинным почтением и преданностию.

С. П. Сизых.

Евгений просит благословения, а семейство от малого до великого свидетельствуют почтение.

Приписка Горбачевского.

Люди все возвратились в завод, кроме француза Жана и Ислама; говорят, все здоровы, поехали уже чрез море, 10 числа отправились.—Прощай, Евгений, пиши ко мне. Крапенинникова все тебе расскажет. Поручения делай мне какие хочешь. Все будет исполнено.

3.

9-го сентября (1839).

Жданов застал меня врасплох, об'явив, что он едет в Удинск,—спешу, любезный Оболенской, хоть что-нибудь к тебе написать. Благодарю тебя сердечно за твое письмо, от которого числа неизвестно, ибо ты забыл его написать. Ты жалуешься, что ни Пущин, ни Трубецкой к тебе не пишут. Я получил много писем даже от тех, от которых не ожидал, а от Пущина и Поджио ни строчки, ни слова, ни полслова. Непонятно, непостижимо, тем более, что пятьсот ка-

заков возвратились назад. Я собрал все письма и посылаю к тебе для прочтения; пожалуйста при верной оказии пришли мне обратно—я их пошлю к Петру Ивановичу Борисову, который в незавидном положении.

Ты очень справедливо пишешь на счет производительного капитала; я сам вижу и знаю, что без действия пропадешь. Но ты не поверишь, как трудно приступить к этому, тем более не имевши своего дома. Говорю тебе, без своего дому невозможно ничего начать, невозможно ничего делать, а купивши дом, хотя самый дешевый,—делается расстройство в моем капитале. Ты, я думаю, знаешь, что у меня при выезде вашем осталось всего 700 руб.; что будешь делать с этими деньгами—подумай сам; и нанять квартиру или купить дом, взять работников, лошадей, повозки, сбрую, надобно пищу еще и для себя, к тому у меня нет для себя и зимнего платья—сосчитай, что все это надобно купить, что ж останется капитала для оборотов? Больше ничего не остается делать, как надеть на себя армяк, кожух и сравняться со всеми торговцами-мошенниками. Истинно так, любезный мой, дорогой Евгений! Что делать, я и сам не знаю; положение трудное, скользкое для самолюбия и для чести, положение, которому я подобного не встречал в моей жизни. Не знаю, что дальше будет; поверишь ли, что в Петровском нет никакого продажного дому, а без дому, повторяю тебе, невозможно не только заниматься хозяйством, даже просто жить.

Я купил сена на 120 руб. Ты спросишь, для чего, я и сам не знаю, по правде тебе сказать, но мысль моя состоит в том, что ежели соберусь лошадей купить, то сено будет готово; ежели же их не в состоянии буду купить, (т.-е. 4 лошади с сбруей и с повозками), то его весной продам. Здесь все говорят, и

это правда, что иметь одну, две лошади не стоит того, чтобы и хлопотать об возке угля, бревен и проч.

Я был сейчас у жены отца Поликарпа; она из Чертовкиной от мужа получила письмо. Чудак Поликарп пишет, что он у тебя был, а как ты живешь и что делаешь ни слова. Пиши ко мне, Евгений, читай письма, тебе будет это хоть маленьким развлечением; пришли чрез верную оказию их назад ко мне. Целую тебя в душе моей, будь здоров.

Твой навсегда И. Горбачевский.

Приписка сбоку листа: У нас все здоровы и кланяются все тебе. Насонов в восхищении от того, что ты хочешь его взять к себе.

4.

5-го октября (1839).

Душевно благодарю тебя, Евгений Петрович, за твое письмо последнее, но не благодарю за то, что ты никогда не пишешь на своем письме числа, месяца и года. Твое письмо меня утешило, но, признаюсь тебе, я удивился, прочитавши твое приглашение о переходе к тебе в Етанцу. Скажи пожалуйста, Етанцу променять на Петровский! Это все-равно променять Петербург на Акатуй. Дело в том, я согласен, что в Сибири везде скверно, худо и гадко, но взявши места поселения относительно, то будь уверен, что завод всегда предпочтительнее и лучше, нежели каждая деревня.

Ты пишешь, что хлебопашество даст независимость; заблуждение, заблуждение и заблуждение. Независимость, по-моему, дает независимое состояние, но коль скоро надобно приобретать кусок хлеба, кончено: подвергайся всем неприятностям; счастлив тот, кто сохранит при этом честность, или лучше сказать, честь свою.

Неужто ты сам хочешь пахать землю? Не думаю. Но когда ты пошлешь своего работника в поле, разве ты уверен в нем, что он так сделает, как должно? Будешь ли ты уверен, что он сохранит твою лошадь и проч.? Почему же ты говоришь, что я зависеть буду от своего работника, которого пошлю за угольем или за бревнами? Все равно, мой любезный Евгений, мы опутаны, мы связаны [1], а еще к этому злу мы должны себе приобретать кусок хлеба, следовательно, подвержены как физическому, так—что еще хуже—и нравственному злу. Мне Александр Ильич [2] дал на 1000 руб. железа; я его продал Дмитрию Захаровичу [3], и мне пришлось барыша 123 руб. Тяжкий для меня был этот день. Я не знал, куда глаза спрятать; я был огорчен своим положением более, (чем) [4] когда-либо. Они смеются над моею совестливостью, а мне больно, горько. Я спрашиваю тебя, что будет с тобою, когда ты продашь первый пуд хлеба? Смотри, не скрывай от меня твоих чувств. Когда ты возьмешь барыш—попробуй—тогда узнаешь, каково это. Любезный мой Оболенский, таково наше положение молчать и терпеть, больше ничего не остается делать.

Теперь опишу тебе мои занятия и мои будущие планы и надежды. Я купил сена почти 200 копен. Это стоит мне около 140 руб. Купил я еще 4 лошади, куплю еще две, и буду стараться так, чтобы заработать на них в зиму, по крайней мере, 500 рублей. Разумеется, так должно делать, чтобы лошади окупились. Все это заведение мне будет стоить около 500 руб., когда не больше. Теперь я взял у Арбузова 1000 руб. и отдал Бахмутову на битье скота; здесь, по уверению его, я буду иметь барыша, по крайней

---

[1] Горбачевский имеет в виду стеснения, которыми окружены были декабристы по выходе на поселение.

[2] Арсеньев.

[3] Ильинскому.

[4] Чем—нет в подлиннике; внесено здесь редактором.

мере, 350 руб. У меня теперь осталось на руках чистых денег всего 300 руб.; из этих денег я должен еще взять на покупку двух лошадей и проч., остальные употребить на разные разности. Вот тебе мой отчет: думай обо мне что хочешь, но знай, что я без совета опытных (только не плутов) ничего не делаю и не предпринимаю. Большой был бы я дурак, ежели б я, имевши состояние, стал бы здесь в Сибири в нашем положении заниматься торговлею. Но так как судьбой мне не дано этого, то и покориться надобно необходимости.

Вчера я получил известие, что Андрея Борисова взяли в больницу в Удинск, а Петр остался в Подлопатках. Признаюсь тебе, я рад этому: Петр теперь спасен от сумасшествия. Ты себе представить не можешь, что Андрей с ним делал; довольно будет сказать, что ворота и двери были всегда на запорах, а окна днем закрыты оконницами. Дело обошлось без шума и крику; они оба попрощались, Андрея увезли, а Петр остался и приказал мне сказать, что хотя ему и жаль брата, но он, по крайней мере, первую ночь спокойно спал, ибо не видал уже мучений брата; обещал ко мне подробно написать и, когда я получу от него письмо, то при оказии и тебе его пришлю.

Где девался отец Поликарп? Он нас в отчаяние приводит: жена и дети его скучают, мы тоже скучаем, надеясь получить чрез него письма. Гони его, пожалуйста, скорее в Петровский; непонятно, как он долго ездит. Нового у нас ничего нет. Прощай, мой Евгений, целую тебя в душе моей.

Твой И. Горбачевский.

На полях. Пожалуйста полученные письма уничтожай.

5.

2-го декабря 1839.

Твои письма, любезный Евгений, от 30 октября, 9-го, 20-го и 21-го ноября я получил. Не могу тебе на каждое отвечать; благодарю тебя за память и твою любовь ко мне. Извини, дружок мой, что не часто к тебе пишу, и то смотри, как я пишу: ни пера, ни чернил порядочных у меня нет. Писем я не получал ни от кого из наших; от сестер своих я получил; они пишут, чтобы я отзыв о себе дал коменданту Тифлисскому [1], и я на прошедшей почте писал к нему. Что будет, не знаю.

У меня с третьего дня работа началась—я взялся за возку камня в казну с пуда 30 коп.—700 пудов. На семи лошадях возят, но только далеко—верст 50 слишком. Теперь моя очередь звать тебя к себе:—брось Итанцу, переезжай куда-нибудь, но там не оставайся.

Посылаю тебе сани чрез Ахшарова казака; за привоз в Удинск ты ему должен заплатить 5 руб.; никто не берется везти их—тяжелы очень, Московский насилу их отдал. Александр Ильич тебе кланяется. Мы посмеялись довольно над твоим барышем за орехи:—что значит 60 коп. с расходом, который ты сумел составить. Мне кажется, ты не чистосердечно сказал, что тебе было получить барыш и приятно, и полезно; не знаю, но мне было и больно и стыдно, ну не так (ежели хочешь) стыдно, по крайней мере, совестно.

Пиши, пожалуйста, ко мне только чрез верные руки; письма мои и всякие уничтожай,—это лучше и безопаснее для всех. Насонов работает в казне и живет бедно; я его приглашал к себе с женою, но

[1] Для получения наследства после умершего на Кавказе брата.

она беременна, и не хотят с домом расстаться. Все то, что тебе сказали об Андрее Борисове, мне не верится. Недавно я получил от Петра записку, и податель ее сказал мне, что Петру горе, горе да и горе: брат его не выпускает в полном смысле сего слова за порог, не позволяет ему нанять ни мальчика, ни стряпки, боится, что его убьют. Что за жизнь, что за мученье! И кто виноват? Он решился терпеть,— прекрасно; но благоразумно ли это? Прощай, мой Евгений, обнимаю тебя и целую в душе моей.

Твой по гроб И. Горбачевский.

Дмитрий Прокофьевич кланяется тебе; Жданова нет еще из Иркутска.

6.

18 декабря (1839).

Любезный мой Евгений! Кудрявцов сидит у меня и просит что-нибудь к тебе написать.

Ты, я думаю, удивлен, что он в Петровском? Он сюда от моря приехал за долгами. Что мне тебе сказать? У нас все по-старому. Сегодня я кончил работу—мои лошади должны быть вечером с последним камнем, перевезли 700 пуд., но расходы неимоверные; не знаю, будет ли какая-нибудь выгода. Насонов тебе кланяется и просит тебя прислать ему хоть не десять, но 5 руб. на праздники; в бедности живет, казенная работа ему не по нутру; просит тебя не забыть его; это его слова я пишу.

Писем я от своих не получил; Жданова еще нет. Сестра [1] ко мне пишет из Петербурга, что Ребиндер [2] у нее был и рассказал ей, где я живу; он у нее был

[1] Анна Ивановна Квист.

[2] Ребиндер, Николай Романович, полковн., комендант Петров. завода, позднее кяхтинский градоначальник, попечитель киевского и одесского учебных округов; был женат на дочери декабриста С. П. Трубецкого.

22-го октября. Мои капиталы грузинские молчат, и слуху про них нет; сестра пишет, что писала в Тифлис, но ей не отвечают. Не знаю, что думать, а между тем ее уведомили, что у брата осталось еще 400 книг, и просят разрешения, продать ли их или нет. Не надобно ли тебе 30 пуд. расковки (железа) по 3 р. 50 к. пуд с твоею доставкою? Я тебе пришлю. Посоветуйся с знающими людьми и уведомь меня; меня просили об этом тебе написать. Прощай, мой Евгений, целую и обнимаю тебя в душе моей; будь здоров и невредим; пиши ко мне, что ты делаешь, чем занимаешься. Поликарп, Александр Ильич, Дмитрий Захарович и Катерина Дмитриевна тебе кланяются. Прощай, мой дружок.

Твой навсегда И. Горбачевский.

Письма мои уничтожай, чтобы они не попались в руки кому-нибудь или не затерялись бы.

7.

3-го января (1840).[1]

Прискорбно браться за перо, мой любезный Евгений, с тем чтоб с тобою браниться. Ты меня совершенно забыл: давно об тебе и слуху нет, жив ли ты, что с тобой делается, мой Етанцинский хлебопашец. Я слышал от Василия Игнатьевича, что ты приедешь на ярмарку в Удинск; ежели это правда, я радуюсь, но напиши мне пожалуйста, по какому это случаю, кто позволил, просился ли ты сам, или правительство местное само тебе предложило; опиши мне все подробно.

У нас нового ничего нет. Александр Ильич в Иркутске уже другая неделя; Дмитрия Захаровича тоже здесь нет. Грустно и скучно мне здесь, тем более что

[1] В подлиннике год не проставлен.

я был болен несколько дней сильной простудой: два дня лежал формально в постели. Из дому я давно письма не получал, все молчит.. Бьюсь, как рыба об лед: что заработаю, то на людей и лошадей проживаю; и скучно и досадно хлопотать, и за что и к чему; цели никакой нет, выгода неизвестна. Оставляю эту невыгодную сторону нашего положения. Скажу тебе, что наши Иркутские все здоровы—я недавно имел известия оттуда; от Спиридова я получил недавно письмо, он хвалится своею жизнью: весело, дешево, принят во всех лучших домах, одним словом, живут как нельзя лучше. Давыдовы здоровы и довольны очень Красноярском. Просись туда, что тебе делать в Етанце; не понимаю, зачем ты медлишь: бросай все и поезжай туда: все вознаградишь, там живши. Прощай Евгений Петрович, пиши ко мне.

Твой навсегда И. Горбачевский.

8.

7-го января 1840 года. Петровский Завод.

Любезнейший мой Евгений! Поздравляю тебя с праздниками и с новым годом, желаю тебе всякого счастия от души. Удивляюсь, что ты ко мне до сих пор не пишешь; я не знаю, что с тобой делается, как ты живешь и поживаешь. Жданов приехал накануне Крещения и привез из Иркутска много для меня новостей. Наши живут иные хорошо, другие худо. Юшневские в городе живут, равно и Артамон [1], прочим тоже позволено ездить в Иркутск и в другие места, они этому очень рады и на праздниках были в Урике все почти до одного собраны. Там они все весело время провели и проводят. Жалеют все, что тебя там нет, и зовут к себе. Брось любезный, свою Етанцу;

[1] Муравьев, Артамон Захарович.

скажи, что тебе надобно доктор, что ты болен и проч., и будешь там; пиши к своей сестре, и она тебе все выхлопочет; говорят это очень легко. Сестра Квист тоже ко мне пишет—ежели я хочу перейти в другое место, то она выхлопочет по моему желанию. И я тебе скажу—гораздо лучше чрез родных об этом хлопотать, нежели самому.

Что мне тебе сказать про мое житье? Возку камня я давно кончил; заработал 210 руб. и, поверишь ли, осталось у меня теперь только 25 руб. Борони тебя бог, ежели ты подумаешь, что я мотаю на свои прихоти—нет: хлеб, чай, соль, свечи, кожи, ремни, сани, сено, жалованье людям и проч.—все так и лезет из рук. Теперь я взялся вывезти из лесу 1000 бревен по 10 коп. с вершка; в пять месяцев хочу кончить эту операцию; вывозка эта будет мне стоить, положим, 300 руб., то 350 сер. я буду иметь в барышах. Я теперь имею трех работников и стряпку. Ты себе представить не можешь, как едят; это настоящие акулы, хотя, впрочем, я им ничего не жалею: хлеб отличный, щи с говядиной, каша, чай, а в праздники и жаркое. Поверишь ли, что отбою нет—столько охотников идут ко мне служить. Вот одна выгода в заводе, и самая важная—в людях нет никогда недостатка, но только редко хорошие; женатых невозможно брать, хотя много охотников. Насонов тебе кланяется, просит 5 руб.; все прочие хорошо живут [1].

9.

18 Февраля (1840).

Любезный мой Евгений, не знаю как мне тебя назвать: ленивым, беспечным или как ты хочешь себя называй, а я на тебя сержусь,—во-первых, за то, что ты совсем меня забыл: прислал записку, и боль-

[1] Конец этого письма утрачен.

ше ничего; пиши пожалуйста скорей и скажи мне подробно, что к тебе Пущин пишет, почему он ко мне ни слова до сих пор не написал.

Дмитрий Прокофьевич хочет сам быть скоро в Удинске, а там вместе с Ждановым и к тебе заехать, ежели же не поедет, то пришлет скоро деньги к тебе, это непременно; он тебе кланяется. У нас все по-старому. Поликарп здоров, и его все здесь любят и уважают за его поведение; Александра Ильича еще нет; Мозалевский лежит без ног и без рук, отчаянно болен тою же болезнью, и, к несчастью, доктора нет.

Писем я не получал, и мои капиталы еще гуляют в Грузии. В Иркутске все благополучно и все здоровы. Прощай, мой Етанцинский хлебопашец, хозяин и торговец орехами. Как тебе не совестно такие большие барыши брать! ты разбогатеешь скоро, или будешь без рубашки. Лобода старик третьего дня умер от простуды. Спешу к тебе писать. Прощай,

Твой Горбачевский.

На обороте:

Евгению Петровичу
Оболенскому
в собственные руки,
в Етанце.

10.

1840, 8 июля.

Я тебя знать не хочу, и ты меня не знай, злой, недоброй мой Оболенской. Ты вообразил себе, что когда в Етанце надобно жить, то не надобно ни к кому писать! Скажи ты Оболенскому, что я его знать не хочу, пусть он меня не знает, я это повторяю, а между тем с одним только условием, будем, друг мой Евгений Петрович, переписываться. Я на тебя ужасно сердит, за то, что ты молчишь, во-вторых, за то, что ты не едешь в Петровский, и неужто ты хочешь

меня уверить, что тебе нет времени, что ты хозяйством занимаешься и проч. Брось все хозяйство. Это проклятое хозяйство, которое так мне надоело, что я бы бежал даже и в Етанцу.

Кроме шуток, как тебе не стыдно не писать ко мне? ты что себе вообразил? не хочешь ли ты, чтобы я к тебе приехал, тогда, когда ни гроша нет в кармане? Погоди, приедут ко мне закавказские богатства, тогда не только к тебе приедут, но даже тебе еще и в долг (дам) [1].

Я завожу мыльный завод. Напиши, пожалуйста, мне, каким образом продается у вас зола осиновая—здесь ее нет—бочками ли или весом? почем? и что будет стоить бочка золы осиновой с доставкою в Петровский?—что стоить будет известка с доставкою? Напиши все мне подробно, когда будет ехать А. И. [2] на возвратном пути. Ежели хочешь, возьми у меня подряд; я тебе деньги пришлю, и бери с меня барыши; золы давай хоть тысячу бочек. Ты мне сделаешь одолжение, а я тебе буду давать деньги или какие хочешь товары. Нарышкин произведен в офицеры. Наши все живы и здоровы. Соловьев уехал в Красноярскую губернию на поселение. Прощай, обнимаю тебя, целую тебя, граф и князь Етанцинский.

Твой навсегда И. Горбачевский.

Поликарп здравствует и кланяется.
Етанцинскому хлебопашцу
и хозяину Оболенскому.

На обороте приписка:

Об'явление: У банкира Ротшильда открывается новый заем: желающие получить деньги, могут к нему адресоваться.

---

[1] Дам—в рукописи нет. См. 256 стр.
[2] Александр Ильич Арсеньев.

11.

Петровский Завод. 17 августа (1840).[1]

Не помню, сколько я твоих писем получил, любезный Оболенской; кажется три, и на все тебе отвечаю одним. Извини, Мозалевскому дано 200 руб.—второе твое письмо прежде ко мне в руки попалось, чем первое, первое где-то путешествовало. Мозалевскому ты сделал большое пособие, и он тебе очень благодарен. Мой мыльный завод, над которым ты так жестоко смеешься, почти готов, и помехой служит один котел, который по милости Арсеньева до сих пор не вылит.—Ты скажешь, отчего?—забывает отдать приказание, чтобы его вылили, хотя и форма готова. Не думай, чтобы я шутил, нет,—спроси у Жданова, это истинная правда; я уже перестал и просить и говорить.—Ты говоришь, что выгоды мало будет; не знаю, будет ли большая, но не всегда же будет и убыток. Когда крестьяне соберутся по домам, пожалуйста, узнай подробно о золе осиновой и напиши мне крайнюю цену. Получил я письма от Марьи Казимировны [2], Бечасного и Соловьева; наши все живы и здоровы; когда-нибудь к тебе пришлю письма.

Я не получаю не только денег своих и никаких, но даже и писем от родных; плохие мои обстоятельства; так надоело жить, все занимай да занимай, что в воду бы бросился. Хочу писать о моем наследстве к графу Бенкендорфу, подожду только последнего письма от сестры. Новостей у нас нет никаких. Я думаю ты уже знаешь, что в России большой голод; в Москве уже пуд муки 6 руб.

Прощай, любезный Евгений, пиши ко мне и не думай, чтобы это были нежности, нет, это потребность

---

[1] Пометка Оболенского. Пол: 1-го сент. Отв. 10-го чрез Ждан.

[2] Юшневской.

души, к тебе привязанной и любящей; будь уверен в истине этих слов.—Поликарп и все семейство тебе кланяется, все здоровы и веселы.—Прощай.

Твой Ив. Горбачевский.

Насонов тебе кланяется; не помню писал ли я к тебе, что у него сын родился; ты и Пущин были крестными отцами.

На обороте:

Милостивому Государю
Евгению Петровичу
Оболенскому

12.

Декабря 23-го дня. (1840).

Третьего дня вместе с известкой я получил твое письмо, мой любезный Оболенской, и, вообрази, в это время у меня сидел Жданов, который накануне твоего письма приехал к нам в Петровский.

Дело скорее надобно говорить: после—извинения об том, что я к тебе не писал. Твое письмо тотчас Жданов понес к Арбузову; он все обещает; Жданов живет за этим третий день, наконец, уезжает без денег, потому что тот не хочет дать: меня Арбузов убегает, не хочет со мной видеться и избегает со мною разговоров. Итак, ты без денег. Я бы к тебе собственных послал, ежели б была у меня копейка. Я получил 3 тыс. и все издержал, заплативши долги и купивши сало; это всем известно; но мыловара нет, и мыловарня у меня стоит без мастера.

Известки я не купил, потому что мыловара нет; не знаю когда я его себе достану, между тем известки у меня уже есть запас. Я им дал воз сена, и они поехали по деревням продавать.

Приехавши из Етанцы, я не имел оказии писать к тебе, потом уехал в Селенгинск и вот теперь только что нашел оказию к тебе писать.

Остальное тебе все расскажет отец Гацицкий и Андрей Алексеевич, который хотел с тобою видеться.

Прощай, любезный Оболенский, душа горюет, сердце разрывается, что тебе нельзя пособить; я и сам занял денег на разные расплаты. Обнимаю тебя, приезжай к нам сам,—я думаю, лучше успеешь, прощай.

Твой Горбачевский.

На обороте:

Оболенскому.

13.

23-го апреля, Удинск.[1]

Любезный Оболенской. Я—в Удинске, жаль мне очень, что я к тебе не могу приехать и видеться с тобою: разные препятствия нахожу. Я получил, друг мой, твое письмо, я вижу—тебе скучно, грустно. Будь уверен, что при первом случае тотчас к тебе в Етанцу заеду. Это непременно. Буду к тебе писать. Прощай, обнимаю тебя.

Твой Горбачевский.

На обороте:

Евгению Петровичу
Оболенскому.

Приписка: Приезжай скорей сюда; мы будем тебя ждать до субботы и в субботу.

14.

Петровский Завод. 1860 г., ноября 17 дня.

Если бы что-нибудь на меня упало и сильно придавило, я бы, кажется, меньше был встревожен, оглушен, меньше бы был удивлен, нежели получивши твое письмо, мой дорогой, любезнейший Евгений

[1] Год не обозначен.

Петрович! Вообрази, что, взявши письмо из рук почтальона, я по надписи на конверте узнал твой почерк после двадцатилетней разлуки, и пробежавши глазами письмо, я тогда только отдохнул. Если бы ты знал и все там живущие, что значит для меня теперь получить письмо из России, ты бы писал бы ко мне по своему участию целые кипы писем. Я до сих пор как будто в сомнении,—там-ли вы живете, и может-ли это быть? Часто глядя здесь на наше прежнее жилище, вы все для меня теперь какие-то мифы; грусть приходит не от мрачного этого свидетеля, доселе существующего, но, думая,—жившие когда-то здесь,—где они? Где их искать? Когда их увидишь? Вот вопросы, беспрестанно роящиеся в моей голове. И редко кто из вас подаст мне голос. Этот отголосок и составляет теперь единственное утешение в моей тревожной, грустной и одинокой жизни.

Благодарю тебя душевно, сердечно, мой Евгений Петрович, за твое письмо; не могу выразить словами чувство благодарности за твою память обо мне; будь уверен в искренности моих слов, и я уверен, что ты поверишь моей радости слышать о тебе и о твоем семействе,—радуюсь, что ты жив, здоров и существуешь. Думаю, что мне к тебе писать? и как отвечать на твои вопросы? Много придется писать, но возможно ли это в письме, тем более—вспомни—сколько времени прошло со дня нашей разлуки.

Ты спрашиваешь, женат-ли я? Во всех отношениях нет и нет, и—говорю тебе правду—очень сожалею, что так пришлось жить; холостая старость ужасна,—скучно и будущего нет; может быть, я избавился этим от многих тревог, но зато, что за жизнь настоящая и будущая; теперь никому не советую быть в старости неженатым. Что же касается до моей жизни собственно, то скажу тебе, что живу или сижу на одном и том же месте, как гвоздь забитый в дерево,—не могу двинуться с места,—такие мои об-

стоятельства и такое положение. Куда ехать? и на какие деньги это можно сделать,—трудно выдумать, да еще при такой дороговизне; искать же оказии, просить я не могу,—для меня это тяжко, даже отвратительно. Сестра моя [1] живет в Петербурге при детях; в Малороссии все умерли; конечно, будь способы, поехал бы туда хоть подышать тамошним воздухом, но это «не наша еда лимоны», как некогда писал ко мне В. Льв. Давыдов.

Твой привет отдал отцу Поликарпу, он твое письмо читал и перечитывал. Он любит тебя и очень часто вспоминает; просил меня убедительно тебе кланяться и свидетельствовать свое почтение; просил тебе написать, что в семействе у него все живы, здоровы, что второй его сын Александр на Амуре, в Благовещенске, старшим священником и миссионером, и твой крестник Евгений там же. Отец Поликарп хранит твои вещи—кресло, стол, шкап, и это составляет его драгоценность. Ты спрашиваешь тоже о нашем заводе—после тебе опишу, теперь ни времени, ни места в письме нет. Читал я тоже в твоем письме о наших надеждах на улучшение крестьянского быта и начало гражданской жизни, о которой когда-то мы мечтали. Прости меня великодушно, мой Евгений Петрович, за мое неверие: решительно не только сомневаюсь, но даже решительно не верю ни вашей гласности, ни вашему прогрессу, ни даже свободе крестьян от помещиков; все это, мне кажется, болтовня праздных людей, у которых нет ни желания, ни воли сделать другим добро; и что может быть из такого порядка вещей, где люди в своем деле сами и судьи.

Прощай, Евгений Петрович, желаю тебе здоровья и всего лучшего; пиши ко мне, я буду с удовольствием тебе отвечать.

Тебе преданный Иван Горбачевский.

---

[1] Анна Иван. Квист.

(Приписка). На-днях я получил письмо от Наталии Дмитриевны [1]. Как я ей благодарен; на следующей почте буду и к ней писать. Буду и к тебе писать,—будет о чем поговорить.

Твоей супруге—мое глубочайшее почтение и мой усердный поклон; я надеюсь, что ты меня с ней познакомил; детям твоим мой сердечный привет.

15.

Петровский Завод, Забайкальской обл., 1861 г., июля 17 дня.

Не умею как тебе выразить мою искреннюю и душевную благодарность, мой Евгений Петрович, за твое письмо от 7 февраля, и мною полученное 3-го июня. Как ни был обрадован твоим письмом, но меня тоже удивило, что твое письмо так долго путешествовало. Да здравствует почтовое ведомство! Например, я живу от Мих. Бестужева всего 178 верст и получаю письма через две недели! Если ты не будешь свои письма надписывать—в Петровский Завод в Забайкальскую область, и то большими буквами, то твои письма пойдут в Петровск, Саратовской губ., или в Петрозаводск, Олонецкой губернии, или даже в Петропавловский порт, в Камчатку; это я говорю по собственному опыту:—из всех таких мест получаются здесь письма, но надписаны из России в Петровский завод. Вот аккуратность и забота об исполнении своих обязанностей русских почтмейстеров!

У вас, говорят, идет в России какой-то прогресс, чему я плохо верю, но почему же этот прогресс не сделает, чтобы вместо нынешних почтмейстеров сидели бы на их местах люди? Ты пишешь, если бы мы встретились и проч. Если бы мы встретились и ночью, я бы кажется тебя узнал, так я помню всех, и мне все кажется, что вы все там в России ничуть

[1] Пущиной.

не перменились, хотя знаю, что я в этом ошибаюсь. Ты тоже пишешь, что по временам мы будем повещать друг друга: я готов к тебе писать целые томы,—лишь бы тебе этим не наскучить, и прошу тебя, спрашивай о чем хочешь. Вероятно, ты и держишь свое слово, пишешь ко мне, но только не так выходит: мои письма, тобою ко мне писанные, получает их какой-то Андрей Петрович, а я получаю Андрея Петровича письма, т.-е. к нему тобою написанные; а жаль мне, что так случилось,—время потеряно. Посылаю к тебе обратно и письмо и конверт—в удостоверение.

Мое здесь единственное утешение—получать и писать письма к старым моим товарищам по тюрьме и по мыслям. Многих уже нет; и теперь меня беспокоит положение Александра Викторовича Поджио,—он ко мне писал, что у него водяная болезнь, и до сих пор не имею об нем никакого известия. Напиши мне, что с ним делается?

Я не помню, чтобы я писал, что будто бы я отказываюсь к тебе писать о Петровском Заводе: я, может быть, отложил это до другого времени. Если тебе интересно знать, то теперь скажу тебе кое-что. Не думай, чтобы были какие-либо перемены, перемены существенные и радикальные,—нет подобного ничего, все по-старому; не знаю, что будет вперед. И вот с 11-го апреля здесь об'явлена свобода труда, обязательная работа уничтожена, но все еще продолжается старое с малыми переменами, в ожидании новых правил и узаконений; вообще народ принял такую перемену очень хладнокровно, даже с каким-то сомнением, говоря: «много нам было и прежде читано, а все мы работали день и ночь, что будет, посмотрим».

Жилище наше в заводе существует; получивши твое письмо, я нарочно сходил на другой же день его посмотреть и посмотрел твой № каземата. Долго я

стоял в твоем № и около того места, где стоял твой стол и твое кресло; многое тут я вспомнил; взял из стены гвоздик, на котором висел портрет твоей сестры, принес домой и его сохраняю; прикажешь, я тебе его пришлю. Но вообрази, выходя из твоей комнаты, мне бросился в глаза твой столик в коридоре, на котором ты всегда обедал: он до сих пор стоит. Насонов Дмитрий Иванович тут же со мной был, сказал:

— Вот столик Евгения Петровича. Я бывало ему принесу обедать, а вы с Иваном Ивановичем Пущиным у него все с'едите.

Я чуть не лопнул от смеха, когда он мне это сказал.

— Отчего же мы у него ели, когда ты и нам приносил обедать?—спросил я нарочно.

— А вот, видите, (его поговорка), вам принесу скоромное, и вам уже мясо и суп надоели; а ему принесу рыбу; вам с Пущиным в охотку—вы у него все и с'едите; вот видите—да.

— А он сердился на нас, Евгений Петрович, за это, что мы его голодным оставляли?

— Может-ли быть, чтобы Евгений Петрович сердился? Евгений Петрович сердился?! Может-ли это быть? Да бывало я напьюсь пьяным, да и совсем ему не принесу обедать, он и за то никогда не сердился... Евгений Петрович сердился,—продолжал он ворчать про себя—никогда.

Тут я вынул твое письмо из кармана и показал ему. Он взял его в руки, долго смотрел на него и все его переворачивал, задумавшись.

— Да вы будете писать к нему?

— Непременно,—сказал я.

— Так напишите ему от меня,—вот видите, он меня благословлял, когда я женился, он мой отец—напишите, что у меня три сына и одна дочь девочка;

живу бедно и стал старик, одним глазом не вижу, и не могу на охоту ходить и стрелять,—вот видите,— все это ему напишите.

Я ему дал слово все исполнить. Тут же просил меня написать о нем и к Петру Николаевичу Свистунову, у которого он прежде служил, но я оставляю это до удобного случая.

После с ним зашли мы в каземат Пущина, мой № и, наконец, в крайний, в котором жил Штейнгель, а потом он, Насонов, и он тут многое вспомнил. Те два отделения, которые вправо от входа ворот, теперь заняты арестантами, прочие все пусты, и все, что осталось от нас из мебели казенной, все до сих пор так и стоит. Деревья, посаженные Мухановым в 11 отделении, сделались уже большие; все заросло травой; мрак и пустота, холод и развалина; все покривилось, а особливо левая сторона, стойла разбиты, одни решетки и толстые запоры железные противятся времени. Не достает тут одного,—наших кандалов. Грудь у меня всегда стесняется, когда я там бываю: сколько воспоминаний, сколько и потерь я пережил, а этот гроб и могила нашей молодости или молодой жизни существует. И все это было построено для нас, за что? И кому мы все желали зла? Вы все давно отсюда уехали, у вас все впечатления изгладились, но мое положение совсем другое, имевши всегда пред глазами этот памятник нежной заботливости о нас. Ты скажешь зачем я сержусь? Я знаю, что ты всегда молишь бога и за своих врагов, но это мне не мешает высказать тебе мои чувства.

Вероятно, тебе любопытно было бы знать о тех детях, о которых ты заботился, бывши сам в тюрьме, которых ты учил, кормил, одевал; все они здравствуют и все помнят и твое имя произносят с желанием тебе счастья и здоровья. Виктор Янчуковский теперь служит помощником начальника Нерчинских

заводов в чине подполковника. Балуганские [1], один секретарем (старший) в каком-то суде, делает большое пособие матери своей, которая жива и живет до сих пор на одном и том же месте и в том же доме, где и при тебе жила—на Итонце; другой сын служит на Амуре, тоже хорошо живет. Алексеев теперь у нас здесь в заводе секретарем в конторе, чиновник и отличный человек; о прочих скажу тебе после, теперь спешу писать.

Вообрази,—те люди, которые при нас служили, все живы и тебе усерднейше кланяются. Отец Поликарп хотел к тебе писать, а твои письма всегда берет домой, уносит от меня и там читает.—Потом тебе кланяется—«да-с, да-с»—Ив. Ив. Первоухин [2], дряхлый уже старик, наш страж бывший и живая хроника обо всех нас; его конек—во всех рассказах о былом времени:

— Евгений-с Петрович,... комендант,... веселый-с человек Петр Николаевич Свистунов-с,... и Иван Иванович Пущин...

После них, конечно, следует Дмитрий Иванович Насонов; он даже знает до сих пор, сколько от кого получал денег на водку, и когда бы не пришел ко мне, всегда у нас разговор о вас.

Вот еще скажу тебе обстоятельство. Кто бы ни приехал сюда в Завод, все просят меня с собой сходить в каземат, чтобы я показал, где кто жил, что делал и проч. Эта работа для меня, признаюсь тебе, тягостна, но такое любопытство у этих господ, что говоришь им и рассказываешь по целым часам, и все им мало. Какой-то джентльмен петербургский все подобрал перья в твоем №, вероятно, тобою брошенные,

---

[1] В Петровском заводе в команде был солдат Егор Балуганский, родом из Итонцы,—его сестра с 5 детьми жила стряпкой у Е. П. Оболенского во время поселения его в Итонце.

[2] Первоухин, Иван Иванович, надзиратель в Петровском заводе.

подобрал потом все бумажки и все их положил в свой бумажник; какой-то генерал, сослуживец Якубовича, вырвал все гвоздики из стен в его каземате; один чиновник выкопал из земли столик, поставленный в кустах на дворе II отделения, на котором пила чай жена Ивашева, и увез с собою. Не могу тебе всего кончить, сколько было подобных проделок и разных сцен, которые когда-нибудь тебе опишу. Последнего путешественника я водил по нашим казематам недавно, это был писатель Максимов [1]. Мне очень жаль, что я не имел времени с ним поболыше потолковать, а человек серьезный и умный; он ехал, кажется, с Амура.

В доме Александры Григорьевны Муравьевой теперь казарма солдат; в доме Давыдовой—казармы ссыльных; в доме Трубецкой—квартира управляющего заводом. В доме Анненковой—контора; в доме Волконской—школа; в доме Наталии Дмитриевны фон-Визин живет священник о. Поликарп; дом Ивашевой занят квартирою для дьякона здешнего, который меня убедительно просил тебе кланяться и, когда я его спросил, почему он тебя знает, он сказал, что когда Евгений Петрович ездил с Итонцы в Удинск, то он всегда останавливался у моей матери на квартире, а я был в то время мальчиком и от Евгения Петровича получал иногда гостинцы». Он очень хороший человек, и, против обыкновения всех дьяконов, трезвый человек. Дом Нарышкиной и Юшневской упали и развалены; в доме Барятинского, где он больной лежал, и где мы около него по очереди дежурили, живет урядник.

Что забыл тебе сказать и не успел тебе написать, спрашивай: на все тебе дам ответ.

В прошлом месяце я был сильно нездоров своим всегдашним недугом геморроем; доктор мне посовето-

[1] С. В. Максимов, автор книги «Сибирь и Каторга».

вал дорогу на перекладных вместо всякого лекарства. Я взял подорожную, с'ездил в Селенгинск к Михаилу Бестужеву—и выздоровел. Нельзя себе представить, не видевши глазами своими, как он постарел: седой, морщины кругом, глаза какие-то оловянные сделались вместо бывших черных; он хочет ехать в Россию, но когда это будет, неизвестно: ожидает оттуда писем—куда именно ехать. Дети его растут, а их надобно учить, вот причина его переселения; я был у него всего четыре дня, и не умолкали—все говорили день и ночь, и еще не кончили. Завалишин, Дмитрий в Чите; тоже желал бы умереть в России, но обстоятельства его худы, и не может этого исполнить. Он бодр, здоров, пишет, спорит, говорит много и хорошо, но жаль одного,—что его доходы очень скудны.

Если уедут Бестужев и Завалишин в Россию, я один останусь в Восточной Сибири, по крайней мере, я больше не знаю, кто живет здесь. Я останусь один и буду сидеть, как Марий на развалинах; я и сам развалина не лучше Карфагена; но и со мной бывает слабость даже непростительная: я иногда мечтаю о своей Малороссии, и тоскую по ней, и чем делаюсь старее, тем более делается одиночество мое скучнее, и грусть одолевает. Одно спасение в моей жизни настоящей, это чтение—без этого я давно бы пропал. Мне странно кажется, и иногда спрашиваю сам себя, как эти люди живут, и что им чудится после Читы, Петровского завода, Итонцы и проч. И после всего этого жить в Москве, в Калуге и далее, и далее. Какие должны быть впечатления, воспоминания, а свидания с родными, с старыми знакомыми. Для меня все это кажется фантазия, мечта. Я бы с'ездил и на Амур, чудный край, отлагая в сторону тамошние порядки, но тоже не могу, на это тоже надобны средства. Что я написал, читай, если время тебе позволит.

Привет мой сердечный твоим детям, мое глубочайшее почтение твоим родным и близким, мой душевный поклон, кто с тобою меня вспомнит. Ко мне писал дважды Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин и перестал писать. Что он делает? Не слыхал ли что-нибудь об Александре Викторовиче Поджио? напиши мне; я от него давно не имею писем. Жму тебе руку, обнимаю тебя душевно и сердечно. Прошу тебя, пиши ко мне, только не ошибайся, когда печатаешь письма. Ваши письма, истинно говорю тебе, мое единственное здесь утешение.

Твой навсегда Иван Горбачевский.

Вот в чем дело: написал к тебе письмо и, не доверяя исправности почт, пославши простое письмо, я решился послать тебе при письме посылку,—гвоздик, мною вынутый из стены твоего каземата, огниво мое, произведение Петровского завода, сделанное из памятного тебе железа, и когда укладывал посылку Насонов, то приложил тебе в подарок и свой кремень, вынувши из своего кармана. Мы советуем тебе: брось эти спички, употребляй огниво наше. Да еще прошу тебя убедительно, пришли мне свой портрет; у меня многих есть портреты, твоего только нет, нет нужды, что ты теперь старик.

16.

1862 г., января 18 дня. Петровский Завод.

Мой любезный, дорогой мой Евгений Петрович! Прости великодушно, что пропустил два месяца и не отвечал тебе; я твое письмо получил 18-го ноября,— оно было с деньгами для Дмитрия Насонова. От 28-го сентября, вместе же с твоим письмом, получил я и от княгини Наталии Петровны [1], и на которое

[1] Сестры Е. П Оболенского.

с прошедшей почтой отвечал. Не знаю, как благодарить, не нахожу слов, как выразить мою благодарность за ваши письма. Вероятно, оценишь мою радость по опыту, когда вспомнишь, где я живу, и что значит в таком быту иметь такое утешение. Одно меня печалит—это молчание Александра Викторовича [1]—знавши, что он болен, не знаешь, что думать; давно я от него не получал писем. Прошу тебя, когда будешь ко мне писать, скажи мне о нем подробнее. Также не забудь мне написать о здоровьи Павла Сергеевича [2]; уж если пришлось тебя просить, то напиши мне, что Киреев делает, нашел-ли он своих родных и как он будет жить.

На-днях я получил из Москвы дорогую для меня посылку и вижу, что эта посылка прислана от Натали Дмитриевны. Я получил от нее книги, но ужасно жалею, что от нее нет письма; меня это мучит и беспокоит, почему нет письма. Сколько было послано книг и какие именно, все это мне неизвестно, а между тем видно, что ящик и печать иркутские. Книги для меня очень интересные, давно я подобных серьезных не читал. Журналы русские, газеты—все это так наскучило, что теперь присланными книгами я упиваюсь и запиваюсь. Как я ей благодарен за это, несказанно, а все же жалею, что письма нет. Подожду почты две, три—не буду к ней писать, авось не получу-ли письма. Не худо, если бы ты мне прислал ее адрес, куда к ней писать. Она писала ко мне, что свои имения она продала; где же теперь она живет—не знаю. Вот сколько я тебе, мой Евгений Петрович, задал вопросов, теперь буду отвечать и на твои.

Ты ко мне писал и спрашивал о состоянии памятника покойной Александры Григорьевны Муравьевой. Он стоит, и все сделано, относительно его

---

[1] Поджио.

[2] Бобрищева Пушкина.

починки, по просьбе Софьи Никитичны [1]; но вот в чем дело: лампада не горит по недостатку масла, а масла нет, как мне сказал о. Поликарп, оттого, что не достает денег на покупку масла же. Не знаю, в каком банке лежат деньги, т.-е. капитал, и при прежних процентах и дешевизне масла, было достаточно этих процентов, чтобы лампада горела круглый год; но теперь банк уменьшил проценты, кажется, дают теперь два, или три только процента, следовательно, денег не достает на покупку масла, которое теперь здесь вздорожало до неслыханной цены. Я сегодня получил от здешнего бухгалтера записку, вот тебе копия:

«К 1-му числу января 1862 года вступило суммы, принадлежащей умершей А. Г. Муравьевой 56 руб. 56½ коп. серебр.

Из этого в 1862-м году употребится:

На жалованье сторожам 6 р. 84 к.

Священникам на панихиды 7 р. 14 к.

Затем остается на освещение в 1862 г. 42 р. 58½ к.

Староста церковный, казначей, комиссар и о. Поликарп говорят, что на эти деньги нет возможности целый год освещать маслом памятник; да и посмотри счет,—бедным сторожам приходится очень мало.

Сегодня был у меня о. Поликарп и сказал мне, чтобы лампа горела целый год беспрерывно, как этого желали завещатели, то непременно надобно лампу устроить иначе—надобно, чтобы лампа была больше, чтобы она могла вмещать в себе более масла и чтобы она могла сама собой нагреваться; от сильной стужи и морозов теперешняя лампа гаснет беспрестанно, и не может гореть зимою; следовательно, надобно будет покупать еще более масла и затем—более издер-

[1] **Бибиковой, дочери Никиты Михайловича и Александры Григорьевны Муравьевых.**

жек. Вот тебе об'яснение на твой вопрос; кому знаешь об этом и сообщи, если это надобно.

Также ты спрашиваешь о нашей церкви—бедная и бедная, риз порядочных даже нет, паникадила нет и проч., и проч.; к тому же ужасно холодно. Относительно веры и исполнения своего долга наш о. Поликарп очень даже редкий священник, все его хвалят, но за то—никакого понятия о благолепии храма, никакого вкуса в обстановке; ему—грошевая свеча и рублевая, где надобно, риза самая простая и золотая, лучшие певчие и дьячек, который ревет, хоть уши затыкай, ему—все это равно,—удивительно! Читает беспрестанно и очень любознательный и любопытствующий, но все это на него не имеет никакого влияния, и он тот же, чем и был и тогда, когда ты здесь был. Бедный о. Поликарп! В ноябре месяце выдал старшую свою доч замуж за Дмитрия Дмитриевича Старцова [1], которого ты знал, при нас здесь торговал—брат родной Ильинской, Катерины Дмитриевны; и что же, ехавши с молодою женою домой к себе в Селенгинск, простудился, сделалась скоропостижная чахотка и, как пишут, умирает, уже приобщали и соборовали маслом; бедная Хариеса Поликарповна—через три месяца уже и вдова. Желательно было бы, чтобы те, которые об этом из Селенгинска пишут, ошиблись.

Признаюсь тебе чистосердечно, что я немножко посмеялся над твоими заботами с крестьянами и с уставными грамотами. Что такое уставные грамоты, я не понимаю, неужто без них нельзя жить; да и как же здесь, в Сибири живут без всяких грамот крестьяне и живут не хуже ваших российских? Впрочем, мое невежество моему удивлению причиною; впрочем, я уверен, что ты всевозможные напишешь им грамоты, лишь бы они были довольны

[1] **Старцов, Дмитрий Дмитриевич, селенгинский купец.**

и счастливы. Но прошу тебя убедительно, пиши хотя что-нибудь об этом предмете ко мне: ведь для меня это любопытнейшая вещь, что у вас там делается.

Ты спрашиваешь о Михайле Бестужеве и Завалишине. Первый живет в Селенгинске, женат, имеет сына и двух дочерей; жена его урожденная Селиванова. Михайла Бестужев мне говорил, что хочет ехать в Россию, и именно потому, что дети ростут, а их надобно же учить. Он хочет отправиться нынешним годом, но не знает, где будет жить. Хотелось бы ему куда-нибудь поближе к учебным заведениям. Завалишин—в Чите, давно уже овдовел, детей нет, но живет в том же доме, который, помнишь-ли, и при нас был, когда мы там были; вообрази, старуха Смолянинова [1] еще жива, по крайней мере я слышал об этом летом от того, кто ее видел. Он много нажил себе врагов чрез свои статьи об Амуре, чиновный люд на него рассердился; но что замечательно: кому не дадут награды, тот говорит, что Завалишин говорит правду; смешно смотреть на все подобные дела.

Вопрос твой о моей жизни оставляю до будущей почты,—ты мне столько вопросов сделал, что надобно десять листов писать. Поклонись от меня усердно и засвидетельствуй мое глубочайшее почтение Наталии Петровне, детей твоих обнимаю сердечно заочно; желаю тебе здоровья и всех возможных успехов по твоим делам.

Пиши ко мне, прошу тебя об этом особенно, не забывай, что я один в Сибири; скука и тоска меня одолевают, несмотря даже на привычку жить столько на одном месте. Буду к тебе писать, и ежели хочешь, буду писать много: о многом, мне хотелось бы у тебя спросить, много бы и к тебе бы написал, но не знаю, что будет вперед,—будет ли время и мне и тебе.

---

[1] Теща Завалишина.

Прощай, мой Евгений Петрович, не ленись, пиши ко мне. Твой навсегда

Ив. Горбачевский.

Насонов получил твои деньги, и благодарит так, как я не умею передать, только часто слышал повторение, когда он тут же другим говорил:

— Вот-с, да-с, Евгений Петрович меня не забыл, видите-с,—и проч., и проч.

Забыл тебе написать: 30-го и 31-го числа декабря у нас было сильное землетрясение, у меня печь треснула, у многих двери сами собой отворились, но все это ничего в сравнении, что сделалось около Байкала—в Иркутске и в Удинске. Об этом после скажу.

17.

1862 г., марта 22 дня. Петровский Завод [1].

Мой дорогой, мой неоцененный, мой, мой и мой Евгений Петрович, пощади! Я получил твой портрет, и возможно ли быть таким стариком! Что это? На что это похоже—седой, в морщинах; что же дальше будет? Но, впрочем, дело не в том теперь. Получивши твое письмо и увидевши тебя, я не знал, что с собой делать: грудь стеснилась, ряд воспоминаний блеснул в голове, сердце замерло; все говорю тебе истинно и истину. Потом, как будто отдохнув, я начал смеяться; начал в голос тебя благодарить, ходить по комнате, и забывши и не видевши мальчика—внука о. Поликарпа, который принес твое письмо. Такое впечатление и такие переживания производят на меня и ваши письма иногда, и ваши портреты. Благодарю тебя от души и сердца за твое внимание и твою память обо мне. Не забывай моего одиночества, тогда поверишь моим словам и чувствам. Я твой портрет лучше рассмотрел,

[1] Пометка Оболенского Отв. июня 2-го.

может быть, нежели ты сам. Я взял увеличивающее стекло с двух сторон выпуклое (лупу) и смотрел на тебя. Ты мне представился живым, я все у тебя пересчитал морщинки и складки на платье,—необыкновенно похож.

Мне прислали после смерти И. И. Пущина его портрет, тоже фотография, только величиною в четверть листа; он мне казался очень похожим; но недавно доставши себе лупу, и когда посмотрел на Пущина, все лицо выдалось рельефно, подвинулось как будто вперед; я не мог долго смотреть — это совершенно он, живой и прямо смотрит в глаза.

Прости мне великодушно, что давно к тебе не писал; проклятая малороссийская лень, нездоровье и разные дрязги и хлопоты были тому причиною, что за перо не хотелось взяться; впрочем, я писал к тебе и к Наталье Петровне; скажи мне получили-ли вы эти письма. Одним словом, на каждое письмо отвечаю, хотя не тотчас по получении.

Не говори мне о вашей гласности; я не так понимаю ее, как это делается. Вероятно, я не все читаю, что пишут, и это очень натурально, потому что здесь бедность и на книги, и на гласность. Я даже еще хорошо не понял и свободу крестьян, что это такое— шутка или серьезная вещь. Постепенность, переходное состояние, благоразумная медленность, все это для меня такая философия, которую я никогда не понимал. И я тебе говорю истину буквальную. Мать моя—из фамилии Конисских и была когда-то помещицей, была истая малороссиянка, т.-е. ничего не понимала и не знала, кроме монахов и Киево-Печерской лавры, куда отдавала последнюю копейку; зато была набожна и хозяйка, т.-е. много было сала и моченых яблок. Она, не знаю уже каким образом, сделала так, что имение, тоже не знаю большое или малое, передала и перешло мне и моему брату, тому слишком 40 лет, когда я вышел в офицеры в артил-

лерию, а брат мой вышел в полевые или военные инженеры.

Я приехал домой, проездом в бригаду, которая стояла на квартирах в Малороссии, и застал дома одного отца; мать умерла, сестры вышли замуж, он бедный один был; это было далеко от Малороссии. Я у него недолго гостил, потому что наш корпус пошел в поход в Италию (Неаполитанская революция), и мне не дали отпуска. Уезжая в бригаду и уже совсем собравшись, отец мой вынул какую-то связку бумаг и сказал мне:

— Ты теперь получил звание; вот тебе документы на владение имением после твоей матери; делай, что хочешь.

Я не обратил на это внимание и бросил в чемодан эту связку бумаг, которую никогда в жизнь не развязывал и до сих пор не знаю, что там было написано. Но отец меня при этом просил, что если когда-либо я буду в деревне, то чтобы я непременно побывал бы на той яблоне, на которую он, бывши мальчиком, туда лазил; она стояла на берегу ручья, особенно.

Я уехал. Приехавши в губернский город, там я нашел какого-то нашего дальнего родственника; дурак набитый и чиновник, предлагает мне, как помещику, с'ездить в деревню. Я сначала отказался, и какие резоны он мне ни представлял, ничего не помогало— мой ответ ему был один, что всякая деревня помещичья для меня отвратительна. Но вспомнивши, что мне надобно побывать на яблоне, исполнить волю и завещание отца, я согласился, тем более, что это было по дороге в бригаду, которая стояла в Полтавской губернии. Только-что приехали, я, не входя в дом, побежал к яблоне, сбросил с себя сюртук, полез на яблоню, чуть себе шею не своротил, посмотрел кругом, опять долой и прихожу к дому; а чиновник уже собрал там народ—посмотреть на нового барина. Увидевши толпу хохлов, не знаю кому, я приказал ло-

шадей запрягать дальше ехать; чиновник вытаращил глаза.

— Куда так скоро?

— А мне, что тут делать?—сказал я ему.

— Вот ваши крестьяне.

Я, чтобы кончить развязку, подошел к толпе и сказал им речь, конечно, она не Цицерона и Демосфена, но по-своему, потому, что меня вся эта глупость взбесила.

— Я вас не знал и знать не хочу, вы меня не знали и не знайте; убирайтесь к черту.

Сел в тележку и уехал в ту же минуту, даже не поклонившись родственнику-чиновнику, который за это после жаловался на меня отцу, а тот хохотал до упаду. Долгое время спустя вспомнил об имении, вынул из чемодана бумаги и при письме послал их в Грузию к своему брату, предлагая ему эти бумаги взять и владеть имением, говоря в письме, что я не хочу быть помещиком, что я не хозяин, что я не знаю в этом толку, и что я также отказываюсь от всего этого, как и отец, который не любил ничего подобного. Брат присылает мне обратно бумаги из Грузии и пишет, что он таких мерзостей не чтец, и что ты, брат Иван—извини—глупец.

Вот тебе, Евгений Петрович, наша, с крестьянами уставная грамота... Отец мой едва больной доехал до этой деревни и положил там свои кости. Не помню хорошо, но кажется в 1835 году, будучи в отставке, написал свои записки,—преоригинальная и любопытная вещь. И знаешь ли, какая с ними история? Сестра мне их прислали сюда, в Петровский завод,—у меня их отобрали и отослали в канцелярию III-го отделения; у меня они были не более трех дней; едва я успел прочитать.

Покойница сестра моя ездила на его могилу и писала ко мне, что крестьяне поставили в своей церкви образа Иоанна Богослова и Николая Чудо-

творца (имя мое и брата моего) и молятся им. Сестра моя об этом писала с восхищением и умилением, а я ей отвечал, что всегда я малороссиян считал глупцами и всегда буду их таковыми почитать, и об них так думать; тем вся эта история и кончилась, и до сей минуты не знаю и никогда не спрашиваю о своей родине.

Все это я тебе сказал в кратких словах, в подтверждение тех слов и мысли, что я прежде о наших крестьянских делах написал, т.-е., что так делать с ними, как теперь поступают, значит, что я толку не могу дать; не понимаю, из чего хлопочут, когда в этом есть необходимость; почему себя помещики к этому не приуготовили? почему в них нет идеи и чувства и любви к ближнему? почему—почему и многое бы я мог сказать почему,—но это оставляю:—пусть делают, что хотят, и им же хуже будет, если что и случится.

Что пишу другой лист, а тебе скучно читать, не жалуйся,—этому ты сам причиною, жалуясь, что я мало пишу к тебе; так терпи, и я буду продолжать и продолжаю. Помещикам сказать стоило бы только,—делайте, что хотите, слушайте, кого хотите, берите свое и что вам нужно и необходимо тоже, идите, куда хотите, — ну самое меньшее хоть к чорту, только оставьте нас в покое. Неужто это беспорядок и кавардак будет, если бы так сказали. прибавя, управляйтесь сами, как знаете? Неужто не нашлись бы добрые люди ,в таком случае, им помочь советом и делом, да и правительству легче было бы достичь цели освобождения, без всяких положений, уставов и ужасающей огромной переписки. Ты мне скажешь, я не философ, не политик и не администратор, если с людьми так думаю поступать; с ними надобно так поступать, чтобы они ничего не понимали и не знали, что с ними хотят делать; они не умеют себя сделать счастливыми, а мы их такими сделаем; они не умеют

управлять, мы знаем все и можем управлять; мы все сделаем, мы все знаем, пусть только землю пашут, а писать уставы мы будем.

Коль скоро все это правда, коль скоро так все надобно и необходимо,—тогда поговорим о другом чем-нибудь...

Места мало осталось писать, почта скоро отходить будет, а я все болтаю. Скажу лучше тебе, что-нибудь о себе: здоровье мое хорошо бы было, если бы не проклятый мой недуг, о котором ты слыхивал когда-то; спина здорова, и мало хожу и двигаюсь, не так, как ты—поспеваешь во все концы своей Калуги... Если бы не нужно было хлопотать о своем поганом существовании, я бы обложил себя книгами, перьями и тогда на свет глаз не показал бы. Я бы, как зверь, погрузился бы в летаргию и был бы счастлив.

Бестужев Михайла писал ко мне,—приехать к нему проститься,—он ехать хочет в Россию. Может, после, когда будет тепло, побываю у него. Завалишин здоров. Прошу тебя, напиши мне что-нибудь об Александре Викторовиче Поджио; почему он перестал ко мне писать, что все это значит?

Да, забыл тебе сказать и ответить на твои вопросы. В письме твоем ты спрашиваешь, что мой парик, что мои бакенбарды; бодр ли я и крепок ли на ногах и проч. Ты знаешь-ли, я себе дал слово жить сто лет, следовательно, чтобы такую программу исполнить, по-моему рано еще иметь седые волосы,—их у меня нет; здоровье такое же большое, как и мои бакенбарды. если бы только не одна болезнь, которая от сидячей жизни бывает. Бываю часто нездоров, но это проходящее, но главная у меня болезнь—скука и тоска,—я бы их отдал любому помещику, который не хочет расстаться с крестьянами своими—тоска, когда вспомню, сколько вас там осталось. Жалею, почему мои бывшие товарищи не бессмертны, хотя бы на сто лет, пока я буду жить.

Твое поручение исполнено—старику Насонову тотчас же деньги были отданы. Конечно, не буду тебе описывать, что было при этом сказано, сколько благодарности тебе и сколько вылилось из уст старика на тебя благословений. Когда я ему показал твой портрет, он очень радовался, делал свои замечания, и когда я ему дал стекло еще на тебя посмотреть хорошенько, он заметил, что у тебя сапоги ваксой вычищены, и что сюртук у тебя не серого сукна.

Поклонись от меня усерднейше, искренно, от всей души и теплых чувств Петру Николаевичу [1] ; желаю ему здоровья и всего лучшего, я помню очень хорошо, как мы прежде жили вместе в трущобе и там хохотали, смеялись, несмотря ни на какие замки, дежурных и часовых. Попроси его прислать мне свою карточку с портретом, уверь его, что это для меня будет утешение и знак его памяти обо мне.

Но, однако ж, Евгений Петрович, пора же мне с тобой перестать говорить. Я бы желал—и могу это сделать,—говорить с тобой три дня, три года, пожалуй, беспрестанно и без конца, но боюсь тебе наскучить. Прошу покорнейше тебя, засвидетельствуй мое глубочайшее почтение и отдай мой усерднейший поклон Наталии Петровне, и пусть меня простит, что адресую к тебе письма на ее имя. Боюсь посылать на твое имя, пожалуй, при твоей движимости, тебя не будет и в Калуге. Я бы и не прочь от того, что желал бы и радовался бы получить и от нее когда-нибудь письмо, но боюсь об этом не только просить, но и думать; беспокоить других не могу; но прошу тебя еще раз пожелать от меня здоровья и всякого благополучия.

Писал бы еще к тебе, и много бы мне надобно еще тебе сказать, - но теперь я устал, и тебе надобно дать покой, и избавить тебя от своей болтовни, дикой и

---

[1] Свистунову.

беспорядочной. Прощай, жму тебе крепко руку — мало мне,—обнимаю мысленно и душевно тебя, желаю тебе всего спокойного, лучшего и утешительного. Пиши ко мне; я один—мне грустно и скучно. Прощай. Твой навсегда.

Иван Горбачевский.

Так спешу на почту, что не успею прочитать, что я к тебе написал, не вставая с места; извини за поспешность.

18.

Петровский Завод, Забайкальской обл., 1862 г., июля 12 дня.

Любезнейший Евгений Петрович! Получил твое письмо от 22-го апреля в конце прошлого месяца и благодарю от всей души тебя за твою обо мне память; но не жалуйся, что так долго не отвечал; да и возможно ли иметь часто переписку между собою, если так всегда твои письма будут ходить по всем углам России. Прилагаю, и посмотри на свой конверт и адрес ко мне—все верно написано, а между тем твое письмо из Калуги было послано в Петрозаводск в Олонецкую губ., потом в какой-то Петропавловск, и потом уже в Петровский Завод. Что скажешь, если у вас там в России такой же прогресс и успех во всех делах, как и в почтовом ведомстве? Я однажды получил письмо, на конверте адрес был сделан очень правильно, но почтовое ведомство зачеркнуло слова Забайк. обл., а написало в Амурскую область, и письмо туда и оттуда было пересылаемо. Очень часто здесь получают письма из России чрез Петропавловский порт в Камчатке, туда посланные почтовым ведомством вместо Петровского Завода. Не говори, что со временем все улучшится: эту поговорку я слышу, кажется, 60 лет; скажи только, какое надобно иметь терпение, жить здесь, всего быть лишену, с прибавкою, что отнимают и последнее утешение и самое до-

рогое.—это письма, которые должны получать по милости почтового ведомства через целый месяц и ожидать месяцы.

Благодарю душевно за твое письмо и за все для меня приятные известия; радуюсь за Киреева, за Беляева и Павла Сергеевича; кланяйся всем от меня. Я писал к тебе несколько писем,—прошу, упоминай в своих ответах, от которого числа получены тобою мои письма; может быть, почтовое ведомство выдумает другую Калугу и туда посылать будет письма. Я писал к Поджио, я писал к Наталии Дмитриевне, и все до сих пор нет ответа,—не знаю, живы ли они; что значит, что не пишут? От Наталии Дмитриевны было ко мне письмо еще зимою, с тех пор ни слова не получаю. Писал к ним, но перестал; теперь жду от них писем и ничего не получаю.

Не удивляйся, что я не женат и не имею семьи,— не такая моя жизнь была, чтобы об этом было время думать, не такие были мои обстоятельства, чтобы об этом позаботиться. Характер у меня такой, что мало думаю о себе; всегда я воображал и думал, что живу на месте только временно; заботы о себе и приобретение на будущее чего-нибудь — всегда у меня на втором плане жизни моей; всегда у меня мысли и чувства были обращены на другое дело, давно прошедшее; всегда я жалел о проигранном и этого никогда не мог забыть. Ни женщина, ни семья никогда бы не могли меня заставить забыть, о чем я прежде помышлял, что намеревался сделать и за что пожертвовал собой. Конечно, теперь вижу и сам, как ужасна жизнь старого холостяка; скучно, грустно и будущего нет, но одно еще меня поддерживает — это вера в какое-то будущее хорошее, в идею, которую только тогда покину, когда перестану дышать. И истину тебе скажу—несмотря на частое мое нездоровье, несмотря на все расстройства по делам моим и на все неудачи; несмотря на дороговизну неслыхан-

ную здесь, а с нею и лишения всевозможные, которые испытываю и терплю,—я все еще держусь, креплюсь, чего-то надеюсь, все еще люблю людей, делюсь с ними последним, желаю им добра и всего лучшего. И все это происходит от идеи, очень хорошо тебе знакомой, которой я живу, и не допускает меня покуда еще прийти в отчаяние. Но я почти одичал; например, меня удивляет, как это так сделалось, как у вас у всех достало уменья устроить себя так, что живете спокойно, умели завестись семьями, рассуждаете хладнокровно, смотрите на дела людские спокойно, чего-то от них ожидаете хорошего и проч. Какое спокойствие можно иметь при таком порядке вещей, чего можно надеяться от людей, что можно приобрести для себя без хитрости и эгоизма, ожидая на каждом шагу обман и всякого рода затруднения? Услышавши от меня все это, я не думаю, чтобы ты подумал, что я боюсь труда, и что у меня голова не на своем месте. Нет, сердце у меня поганое и для меня вредное,—оно всегда у меня берет верх над рассудком, — вот и вся причина. Но полно об этом. С любопытством читал в твоем письме о крестьянах; одному удивляюсь: чтобы сделать людям добро, надобно для этого время и формалистика какая-то. Конечно, говорят, это нужно для порядка и устройства; пускай так, но за что же им-то навязывать, что им не нравится? Я вижу, что ты надеешься на будущее гражданское устройство по обещаниям; завидую тебе в этом, если оно тебе доставляет утепление. Я перестал верить и обещаниям людским, и в хорошую будущность,—опекунство и благодеяния тяжелая вещь.

Поликарп Павлович тебе усерднейше кланяется; был вчера у меня, и мы, глядя на твой портрет, много говорили о вас всех, близких к нашему сердцу. Получаю иногда письма от Дмитрия Завалишина; бедный не на розах отдыхает; от Мих. Бестужева

давно не получал писем, но знаю, что здоров и спокоен; занят своей семьей, следовательно все и всех забыл. Литератор пишет, что ездил в Кяхту, увидел там новые мостовые и тротуары, и в восхищении от такого прогресса. У нас все еще продолжаются землетрясения, а особливо около Байкала, но на это никто уже внимания не обращает.

Прошу покорнейше тебя засвидетельствовать мое глубочайшее почтение твоей семье и мой сердечный привет твоим детям; Наталии Петровне тоже мой усерднейший поклон и мое почтение; желаю всем здоровья и всего лучшего; жму тебе руку,—всякий день гляжу на тебя и с тобой мысленно беседую.

Прошу тебя, умоляю, пиши ко мне; кланяйся от меня усерднейше Петру Николаевичу, пусть пришлет мне свой портрет. Прощай, мой Евгений Петрович, обнимаю тебя. Твой навсегда

Иван Горбачевский.

Уведомь меня, что Поджио делает, где Наталия Дмитриевна; почему не пишут, скажи мне.

19.

1862 г., августа 27-го дня. Петровский Завод

Если бы ты мог видеть мою радость, мой Евгений Петрович, когда я получу твое письмо; если бы ты мог в то время взглянуть на меня, и мог бы пересказать все то, что в это время чувствую,—тогда бы я только был доволен тем, что мог передать на письме, если бы это возможно было. Не знаю уже, как и благодарить за твое письмо от 2-го июня, полученное мною 21-го июня, за письмо милое, любезное,—утешительное для меня. Не пеняй за долгое молчание мое,—много к тому было причин, особенно мое нездоровье,—две недели не выходил из комнаты и ничего не мог делать.

Я еще был обрадован и нечаянно, получивши письмо от Ивана Васильевича Киреева из Тулы. Вот, кажется, уже около 30 лет, как мы не говорили друг с другом, и теперь я узнал, что он жив, здоров и устроился. На этой почте буду ему отвечать. Получил тоже два письма от Александра Викторовича Поджио из Черниговской губернии; он уже там, вероятно, тебе известно; но что наиболее порадовало меня, что его здоровье поправилось, и он живет покуда вместе с Сергеем Григорьевичем [1]. Но что меня сильно печалит, это то, что я не получаю писем от Наталии Дмитриевны, несмотря что писал в этом году к ней три письма; не знаю, что думать об этом. Последнее ее письмо ко мне было от ноября месяца прошлого года, которое я получил 12 января, и с тех пор ни слова не получаю. Если можно об'ясни мне, что за причина, что она ко мне перестала писать. Твое последнее письмо было в Чите и оттуда ко мне прислано, и мне об'яснили почтовые причину, которая очень глупа, но все же для них отговорка. На твоих конвертах не написано Верхне-Удинского округа, а прямо Забайкальская область, в Петровский Завод; вот письмо и путешествовало в Читу, лишних 500 верст и обратно. Надобно надписывать: Забайкальская область, Верхне-Удинского округа, в Петровский Завод.

С большим любопытством я читал в твоем письме разные курьезные дела, происходящие в ваших странах. Признаюсь тебе—и радовался и смеялся И что за детская игра: почему бы, кажется, не кончить одним разом; чего бояться? что за страшилище такое—порядок и видеть в другом не животное, а человека? Конечно, скажу на это,—привычка, понятия старые и проч.—Да где же разум и чувство теплое к ближнему? Ты говоришь, что со временем все устро-

[1] Волконским.

ится. Слово «со временем» я худо понимаю. Много, мне кажется, происходит зла от этого слова; зачем то делать завтра, что можно сделать сегодня. Пиши, прошу тебя, об этих делах, они меня очень занимают; мы тут ничего не видим и ничего не знаем, кроме пустых газет, благодаря хваленой гласности. Ты пишешь ко мне о Гавриле Степановиче [1], но я не знаю, кто это Гаврил Степанович, напиши мне, что это за особа. Грешно, может быть, в этом случае завидовать, а завидую ему, что он может, когда ему вздумается, ехать и в Петербург, и в Варшаву, и в деревню. Я бы хотел с'ездить и к Бестужеву, и к Завалишину,—хотя бы у них отдохнуть и поговорить; это не очень далеко, да—не наша еда лимоны!!!—как говорят русские.

Очень рад, что ты вздумал перестать пить спиртные напитки: эту всякую мерзость я до сих пор не беру в рот, несмотря на то, что даже иногда доктор советует мне выпить чего-нибудь рюмку; но я его не слушаю. Я бы тебе советовал и квас бросить употреблять. Эту русскую привычку оставь, я на него глядеть не могу, и радовался всегда вашему ворчанию в каземате, когда я вам делал скверный квас, чтобы вас отучить от такой гадости; но вижу из твоего письма, что вы все не исправились, как и русские помещики, от дурных привычек. Я ем в целый день одного цыпленка, да пью чай, который у нас теперь хорош и дешев; ужин мой всегда состоит из базарной грошевой булки и куска сахару, иногда, если деньги лишние есть, куплю банку варенья и две—три ложки варенья с булкой—вот и весь ужин. Но дело не в том, любезнейший мой Евгений Петрович: часто мое воображение играет, ну, что бы если бы случилось так, мы бы с тобой в Калуге пошли бы к Петру Николаевичу ужинать? Он бы нам дал макаронов с

[1] Батенков.

сыром и бульоном, как мы часто с ним у него в каземате ужинали. О! тогда бы я не только выпил с ним спиртного и вместе, конечно, с тобою, несмотря на то, что оно тебе теперь вредно,—но я готов тогда бы выпить яду, что ты называешь квасом. А сколько бы воспоминаний, разговору, рассказов о былом—прошедшем, которым я только и живу, не зная настоящего и не имея никакого будущего и даже решительно—не веря ему в хорошем.

Прошу тебя убедительно, пиши ко мне; я буду к тебе писать, не ожидая твоих писем. Писал [бы] теперь к тебе больше, но не совсем здоров; да я и расстроен немножко: засуха у нас ужасная, неслыханная, сена почти нет и не будет, а это по-заводскому—первый продукт для заработка; теперь уже маленькую копну сена продают по 1 руб. сер., что же будет дальше? Прошу также засвидетельствовать мое глубокое почтение и мой усерднейший поклон передать твоей супруге (и мой душевный и сердечный привет твоим детям), также равно и добрейшей Наталии Петровне; тебя же заочно обнимаю, жму тебе руку и навсегда остаюсь твой

Ив. Горбачевский.

20.

1862 г., ноября 15 дня. Петровский завод [1].

Два письма твоих у меня, любезнейший мой Евгений Петрович! И как утешительно благодарить тебя за память обо мне, за твою готовность писать ко мне и за все известия и подробности, самые интересные для меня. Вспомни мою жизнь,—я один в моей казарме, ибо в ней, кроме меня и работников, никого нет; нет знакомых здесь по мысли, ни друзей по сердцу;—тогда будешь хорошо знать, что значит для меня получать письма. Благодарю тебя за все, еще бо-

[1] Пометка Оболенского. Отв. янв. 30-го.

лее за присылку портрета Петра Николаевича, от которого я до сих пор не могу глаз своих отвести, так он хорош, так он мне знаком; пожми руку ему за меня, поклонись и скажи, что память его для меня и дорога и приятна. Смотря на вас обоих, я забылся на несколько часов, легко мне стало, и сколько возродилось воспоминаний! Поздравляю тебя с прибылью в твоем семействе, желаю искренно и от души утешения тебе в будущем от детей твоих, а про себя думаю, может быть, будет и для меня время, когда я увижусь и познакомлюсь и с твоим Михаилом. Первое твое письмо было от 8-го сентября, второе от 23-го того же месяца; читал и читаю их со вниманием. Желал бы иметь твою веру в прекрасную будущность России; желал бы твоими глазами и твоими чувствами глядеть на людей и верить им.

Не сокрушайся от наших сомнений: это в порядке вещей, всмотревшись в нашу жизнь. Что вы там делаете, что там происходит, мы здесь ничего подобного не ощущаем, ничего нового не видим, ничем новым не пользуемся. Ты скажешь, а 19-е февраля ничего вам не принесло? — Ничего: прочитали в церкви, разошлись в раздумьи, потупя головы в землю. Стариков отпустили с работы в отставку, и все опять осталось по-прежнему. Отставным приказано составить общество и управление, а они сами не знают, что с собою делать; их учат, им говорят, они ничему не верят;—для них будущего нет. Одни пошли нищенствовать по деревням, другие бросились с отчаяния на золотые прииски, т.-е. из огня в воду, чтобы там и утонуть навсегда; остальные работают до срока, беспощадно воруют и пьют мертвую. Вот тебе наш прогресс, вот народные школы, наши права: пей сколько хочешь! Вот единственное улучшение по части искусств и ремесел! Ты пишешь, что у вас есть общественные дела;—здесь это слово непонятно, и нигде его не услышишь. Здесь—кто в лес,

кто по дрова—это истина в буквальном смысле. Все я говорю вкратце; невозможно в письме все высказать. Скажу только, что сочувствую и сердцем и душой твоим мыслям и желаниям родной стране, но—не знаю, почему—не могу разделить твоих надежд: все в тебе хорошо, прекрасно, кроме твоей надежды.

Недавно я получил от Дмитрия Иринарховича [1] письмо из Читы; жалуется на свое тяжелое положение; обременен семейством, хотя своих детей нет; но у него на руках старуха мать Фил. Осипов. [2] его покойницы жены, которая до сих пор жива, и еще двое сестер бывшей его жены. Его не печатают статей, от которых он надеялся получать доход, и на это жалуется на Муравьева [3]. Бестужев живет в Селенгинске, жив и здоров и обеспечен хорошо.

О нигилистах, о которых ты пишешь и которые представлены в роли Базарова,—они меня не удивляют, и их явление не есть по-моему новость; мне кажется, они всегда были и будут при таком порядке вещей; конечно, они являются в разные периоды, под разными названиями. А что они доходят даже до смешного, и это в порядке вещей, и они в этом почти не виноваты: где неопытность, молодость, там и крайность.

Поклонись от меня Кирееву, и очень сожалею о его горе; поклонись от меня Пазлу Сергеевичу, я его очень помню и до сих пор люблю его сердечно. От Поджио из Черниговской губернии давно не получал писем; от Наталии Дмитриевны, наконец, получил письмо. Очень рад я был, узнавши, что она здорова; я от нее и не требую частых писем,—и сам то-

---

[1] Завалишина.

[2] Филарета Осиповна Смолянинова.

[3] Муравьев Амурский, гр. Николай Николаевич; Завалишин в своих журнальных статьях резко критик вал его деятельность; Муравьев добился высылки Завалишина из Сибири.

же редко к ней пишу, но скучаю, когда не получаю долго писем,—такая уже моя доля в Сибири.

Живу я теперь, хуже даже противу прежнего,—работы нет никакой и ни от кого; все дорого так, что выписывают железо из Томска уральское,—гораздо дешевле продается, нежели здешнее; здесь на месте пуд полосового 2 р. 96 к. серебром,—и относительно все дорого; к тому же сено, как главный продукт для здешних работ, уже теперь, 40 и 50 к. сер. за пуд,—неслыханная вещь; работник в месяц стоит, кроме пищи и некоторой одежды, 8 руб. сер. в месяц, а иногда и 10 р. Что после этого можно приобрести при таком состоянии цен?

Все меня просили тебе усердно кланяться,—и Поликарп Павлович, и Дмитрий Иванович, да еще прибавил свой поклон и почтение старик Добрынин [1]. Прошу также от меня отдать твоему семейству, и старому и малому, и всем, и всем—мое глубокое почтение и мой усердный поклон. Чувствительнейше благодарю Наталию Петровну за память обо мне; желаю ей здоровья и всего в мире лучшего и доброго; свидетельствую ей мое глубочайшее почтение.

Обещаю к тебе почаще писать, но прошу, не считайся моими письмами, пиши, потому, что есть о чем писать тебе: живешь не там, где мы; у нас все одно и то же,—скука, горе, безнадежность. Обнимаю тебя мысленно и сердечно. Твой навсегда

Ив. Горбачевский.

21 [2].

Петровский Завод. 1863 г., апреля 15 дня.

Письмо, писанное тобою, мой дорогой, любезнейший Евгений Петрович, 30-го января, я получил 25

---

[1] Добрынин, Мих. Степанович, надзиратель в Петровском заводе.

[2] Начало этого письма до слов: «Ты спрашиваешь, как я живу» ... печатается впервые.

марта, а сегодня 15 апреля,—вот сколько времени я пропустил, не отвечая на твое письмо.

Но грустное для меня было твое письмо; дыхание почти у меня остановилось, читавши о таких для нас потерях безвозвратных, какие ты сосчитал; и сколько, и какие люди! Для меня, для моего сердца мало, чтобы помянуть их, как ты пишешь, добрым словом,—нет, повторяю, что для меня этого мало: живши здесь одиноким, я живо, больно, грустно чувствую потерю таких людей, одно об них воспоминание и сведение, что они живы, здоровы, — меня всегда утешало; я злочно, в отдалении всегда был с ними вместе, несмотря на всегдашнюю разлуку и потерю надежды когда-либо с ними увидеться. Надобно здесь жить, чтобы чувствовать и понимать всю эту потерю в таких людях. Не говоря мне о новом поколении: не могу к нему ни привыкнуть, ни ему сочувствовать ни в мыслях, ни в понятиях его; одно говорить, другое делать—вот главный, выдающийся вперед его характер.

Прошу тебя убедительно, пришли мне биографию Михаила Михайловича[1] написанную не знаю кем,— но ты мне обещаешь, не забудь прислать если можно, поскорее; также, если у тебя есть, и других. Если также можешь и знаешь, напиши мне, сколько осталось еще в живых наших бывших сибиряков. Здесь, за Байкалом, нас—трое, но, кажется, уже в Сибири из наших же более никого нет. Завалишин пишет ко мне довольно часто, и когда-нибудь пришлю к тебе копию с его последнего письма ко мне; оно любопытно во многих отношениях. Бестужев пишет редко; он углубился в свою семью, и интересы м и р а с е г о его мало занимают.

Мое положение гадкое, безвыходное, скучное, мрачное; я без всякой семьи, один и эту тяжесть

---

[1] Нарышкина.

чувствую в полноте—такого неестественного порядка. Но я почти в этом не виноват: я всегда жил как-будто надеясь чего-нибудь, не забывая старого; мои мысли всегда были направлены в другую сторону; я о будущем—относительно себя—и не думал никогда.

Ты спрашиваешь, как я живу, чем занимаюсь, и проч. Тяжко об этом говорить; отвратительно мне стало хозяйство, ни к чему не ведущее, к тому же я часто бываю нездоров, следовательно, при нравственности здешних рабочих, это—не хозяйство, а мучение и убыток всегдашний; прежде это было еще сносно, потому, что я занимался кое-где по комиссиям золотопромышленников, но теперь, вот уже другой год, ничего они здесь не покупают по дороговизне заводских изделий, которые гораздо дороже уральских. Шутка сказать, у нас здесь на месте, без провоза пуд полосового железа 2 р. 96 к. серебр., а уральское в Иркутске 3 руб. серебр. и лучшее; такое отношение приложи ко всем припасам и изделиям. Кто же себе враг, и кто, следовательно, будет здесь покупать. Поверишь ли, вот уже второй год, и мне не было поручено ни на копейку чего-либо здесь купить: или сделано худо или дорого,—что-нибудь одно; будь этот завод не в казне, но в частных руках, другое было бы.

Теперь у меня одно занятие, что беру иногда подряд возить уголь; но тут никакой выгоды, напротив, всегда убыток, взявши в расчет содержание людей, лошадей и ремонт. Но, скажешь, зачем же брать невыгодной подряд?—и этот вопрос очень натурален; но для нас, бедняков, он очень не натурален. Если денег нет в кармане ни копейки, а надобно купить, заплатить, сделать, приготовить, где тогда взять денег? Один источник—взять подряд в казне, а там, что будет,—о том один бог ведает; и это так убыточно, так бестолково, что бежал бы за тридевять

земель, лишь бы избавиться под старость таких забот, по своему роду самых тяжких для души и мысли.

Если бы я был насколько-нибудь обеспечен вперед, чего очень бы желал для своего спокойствия, я взялся бы кое-что писать; тем более это надобно бы сделать, что я из южных остался только один, решительно один, который бы мог собрать в одно все прошедшее. Меня многие об этом просят, но только просят; между тем забывают, что для этого надобно спокойствие и материальное и душевное.

Очень любопытно для меня твое описание заседаний по общественному делу; мы здесь ничего подобного не видим и не слышим; вот теперь все до одного отпущены служители на волю, но никакого до сих пор между ними нет устройства, никому как будто до этого дела нет; кто они такие, что значат, что будет с ними, никто сюда не едет, ничего не пишут; школы нет, приюта нет, ничего нет в полном смысле слова; но зато у нас в заводе 18 кабаков буквально. Кажется, по всем правилам выделка железа должна бы быть больше при вольном труде, но так идет казенное управление, что при обязательной работе выделывали в лето 30.000 пудов железа, а теперь составлен расчет только на 10.000 пудов. Это факты тебе самые верные; рассуждения оставим в стороне, для них здесь мало места, ты угадаешь, в чем дело.

Прошу покорнейше отдать мой усерднейший поклон Петру Николаевичу, желаю ему всего лучшего; Поликарп Павлович кланяется тебе усердно, часто меня посещает, и всегда у меня с ним о тебе разговор. Поклон от меня Кирееву, Павлу Сергеевичу; сегодня же пишу и к Наталии Дмитриевне; не пишет ли к тебе Поджио, я от него давно не имею писем. Прощай, мой Евгений Петрович, пиши ко

мне: твои письма и всех вас—одно мое здесь утешение; будь так добр, не забывай

твоего навсегда Ивана Горбачевского.

Засвидетельствуй мое глубочайшее почтение и мой усердный поклон твоей сестрице Наталии Петровне, супруге и всему твоему семейству, а особенно малым—мой сердечный привет. Пиши мне о них всех в своих письмах, также пиши, от которого числа мои письма получаешь. Буду к тебе писать, спрашивай, о чем хочешь—отвечать буду.

22.

1836 г. июля 4-го дня. Петровский Завод [1]).

Письмо твое, мой дорогой Евгений Петрович, от 14 апреля меня обрадовало; я уж не знал, что и думать о твоем молчании, сам же боялся писать, полагая, что тебя нет дома, вероятно, куда-нибудь уехал. Письмо твое, странное дело, мною здесь получено 3-го июня; где оно так долго ходило, это только одному почтовому департаменту известно, а не нам, смертным; но все же спасибо, мой любезнейший Евгений Петрович, за твою память и теплые чувства ко мне. Не можешь себе представить, что значат для меня ваши письма из России. Желал бы я, чтобы ты взглянул тогда на меня, что со мною тогда делается, получивши из России письма; ведь это все равно, что кто бы мне отворил бы окошки, сидевши в темной комнате несколько месяцев; я все ожидал и теперь ожидаю обещанной тобою некрологии Михаила Михаиловича; что же не посылаешь, да еще лучше было, если бы ты к этому и приложил бы карточку покойника.

---

[1] Пометка Оболенского: Пол. авг. 10. Отв. авг. 14-го.

Несколько времени я был крепко болен,—ревматизм в правой ноге свалил меня в постель; такая жестокая боль была, что я почти кричал, но опиум с каломелем утишили этот приступ боли, и хотя не совсем, но все же теперь с костылем по комнате двигаюсь.

Все твои известия так для меня любопытны, что я их и чувством и умом пожираю, так сказать. Это не то для меня, что в газетах пишут: там я ничему не верю; мы там всегда и победили и правы; все виноваты, кроме нас; народ—шайка, начальники—разбойники. Я это приписываю бедности нашего русского языка: на нем иначе нельзя выражаться, другие слова еще не усвоены им.

Ты спрашиваешь моего мнения насчет несчастной этой Польши, говоришь, что это у вас там вопрос жизненный. Я бы сказал тебе мое мнение, но боюсь быть пристрастным. Ты знаешь, что я малоросс; мой отец покойник рассказывал мне, что он, бывши большим уже мальчиком, помнит, когда наши церкви были на откупу у жидов; говаривал, что он бывал за границею в молодых летах, т.-е. за Днепром, и был иногда свидетелем, как иногда католические студенты били православных священников и их всячески оскорбляли. При имени ляха он дрожал и эту дрожь передал нам, своим детям, рассказывая о бедствиях своей любезной Малороссии. Я хотя и теперь дрожу при имени ляха, но у меня в голове уже не то, что у наших было стариков. Я помню слезы моей матери, когда она нам рассказывала, что хотя церкви и были свободны от откупов, но все же по какому-то влиянию жида они ему платили и льстили, чтоб он с ляхом не ворчал и, что они часто в церкву ходят, рассказывала (и при этом всегда плакала), как они прятались, чтобы тихонько от ляха и жида учиться русской или славянской гра-

моте и читать на славянском языке молитвы. Но, сохрани боже, об этом узнает лях, или ксендз, или жид,—беда, разорение целому дому. Я бы мог томы написать подобных рассказов моих стариков, но время ли теперь такое, чтобы русским мстить за старое; в том ли теперь вопрос? Жаль мне крепко, что не имею времени все написать, и рассказы наших стариков; передать их дрожь об имени ляха, их ненависть к ним и описать наше поколение и их взгляд на вещи.

Так, мой Евгений Петрович, оставим все эти вопросы: они мутят мои мысли и коробят мое сердце. Скажу тебе, что нечаянно для меня я получил позволение жить в Петербурге и в Москве[1]. Я бы этому обрадовался, если бы была возможность мне ехать; но ехать на неизвестное, жить с людьми, которых не знаю, хотя и считаются родными, что я буду там делать и проч., бросить свой угол,—все это меня удерживает; что будет дальше—не знаю, после тебе скажу. Конечно, если мне удалось бы поехать, я бы хотя на несколько часов свернул бы на Калугу, в этом нет сомнения.

Завалишина из Читы, против его желания, перевели в Казань, и его туда, как говорят, везут. Он не хотел ехать до смерти своей тещи, которой 85 лет, но теперь должен ехать; ожидаю от него письма. Поверишь ли, у нас здесь все так по-старому, что как при тебе было, так и до сих пор все идет; так ли это у вас? Вы этим не хвалитесь, как мы.

Мое глубочайшее почтение и мой искренний поклон всему твоему родному; обнимаю и жму руку твою.

Твой навсегда

Ив. Горбачевский.

---

[1] По хлопотам племянников своих, детей сестры Анны Ивановны Квист, проживавших в Петербурге.

Прошу тебя, упоминай, какие письма, т.-е. от которого числа мои письма получаешь.

Петру Николаевичу мое глубочайшее почтение и мой сердечный привет и поклон.

Прошу тебя, напиши мне когда-нибудь о своих детях подробнее, ведь, по чувству они мне близкие.

23.

1863 г., сентября 19-го дня. Петровский Завод.

Мир и мне прощение, мой дорогой Евгений Петрович! Я получил давным давно твое письмо и до сих пор не отвечал. История моего молчания всегда почти одна и та же. Грусть, тоска и нездоровье, эти вещи иногда меня так одолевают, что рука не подымается взять перо; теперь же особенные были причины молчания, но всегда помнил и совесть меня мучила за то, что не писал к тебе.

Я получил твое письмо 15-го июля: оно было от 5-го июня, и, несмотря на то, что оно мне было прислано из Читы, все-таки скоро пришло ко мне. Впрочем, дело не в том. Пишу к тебе, и в душе и в сердце отзывается беспрестанно чувство моей тебе благодарности; так мне утешительно читать твои письма, так мне тогда легко и радостно думать, что меня помнишь и говоришь со мною; да сохранит тебя все доброе и разумное от сомнений в правде, что пишу и говорю. Еще не писал и потому, что дважды был болен. Я купался, и ветер был очень сильный и холодный; получил от того и горячку и сильный ревматизм в правой ноге. С этим я возился почти месяц; потом повторилось от нетерпения и неосторожности; после ездил в Селенгинск и на Хилок по разным делам, можно сказать, пустым. Видел Бестужева, пробыл у него сутки, воротился домой.

Михайла Александрович живет спокойно,—сидит дома и тоже окружен детьми, которых у него теперь

четверо; собирался в Россию, но теперь покуда остался, чтобы подросли дети. Приехавши от Бестужева, я получил письмо из Верхне-Удинска, что там проездом Дмитрий Иринархович Завалишин. Я тотчас же взял подорожную и туда уехал. Застал его еще в городе и узнал от него, что ему вышел от высшего начальства приказ уехать из Читы в Казань на жительство; его это очень огорчило; бросил в Чите безо всего свое семейство, покуда не напишет и не пришлет денег, чтобы его перевезти туда же, где он сам будет жить. Все это печально,—и нас осталось теперь только двое за Байкалом, я думаю, и в целой Сибири: я да Михайла Бестужев. Журнальные статьи и переписка с начальством, все это, как кажется, заставило начальство удалить «с сих прекрасных мест» Дмитрия Иринарховича. Он решительно убит, так его эта нечаянность поразила; ему жаль семейства, с которым жил с 39 года; насчет всего другого он спокоен. Бывши в Чите, ты, я думаю, слышал от наших дам о Филанцете Осиповне; это—теща Дмитрия Иринарховича; ей теперь 85 лет, и ей надобно ехать в Казань. Завалишин просил меня, когда пришлет денег, провезти ее чрез Байкал до Иркутска; я обещал, но как это сделать? Каким образом такую дряхлость довезти до Иркутска, не только до Казани, этого я не знаю; все осталось до будущего. При ней еще две дочери и те больные. Дмитрий Иринархович с ними простился, как с мертвыми; они в это время, как ему ехать, были в обмороке.

С большим удовольствием читал я в твоем письме о ваших посредниках, о ваших крестьянах,—все это прекрасно, все это хорошо; видно движение во всем; даже нам, здесь жившим, странно читать, видя здешний застой. Мы не знаем никакого передвижения, у нас, как кажется, все по-старому. Правду

сказать, и у нас есть маленькое движение—ведь, надобно же другому обойти в день 23 кабака, это не шутка,—все же надобно двигаться. Но мало этого бедствия: у нас с начала весны не было ни капли дождя, а теперь в сентябре месяце пошли такие проливные дожди, потом снег до колена, и все это вдруг обратилось в воду, так что все реки вышли из берегов; хлеб, сено—все унесло. Можешь судить о полноводии одной Селенги, что дом Курбатова, который ты знаешь, решительно теперь стоит в воде, и по этой улице ездят на лодках; у нас уже теперь хлеб на базаре за пуд платят 1 рубль серебра. Что же будет дальше и каково бедным жить при такой дороговизне? Каким образом хозяйничать при таком состоянии цен и на все жизненные припасы?

Я бы с большой охотой занялся бы литературными произведениями, о которых ты пишешь. Эта охота и тяжесть на душе у меня лежат. Но как приступить к этому, при моих заботах и хлопотах этого проклятого хозяйства, которое бы, если бы я был обеспечен на год, на два, чтобы ни о чем не думать и иметь одно занятие,—я бы его бросил за грош, лучше сказать,—не знаю, как сказать,—я бы все бросил в грязь и остался бы один спокоен и делал бы то, что необходимо нужно для многих и даже для пользы своей, гораздо выгодной этого хозяйства и разных глупых подрядов разорительных.

Не говори мне, мой Евгений Петрович, что нужно все вместе делать,—нет и нет, по крайней мере, для меня; я не люблю средины и никогда не мог эту, как говорят, благоразумную вещь исполнить и исполнять; мой глупый характер—не могу ни любить хладнокровно, ни ненавидеть благоразумной серединой; не могу делать как-нибудь и что-нибудь, даже ходить не могу тихо, не могу иметь работу и чтобы быть при этом хладнокровну. Я спокоен тогда,

как ты сам, я думаю, у меня заметил, когда мы жили вместе,—я спокоен в каземате и на своей постели с книгой в руках, и то, если она по мне. Занятие занятию не должно мешать, так я думаю, а тем более хозяйство, которого я никогда не любил и не люблю. Я хорош эконом для чужих денег, но о своих я не думаю. Тем более мне надобно переменить же род занятий; это моя необходимость; я стар стал, часто нездоров, я бы рад был занятию, которое бы только говорило моему уму и сердцу—вот в чем моя дума беспрестанная, которую я не могу исполнить, потому что беден.

Но я беден только относительно других и моих намерений. Для спокойствия тоже душевного и физического желал бы иметь некоторое обеспечение для жизни; сил и способов по месту жительства на это у меня не достает; однако же, я богат тоже относительно тех, которые мне работают, со мною живут, и которые, вертясь около меня, питаются, а их много для меня. Сказать им всем—подите прочь на это не достает у меня сил, отпустить человека без ничего; если ты бедному и нищему в состоянии сказать—поди прочь, напиши мне,—я попробую тебе подражать.

Я с тобою говорю откровенно, зная, что ты об этом никому не скажешь; пишу единственно все тебе так подробно для того, чтобы ты знал мое положение, мое состояние духа, и отчего я иногда бываю раздражителен и пишу иногда вздор и глупости. Ты спросишь, почему я не еду в Россию: с чем? как? куда? зачем? к кому?—разбери все эти слова по одиночке, тогда и оправдаешь меня.

Одно мое утешение—читать; одно мое спокойствие—сидеть дома; и я нигде ни у кого не бываю, редко выхожу; одно мое развлечение—если кто-нибудь ко мне придет из старых знакомых. Вот моя

жизнь. Прибавь к этому дряхлого и слепого Насонова и тому подобных, которые меня часто посещают и за советом, и за лекарством, и за чем-нибудь другим. Вот заботы приятные для души, но иногда от них и сердце болит.

Весь этот вздор не тебя, а меня касается. Ты спрашиваешь моего мнения о Польше и тех беспорядках, которые там теперь,—об этом лучше поговорить было бы, но я этого вопроса боюсь; боюсь сделать ошибку по чувству любви к ближнему; боюсь сделать тоже ошибку по рассудку, ибо не знаю причин pro и contra. Судить об этом справедливо по одним газетам, не зная общественного мнения и настоящего дела, трудно, и для того оставляю все до будущего; только прошу тебя, продолжай так же об этом писать, как ты писал, для меня это самое лучшее.

Допотопные костяки, каковы Насонов, Первоухин и Поликарп Павлович, свидетельствуют тебе свое глубочайшее почтение и убедительно меня просили тебе кланяться. Последний часто у меня бывает, и всегда у нас разговор о тебе, глядя на твой портрет; мы за одно тоже всех тут же и вспомним. На-днях получил письмо от сына Евгения; он где-то служит на корабле в Желтом море—так пишет—по духовному ведомству.

Поджио ко мне перестал писать; я слышал от кого-то, что будто бы он уехал за границу,—правда ли это? Мой усерднейший поклон, мой душевный привет Петру Николаевичу и всем, с кем ты из наших в переписке. Письмо твое от 15-го июня, а я уже почти готов жаловаться, что от тебя так долго нет писем; но я еще благодарю тебя за неоставление меня своею памятью, чувствами своими, близкими мне, и все это для меня дорого и поддерживает меня переносить бодро все, что ни есть со мною.

Прощай, мой Евгений Петрович, будь здоров, пиши ко мне почаще, не смотри на меня, что редко пишу; брани меня за это, но пиши, я обещаю тебе писать тоже почаще; обнимаю тебя мысленно и—навсегда твой

Ив. Горбачевский.

Само собою разумеется,—домашним твоим мой усерднейший поклон, и засвидетельствуй мое глубокое почтение; детям твоим, как родного, мой поцелуй.

24.

1863 г. декабря 5-го дня. Петровский Завод, Забайк. обл.

Мой дорогой Евгений Петрович!

Прости мне великодушно, что не писал так долго к тебе; письмо твое лежит до сих пор на моем столе и беспрестанно меня укоряет, что я до сих пор не отвечал.

Твое письмо ко мне от 14 августа, и вообрази себе его путь, я его получил 8 октября. Где оно было, не знаю, а мне кажется, оно долго путешествовало. Благодарю сердечно за твою память обо мне, благодарю за все известия, о чем пишешь, все это для меня любопытно и утешительно; все ново и интересно для нас, живущих в дикой стране. Я получил от Поджио письмо; он ко мне писал пред своим отъездом за границу. Больше в это время не получал ни от кого писем.

С получением твоего письма я успел побывать на два дня в Селенгинске у Михайла Бестужева и успел быть больным, так что около трех недель пролежал в постели,—теперь выхожу, и все прошло. На-днях я услышал от верных людей, что у Михайла Бестужева недавно сын его Николай умер,—жаль очень. Мальчик был красавец, здоровый и бойкий,

но горло заболело, думали, что ничего,—и вдруг сделалось хуже,—и не более 5 часов мучился—отправился на тот свет. Я от Михайла еще не получал писем и не знаю подробностей.

Я с жадностью читал твои известия о ваших порядках, что делается в России и в Польше; от газет много не узнаешь, я им что-то не верю: там все одно и то же, а конца нет. Пиши ко мне, прошу тебя убедительно, подробнее обо всем; не считайся письмами,—посуди сам, о чем я могу отсюда писать для тебя интересного и любопытного: у нас все одно и то же, по крайней мере, для меня.

С интересом и любопытством прочитал я твое слово о покойном Михаиле Михаиловиче. Тысячу раз благодарил в мыслях я тебя, но жалел, что очень кратко написано.

Михайла Степанович Добрынин зашел ко мне, и я его попрекнул, что он никогда к тебе ни слова не писал. Он сейчас же потребовал пера и бумаги и написал к тебе послание. Не знаю, что он к тебе написал, а только остался доволен. Все твои знакомые старики живы и здоровы, а Поликарп Павлович особенно тебе кланяется; у него все благополучно.

Это письмо я почитаю за письмо—спешу писать; сегодня у меня большая почта, и если бы не Добрынин, то и это письмо вряд ли было написано. Буду к тебе писать скоро и побольше, а между тем не получу ли твоего письма.

Обнимаю тебя мысленно и жму руку твою.

Твой навсегда

Ив. Горбачевский

25.

Петровский Завод. 1864 г. февраля 20-го дня.

Мне совестно и стыдно, что так долго не отвечал на твое письмо от 18 ноября, любезнейший мой, до-

рогой Евгений Петрович! Но я медлил все, думая, авось-либо что-нибудь побольше будет, о чем написать; но такая наша здешняя доля—хоть живи сто лет, у нас все одно и то же.

Сердечно и душевно благодарю тебя, Евгений Петрович, за твои теплые, сердечные письма; сколько они мне приносят утешения, и сколько я их раз читаю, это только мне одному известно. Много я скорбел о твоей потере.....[1]. Твердость и упование на провидение мне дает надежду, что ты переносишь этот удар с терпением. То же самое случилось и с Михаилом Бестужевым; пишет ко мне, что потерял 6 или 7 лет сына Николая. Я знал этого ребенка—необычайной был красоты и развития, но болезнь его положила навсегда в продолжение 5 часов только. Бестужев говорит, что это круп, и ребенок прежде, за несколько дней жаловался на боль в горле; на это не обратили должного внимания.—«Все это ничего, пройдет»—говорили, и кончилось смертью.

Михаил Александрович от этой потери в отчаянии, он до сих пор не может опомниться от горя; пишет ко мне, просит меня сделать на могилу своего Коли крест и плачет. Но удивительная вещь—наш доктор, который не был никогда в академии, который дальше Петровского Завода нигде не был, говорит, что излечить этого ребенка стоило бы всего употребить лекарства на 10 коп. серебр. Он говорит, что у меня в Заводе никогда дети от крупа не умирают; почему?—а потому, что я эту болезнь предупреждаю и предварительно ее уничтожаю. Он говорит тоже: «спросите в Заводе у всех, кто имеет детей, и вы увидите, что ни один ребенок у меня от этой болезни не умер». Он знаком с Михаилом Бестужевым

[1] Нельзя прочесть из-за повреждения в рукописи. Е. П. Оболенский отличался большой твердостью характера и глубокой религиозностью.

и знал лично этого здорового ребенка и прямо обвиняет Михайлу за его «ничего-пройдет»,—обвиняет еще более селенгинских эскулапов.

Как я благодарен тебе за твое описание жизни Гаврилы Степановича Батенкова. Что за жизнь! Что за мучения этот человек вытерпел — ужасно! Отец Поликарп Павлович читал твое письмо, и желание твое будет исполнено и уже исполняется.

Твои известия о Польше прискорбны, но я с иной точки смотрю на это дело—лучше подождем развязки,—тогда увидеть, может быть, можно будет, кто прав, кто виноват; да я теперь и не знаю, что говорить, потому что, живши в таком отдалении, трудно знать все, что справедливо, что ложно. Принципы—в сторону; об них после когда-нибудь.

Неинтересно для тебя будет, если буду говорить о своей жизни; все та же обстановка ее и печальна, и грустна. Часто болею от своего недуга; часто желаю иметь спокойствие и душевное, и физическое, но хлопоты у меня отнимают и много времени и даже здоровья.

Я думаю, ты знаешь, что Дмитрий Завалишин уже в Москве, и я оттуда от него уже одно письмо получил. Нас здесь, я думаю и в Сибири, только двое осталось — я и Михайла Бестужев. Но я как слышу, и он хочет на будущий год ехать непременно в Россию; тогда я здесь один останусь, как свидетельство минувшего, печального и разрушительного.

О, если бы я тебе мог все передать, что я знаю, что я видел и вижу,—интересно было бы тебе все это прочитать. Но что я могу сделать при такой душевной тревоге, какая у меня бывает, и при таких горьких обстоятельствах. Лучше все это оставить до случая, до лучшего порядка жизни моей. Но, если всему предопределено гибнуть,—что же делать —пусть гибнет!

Усерднейше тебе кланяется отец Поликарп. Шибко он стар стал и думает даже об отставке, но служит усердно, и им все довольны. Насонов был у меня сегодня; бедный согнулся и почти слеп стал. Первоухин тебе усердно кланяется; тоже ходит с костылем.

Не знаю, какими словами выразить мой усерднейший поклон и мое глубочайшее почтение Наталии Петровне и всему твоему семейству; не знаю, как благодарить их за память обо мне. Прошу тебя убедительно, кланяйся всем твоим, и большим, и малым, и память их для меня драгоценна. Мысленно сердечно обнимаю тебя, Евгений Петрович; будь здоров и пиши ко мне; будь уверен, что твои письма для меня, дикого и одинокого,—одно утешение.

Твой навсегда Ив. Горбачевский.

(Приписка на полях).

Твое письмо от 18 ноября я получил 15-го января 1864 г.

Не ожидая твоих писем, буду к тебе писать.

26 [1].

1864 г. мая 14 дня. Петровский Завод.

Пропустил весь апрель месяц, любезнейший, мой дорогой Евгений Петрович, и не отвечал на твое письмо от 16 февраля; пропустил некоторое время с намерением, думая что-нибудь более придется написать; потом был нездоров так же, как и теперь,—и вот уже стало совестно не писать.

Душевно и от всего чистого сердца благодарю тебя за твои письма; я их всегда перечитываю; они

---

[1] Начало этого письма до слов: Все ваши тамошние перемены... печатается впервые.

для меня утешительны; такое в них сердечное, теплое чувство, что не расстаюсь с ними, и они всегда на моем столе. Желал бы тебе так же писать, если бы я не был придавлен своею жизнию. Скучное одиночество и разные разности, о которых даже тяжко говорить, к тому же нездоровье и особенно сильный ревматизм—дня и ночи нет спокойной—все это заставляет пред тобой оправдываться, но не жаловаться. Делать нечего: своей доли не переменишь, следовательно, лучше об этом не говорить.

Все ваши тамошние перемены, конечно, меня лично радуют, но для нас, сибиряков, ничего они не значат—нам здесь от них не лучше и не хуже; у нас все по-старому: те же порядки, тот же произвол, та же дичь в промышленности и во всей жизни. Может быть, говорят здесь, нужны для России улучшения, но для Сибири их не нужно,—все хорошо; и если бы кто из вас приехал сюда (что боже сохрани!), то нашел бы все так, как было в 1826 году. Это я говорю правду, для тебя особенно это должно быть и видимо и ясно.

Говорят, что от столицы до Иркутска уже давно проведен телеграф, но все же нам не легче; вчера здесь получено письмо из Иркутска, в котором пишут, что в эту столицу Восточной Сибири не получено п я т н а д ц а т ь почт, по случаю скверной дороги; это пишу к тебе для того, что я уже другой месяц ни единого слова не получаю из России; телеграф, разумеется, сделан для богатых, 50 коп. серебром за каждое слово до Петербурга положена цена.

Бестужев Михаил пишет ко мне, что сам нездоров, и дети его тоже больны: все собирается ехать в Москву, но когда это будет не знаю; вероятно, ты когда-нибудь увидишься с Дмитрием Иринарховичем; он давно уже в Москве...

Поликарп Павлович свидетельствует тебе глубочайшее почтение. Он здоров и становится дряхлым; благодарит тебя за все и все и молит бога за твое здоровье и целого твоего семейства, которому прошу тебя покорнейше и мое отдать глубочайшее почтение, мой усерднейший поклон и большим и малым.

Не знаю просить ли тебя, чтобы ты писал ко мне чаще; совестно мне об этом беспокоить, и лучше полагаюсь на твою память и доброе твое сердце; вспомни, где я живу, и что должны быть для меня письма тех, с которыми я связан навсегда и душевно и мысленно; у меня нет родных других, кроме вас всех; жму твою руку, обнимаю тебя мысленно, благодарю за письма и остаюсь твой навсегда.

Ив. Горбачевский.

Каково здоровье Павла Сергеевича? Мой ему душевный привет, также и Ивану Васильевичу[1]; почему бы ему когда-нибудь не написать?

27.

1864 г. августа 1-го дня Петровский Завод [2].

Письмо твое от 24 мая я получил, 7 июля, любезнейший мой Евгений Петрович! Я уже не знаю и не приберу слов, каким образом, какими словами благодарить тебя за твою память и чувства ко мне. Письма твои—мне наслаждение в моей скучной жизни, известия—интересны. Чего же, как кажется, мне больше желать? Нет,—все же хотелось бы, все же есть желание когда-нибудь увидеть тебя, обнять и поговорить хотя бы несколько времени; тогда бы,

---

[1] Кирееву.
[2] Пом. Оболенского. Отв. окт. 1-го.

мне кажется, я вздохнул легче. При всей своей решимости сидеть на одном месте, зная, что нет возможности двинуться с места, но теперь гораздо чаще, чем прежде думаю, неужто я никогда не увижу Россию, Малороссию, свою родину. Отчего это происходит, не знаю, но мне досадно и сержусь на себя—мне, кажется, это уже малодушно. А между тем, пишу об этом, а все же думаю, как бы я был счастлив увидеть кого-либо из своих. Это желание есть как-будто потребность души; мне даже кажется, мы между собою иначе говорили, как прочие люди, иначе чувствовали, иначе думали.

Все это как видишь,—бредни старика, хотя и утешительные для меня; скажу другое—здоровье мое худо: день, два—хорошо,—три дня нездоров, а иногда и более. Недуг мой, о котором ты знаешь, не дает мне спокойствия; я ослабел от частых повторений, и не знаю уже, за какое лекарство приняться. Ты мне никогда не пишешь о своем здоровьи, но видя твою деятельность с твоими милыми гимназистами, я уверен в твоей нравственной бодрости и в физическом здоровьи.

Ни Завалишин из Москвы, и никто из вас не пишите ко мне о Наталии Дмитриевне; меня это удивляет, что вы все молчите о ней; я писал дважды к ней в этом году, и не только ответа нет, но даже никто о ней не говорите. Мне это больно: я люблю эту добрую женщину, я ее уважаю и много ей благодарен за ее бывшее внимание ко мне. Я не верю, чтобы она за что-либо могла на меня сердиться, потому что я за собою ничего (не) знаю и за других не отвечаю, если кто против моей воли что сделал; я никого ни об чем не просил и делать этого никогда не стану. Что она ко мне не пишет, я одно полагаю, что она за границею,—другой причины ее молчанию не полагаю.

Один знакомый писал мне из Кяхты, что будто бы Александр Викторович возвратился из-за границы вместе со вдовою Кочубей; но где он, жив ли он теперь, где живет, ничего не знаю, и он не пишет ко мне. Не знаешь ли об этих двух особах, близких мне, что-либо? Прошу тебя убедительно—напиши.

Прошу тебя также поклонись от меня усерднейше всем тем из наших, с кем ты в переписке. Бестужев здоров и иногда пишет ко мне.

Любопытно мне читать в твоих письмах, что у вас там делается; для меня все кажется, что ты живешь, как будто в чужом государстве. У нас же—все по-старому; одно только, что люди получают больше за работу денег, за то и кабаков считают около 25 штук. Приходят сильные партии рабочих со всего мира; это—настоящее, как говорят, вавилонское столпотворение и смешение языков; но я их не вижу и не слышу: все покрыто мраком, то-есть запорами. Наше бывшее здание гнило, гнило, да и пригодилось!

Буду к тебе писать в будущем: теперь—нездоров и устал. Кланяйся от меня усерднейше твоим гимназистам, кланяйся твоим близким, и мое им глубочайшее почтение. Прощай, мой Евгений Петрович; пиши ко мне, прошу тебя об этом. Будь здоров, обнимаю тебя тысячу раз.

Твой навсегда Ив. Горбачевский.

Отец Поликарп кланяется тебе усердно; он нездоров теперь—и уже почти скоро две недели, как заболел. Дети его здоровы; просил к тебе об них написать. Александр—в Благовещенске, Евгений—в Владивостоке, двое—Павел и Илья приехали на каникулы сюда.

28.

1864 г. Декабря 22 дня. Петровский Завод [1]).

Я был обрадован твоим письмом от 30 сентября, любезнейший мой Евгений Петрович, которое я получил 8 декабря; не знаю, почему оно так долго было в дороге, но все же я был рад и душевно благодарю за твои чувства и память обо мне. Не думаю, чтобы ты мог забыть то потрясающее состояние человека при получении для себя дорогого письма, живши в таком отдалении от людей близких его сердцу; желал бы все передать тебе, что происходит со мною в это время, но это невозможно; сам уж суди, как хочешь.

Твои письма я беспрестанно перечитываю, радуюсь за них; все в них для меня любопытно и ново,—и всегда сожалею, что не могу тебе так же отвечать, потому что живу не в той среде, в какой ты находишься; писать же о настоящем, что здесь делают—и скучно и грустно, и почти тебе известно все. Некоторые перемены и то только, в сущности, на словах, а на деле чуть ли не выходит хуже. Скопление народу—чрезвычайное, чужое, не утвердившееся на почве; заработков мало—даже на приписки отказались нанимать; распространение страшное кабаков. По милости Амура у нас хлеб на базаре пуд 1 руб. сер., к весне, говорят, два будет; под каждым окошком нищий, и все дети, и взрослые. Вот тебе картина нашего быта самая слабая.

Ты пишешь, что ваше дворянство без денег; очень верю. Здесь нет его, но зато чиновники, нельзя сказать, чтобы были здесь бедны; нет, они оттого здесь без денег, что безнравственны: будущего у них нет—все надеются на жалованье и злоупотребления,

---

[1] Пом. Оболенского: Отв. фев. 14-го 1865-го года.

которые дошли до чудовищных размеров. Все дико и отвратительно, лучше об этом молчать.

Скажу тебе, я был недавно обрадован письмом, мною полученным от Наталии Дмитриевны; тем более меня это порадовало, что я уже потерял надежду получить когда-либо письмо от ней; но я теперь рад, что она поправилась в здоровьи.

Жаль мне Павла Сергеевича; жаль Александра Викторовича. Что делать! вот и и мое здоровье—оно мне теперь изменило: с 25 ноября не выхожу из комнаты; мой недуг меня одолел, и не могу с ним справиться; не знаю, что будет дальше.

Прошу у тебя одного: пиши ко мне почаще, пиши так, как всегда пишешь—не считайся со мною письмами. Я не могу часто писать потому, признаюсь тебе, что горе, печаль, нездоровье меня одолевают; держусь, и держусь крепко, но силы слабеют.

Конечно, всем твоим родным мой душевный и искренний привет—и большим и малым, а тебя обнимаю, благодарю еще за твои письма, которые для меня дороже всего. Будь здоров. Желаю тебе всякого утешения.

Твой навсегда Ив. Горбачевский.

(Буду еще писать).

II.

Письмо И. И. Горбачевского к Н. П. Оболенской. [1]

(Начало января 1862 года).

Милостивая Государыня
Наталия Петровна!

Прошло почти полтора месяца, когда я получил ваше письмо от 12 сентября, и до сих пор не мог к вам писать. Простите великодушно за такую медленность: это произошло не от лени и забывчивости, но от разных причин; и не было дня, чтобы я не помнил, что должно отвечать. Позвольте же чувствительнейше вас благодарить за ваше письмо; вы такому сибирскому дикарю, как я, неожиданно доставили радость и утешение. Вы читали мое письмо, писанное без порядка мыслей о старом времени, для нас одних имеющее цену горькую воспоминания; вы так добры, что и в моем письме нашли что-то такое, за которое подарили меня таким дорогим письмом. Я писал откровенно, просто к человеку, близкому ко мне по сердцу и чувству, воспоминая только былое и давно прошедшее, и, опять повторяю,

---

[1] Письмо печатается по подлиннику, хранящемуся в «Пушкинском Доме». Повидимому, именно об этом письме к Н. П. Оболенской упоминает, Горбачевский в письме своем к Е. П. Оболенскому от 18 января 1862 г. как об отправленном с прошедшей почтой. В таком случае его можно отнести к началу января. Содержание письма—замечания о крестьянской реформе и др.—подтверждают такую датировку.

вы были так великодушны—написали ко мне, и я, получивши ваше письмо вместе с письмом Евгения Петровича, был обрадован, и чувство благодарности за ваше расположение во мне неограничено, неиз'яснимо.

Я убежден в доброте вашего сердца, что вы не усумнитесь в истине моих слов: лицемерить—не мое дело; и когда вспомните, где я живу, тогда еще более поверите, что такое письмо для меня получать есть редкий случай и необыкновенная вещь.

Со вниманием читал я ваш рассказ об обстоятельствах, вас и всех, так занимающих. Все это меня интересовало, все подробности—для меня новость, но только в другом виде, как я слышал и читал разные официальные известия. Более всего также меня занимала в нашем письме ваша надежда на миролюбивый исход такого дела; но интересы затронуты, страсти возбуждены, невежество и упорство одних, желание достигнуть цели других встретились; кончить это дело любовью и кротостью—признаюсь чистосердечно—сомневаюсь, и если оно и будет так кончено, то, кажется не надолго и не прочно. Ваши опасения, в противном случае, что доброе дело может остановиться и погибнуть, напрасны: струна была слишком натянута, чтобы пущенная стрела не пошла прямо к цели. Конечно, может быть я ошибаюсь,—мне трудно и почти невозможно передавать мои мысли; я только желаю, чтобы все было кончено мирно к удовлетворению всех и каждого.

Благодарю вас искренно за все ваши известия в вашем письме; мне любопытно было знать о Розене и прочих моих знакомых и товарищах; все для меня ново и занимательно.

Я должен кончить свое письмо, чтобы не утруждать вас, но позвольте питать себя надеждою, что вы когда-нибудь вспомните о человеке, живущем

в одиночестве и отдалении от людей, пожертвуете свободною минутою великодушно — написать и тем порадовать

вам преданного Ивана Горбачевского.

Евгению Петровичу, мой усердный поклон, и в скорости буду к нему писать; прошу его поклониться от меня Кирееву.

III.

Письма к И. И. Пущину И. И. Горбачевского. [1]

1.

Петровский завод. 1840. Июль 28 дня. [2]

Вот уже год, как мы с тобой расстались [3], добрейший Иван Иванович, и до сих пор я от тебя ни строчки не получил. Огорчение мое превосходит всякую меру; не знаю к чему приписать твое молчание; не хочу и думать, что ты меня забыл. Я же не писал к тебе, исполняя твою волю; помнишь ли, когда я с тобой прощался, ты мне сказал: «Не пиши ко мне, пока не получишь от меня письма». Не зная твоего намерения, я только исполнял твою волю, но не мог дальше терпеть, решил я сам к тебе писать.

Давыдов [4] ко мне писал, что ты нездоров, что ты скучен и мрачен; я и не удивляюсь потому, что это почти со мною всегда бывает; напротив того, я

---

[1] Письма печатаются с любезного разрешения Е. Е. Якушкина по подлинникам, хранящимся в семейном архиве Якушкиных. Они адресованы И. И. Пущину в Туринск и относятся к 1840—1843 гг. Были напечатаны в «Голосе Минувшего» за 1923 г., № 3.

[2] Пометка И. И. Пущина: Пол. 5 сентября.

[3] Осенью 1839 г. И. И. Пущин был переведен на поселение в Туринск, куда прибыл 9 октября.

[4] Давыдов, Вас. Льв., в 1839 г. был переведен в Красноярск.

удивляюсь тем, которым приятно и весело жить на этом свете.

Ты может быть хочешь знать, что со мной делалось в продолжении года, чем я занимался и как я живу в Петровском. Ничего тут нет интересного, ничего в этом рассказе не будет для тебя нового; лучше об этом помолчим и оставим до другого времени. Скажу тебе только, что мои родные до сих пор не получили от душеприказчиков покойного брата [1] своего наследства. Сестра Анна [2] пишет, что не может до сих пор добиться толку, и что она была принуждена подать просьбу; не знаю, куда и к кому она подала, и что из этого дела будет, до сих пор неизвестно. Все обещают выслать деньги и вот уже полтора года, как высылают.

Люди, которые служили у нас в каземате, все тебе кланяются, все живут порядочно; одна Шишкина, у которой всегда что-нибудь случается: недавно у нее украли корову, она ужасно плакала, а там заболела и родила мертвого ребенка; была очень больна и до сих пор еще не поправилась. Салин пошел в Крым, он высочайше прощен; когда ему об этом об'явили, целую ночь бедный старик плакал.

Андреевич [3], наш общий с тобой сожитель, умер в Удинске. Бестужевы [4] живут в Селингинске и довольны своим местом. Оболенский пашет пашню; Борисов Андрей совсем с ума сошел. Вот тебе новости наши, которые я знаю сам по слухам.

---

[1] Ник. Ив. Горбачевского, военного инженера, скончавшегося как видно, в конце 1838 г. или в начале 1839 года.

[2] Анна Ивановна Квист, проживавшая в Петербурге

[3] Андреевич 2-й, Як. Максимов.—в 1839 г. осенью больной отправлен на поселение в Западную Сибирь, но доехал только до Верхне-Удинска, где скоро и умер—уже в 1840 г.—в больнице.

[4] Михаил и Николай Александровичи.

Знаешь ли, что я о тебе имел известие из Петербурга: сестра моя бывала у Анны Ивановны [1] и писала ко мне. Пиши пожалуйста, Иван Иванович: с нетерпением ожидаю твоих писем; будь так добр, вспомни хоть однажды обо мне; я всем жалуюсь, что ты ко мне не пишешь.

Прощай, будь здоров, обнимаю тебя. Прощай еще раз.

Твой навсегда Иван Горбачевский.

Дмитрий Насонов очень кланяется тебе; он бьет и порет дичь; у него недавно родился сын; ты был заочно крестным отцом; часто тебя вспоминает.

Скоро буду к тебе еще писать. Кланяйся от меня всем Туринским [2].

2.

23 августа 1840 г. Петровский Завод [3].

Наконец, и я дождался, что ты ко мне написал, мой любезный Пущин; но все же я более прав, потому что предупредил и писал к тебе гораздо прежде получения твоего письма. Я был обрадован и сердечно благодарю за известие, которое ты о себе подал; много раз я тебя упрекал за твое молчание, и если бы ты мне перед от'ездом не сказал дожидать твоего письма, то давно бы к тебе писал.

Крайне нас огорчило состояние твоего здоровья; смотри, любезный Пущин, держись и не давай разгуливаться твоей болезни, все меры употребляй к излечению и не пренебрегай своим недугом, как ты прежде это делал. Мы тебя здесь часто вспоминаем;

---

[1] Пущиной, сестры Ив. Ив., проживавшей в Петербурге.

[2] В Туринске в 1840 году кроме И. И. Пущина жили Ив. Ал-др. Анненков, Ник. Вас. Басаргин, Вас. Петр. Ивашев, скончавшийся 28 декабря того же года.

[3] Помятка И. И. Пущина: Пол. 26 октября.

порадовал и ты меня, сказавши, что товарищи меня помнят; поклонись всем от меня, а Борятинскому [1] прибавь, что я ему желаю еще и скуки: он хотя и болен, но,вероятно, всегда весел. Я помню то время, когда он почти умирал: мы с ним и тогда, вздор болтая, посмеивались. Милому доброму Павлу Сергеевичу [2] особенно поклонись от меня, а Басаргину—благодари за его память и расположение ко мне.

Ты спрашиваешь, Пущин, что мои дела. Вообрази, что до сих пор сестры мои даже не могут получить и порядочного ответа на их письма, и сколько они ни пишут к душеприказчикам покойного брата, все это ни к чему не ведет. По большей части молчат, а когда и пишут, то противоречат сами себе, всегда обещают и ничего не делают. Непонятная вещь, что делается на этом свете! И по последнему письму от сестры Анны я вижу, что наследство должно пропасть; она наверное полагает, что душеприказчики замотают и ничего не отдадут. Я писал к ней, чтобы она обратилась с просьбой к графу [3]; не знаю послушает ли; это по-моему—и скорее и прочнее. Я теперь остался без гроша по милости этих господ, которые так любят и так приятно владеют чужими деньгами. Я не знаю, как и существовать без домашнего пособия с моим здоровьем и с здешним климатом.

А. И. Мозалевский [4] чувствительнейше благодарит тебя за твое обещание; он до сих пор болен;

---

[1] Кн. Ал-др. Ив. Барятинский с начала 1840 года жил в Тобольске; здоровье его, подорванное еще в России, в Сибири стало очень плохо.

[2] Бобрищеву-Пушкину 2-му, проживавшему в Тобольске.

[3] Бенкендорфу.

[4] Мозалевский, Ал-др Ив.—декабрист—жил в 1840 г. в Петровском Заводе.

грудь болит, в боку всегда колотье; теплые воды ему не только не помогли но даже вред сделали, он больше не мог взять—восемь ванн, и после этого кровь горлом так сильно пошла, что доктор тотчас запретил употреблять их.

Ты, вероятно, получаешь от Анны Ивановны часто письма; уведомь, прошу тебя, все ли твои родные здоровы. Что делает Малиновский [1] и где он? Засвидетельствуй им мое усердное почтение и поклонись от меня.

У нас все по-старому; живем тихо и мирно. Борисов Андрей иногда, говорят, беснуется, а Петр, бедный, через это сильно страждет. Бестужевы здоровы; Оболенский скучает, а Завалишин [2] женился. Все это я знаю по слухам и за верность не отвечаю.

Иногда я смотрю на окошко в твоей бывшей комнате; много в голове тогда рождается воспоминаний, сердце сжимается, думая, где вы все, что с вами. Увижу ли я тебя когда-нибудь, мой любезный Иван Иванович! Долго мы были вместе, я привык к тебе. Теперь довольствуюсь тем, что посмотрю на то место, где ты жил: я и тому рад.

Прощай, Пущин, будь здоров. Сделай милость, прошу тебя, пиши ко мне; это есть единственное утешение получать известия от тех, которых любишь. Прощай еще раз. Помни твоего навсегда преданного Ивана Горбачевского.

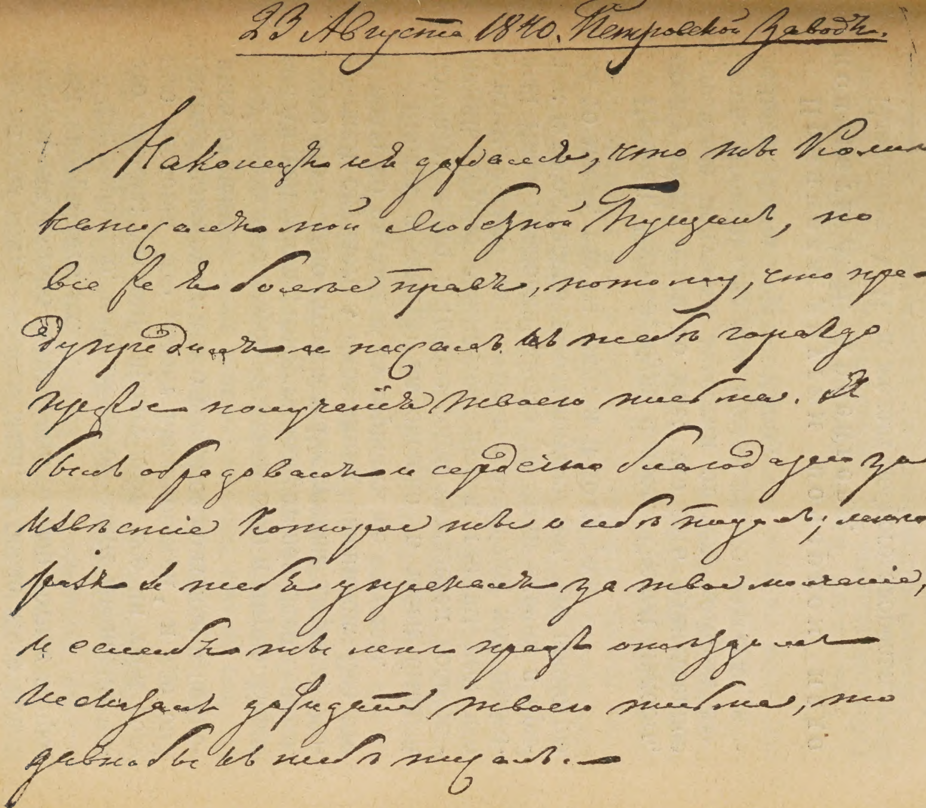
Приписка другим почерком, надо полагать А. И. Арсеньева.

Кланяется А. И. и желает доброго здоровья.

---

[1] Иван Васильевич, лицейский товарищ Пущина, жил в имении своем Каменке Изюмск. уезда, Харьков. губ.

[2] Дмитрий Иринархович, женат был на дочери горного чиновника Смолянинова, Аполлинарии Семеновне.



23 Августа 1840. Петровской заводъ.

Наконецъ и я дождался, что ты [illegible] мой любезной Пущинъ, но все же ты болѣе правъ, потому, что предупредилъ не писавъ къ тебѣ гораздо прежде полученія твоего письма. Я былъ обрадованъ и сердечно благодарю за извѣстіе которое ты о себѣ подалъ; мнѣ жаль и тебѣ упрекать за твое молчаніе, и если бы ты меня прежде откуда не ожидалъ дождаться твоего письма, то давно бы къ тебѣ писалъ.

Письмо И. И. Пущину. 23 августа 1840 г. из архива Якушкиных.

3.

Петровский Завод. 1840. Декабря 9. дня.

Виноват, признают мой любезнейший, дорогой Пущин! Прости, что до сих пор на твое письмо от 10-го октября еще не отвечал. Разные причины были тому помехою, а главное—нездоровье. Вот и теперь уже почти две недели я не выхожу из комнаты; холода и стужи совсем меня уничтожили; теперь, кажется, поправляюсь. Благодарю тебя за твое письмо: ничего для меня не может быть приятнее твоей беседы; ежели бы не совестно было, я просил бы тебя всякую почту ко мне писать—такое удовольствие я имею читать твои письма!

Очень рад, что ты поправляешься в своем здоровье. Ты спрашиваешь, такая ли погода у нас, как у вас: переходи к нам поближе, узнаешь. Но все-таки я думаю, что наша сторона теплее вашей, хотя обе, правду сказать, хороши. Я ужасно зол на то, что холодно. Ты, я думаю, помнишь наши споры о тепле и холоде: теперь еще хуже боюсь стужи, она меня жмет так, что кости трещат.

Я получил от своей сестры часть денег; теперь мне покойнее, а то приходилось так, что хоть караул кричи. Не знаю как твои обстоятельства; по-моему лучше, что ты не имеешь хозяйства и этих мелочных забот, которые не к чему не служат, кроме—к досаде.

Ежели ты хочешь прислать для могилы Андреевича денег, пожалуй, присылай, сколько тебе угодно; но, мне кажется, и без этого можно обойтись. Алекс. Иванович[1] получил деньги, 58 руб. серебром, он благодарит тебя усердно, говоря: «Вероятно, Пущин причиною этой присылки».

---

[1] Мозалевский.

Наши товарищи, сколько я могу знать по слухам, все здоровы. Один Борисов сильно горюет; говорят, его брату хуже. Поджио [1] так же ко мне, как и к тебе, не пишет. Что мне сказать тебе о своих занятиях? Трудно об этом говорить, когда ничего не делаешь; кое-о-чем поговорить—не стоит того и не интересно.

Александр Ильич [2] кланяется тебе; около праздника он нас оставляет: он едет в Петербург с серебром. Вот тебе новость и, как ты можешь судить, для нас очень неприятная.

Засвидетельствуй мое почтение сестре твоей Анне Ивановне и Малиновскому: я их всегда помню, и память их для меня драгоценна. Две мои сестры живут в Харькове по-прежнему, а Анна уехала в Одессу на время. Ульяна [3] выдает одну из своих дочерей замуж и очень рада, как видно из ее письма. Дмитрий Насонов тебе кланяется; все ожидает от тебя золотых гор.

Пиши ко мне, мой Пущин, прошу тебя, не отказывай мне в этом удовольствии. Кланяйся всем товарищам, а Барятинскому пожелай от меня здоровья такого, чтобы он мог кричать и спорить сильно и громко [4].

Обнимаю тебя. Прощай, будь здоров.
Твой навсегда Ив. Горбачевский.

Дмитрий Захарович [5] тебе усердно кланяется, равно—Катерина Дмитриевна [6].

---

[1] Александр Викторович, жил в то время на поселении в Усть-Куде близ Иркутска.

[2] Арсеньев, горный инженер, управляющий заводом.

[3] Сестра Горбачевского.

[4] Барятинский страдал болезнью горла, сказывавшейся на внятности его речи.

[5] Ильинский, доктор в Петровском Заводе.

[6] Ильинская, урожд. Старцева, жена доктора Ильинского.

4.

Петровский завод. 1841. Мая 20-го дня [1].

Два письма получил от тебя, мой любезнейший Пущин! и до сих пор еще не отвечал. Совестно пред тобою и краснею за такую оплошность; прости мне: буду исправней на будущее время. Ты спросишь, что я делаю —не спрашивай о подробностях: холод, нездоровье, нерасположение, хлопоты по хозяйству, хотя все это хозяйство можно отдать за грошь,—все это, повторяю, было помехою беседовать с тобою.

Первое твое письмо было от 14-го ноября, второе—от 31 января; усерднейше благодарю за твои письма: ты меня не забываешь, который всегда был душевно привязан к тебе. Радуюсь, что твое здоровье поправилось. Очень жаль мне Ивашева и бедных его сирот; к счастию их, что они нашли такую подпору, как ты и Басаргин. Кланяйся от меня Николаю Васильевичу [2]; скажи ему, что я всегда помню и люблю его. Твое поручение насчет Якова Максимовича [3] непременно исполню и уже приступил к делу; уведомлю тебя обо всем, когда кончу.

Письма из дому довольно часто получаю. Сестра Ульяна выдала дочь свою замуж за хорошего человека и очень скучает, что давно не видала Малиновского; вероятно, он теперь не бывает в Харькове. Почему ты мне никогда не напишешь о твоих родных—здоровы ли они, каково живет Анна Ивановна и часто ли тебе пишет. Мне бы это было приятно и интересно знать.

Новенького у нас ничего нет: все по-старому. Все тебе кланяются. Крестница Марии Николаевны [4],

---

[1] Пометка Пущина. Пол. 27 июня.
[2] Басаргину.
[3] Андреевича. См. письмо от 9 декабря 1840 г.
[4] Волконской.

Софья Михайловна много-много тебе кланяется; живет в большой бедности и жалуется на плохое свое здоровье. Насонов тоже кланяется тебе и кое-как перебивается. Александр Иванович Мозалевский здесь еще живет. Дмитрий Захарович и Катерина Дмитриевна [1] помнят тебя и всегда вспоминают. Он вышел в отставку, торгует белкою и разными разностями; иногда приезжает в завод по торговым делам; живет постоянно в Селенгинске мирно и спокойно.

Прощай, любезнейший Иван Иванович; прости мне, что мало пишу к тебе. Будь уверен в истинной преданности к тебе, твоего навсегда

Ивана Горбачевского.

Как слышно, все наши здешние здоровы, кроме Андрея [2], который всегда и беспрестанно беснуется.

5.

Петров. Зав. 1842. Августа 22 дня. 12 час. ночи [3].

Сию минуту только что пришел я от Николая Ивановича [4] и сажусь к тебе писать, мой любезнейший, добрейший Иван Иванович! Два письма я от тебя получил: первое от 20-го марта, которое было прислано после того письма, которое не ко мне было писано, и от 10 июля, и на которое я к тебе еще не отвечал, дожидая приезда Н. И.

Я так рад приезду твоего брата, так он на тебя похож, что, разговаривая с ним, я как будто с тобой говорил и говорил; голос даже у вас одинаков. Много

---

[1] Ильинские.

[2] Борисова.

[3] Пометка Пущина. Пол. 19 октября.

[4] Пущина, брата Ивана Ивановича; в 1842 году Н. Ив. Пущин ездил в Сибирь, в командировку для ревизии судебных мест.

я к тебе хотел писать, много ты задал таких вопросов, что я хотел сочинить целую тетрадь и навести на тебя этим такую же хандру, какой я здесь очень часто бываю подвержен, но удовольствие, радость моя, что я вижу человека близкого к нам, благодарность моя к тебе, Пущин, неизъяснима, невыразима. Я чувствую и вижу, что ты меня не забыл—этому доказательство дружеское расположение и ласки Николая Ивановича, который по приезде своем к нам в Петровский, вечером тотчас прислал за мною и обещал завтра, по осмотре завода, быть у меня.

Не обвиняй меня, сделай милость, что я редко пишу. Клянусь тебе всем для меня священным, что мне отвратительно писать чрез руки правительства письма, где бы я хотел говорить с тобою со всею откровенностью растерзанной души. Ежели бы была часто оказия, я бы тебе отдыху не дал и надоел бы своими посланиями. Скажи, пожалуйста, что я могу писать к тебе, когда наши письма везде читаются? Меня это просто приводит в бешенство и отчаяние. И сколько бы я мог тебе новостей разных пересказать; сколько бы я мог получить от тебя утешений, наставлений и советов, ежели бы я мог с тобой откровенно говорить так, как мне бы хотелось!

Ты скажешь, что мог бы это делать с жителями Иркутска [1]. Нет, ты жестоко ошибаешься, ежели ты думаешь, что я ленюсь или ленился писать к ним. Никогда! Но, поверишь ли ты, что я с тех пор, как на поселении здесь, от Борисова получил на все мои письма одну записку, писанную карандашом в пять строк, а от Поджио—в полном смысле слова—два

---

[1] В Иркутске и близ него жили на поселении Бечаснов, Борисовы, Быстрицкий, Вадковский, Волконский, Вольф, Громницкий, Люблинский, Лунин, Муравьев Ал-др, Муравьев Артамон, Муравьев Никита, Муханов, Панов, оба Поджио, Сутгоф, Трубецкой, Юшневский, Якубович.

письма и то давно, я думаю, тому года два уже [1]. Будь справедлив: не смешно ли мне надоедать своими письмами тем людям, которые даже на мои письма не удостаивают и обратить внимание. И я перестал писать в Иркутск. Одна Мария Казимировна [2] иногда напишет ко мне и то редко, на которые письма я всегда отвечаю.

Всякий раз, когда ты пишешь ко мне и обвиняешь меня в том, что ко мне редко пишут потому, что я сам ленюсь, мне всегда бывает прискорбно и больно, что ты так обо мне думаешь; мне бы не хотелось и я боюсь, чтобы ты обо мне худо не думал. Я так люблю и уважаю мнение моих товарищей, что кривой толк их обо мне приводит меня в содрогание.

Чорт возьми, покуда это будет, что малейшая погрешность в поступке, невинная, неумышленная погрешность ставится в строку и осуждается, как преступление против приличия и всяких правил! Нам каждому около 50 лет, и все-таки друг друга почитаем ветрогонами, подобно Бечасному [3] и Михайле Бестужеву. Клянусь тебе, Пущин, это несносно! Вот тебе не далее пример Муханова [4]. Вообрази, на-днях я от него получил письмо о заказах железных вещей для него, где, между прочим, он меня всеми силами тащит и просит, чтобы я перешел к ним жить, т.-е. в Урик или куда-нибудь поближе к ним; уговаривает меня и, между прочим, советует мне бросить моих детей любви, которых он насчитал около десятка. Это письмо я получил в присутствии здешнего нашего управителя, помощника его и всех

---

[1] В письме от 9 декабря 1840 г. Горбачевский жалуется Пущину, что Поджио не пишет.

[2] Юшневская.

[3] Бечаснов (или Бечасный), Вл. Ал-др., жил близ Иркутска в дер. Смоленщине.

[4] Петр. Ал-др., жил в с. Усть-Куде близ Иркутска.

здешних чиновников, которые в то время у меня сидели и пили чай. Я им прочитал это письмо вслух: они умирали от смеха и хохота, знавши мою жизнь и мое физическое состояние. А мне было так грустно и больно, что я почти расстроился в здоровьи, и так меня это огорчило, что я до сих пор не могу собраться с силами ему на эту глупость отвечать. Он тоже скажет, как и другие, что я не отвечаю на письма и редко пишу. Но, скажи сам, любезнейший Пущин, возможно ли на подобные вещи отвечать. И еще так безбожно клеветать и слушать бабских сплетней!

И поверишь ли—странную вещь я тебе скажу, что посторонние, чужие люди, но которые меня знают, со мною знакомы и знают мою жизнь, эти люди лучше обо мне думают, лучше судят и совершенно меня во всем оправдывают, нежели друзья и товарищи.

Ты скажешь, отчего же это происходит? Оттого, что мы слишком строги друг к другу, что мы слишком взыскательны, раздражительны, оттого, что судим все по слухам, оттого, что удачу, счастье или случай хороший в оборотах, в торговле, в приобретении считаем за расчетливость, аккуратность и воздержание в жизни; неудачу, местность, преграду, незнание в новой жизни, неопытность, даже доброту сердца, сострадание к ближнему, к бедности, даже характер человека—все это в другом забываем, обвиняем и сыплем укоризнами. За что, спрашиваю? За то, что не умеешь быть жидом, за то, что не обогатился, за то, что он одинок, за то, что не эгоист и скряга, за то, что обстоятельства, местность проклятая и неопытность противятся всему? Жалко, горестно говорить это, но между тем все это—сущая правда. Разбери, любезный Пущин, подумай хорошенько, вникни во все, распространи все то, что я

еще не досказал, и ты совершенно будешь со мной согласен.

Ужасно жаль, что Николай Иванович хочет завтра к обеду выехать отсюда; может быть, нам еще посторонние люди помешают быть наедине. Много я сказал бы обо всем, многое я бы ему об'яснил и пересказал бы то, чего ты никогда не услышишь и никто к тебе об этом не напишет.

Ты просишь меня, чтобы я не хандрил, чтобы я не скучал.—невозможно, мой милый Пущин! Всю жизнь мою я всегда был между товарищами; я теперь одинок. Будущности никакой, надежда всякая отринута. Мозалевский гораздо беднее меня, но он счастлив: у него одно утешение и радость—кабак. Я, к счастию моему, не могу иметь подобных утешений, но зато у меня другие душевные потребности: я страдаю за себя и других; это мой удел, и я ему покоряюсь.

Прошу тебя—не скучай моей хандрой, не думай, чтобы я не хлопотал и не действовал: все делаю—все этому свидетели—и все неудача за неудачей, потеря за потерей, расстройство за расстройством. Я прожил 4 тысячи рублей, наделал кучу вещей, думая золотые горы приобрести,—все потерял, все расстроил и только рад тому, что моя совесть чиста, что всем прямо в глаза гляжу, что не потерял доброго имени и ничего не приобрел. Конечно, в глазах других это—худо, глупо, преступно—оттого я и десять детей любви имею,—но это все ничего. Я душевно спокоен, уважаем знакомыми, любим окружающими. Меня все обвиняют, что я до глупости добр, не могу никому ни в чем отказать, неаккуратен, не хозяин, расточителен не для себя, а для других. Я все это знаю; знаю, что доброта моя не только глупа, но вредна для меня; я знаю, что скоро буду без куска хлеба,—и все это отчасти местность, обстоятель-

ства, а главное мой глупый характер, который состоит в том, что чужое добро лучше беречь умею, чем свое. Все это меня расстроило, уничтожило физически, но не нравственно, и мне кажется, чем более я проигрываю в физическом, тем более нахожу утешения и силы в нравственном. Не думай, мой неоцененный Пущин, что ежели я тебе жалуюсь на мое положение, то это значит мое отчаяние и мой вопль на сострадание; нет, это только излияние души встревоженной, тайной горести к человеку, которого люблю и уважаю всей душою.

Вы оба [1] у меня спрашиваете, как я живу, чем я занимаюсь? Признаюсь,—материя скучная писать об этом, но что-нибудь скажу. Занимался я прежде по совету глупому Арсеньева извозом бревен в казну, имел 14 лошадей; потерял на этом убытку до 900 руб. и бросил. Взялся по совету других за мыло, потерял до 2.000 руб.,—и главное, все по совету Ильинского, покойника,—и кажется, и это брошу, потому все с убытком действую. Мы с Ильинским думали чудеса делать, и он же взялся продавать все оптом; взялся в первый раз продать, и я получил убытку 600 руб.; второй раз—убытку около 400 руб., наконец, он умер. У меня теперь денег нет; губернатор иркутской задержал остальные 2.000 руб. [2] до будущего года, и теперь я не знаю, что делать: без денег и калача не получишь, не только мыла сварить. Буду жить целый год в долг, а что работать и делать, не знаю; придется продавать то, что в запасе. Вы скажите, зачем предпринимать то, от чего не ожидаешь выгоды. Что же мне делать, когда ошибаются в этом знатоки, местные жители, торговцы, а мне и подавно можно ошибиться. К тому же меня

[1] И. И. Пущин и кн. Е. П. Оболенский, который был переведен в Туринск в 1842 г.; он проспался туда, чтобы быть с Пущиным.

[2] Из наследства после брата, пересланного сестрами.

многие обманули: взяли деньги и пропали, в том числе и 200 руб., которые я чрез одного каналью жида послал Борисову.

Теперь скажу в ответ вам еще на второе ваше письмо, господа туринские экономы, думая, однако же, что я уже вам наскучил своим вздором. Пущин пишет: «Не понимаю, почему ты не ищешь соединиться с близкими товарищами», и прибавляет: «С самого начала меня удивило твое намерение остаться там» и проч. Вспомни, ты, любезный Пущин, то время, когда мы собирались на поселение и когда об'явили свое желание, куда быть поселенными. Скажи мне, кто меня приглашал с собой ехать и жить вместе? Никто. Близкие мне нашли других; я остался один. Я просился (кажется с Оболенским) в Удинск, а потом в Петровский; нас в Удинск не пустили. Я сначала радовался, что меня на старом пепелище оставили; и точно, я сначала против других выигрывал своим положением. Но ты сам знаешь, все ли остались на тех местах, где были прежде поселены; все сговорились, перепросились и соединились; а я впоследствии остался один. Обстоятельства и местность довершили то, что неопытность и незнание жить одному с чужими людьми показывало начало хорошее. Проситься же с другими жить теперь я ни за что не стану, потому что ко мне не пишут; а насильно милым не хочу быть; лучше буду горевать, страдать, но быть в тягость кому-либо ни за какие благополучия не соглашусь.

Все, чего не дописал, доскажу Николаю Ивановичу. Жаль только, что он у нас мало поживет. Насонов трудится в поте лица и отлично себя ведет— перестал пить и кланяется вам; у меня бывает очень часто, и у нас всегда разговор с ним о вас. София [1]

[1] Софья Михайловна, крестница кн. М. Н. Волконской см. письмо от 20 мая 1841 г.).

живет в бедности; Лука в казенной работе день, ночью хворает. Отех Капитон [1] здоров, усердно кланяется обоим вам и никуда не был назначен. Отец Поликарп жив, здоров, кланяется, Анна Васильевна тоже; Хариева [2] чудесная и прекрасная девица,—мне кума и еще не вышла замуж, да никто и не сватался.

Ничего мне так не обидно, что Оболенский утверждает, будто бы я на его письма не отвечал; свидетельствуюсь отцом Поликарпом, что я писал к тебе, любезный Оболенский, но между тем этот Жданов кучу моих писем затерял и после мне при отце Поликарпе отдал назад; и ежели бы ты дал знать мне, которого числа будешь в Удинске, я бы непременно приехал бы с тобою лично проститься [3]. Ты желаешь, чтобы я женился; мне это все говорят, все мои знакомые советуют, а сестра просит даже, чтобы я женился. По моему мне бы самая лучшая жена была бы или бы Пущин, или бы Борисов, или ты, или бы Поджио. Вот мои жены, с которыми я готов жить целый свой век. Что касается до женщин—не наша, брат, еда—лимоны! [4].

Обнимаю мысленно вас, целую, мои милые, любезные, Иван Иванович и Евгений; будьте здоровы; простите, ежели письмо мое вам наскучит. Когда бы я с вами увиделся, мне кажется, я проговорил бы с вами три месяца. Много я вам еще не досказал. ни время, ни место не позволяют продолжать с вами беседу. Прощайте и пишите

к вашему навсегда И. Горбачевскому.

---

[1] Капитон Шергин, старш. свящ. в Петровском Заводе.

[2] Хариеса Поликарповна Сычева, дочь священника Сычева, позднее жена Селенгинского купца Д. Д. Старцева.

[3] Во время переезда Е. П. Оболенского из дер. Турутаевой Иркутской губ. в Туринск.

[4] Поговорка, перенятая Горбачевским у Вас. Льв. Давыдова.

(Приписка вверху страницы).

Завалишин вместо поселения оставлен в работе, а в прибавок наделал грубости помощнику и теперь по приказанию генерал-губернатора сидит в кандалах и работает.

6.

Петровский Завод. 1843 Октября 30-го дня [1].

Долго я ждал твоих писем, любезнейший Иван Иванович, и, видя, что ожидания мои напрасны, решился сам к тебе писать. Не верю, чтобы ты меня забыл; может быть, болезнь или другие причины твоего молчания. Не знаю и не помню—это так давно было,—от которого числа ты писал ко мне последнее письмо. Скажи мне откровенно причину твоей ко мне немилости; странно для меня будет, неужто и ты умеешь сердиться. Было бы за что,—пожалуй, сердись и молчи; но так как по-моему, ничего этого быть не может, что же причиной твоего молчания? Больно уже и этого утешения последнего для меня лишиться—читать письма тех, которые были некогда близки ко мне.

Описывать тебе мою жизнь не стану: она однообразна от начала до конца; тут ничего нет интересного ни для кого. Завидна ваша участь быть вместе с теми, с которыми жили прежде: моя одинокая жизнь без друга, приятеля, близкого товарища прежнего—тяжела физически и несносна нравственно.

Прошу тебя, любезный Пущин, поклонись от меня Ивану Александровичу Анненкову и скажи ему, что у меня недавно была старуха Овчинникова, бывшая нянька у них и приехавшая сюда к родным, кажется мне, еще прошлого года; просила меня написать к нему о высылке денег, которые, как она сказывает,

[1] Пометка И. И. Пущина: Пол. 2 декабря.

ей принадлежат (не знаю сколько) и которые она оставила у Ивана Александровича, боявшись взять их с собою в дорогу от разбойников. Я обещал ей это сделать: остальное—не мое дело.

Кланяйся от меня всем товарищам. Оболенскому можно бы обо мне вспомнить; ему кланяется отец Поликарп с семейством, которое все живо и здорово. Крокодилов кланяется Барятинскому, Насонов—тебе: живут вместе. Шишкины—в ужасной крайности. Кланяйся от меня и засвидетельствуй мое почтение Николаю Ивановичу. Письма редко получаю из дому: все больны и хворы—только и новостей оттуда получаю.

Прощай, Пущин; будь здоров. Пиши ко мне.

Твой Иван Горбачевский.

И. И. Горбачевский в последние годы
(из собрания В. С. Манасеина).

IV.

Письма И. И. Горбачевского к М. А. Бестужеву [1].

1.

1861 г. Июня 7-го дня. Петровский Завод.

Любезнейший Михаил Александрович!

В 8 часов утра я с тобой расстался; долго смотрел я с берега на твою сидейку, и когда ты скрылся за свои ворота, я двинулся берегом и уже в 7 часов утра сегодня был дома. Благодарю тебя за твоих лошадей; очень хорошо Никифор нас доставил до Дорофеича; тот тотчас дал хороших лошадей, и вечером я был уже в Мухор-Шибире; а этот перезд в путешествии в Селенгинск есть главное дело:—прочий путь на почтовых нипочем. Сегодня утром такой был мороз, что решительно в грязи вода замерзла, поля были покрыты белым снегом, и мы все ехали в шубах,—незабудь, это—7 июня.

Ты меня обвиняешь часто, что я редко бываю у тебя. Теперь я думаю еще реже буду ездить, потому что мне тяжело и грустно было покидать твоих малюток; такое они на меня произвели впечатление, что как будто совестно их огорчать разлукою; и посуди сам,—приехать на три дня, раздразнить себя

[1] Письма печатаются с подлинников, хранящихся в Публичной Библиотеке в Ленинграде. Исправлена орфография и раскрыты сокращения имен. Второе письмо в настоящем издании впервые печатается полностью.

воспоминаниями, равно и тебя; наделать беспокойства Марии Николаевне [1], а главное, детей приласкать, полюбить и потом их и себя огорчить разлукою; что-ж тут хорошего? Нет, надобно ездить к тебе в 10 лет один раз.

Борис Васильевич [2] завтра едет к вам; посылаю с ним к тебе твои книгу и тетрадь. У нас все по-старому, и Ник. Ник. [3] еще нет. Буду после почты для тебя приготовлять обещанное. Я сегодня получил письмо от Оболенского из Калуги; особенного ничего нет. Письмо от 7-го-февраля; удивительно, где оно лежалб так долго.

Волков посылает к тебе записку. Выходит, что какой-то матрос подавал прошение о возвращении из Сибири в Россию, и через это их всех простили. Волкова весною требовали в волость (в Мухор-Шибир). Спрашивали его, желает ли он возвратиться и прочие, и все до сих пор с прошлого года нет толка. Он ходил и к Жуковскому; тот ему все обещал и до сих пор молчит.

Кланяйся и отдай мой сердечный привет и поклон и мое глубокое почтение Марии Николаевне; детей твоих обнимаю и целую. Саша сегодня рассказывает целый день своим родным о Коле и Леле.

Прощай, будь здоров. Твой навсегда

Ив. Горбачевский.

Вещи для Дмитрия Дмитриевича [4], которому крепко поклонись, заказаны уже; также и для Федосии Дмитриевны [5] и Катерины Захарьевны.

---

[1] Жена Бестужева, урожд. Селиванова.

[2] Белозеров—купец в Петровском Заводе, сосед Горбачевского.

[3] Дубровин—управляющий Петровского Завода.

[4] Старцева, Селенгинского купца, с которым водили знакомство многие декабристы.

[5] Старцевой.

2 [5].

1861 г. Июня 12-го дня. Петровский Завод.

Ты меня просил, когда я был у тебя, любезнейший Михаил Александрович, чтобы я написал тебе список наших товарищей по разрядам; где и когда, кто из них был арестован, и где он содержался и умер; или кто жив теперь, где находится в Сибири или в России. Сколько могу припомнить вот тебе список.

1. *Пестель.* Был арестован в Тульчине или в штабе полка Вятского, не помню, - но только в самый день 14 декабря 1825 г. Потом содержался в Петербургской крепости, в Алексеевском равелине; как известно, повешен, но с веревки не сорвался, как другие его товарищи.

2. *Рылеев.* Не знаю, в какое время арестован и где. Повешен, но с веревки не сорвался. Содержался в Алексеевском равелине.

3. *Сергей Муравьев-Апостол.* Арестован сначала был около Василькова, Киевской губ. в деревне Трилесы, в квартире поручика Кузьмина, который со своею ротою Черниговского полка в этой деревне квартировал. Кузьмина в это время дома не было; он был в Василькове с прочими членами Славянского Общества, ожидая приезда Муравьева-Апостола

---

[5] К этому письму Горбачевского Бестужев сделал кое-где примечания на полях. Эти примечания печатаются здесь под строкою с пометою: М. Б. В списке декабристов, составленным Горбачевским, имеются неточности и ошибки; они не оговорены редактором, так как это потребовало бы очень обширных примечаний, между тем они излишни теперь с появлением в свет «Алфавита декабристов», с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, оставленными на основании исключительного по богатству и ценности архивного материала. Равным образом не оговорены в примечаниях и явные фактические ошибки и противоречия Горбачевского в тех отступлениях, в которых он сообщает Бестужеву разные эпизоды из истории общества.

обратно из Житомира. Но, получивши записку от Горбачевского, чрез посланного им в Черниговский полк подпоручика Андреевича, они уехали из Василькова тотчас же в Трилесы по разным дорогам с тем, чтобы, встретя на дороге Муравьева, отбить его и освободить из-под ареста. Кузьмин и Соловьев поехали по одной дороге, Сухинов и Щепила—по другой; но, не встретя Муравьева, они приехали почти в одно время в Трилесы и освободили Муравьева-Апостола с братом его Матвеем и Бестужевым-Рюминым. Вследствие этого было восстание Черниговского полка. Все это происходило 29-го декабря 1825 г. 30-го декабря пришли с ротами в Васильков; 31-го декабря 1825 г. был отдых и собирались в поход; 1-го января 1826 г. был молебен на площади, — священник прочитал перед полком краткую выписку из «Русской Правды», и двинулись в поход. Под Трилесами или за Трилесами (та же самая деревня) встретились с гусарами и с артиллериею конною генерала Гейсмара (войска Гейсмара были без офицеров, тоже и артиллерия), который войска Муравьева лучше сказать, расстрелял, чем разбил. Тут был арестован раненый картечью в голову, упавший с лошади Сергей Муравьев-Апостол [1]. (Числа все надобно поверить после, но, кажется, как помню, пишу верно).

Тут [2] много любопытных подробностей, которые

---

[1] Выписка на полях карандашем почерком и с правописанием М. Бестужева: Брат Муравьева Ипполит не мог пережить поражения и застрелился на поле битвы. Кузьмин был ранен на вылет картечью в левый бок. Щепила был убит. Кузьмина, Соловьева, Сухинова, Мозалевского и Быстрицкого арестовали тут же. Когда привезли их на ночлег в крестьянскую холодную мазанку, они нашли тут же раненного Серг. Муравьева, и Кузьмин, воспользовавшись минутою, когда упавшему в обморок Муравьеву бросились помогать, застрелился большим пистолетом, который он скрыл под шинелью. М. Б.

[2] Это пропусти в своем рассказе; это только для тебя пишу.

надо читать в записках, если бы удалось их написать; а это мне завещал сам Сергей Иванович Муравьев-Апостол, прощаясь со мной в последний раз ночью с 14 на 15 сентября 1825 года под Лещиным в лагере [1].

Странная вещь, в это время, когда мы в его балагане разговаривали, я нечаянно держал в руках его головную щетку; прощаясь, я ее положил к нему на стол; он, заметя, взял во время разговора эту щетку, начал ею мне гладить мои бакенбарды (так, как это делал часто со мною твой брат Николай); потом, поцеловавши меня горячо, сказал:

— Возьмите эту щетку себе на память от меня;— потом прибавил —ежели кто из нас двоих останется в живых, мы должны оставить свои воспоминания на бумаге; если вы останетесь в живых, я вам и приказываю, как начальник ваш по обществу нашему, так и прошу, как друга, которого я люблю почти так же, как Михайлу Бестужева-Рюмина, написать о намерениях, цели нашего общества, о наших тайных помышлениях, о нашей преданности и любви к ближнему, о жертве нашей для России и русского народа. Смотрите, исполните мое вам завещание, если это только возможно будет для вас.

Тут он обнял меня, долго молчал и от грустной разлуки, наконец, еще обнявшись, расстались навеки.

Тут все я пропускаю, что мы говорили, и какие наши были тайные намерения, и о чем я его упрашивал;—все это, все это должно быть в записках, если они когда-либо будут написаны. Но вот еще, о чем я тебе хотел сказать: не знаю, по какому случаю, я эту щетку положил в боковой карман моей

[1] От этого места и кончая словами: «головной щеточки» на стр. вычеркнуто карандашем, надо полагать, самим Горбачевским из первоначального текста письма.

шинели (в то время, как я был у Муравьева-Апостола, я был в мундире, и шел дождь,—вот я думаю, отчего она очутилась в шинели) и она в этом кармане оставалась до самого моего ареста, потому, вероятно, что я мало на нее обращал внимания, и не до того было. Так она со мной с арестованным и приехала в Петербург; вероятно, во время дороги и от долгого времени, карман разодрался, и она провалилась в самый низ полы шинели, между сукном и подкладкой. Вообрази, эта щетка сохранилась от всех обысков во дворце, в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, в Кексгольме, в Сибири и осталась до днесь со мною и у меня и теперь. Трубецкой все силы употреблял, чтобы у меня ее выманить как-нибудь, наконец, давал мне за нее 500 рублей серебром и писал, что если я вздумаю ее продать или отдать, то чтобы во всяком случае она ему бы досталась. Поджио, видевшись со мной в последний раз в Верхне-Удинске в 1859 году, предлагал мне 1.000 руб. серебром, или отдать ее ему так, на память его дочери Варваре. Теперь у этой щетки волосы почти все выпали, сам не знаю отчего,—почти осталось одно древко; но я не могу с нею расстаться, так она мне дорога, несмотря на всех покупщиков (а их было много) и мои нужды. Но я заговорился и отступил от рассказа по случаю этой головной щеточки.

Арестованного, раненого и больного Муравьева-Апостола увезли тотчас в Петербург. Говорю тебе за верное и несомненное, что я знаю его разговор во дворце с государем; видел его в доме коменданта и его четырех товарищей, перед тем, когда нам читали сентенцию перед Верховным Уголовным Судом [1].

---

[1] Выноска наверху листа карандашем почерком М. Бестужева: Это была счастливая случайность. Каждый разряд для слушания сентенции собирался в особые комнаты, кругом

Потом, после сентенции, в ту ночь, когда его и его товарищей вели из крепости на казнь, я сидел в каземате в то время уже не в Невской куртине, а в кронверке, и их мимо моего окна провели за крепость. Надобно же так случиться, что у Бестужева-Рюмина запутались кандалы, он не мог итти далее; карэ Павловского полка как раз остановилось против моего окна; унтер-офицер пока распутал ему и поправил кандалы, я, стоя на окошке, все на них глядел; ночь светлая была. Карэ тронулось и, когда через час нас вызвали в карэ, тоже итти на казнь, и когда мы пришли за крепость, то перед нами стояла на валу одна виселица с пятью петлями. Это было в два часа ночи с 12 на 13-е июля 1826 года. Не знаю, где ты был в это время,—я не успел у тебя спросить; —кажется, вас всех гвардейских офицеров взяли в особенные карэ, и вас уже казнили перед своими полками; мне так сказывал Барятинский.

Муравьев-Апостол сорвался с веревки; не знаю, лопнула ли она от тяжести, или сорвалась, но он полетел вниз, когда у них вырвали скамейку из-под ног; он сильно ушибся, кровь лилась с его лица; с ним вместе сорвались, каждый со своей петли, Бестужев-Рюмин и Каховский. Когда их подняли палачи, Муравьев и Бестужев поворотились задом и пожали друг другу руки (руки были связаны назад); Каховский же в это время, пока приготовляли новые петли, ругал беспощадно исполнителя приговора, тут же бывшего генерал-губернатора петербургского Голенищева-Кутузова. Ругал так, как ни один простолюдин не ругается [1]: «Подлец, мерзавец, у тебя и веревки крепкой нет; отдай свой аксельбант

уставленные Павловскими гренадерами. Дверь из комнаты, где был собран 1-й разряд, распахнулась в ту комнату, где стояли пятеро висельников; я и многие бросились к ним. Но мы только успели обняться, нас и разлучили.—М. Б.

[1] «Подлец... и проч.»—Выноска Горбачевского на полях.

палачам вместо веревки и проч.». Их троих в скорости опять вторично повесили.

Говорили и говорят, что Пестель, Рылеев и проч. оторвались,—пустяки,—я это знаю положительно, что Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были так несчастны, что вытерпели такую муку; Рылеев же и Пестель сразу повисли. Об этом в нашей куртине не только рассказывал сам плацмайор Подушкин и плац-адъютанты, но еще мне рассказывал офицер Волков, бывший при самой виселице во время казни; и все рассказывали в одно и то же слово.

Все пять тел мучеников положили в один ящик и спрятали в комнате, которая была сделана в валу, где они и до смерти своей содержались, пока итти на петлю. Народу после сказали, что тела их брошены в воду Крепостного канала, и народ все смотрел в воду, говорят, целый день; одни приходили смотреть в воду, другие уходили, ничего не видавши и, кивая головами. С 13-го на 14-ое июля ящик с телами пятерых увезли на какой-то остров Финского залива и закопали в яму вместе с известкою. Работали яму и прочее, говорят, солдаты инженерной команды Петербургской крепости вместе с палачами. Одни говорят, что тела похоронены за Смоленским кладбищем на острове, другие—около завода Берда тоже на острову. Положительно об этом последнем обстоятельстве не знаю [1].

Много бы я тебе сказал о моих сношениях с Муравьевым-Апостолом, и что мы делали, что говорили,

---

[1] Выписка наверху листа почерком М. Бестужева: Их схоронили на Голодае за Смоленским кладбищем и, вероятно, недалеко от Галерной Гавани, где была гауптвахта, потому что с этой гауптвахты наряжались часовые, чтобы не допускать народ на могилу висельников. Это обстоятельство и было поводом, что народ повалил туда толпами. Хорошие секреты!!!—М. Б.

что намеревались делать, и что был он за человек. Это все теперь не пишу; это все не следует к твоим вопросам в настоящее время.

4. *Михаил Бестужев-Рюмин.* Был юнкером в старом Семеновском полку; за бунт в 820 г. переведен офицером в Полтавский пехотный полк и жил всегда у Муравьева-Апостола. Повешен, оторвался и опять повешен. Я многое о нем знаю.

5. *Каховский* [1]. Не знаю его, — повешен и оторвался, опять повешен.

---

[1] Перед фамилией Каховского—сноска, под которой на отдельном приложенном листе—следующее пространное замечание М. Бестужева: Сорвались с петли из пяти висельников—точно трое: М. Бестужев, С. Муравьев и третий, ты говоришь, Каховский: я утверждаю—Рылеев. Ты основываешь свое убеждение на словах плац-майора Подушкина, плац-адъютантов и офицера Волкова; но из всех из них свидетельство только Волкова, как единственного личного свидетеля принять должно; все прочие говорили по слухам. Но как мог знать Волков, кто Каховский, кто Рылеев? У кого он мог спросить об этом? Не у палача же, не у Кутузова же!...

Сверх того тюремная казнь? морально так изменила всех нас, что брат Николай едва признал Рылеева, когда в Алексеевском равелине они бросились друг другу на шею. И чтоб яснее доказать тебе, что молодой офицер Волков, присутствуя по обязанности на такой страшной экзекуции при благородстве его чувств (что он тебе потом доказал в Кексгольме), был ошеломлен, был нравственно уничтожен ужасом совершившейся перед его глазами драмы.

В доказательство сему я приведу его же свидетельство, повторенное тобою, что, когда висельники сорвались с петли, они приблизились друг к другу и пожали связанные руки на вечное прощание. Они сделать этого не могли по двум очень уважительным причинам. Во-первых, потому, что упавши, на пороге смерти, они больно ушиблись и были не в состоянии исполнить этого обряда. Один Рылеев, разбив при падении голову и потеряв много крови, мог подняться и говорить с Кутузовым. Во-вторых, они не могли этого сделать уже потому, что были наряжены перед казнью в какие то мешки, с круглыми отверстиями на дне, куда просунули головы осужденных и под ногами связали веревкой.

В лихорадочном состоянии своей памяти, Волков смешал моменты: точно это было, но только было в начале казни.

1 разряд.

1. *Трубецкой (Сергей).* Арестован в доме австрийского посланника 14 декабря; после сентенции через пять дней из Петропавловской крепости увезен в Сибирь, в Нерчинский Завод; был на Благодатском руднике; потом—в Чите, в остроге; после до 1839 г. июля 13-го—в Петровском Заводе в каземате. Выпущен на поселение в Оек, деревню около Иркутска. Жил после в Иркутске. Уехал в 856 г. в Москву. Умер в Москве 1860 г. в ноябре месяце.

Когда осужденных ввели на эшафот, все пятеро висельников приблизились друг к другу, поцеловались и, оборачиваясь задом, потому что руки были связаны, пожали др г другу руки, взошли твердо на доску, которая должна была заставить их умирать дважды; и эта доска эти веревки не изменили надеждам Незабвенного.—Они умерли дважды, может быть умирали в медленных страданиях целые тысячилетние минуты, но умерли, погибли, а этого-то только ему и хотелось.

Теперь я тебе хочу привести свои доводы, что третий, сорвавшийся с петли, был Рылеев, а не Каховский. В тот же день тот же самый плац-майор Подушкин посетил меня в Невской Куртине. Когда я его спросил:

— Скажите, пожалуста, мы знаем, что повешенных должно быть пять, а мы видели только двух?

— Три сорвались, батюшка, сорвались!—отвечал он.

— Кто же сорвался?—спросил я.

— Муравьев-Апостол, Бестужев и еще третий—он бранился с генерал-губернатором Петербурга.

— Кто же это?

— Ну, право, батюшка, не знаю.

Плац-адъютант Трусов положительно сказал, что это был Рылеев. Впоследствии, когда наши дамы прибыли в Читу, Катерина Ивановна Трубецкая и Александра Григорьевна Муравьева подтвердили это. Они говорили, что в тот же день во всех аристократических кружках Петербурга рассказывали как достоверное, сделавшееся известным через молодого адъютанта Кутузова, что из трех сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылеев и, обратившись к Кутузову, сказал:

— Вы, генерал, вероятно приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите—мы умираем в мучениях.

2. *Оболенский* (Евгений). Не знаю, где и когда арестован. Вместе с Трубецким увезен в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник. Переведен в острог в Читу, потом в Петровский Завод. Выпущен на поселение в 839 году, вместе со всеми 1-го разряда. Просился на поселение в Верхне-Удинск; его поселили против его желания в Етанцинскую волость, в деревню Турутаеву; оттуда переведен по просьбе своей сестры в г. Ялуторовск. Теперь живет в Калуге.

3. *Муравьев-Апостол* (Матвей). Взят под Трилесами вместе с братом и арестован. Содержался в Петропавловской крепости; потом вывезен в Финляндию, кажется, в крепость Шварцгольм [1]. Не был в каторжной работе, а послан в 1827 году прямо на поселение в Якутск. В Иркутске в остроге виделся с Горбачевским. Теперь живет в Твери. Был на поселении после Якутска в Ялуторовске—до 1856 г.

4. *Борисов 2-й* (Петр). Основатель Славянского Общества, целью которого было освобождение всех славян в Европе и соединение их в одну федеративную республику. Арестован на квартире у Горбачевского, к которому он приехал из Новград-Волынска, где служил в 1-й батарейной роте, 8-й Артиллерийской бригады. Горбачевский в это время жил 30

Когда же неистовый возглас Кутузова:

— Вешайте их скорей снова!.. — возмутил спокойный предсмертный дух Рылеева, этот свободный, необузданный дух передового заговорщика вспыхнул прежнею неукротимостью и вылился в следующем ответе:

— Подлый опричник Тирана! Дай же палачу твои аксельбанты, чтоб нам не умирать в третий раз. М. Б.

От редактора: И. Горбачевский и М. Бестужев оба не правы в споре о том, кто из пяти казнимых сорвался с петли: всеподданнее мое донесение ген.-ад. Голенищева-Кутузова определенно называет Муравьева, Каховского и Рылеева (см. «Записки кн. М. Н. Волконской» под ред. П. Е. Щеголева. СПБ. стр. 173).

[1] Вычеркнуто карандашем: — «где стояла рота конная артилл. под командою подполковника Глинки».

верст от Новград-Волынска в местечке графа Вашлевского в Барановке, где стояла артиллерийская, 8-й же бригады, 2-я легкая рота, куда на время был он прикомандирован. После сентенции увезен с Трубецким, в Сибирь, в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник, потом—в Читу и оттуда—в Петровский Завод. В 1839 г.—на поселение в деревню Подлопатки около Селенгинска, где жил около года с братом своим Андреем. Потом переведен под Иркутск в д. Разводную, где от удара умер. Там и похоронен. Не знаю и не помню, в каком году.

5. *Борисов 1-й* (Андрей). Служил с братом в 8-й арт. бригаде, в 1-й батарейной роте, вместе с Горбачевским; вышел в отставку в 824 году и жил в Курской губернии. В 825 году был вытребован Горбачевским в Новград-Волынск, после Лещинского лагеря. Был посылаем в разные места и арестован в Курской губернии [1]. Был везде вместе с братом Петром, и когда брат умер скоропостижно в Разводной, он в отчаянии хотел зарезать себя бритвою, потом зажечь дом, но этого не мог и тотчас же повесился. Он в Петровском каземате помещался и был до смерти таким. Похоронен в одной могиле с братом в Разводной.

6. *Горбачевский* (Иван). Родом Черниговской губернии; служил в 8-й артиллерийской бригаде, в 1-й батарейной роте; потом был в 825 году прикомандирован в ту же бригаду во 2-ю легкую роту. Служил вместе все время с Петром Борисовым; был принят в 820 году [2] в Славянское Тайное Общество.

---

[1] Зачеркнуто и сверху карандашем рукою Бестужева надписано: «Форт Славу».—М. И. Муравьев был после приговора заключен в Роченсальме.

[2] В показании Следственной Комиссии Горбачевский относит основание Общества Соединенных Славян к 1823 г., и вступление свое в него к концу того же 1823 года.

В 825 году, при соединении Славянского Общества с Южным, был выбран членами общества начальником Славянской Управы, самой многочисленной и решительной по характеру ее членов. Был арестован в скорости после Борисова Петра [1]. После сентенции в пятый (кажется) день был отправлен из Петербургской крепости вместе со Спиридовым и Барятинским в крепость Кексгольм и посажен был вместе с ними в отдельную от крепости на острову башню под названием в простонародии Пугачевской башни.

И, действительно, они там застали в башне двух дочерей знаменитого Пугачева, казненного в Москве, в 1775 году. С тех пор содержались там эти две жертвы, и, когда привели в башню Горбачевского, Спиридова и Барятинского, то чрез несколько времени (дней) [2] их выпустили жить на форштадт крепости Кексгольма, под присмотр полиции, выдавая им по 25 коп. ассигнациями в сутки. Тут же с ними с 1775 года содержалось все семейство Пугачева: казачка—законная его жена, сын и две дочери, и еще взятая им в жены во время бунта какая-то офицерская дочь, бывшая у него женою под именем императрицы Екатерины Алексеевны; до приезда новых арестантов (Горбачевского, Спиридова и Барятинского), все они прежде в разное время померли, там же остались в живых две дочери, выпущенные из башни во время приезда Горбачевского, Спиридова и Барятинского.

Из Кексгольма перевезли нас в 1827 году в апреле месяце в Шлиссельбург (крепость на Ладожском озере) [3], где они содержались до октября месяца

---

[1] Выноска на поле: В Волынской губернии, Новоград-Волынского уезда, в М. Барановке.

[2] Вставка над строкой.

[3] Далее карандашем вычеркнуты слова: «опять Горбачевского, Спиридова и Барятинского».

того же года, и оттуда Горбачевский отправлен был с фельд-егерем в Восточную Сибирь, в Читу, вместе с Барятинским, Николаем и Михаилом Александровичами Бестужевыми. Оттуда Горбачевский в 830 году переведен в Петровский Завод в каземат, где содержался и работал вместе с прочими казенную работу до половины 1839 года, потом выпущен на поселение (с запрещением выезда куда-либо—так и всем приказно было) в Петровский Завод и там оставлен на житье, хотя прежде и просился вместе с Оболенским и Быстрицким жить на поселении в городе Верхнеудинске. Теперь живет постоянно в Петровском Заводе, Забайкальской области.

7. *Спиридов* (Матвей или Матвеевич—не помню). Арестован в Волынской губернии, в г. Старом Константинове. Из Петербургской крепости отослан был с Горбачевским и Барятинским в Кексгольм, потом—в Шлиссельбург, потом—в Читу и оттуда—в Петровский Завод. Выпущен на поселение в 839 году в деревню около Красноярска. Умер в Красноярске, не помню, в котором году.

8. *Барятинский* (Александр). Арестован в Тульчине 14-го декабря 1825 года. Из Петербургской крепости после сентенции отправлен с Горбачевским и Спиридовым в Кексгольм;—оттуда с ними в Шлиссельбург; потом в Читу; оттуда в Петровский Завод. Больной отправлен на поселение в 1839 году в Тобольск, там и умер холостым и бездетным, хотя и было сказано после, при амнистии, что его детям возвращено княжеское достоинство: все это ложь[1].

---

[1] Барятинский, кн. Александр Петрович, был женат на местной Тобольской крестьянке; по амнистии 26 августа 1856 г. его детям, рожденным после приговора, даны права потомственного дворянства, а 30 августа им дарован и княжеский титул, который носил их отец до осуждения.

9. *Кюхельбекер* (Вильгельм, или как мы его звали Василий). Не знаю когда арестован [1].

Из Петербургской крепости привезли его после нас в Кексгольм в августе месяце 1826 г. вместе с Александром Поджио и Вадковским. Потом — в Шлиссельбург, где и оставался в крепости 10 лет в каземате. Когда ему вышел срок на поселение, его из крепости привезли в Сибирь и поселили отдельно от брата его родного Михаила в Акше на границе Монголии; там женился; оттуда переведен был в Баргузин к брату, из Баргузина—в Курган; там ослеп и там же умер.

10. *Якубович* (Александр) [2]), впрочем не помню хорошо, как его звали (а как были коротко знакомы!). Арестован в Петербурге 14-го декабря 1825 г. Из крепости Петербургской с Грубецким, Оболенским и Артамоном Муравьевым отправлен был прямо в Сибирь, в Нерчинский Завод, в Благодатский рудник. Потом—в Читу, в Петровский Завод. В 1839 г. со всеми вместе первого разряда отправлен на поселение; был поселен около Иркутска [3]); потом, перепросившись на житье в Красноярскую губернию по просьбе и совету какого-то золотопромышленника [4]), который обещал ему золотые горы и после обманул кругом, что называется. Сильно простудился и умер

---

[1]) В Варшаве, куда он успел пробраться после 14 декабря. Счастливо избежав по пути все опасности преследования он, как истый немец, был арестован в Варшаве из желания после долгих лишений—выпить чашку кофе. Проходя мимо гауптвахты, он признал мундир того полка, где один из его знакомых офицеров славно варил кофе, подошел к солдатам и начал расспрашивать, где живет такой-то. Это возбудило подозрение, и он был задержан. (Выноска на полях почерком М. Бестужева).

[2]) Александр Иванович. (М. Б.)

[3]) В дер. Кузмихе (М. Б.).

[4]) Мальвинского. (М. Б.)

бедный Якубович в глуши и без всякого пособия в какой-то деревушке.

11. *Поджио* (Александр). Родился в Киевской губернии. Арестован в своем имении в Чигирнском уезде; из Петропавловской крепости вместе с Кюхельбекером и Вадковским в августе привезен в Кексгольм, где были уже Горбачевский, Спиридов и Барятинский, и содержался до апреля месяца в Пугачевской башне (там было 6 казематов вверху). Потом—в Шлиссельбург, в Читу, в Петровский Завод; оттуда—на поселение, отдельно от брата родного около Иркутска [1]); потом жил вместе с братом своим Осипом; жил после в Иркутске, уехал в Россию к родным, которые его вызвали и обманули; переселился в Воскресенск около Москвы, в имение Дарагана. Пишет Горбачевскому (от апреля 1-го 1861 г.), что простудился в вагоне на железной дороге, провожая графа Амурского, и получил водяную болезнь;—вероятно, умрет.

12. *Муравьев* (Артамон). Арестован в Бердичеве; из крепости Петербургской увезен вместе с Якубовичем и Давыдовым в Сибирь, в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник. Потом в Читу, в Петровский Завод; в 1839 г. на поселение отправлен в Елань, около Иркутска; переведен оттуда в Разводную, там и умер.

13. *Вадковский* (имя забыл). Арестован в Курской губернии в одно время с Пестелем и Барятинским. Из Курска привезен был чрез Архангельск (для чего все это было—неизвестно) в Шлиссельбург; потом—в Петропавловскую крепость; оттуда—в Кексгольм с Поджио и Кюхельбекером; оттуда в Шлиссельбург опять; потом—в Читу, в Петровский Завод. 1839 г.—на поселение в Оек, Иркутской губ. Там и умер.

---

[1]) В Усть-Куде. М

14. *Бечаснов* (Владимир). Арестован в Барановке, где жил, служивши в 8 арт. бригаде, во 2-й легкой роте. Из Петропавловской крепости был отвезен в Финляндию (не помню крепости); оттуда в Читу, в Петровский Завод. В 1839 г.—на поселение около Иркутска [1]). Умер в Иркутске.

15. *Давыдов* (Василий). Не знаю, где арестован. Из Петропавловской крепости увезен с Якубовичем в Сибирь, в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник; оттуда—в Читу, в Петровский Завод. В 1839—на поселение в Красноярскую губернию; умер в гор. Красноярске.

16. *Юшневский* (Алексей). Арестован в Тульчине. Из Петропавловской крепости перевезен в Шлиссельбург, оттуда—в Читу, в Петровский Завод. В 1839 г. —на поселение в Разводную около Иркутска. Во время похорон Вадковского в церкви упал и мгновенно умер.

17. *Бестужев* (Александр). Не знаю, где и когда арестован. Из Петропавловской крепости увезен вместе с Муравьевым-Апостолом в Финляндию; оттуда [2]) —прямо на поселение в Якутск. (Проездом чрез Иркутск в Иркутском остроге виделся тайно и ночью с братьями своими Николаем и Михаилом); оттуда—в Грузию, где и убит.

18. *Андреевич 2-й* (Яков). Арестован в Киеве. Из Петропавловской крепости отправлен в Шлиссельбург; оттуда—в Читу, в Петровский Завод. В 1839 г. больной отправлен на поселение, но только доехал до Верхнеудинска; там в скорости умер в больнице.

19. *Муравьев* (Никита). Где арестован, не знаю. Из Петропавловской крепости увезен в Сибирь, в Читу, в Петровский Завод. Не помню, в котором году

---

[1]) В дер. Смоленщине М. Б.

[2]) На сутки привезен был в Шлиссельбург М. Б.

увезен на поселение, только знаю, что раньше 1839 года. Умер в Урике, около Иркутска.

20. *Пущин* (Иван). Арестован 14 декабря 1825 г. Из Петропавловской крепости отправлен в Шлиссельбург, оттуда—в Читу; в 1830 г. со всеми вместе—в Петровский Завод; в 1839 г. на поселение в Тобольскую губ. (не знаю куда). Потом жил в Ялуторовске; возвратился после амнистии в 1856 г. в Россию. Там женился на вдове своего товарища фон-Визина; жил в Московской губернии около Брониц, в с. Марьиной, имении своей жены, где в скорости умер, и там же похоронен.

21. *Волконский* (Сергей). Арестован в Умани, Подольской губ. Из Петропавловской (крепости) [1] отправлен с Борисовым вскорости после сентенции в Сибирь, в Нерчинский Завод, на Благодатский рудник; оттуда—в Читу, потом—в Петровский Завод. Отправлен на поселение раньше 1839 года в Урик; возвращен в 1856 г. в Россию. Жил около Москвы, потом отпущен за границу. Теперь живет, как пишут Горбачевскому Поджио и Оболенский, в Биарице.

22. *Якушкин* (Иван). Не знаю, где арестован. Из Петропавловской крепости был в Финляндии [2], потом—в Чите, в Петровском Заводе. Был на поселении в Ялуторовске; возвратился в Россию. Больного выгнали его из Москвы; он переехал больной в Тверскую губ., где от горя и разлуки с родными вскорости умер в деревне у какого-то старого своего приятеля.

23. *Пестов* (Александр). Служил в 9-й артиллерийской бригаде; арестован в Житомире. Из Петропавловской крепости переведен в Шлиссельбург, от-

[1] В подлиннике: губер.

[2] Форт Славе, с братом Александром, Матвеем Муравьевым, Арбузовым и Тютчевым М. Б.

туда в Читу—в Петровский Завод, где в каземате и умер в 1833 году; там же в Заводе и похоронен.

24. *Арбузов* (не помню, как звали) [1]. Арестован 14 декабря в Петербурге. Из Петропавловской крепости был в Финляндии, оттуда в Читу, в Петровский Завод. Умер в Тобольской губ., не знаю где.

25. *Завалишин* (Дмитрий). Был в кругосветном путешествии; в Камчатку за ним был послан фельдегерь; привезен был в Петербург в 1825 г.; но государь уехал в Крым, и он ожидал на счет свой решения; жил в Петербурге.—14-го декабря арестован, оправдался и был выпущен; опять взят в крепость. После решения увезен в Финляндию; оттуда в Читу, в Петровский Завод. В 1839 г. выпущен на поселение прямо в Читу, где [2] до сих пор там и живет [3].

26. *Повало-Швейковский* (Иван). Арестован не знаю где. Из Петербургской крепости был в Финляндии (впрочем не утверждаю, потом—в Чите, в Петровском Заводе и на поселении. Умер в Тобольске.

27. *Панов* (имя не помню) [4], 14-го декабря арестован в Петербурге. Потом был в Финляндии [5], в Чите, в Петровском Заводе. В 1839 г.—на поселении около Иркутска [6]. Умер в Иркутске.

28. *Сутгоф* (Александр). Арестован 14 декабря в Петербурге. Был в Финляндии (не утверждаю) [7]; потом—в Чите, в Петровском Заводе. С поселения около Иркутска взят в солдаты в Грузию, где до сих пор живет [8].

---

[1] Антон Петрович М. Б.
[2] Женился, овдовел М. Б.
[3] Со старухою тещею и двумя сестрами жены М. Б.
[4] Николай Алексеевич М. Б.
[5] С Повало-Швейковским М. Б.
[6] В дер. Веденщине М. Б.
[7] С Пановым и Швейковским М. Б.
[8] Из отставки просился и назначен в Пятигорский госпиталь смотрителем М. Б.

29. *Щепин-Ростовский* (Дмитрий). Арестован 14 декабря. Был в Финляндии после решения, потом в Чите, в Петровском Заводе; на поселении—в Тобольской губ. Возвратился в Россию и недавно умер в Ярославской губернии.

30. *Дивов* (не знаю, как зовут). Куда девался из Петропавловской крепости, неизвестно [1]; говорили, что он был в Бобруйской крепости в работе; жив ли он, или умер, тоже неизвестно.

31. *Тургенев* (не знаю, как зовут). Прежде 14 декабря уехал за границу и до сих пор там находится. Наталия Дмитриевна Пущина писала к Горбачевскому в 1861 году, что Матвей Муравьев-Апостол видел Тургенева на железной дороге в Твери в декабре 1860 г.: ехал за границу с тем, чтобы более не возвращаться в Россию.

Всего в 1 разряде 31 человек [2].

Вот тебе, любезный Мишель, первый разряд с сухою хроникою, которую ужасно скучно писать таким образом. Надобно бы писать и описать каждого характер, степень ума, действия в обществе; род, откуда явился, где служил, какой губернии, где учился, что делал, что думал, что с ним приключалось в жизни и пр., и пр. Но есть ли возможность это сделать? (Признаюсь чистосердечно, я бы это и мог сделать, и исполнить завещание Сергея Ивановича, сколько сил достало бы, потому что любопытствовал много, у всех расспрашивал, и у меня память на это чертовская). Но, посмотри хорошенько на мое душевное и физическое положение; до того

---

[1] Из Петропавловской крепости был в Шлиссельбурге, а потом куда девался—неизвестно М. Б.

[2] Приписка карандашом внизу страницы.

ли, чтобы писать историю или записки о всем, что я видел в жизни моей, слышал и испытал. Ведь это надобно написать целые томы, и ты этому поверишь, когда со временем я тебе сообщу только одни наименования глав, о чем надобно писать. Пожалуй, я тебе, так-сказать, дам одни рамки, а ты вставляй туда, какие хочешь картины, и рисуй, как можешь, ежели ты в состоянии это сделать,— т.-е. я разумею, если у тебя есть память, факты и материалы. Лет не знаю сколько, но только много тому назад времени, я написал было порядочную тетрадь, не ту, что ты видел, а другую; любопытная вещь была; многие, которым я давал читать, восхищались, дорого ее ценили. Но в одно прекрасное утро мне надобно было из дому куда-то отлучиться надолго; думал, думал, что делать с такою массою бумаги написанной,— кому отдать? Кому все это поручить? Не нашел человека по нашему разумению: взял все и бросил, и побросал в печку, которая, как нарочно, тут же топилась; даже едва достало терпения у меня бросать все в огонь, такая была масса исписанной бумаги. Говори, что хочешь, а дело сделано; не ты один меня за это ругаешь,—даже есть один такой мой приятель,что за этот пожар перестал со мною переписку иметь, так рассердился на меня.

Слушай, что я тебе скажу, и ты должен мне верить, потому что мне 61-й год и стыдно бы было лгать и что-либо преувеличивать. Если бы мне удалось написать или описать свою жизнь, оно было бы очень любопытно. Начиная с 1812 года, когда мне уже было 12 лет, когда мы бегали от французов, и за французами; потом мое воспитание в гимназиях, у иезуитов, потом в корпусе, описать бы все это; как нас учили, какие были учителя, понятия того времени, нравы, обычаи, начальство; кого я в это время видел, что об них говорили, и проч., и проч. Все это я помню,—и помню так, что могу судить справедли-

во, и описать, как следует [1], потому что я по своему положению почти не имел детства; я не помню, чтобы я был ребенком, отроком, юношею;—так были развиты понятия и такая была жизнь моя; причиною всему было—тогдашние обстоятельства и обстоятельства семейства нашего. Потом вступление в тайные общества; тут широкое поле является для описания; мы, кроме того, что исполняли службу честно и аккуратно, мы еще трудились, читали, писали, работали; шныряли везде;—забыли родных, радости и веселие... За все это попали в крепость и в Сибирь. Тут с этой эпохи опять новый мир; аресты, тюрьмы всех возможных родов (даже я сидел под арестом двое суток в церкви, как я тебе сказывал,—каторжная работа; потом поселение не лучше казематов и каторжной работы; потом рассеяние наше по всей русской земле, смерть товарищей, потери и проч., и проч.

Но это еще не все. Я жил и живу между русским народом, не отделяясь от него никогда; такое уже мое положение, такие обстоятельства и такое место. Тут много любопытного, замечательного, интересного; а ссыльные, что за народ любопытный,—оклеветанный, убитый, но люди умные, рассудительные, даже—скажу тебе страшную вещь—люди очень добрые и честные. Многих я из них видел, говорил с ними, многим я был даже приятель;—что они рассказывают—это поэзия. Что твои в журналах повести стоят против рассказов и их приключений! Я никогда не читаю журнальных повестей; мне, если скучно, заведу разговор с ссыльным,—вот тебе и повесть,—да, еще какая! Говорят, что они много врут, пускай себе врут, эта ложь основана на исторической достоверности, и на то есть у меня ум, чтобы из его рассказа взять все достоверное, хорошее и лю-

---

[1] Вставка карандашом — почерком Горбачевского: «Это было бы хорошо».

бопытное. Здесь был Максимов, писатель, он хотел все узнать в три дня и уехал. Так не живут с народом, и так в короткое время нельзя его узнать; жаль, что так случилось, а он человек умный.

Как мне тоже жаль, что вы с братом Николаем приковали тебя к этой скале Селенгинской. Разве вы жили и живете между народом?—вовсе нет. Несколько купцов, казаков и офицеров, и чиновников —это не народ. Много через это вы все, все, и все потеряли.

Я не могу забыть той брошюрки, которую я у тебя читал,—сочинение нашего Ив. Ив. Пущина о своем воспитании лицейском и о своем Пушкине, о котором он много написал. Бедный Пущин—он того не знает, что нам от Верховной Думы было даже запрещено знакомиться с поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным, когда он жил на юге [1]. И почему? Прямо было сказано, что он по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного Общества [2]).

И теперь я в этом совершенно убежден,—и он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: «Скажи ему [3], если бы не это, я бы был весь его».— Что это такое? И это сказал народный поэт, которым именем все аристократы и подлипалы так назы-

---

[1] Поразительная—и тем более у Горбачевского с его редкой памятью—ошибка. Пушкин с осени 1824 г. жил уже в Михайловском; запрещение же знакомств с ним (если бы таковое когда-нибудь было) «славяне» могли получить от Верховной Думы только после соединения с большим обществом, т.-е. осенью 1825 года. Очевидно общее расположение Горбачевского к Пушкину путем какой-то сложной аберрации укоренило в памяти его этот мнимый «факт».

[2]) Совестно было ему об этом сказать,—не знаю, он догадывался,—я часто с ним говорил о Пушкине, сидевши вместе в 3-м отделении Петровского каземата.

[3] Т.-е. Николаю I.

вают. Прочти со вниманием об их воспитании в лицее; разве из такой почвы вырастают народные поэты, республиканцы и патриоты? [1]. Такая ли наша жизнь в молодости была как их? Терпели ли они те нужды, то унижение, те лишения, тот голод и холод, что мы терпели? А посмотри их нравственную сторону. Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют [2]).

Ты скажешь, а Пущин Ив. Ив. разве худой человек? Я скорее скажу, чудо человек, что хочешь, так он хорош.

Но я тебя теперь спрошу, республиканец ли он или нет? Заговорщик ли он, или нет? Способен ли он кверху дном все переворотить? Нет и нет,—ему надобны революции деланные, чтобы были на розовой воде. Они все хотели всё сделать переговорами, ожидая, чтобы сенат к ним вышел и, поклонившись, спросил: «Что вам угодно,—все к вашим услугам».

— Чорт возьми, да вы то, что хотели сделать на своем юге,— спросишь ты у меня,—и что вы сделали там?—Вопрос твой будет очень натурален и справедлив.

Мы, славяне,—слушай—были народ очень смирный; втихомолку хотели, рано или поздно, хорошо ли или худо, соединить все славянские народы в одну федеративную республику. Дела наши шли хотя медленно, но хорошо; но чорт нас попутал, или, лучше сказать, Тютчев, открывши нам Южное Общество. Страсти разгорелись; собрался корпус 3-й

---

[1] Примечание на поле почерком Горбачевского: «Можно прибавить и историки?» Сверху страницы его же почерком:— «Спроси их и подумай, где они видели народ, где они его поняли и изучили».

[2]) Его прогнал от себя Давыдов. Его прогнал от себя Раевский. Его прогнал от себя Воронцов; его прогнал от себя и генерал Инзов.—(Выноска на полях рукою Горбачевского).

под Лещиным на маневры, и тут то мы упрашивали и умоляли Муравьева-Апостола начать действия, ибо мы уверены были увлечь всех и все. Но не тут то было:—Муравьев-Апостол заразился Петербургскою медленностью, и случай был упущен с 30-ю тысячью солдат. Потом, когда славяне отбили его и вырвали из когтей, арестовавших его, эти же славяне упрашивали его и умоляли итти в один переход и упасть, как снег на голову, на Киев и взять его; тем более там была бригада в карауле с готовыми членами тайного общества, ожидавшими его. Он и тут не послушал, отговариваясь, что к нему придут войска для усмирения и к нему же они присоединятся; ходил, ходил, пока ему картечь лоб не расшибла, и все кончилось веревкою и Сибирью.

Что ж хорошего после этого в умеренности, в хладнокровии, нелюбви пролития крови, в медленности, в холодном рассудке, в расчете каком-то? Все это глупость по-моему и по-нашему. Однажды Кузьмин, не расслушавши на совещании одном, о чем толковали и спорили и, думая, что решили поднять весь корпус на другой день,—об'явил об этом своей роте и вышел на линейку в лагере в походной амуниции. Мне дали знать об этом, я прибежал к нему и начал его упрекать в поспешности (держась методы—не спешить—Муравьева-Апостола и по своей обязанности как начальник управы), и чтобы он ожидал впредь приказаний. Он взбесился и сказал:

— Чорт вас знает, о чем вы там толкуете понапрасну! Все толкуете, конституция, Русская Правда и прочие глупости, а ничего не делаете. Скорее дело начать бы, это лучше бы было всех ваших конституций.

Муравьев-Апостол ему тоже выговаривал за такую поспешность, а тот ему отвечал:

— Если вы нас будете долее удерживать, то мы и без вас найдем дорогу и в Киев и в Москву.

И это не один Кузьмин говорил и желал. Этого требовало все общество Славянское, и Муравьев Апостол не раз грозил мне, что он меня убьет, если что случится, приговаривая мне:

— Вы этих собак славян держите в руках; это цепные бешеные собаки, которых только тогда надобно спустить с цепей, когда придет время действовать.

Так ли должно было действовать, так ли должно было управлять людьми, для которых нет страха, нет преград, в душе которых только и было одно слово д е й с т в о в а т ь, с исступлением каким-то бешеным и с отчаянием!

Пишу к тебе, не вставая с места, и написал много, сам не помня, что я писал в прежних листах; пишу без плана, без системы. Я тебе хотел только сказать, что если писать, так писать с начала до конца, все подробно и по порядку времени и места происшествий. Начать с французской революции; влияние ее на Европу, потом на Россию; состояние в 815 году России; историю тайных обществ в Европе и России,—все это хотя бы вкратце описать. Потом уже взяться и (за) происшествия с 825 года по день амнистии 856 года.

А как ты думаешь это сделать с моею малороссийскою ленью и с моим положением; ты думаешь это легко? Это правда, что я ленив, но это лень—кажущееся: лежу, ноги задравши вверх, и читаю серьезную книгу,—просто наслаждаюсь; но это все до поры: если что меня расшевелит, сам чорт с моею деятельностью не управится. Вот тебе перед глазами и доказательство: вместо того, чтобы тебе написать лист один, а много два, а я тебе, не вставая с места, написал десять; читай по пятницам и скучай; брани ме-

ня, что хочешь говори; а теперь не успел тебе о прочих разрядах написать; на следующей почте остальное тебе пришлю.

Кланяйся усердно Марии Николаевне. Что ваша больная? Обнимаю и целую в душе своей твоих детей. Кланяйся им от меня. Сегодня вторник, а в четверг отходит почта; мне писать надобно по крайней мере десять писем в разные места; оттого и тебе не успел всего написать. Прощай, будь здоров, и ожидаю твоего уведомления о получении этого письма и о твоем мнении; до тех пор и не буду к тебе писать, а только приготовлять.

Жму тебе руку.

Твой Ив. Горбачевский.

Ник. Ник. еще не приехал. Еще прошу тебя, не обвиняй меня за беспорядок письма: я набросал свои некоторые мысли, спеша и кончивши десять листов, не вставая с места. Также убеждаю тебя и прошу дружески, этого письма не посылай никому. Можешь делать выписки, какие тебе угодно, брать себе происшествия и мысли; но чтоб письмо было у тебя или уничтожено. Я надеюсь, что ты исполнишь мое желание. Ты видишь, это письмо не так написано, чтобы другому читать [1].

2-й разряд.

1) *Тютчев* (Алексей). Арестован в Старом Константинове, Волынской губернии. Служивши прежде в старом Семеновском полку, за бунт был переведен в Пензенский пехот. полк капитаном; это он открыл Славянам существование Южного Общества, будучи

[1] Далее с нового листа следует продолжение списка. Очевидно Горбачевский закончил его и переслал окончание Бестужеву со следующими почтами.

знаком с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым. Был в Финляндии[1]; оттуда перевезен в Читу; из Читы в Петровский завод, потом на поселение в Минусинск, где и умер.

2) *Громницкий* (Петр). Арестован там же. Из Петербурга вывезен был в крепость Свеаборг, потом в Кексгольм, потом—в Читу, в Петровский завод. Оттуда—на поселение раньше 839 г. вместе со вторым разрядом в Иркут. губер., в дер. Бельск. Там умер.

3) *Киреев* (Иван). Арестован в местечке Искорость (древний Коростень), Волынской губ., Овручского уезда. Из Петербурга вывезен с товарищами в Свеаборг; потом—в Кексгольм, на место тех, которых увезли в Шлиссельбург; потом—в Читу,—в Петровский завод. На поселение—в Минусинск. Не знаю жив ли, или умер.

4) *Крюков* (Николай). Не знаю, где арестован; не знаю, был ли он в Финляндии или нет. Чита, Петровский Завод; поселение—Минусинск, где и умер.

5) *Лунин* (Михаил). Арестован в Варшаве. Из Петербурга перевезен в Свеаборг, потом в Выборг, потом в Кексгольм, в Читу, в Петровский Завод; оттуда—на поселение в деревню Урик. По доносу за статьи и письма перевезен в Акатуй, в каземат, где и умер скоропостижно. Любопытна его жизнь в каземате, его смерть и ее последствия; но это—после когда-нибудь.

6) *Свистунов* (Петр). Арестован в Москве, бывши послан Рылеевым к Муравьеву-Апостолу с известием о начале 14-го декабря.

7) *Крюков 1-й* (Александр). Арестован, кажется, в Тульчине. Из Петербурга—Чита, Петровский Завод; на поселение—в Минусинске. Жив.

---

[1] В форте Славе. М. Б.

8) *Басаргин*[1]. Арестован в Тульчине. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—Туринск и Ялуторовск; потом Москва, где и умер в 1861 году.

9) *Митьков* (Михаил)[2]. Арестован в Москве. Из Петербурга—Свеаборг, Кексгольм, Чита, Петровский Завод; на поселнии Красноярск, где и умер.

10) *Анненков* (Иван). Арестован в Петербурге, но кажется, вероятнее, где-то в провинции. Чита, Петровский Завод; на поселении в Бельске и потом—в России; теперь уехал за границу.

11) *Вольф* (Фердинанд)[3]. В Тульчине арестован, Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Урике, потом—в Тобольске, где и умер.

12) *Ивашев*. Арестован в Тульчине. Петербург, Чита, Петровский Завод; на поселении—Туринск, где и умер.

13) *Фролов* (Александр)[4]. Арестован в Старом Константинове, Волынской губ. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Красноярской губернии, не знаю где. Теперь уехал в Севастополь, где и живет до сих пор.

14) *Норов*. Не знаю где арестован и где теперь находится. Где же содержался, тоже мне неизвестно.

15) *Торсон* (Константин)[5]. Не знаю, где арестован. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Акше и потом в Селенгинске, где и умер.

16) *Бестужев 1-й* (Николай). После 14 декабря бежал; где арестован, не знаю положительно. Петербург, Шлиссельбург, Чита, Петровский Завод. На по-

---

[1] В рукописи после фамилии оставленно в скобках незаполненное место, но имя не обозначено; так и ниже везде, где опущены имена, кроме Бодиско 1, Веденяпина 2-го, Мозалевского и Быстрицкого.

[2], [3], [4] и [5] Вписано карандашем почерком М. Бестужева.

селении—Посольское селение около Байкала, потом Селенгинск, где и умер.

17) *Бестужев* (Михаил). Не знаю, где арестован: Петербург, Шлиссельсбург, Чита, Петровский Завод. На поселеньи—Посольское селение на Байкале и потом Селенгинск, где и ныне живет.

3-й разряд.

1) *Штейнгель* (Владимир). Не знаю, где арестован. Петербург, Финляндия,—крепость не знаю. Чита, Петровский Завод. На поселении—Тобольск, Тара. Теперь живет в Петербурге.

2) *Батенков*. Не знаю, где арестован. Содержался во все время в разных крепостях; потом на поселении в Томске. Теперь живет в Калуге.

4-й разряд.

1) *Муханов*[1]. Не знаю, где арестован. Петербург, Свеаборг, Кексгольм, Чита, Петровский Завод. На поселении—Братский Острог, около Иркутска, потом в Иркутске, где и умер.

2) *Фон-Визин* (Михаил). Арестован в Москве. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Тобольске; умер—Московской губ., Бронницкого уезда, село Марьино.

3) *Поджио* (Осип). Не знаю, где арестован. В работе в Сибири не был, но все время содержался в крепости, в каземате, 9 лет; выпущен на поселение около Иркутска, деревня...[2]), там и умер.

4) *Фаленберг*. Не знаю, где арестован. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—Красноярская губ., деревня . . .[3]. Уехал после амнистии в Курскую губернию.

---

[1] Далее зачеркнуто: Петр.
[2] В подлиннике пробел и точки.
[3] В рукописи пробел и точки.

5) *Иванов* (Илья). Арестовал в Житомире. Петербург, Чита, Петровский Завод. Поселен был около Иркутска—деревня . . . [1], там и умер.

6) *Мозган*. Арестован в Пензенском полку. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Красноярской губ. Что с ним случилось, не знаю.

7) *Корниловичъ*. Не знаю, где арестован. Из Петербурга привезен был в Читу (в) 827 году, и тот самый фельд'егерь, который привез в Читу Вадковского, взял с собой в Петербург Корниловича, и с тех пор никто не знает, куда он девался. Пропал без известия.

8) *Лорер* (Николай). Арестован в Вятском полку. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселение—около Байкала, Култуск, потом Курган. Уехал в Херсонскую губернию и там живет.

9) *Аврамов* (Павел). Арестован в Петербурге. Чита, Петровский Завод. На поселении—в Акше, где и умер.

10) *Бобрищев-Пушкин 2-й* (Павел). Арестован в Тульчине. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении в Красноярске был, теперь живет в Тульской губ., город Алексин.

11) *Шимков*. Арестован в г. Остроге, Волынской губ. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении в Етанцинской волости, Верхне-Удинского уезда, деревня . . . [1], там и умер.

12) *Александр Муравьев* (корнет Кавалергардского полка). Петербург, Чита, Петровский Завод. Когда ему вышло на поселение, а это было раньше двумя слишком годами, чем выйти на поселение брату его родному Никите, тот просился, чтобы его оставили жить на поселении в Петровском Заводе до тех пор, пока не кончится срок работы каторжной его брату

[1] В рукописи пробел и точки.

Никите, и после ехать с ним вместе на поселение. Об этом желании Муравьева представил в Петербург комендант генерал Лепарский. Оттуда вышло повеление взять Александра Муравьева еще в работу и держать до тех пор, пока не выйдет срок Никите Муравьеву, что комендантом и исполнено.

13) *Беляев 1-й* (Александр). Арестован в Петербурге. Чита, Петровский Завод. На поселении—в Тобольской губернии. Потом в России; живет теперь на Волге и управляет какой-то компании пароходством.

14) *Беляев* (Петр) 2-й. Там же и то же.

15) *Нарышкин* (Михаил). Не знаю, где арестован. Чита, Петровский Завод. На поселении—Курган. Потом был в Грузии в солдатах долгое время; живет теперь около Тулы в деревне.

16) *Одоевский* (Александр). Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Елани, Иркутской губернии. Потом взят в солдаты в Грузию, там и умер.

5-й разряд.

1) *Репин.* Взят в Петербурге. Чита, Петровский Завод. На поселении около Иркутска, деревня по якутскому тракту дерев....[1]. Не помню, в котором году фельд'егерь вез из Якутска его товарища в Грузию (Андреева или Заикина), но, кажется, Лапшу. Тот попросил фельд'егеря переночевать у Репина и у него отдохнуть; фельд'егерь согласился и ушел на другую квартиру ночевать. Хозяин квартиры Репина, поселенец, сговорившись с своею любовницею, подперли двери и окошки квартиры Репина и зажгли дом. Оба бедные товарищи вместо радости свидания нашли смерть. Репина нашли мертвым около порога, а его товарища—около окошка от дыма

[1] Точки в подлиннике.

задохшимся. Поселенец во всем признался. Был слух, что иркутское начальство все это скрыло.

2) *Глебов* (Михаил). Не знаю, где арестован. Петербург, Чита, Петровский Завод. На поселении—в Верхнеудинском уезде, деревня Кабанск; там он был отравлен сильным ядом одною женщиною с своим любовником, унтер-офицером инвалидной команды, и ими ограблен.

3) *Розен* (Андрей). Арестован в Петербурге. Чита, Петровский Завод. На поселении—в Кургане. Потом взяли его в солдаты в Грузию, несмотря на то, что одна нога была короче другой. Выпущен в отставку, живет теперь около Нарвы.

4) *Михаил Кюхельбекер.* Арестован в Петербурге. Чита, Петровский Завод. На поселении—в Баргузине. Там и умер.

5) *Бодиско 2-й.* Не знаю, где; в работе не был; говорят, взят в солдаты.

6-й разряд.

1) *Александр Муравьев.* Не знаю, где арестован, но, кажется, в Москве; был прощен, но сослан сначала в Якутск; не доехавши и туда, возвращен в Верхне-Удинск на жительство; потом взят в Иркутск и сделан был там полицеймейстером. Теперь, говорят, губернатором в Нижнем-Новгороде.

2) *Люблинский* (Юлиан). (В) 823 году из Варшавы был приведен в кандалах в Новоград-Волынск, Волынской губернии, за участие в Польском тайном обществе под присмотром полиции. Познакомившись там с Петром Борисовым, вступил в Славянское Общество. Арестован в 826 году в начале, привезен в Петербург, потом в Читу и оттуда на поселение в Иркутскую губ., в Тунку. После амнистии уехал на родину в Новоград-Волынск.

7-й разряд.

1) *Лихарев.* Не знаю, где арестован. Петербург, Чита, потом на поселение в Тобольскую губернию. Теперь, не знаю где.

2) *Ентальцов.* Не знаю, где арестован. Петербург, Чита, а оттуда в Тобольскую губернию. Умер, но не знаю где. Жена его жила долгое время после смерти мужа в Ялуторовске.

3) *Лисовский.* Арестован в Пензенском полку. Петербург, Чита; оттуда сослан на поселение в Туруханск. Там и умер. Надобно заметить, что все те, которые вышли из работы на поселение во время управления Восточной Сибирью Лавинским, все поселены в самую даль на север, на явную погибель, как будто нарочно.

4) *Тизенгаузен.* Не знаю, где арестован. Петербург, Чита; оттуда на поселение в Красноярскую губернию; оттуда, кажется—в Россию.

5) *Кривцов.* Арестован в Петербурге. Чита, оттуда—в Грузию в солдаты с поселения (но где был, не знаю). Теперь живет в Москве.

6) *Толстой.* Не знаю, где арестован. В Читу привезен из Петербурга; на поселении—не знаю где; то же не знаю, куда девался.

7) *Чернышев* (Захар). Петербург, Чита; оттуда на поселение по Якутскому тракту; оттуда взят в солдаты в Грузию. Выпущен в отставку, живет около Москвы и сошел с ума.

8) *Аврамов.* Арестован в Тульчине. Петербург, Чита. На поселении в Туруханске был, там и погиб.

9) *Загорецкий.* Арестован в Тульчине. Петербург, Чита; потом на поселении за Якутском в Вилюйске; жил в лесу далеко от Вилюйска; собака ему, запряженная в саночки, возила в лес одна хлеб и прочие припасы; он там один охотился и жил; после взят,

как говорили, в солдаты; теперь живет в Тульской губернии.

10) *Поливанов.* Не знаю, где арестован; не знаю, где он был и теперь, где находится.

11) *Черкасов.* Арестован в Тульчине. Петербург, Чита; потом на поселении в Березове, Тобольской губернии; где теперь, не знаю.

12) *Выгодовский.* Арестован в Житомире. Петербург, Чита. На поселение сослан в Нарым. Где теперь, не знаю.

13) *Берстель.* Арестован в Киевской губернии. Петербург; оттуда прямо послан в работу на Аландские острова; там и умер.

14) *Булгари.* Не знаю, где арестован, но был в Петербурге. Говорят, взят оттуда в солдаты в Грузию. Где теперь, неизвестно.

15) *Фон-дер-Бриген.* Арестован в Петербурге. Петербург, Чита, оттуда—на поселение в Красноярскую губернию. Не знаю—где.

8-й разряд следует; остальное до следующей почты.

8-й разряд.

1) *Андреев 2-й.* О нем ничего не знаю; даже не знаю, был ли он в Сибири.

2) *Веденяпин 1-й* (Аполлон). Арестован в 9-й артиллерийской бригаде (в) Киевской губернии. Петербург—и прямо на поселение Иркутской губернии в г. Киренск. Не знаю, теперь где находится.

3) *Краснокутский.* Арестован в Петербурге. Прямо послан на поселение в Красноярск, там и умер.

4) *Чижов.* Не знаю, где был и где находится.

5) *Голицын* (Валериан). Был на поселении в Киренске; потом солдатом в Грузии; потом жил около Москвы; с ума сошел.

6) *Назимов.* Не знаю, где был на поселении; теперь живет в Псковской губернии.

7) *Бобрищев-Пушкин 1-й.* Был на поселении в Красноярске. С ума сошел; потом увезен в Россию с братом своим.

8) *Заикин.* Говорят, был на поселении за Якутском; где теперь находится, не знаю.

9) *Фурман.* Был на поселении в Тобольске; с ума сошел; говорят там и умер.

10) *Шаховский.* Петербург—и оттуда—прямо на поселение в Красноярск. В Петербурге еще бывши, с ума сошел и умер в Красноярске.

11) *Фохт.* Арестован в Вятском полку; был на поселении в Кургане; взят был в солдаты в Грузию против своего желания и не согласился присягать там на верность; его опять из Грузии привезли в Курган, где и умер.

12) *Мозгалевский.* Арестован в Саратовском полку; был на поселении в Красноярской губернии; где находится теперь, не знаю.

13) *Шахирев.* Умер в Тобольске.

14) *Враницкий.* Арестован в Житомире. Из Петербурга прямо на поселение был отослан в г. Березов; там и умер.

15) *Бодиско 1-й. О* нем ничего не знаю.

9-й разряд.

1) *Коновницын.* Содержался в Петербургской крепости; был в солдатах в Грузии; потом в отставке и живет в Петербургской губернии.

2) *Оржицкий.* Прямо отослан из Петербурга после сентенции в Грузию солдатом. Не знаю, где теперь и жив ли он.

3) *Кожевников.* Не знаю где.

10-й разряд.

1) *Пущин* (Михаил). Из крепости Петербургской прямо взят в солдаты в Грузию; потом жил во Пскове, Вильне и потом в Петербурге. Жив до сих пор.

11-й разряд.

1) *Бестужев* (Петр). Из Петербургской крепости взят в Грузию в солдаты; умер в Новгородской губернии.

2) *Веденяпин 2-й*. Взят в солдаты в Грузию, там и погиб.

3) *Вишневский*. Не знаю где.

4) *Мусин-Пушкин* (лейтенант). Не знаю где.

5) *Акулов*. Не знаю где.

6) *Фок*. Не знаю где.

7) *Цебриков*. Не знаю где.

8) *Лаппа*. Не знаю где.

Всего 120 человек во всех разрядах.

Лица, судженные Военным Судом при Главной Квартире 1-й армии в Могилеве Белорусском.

I. *Офицеры Черниговского полка, осужденные под виселицу (стоять) и потом в Сибирь в каторжную работу.*

На виселице в Василькове были прибиты имена Кузьмина, Щепилы, Ипполита Муравьева-Апостола и проч. убитых.

1) *Соловьев* (Вениамин). Содержался под арестом (арестован в поле под Трилесами) в Могилеве, для исполнения приговора суда был из Могилева перевезен в Васильков; там под виселицей исполнена сентенция военного суда. Потом перевезен в Острог Волынской губернии, где стоял на квартирах Черниговский полк; там им всем пред полком переломили шпаги (это, кажется, прежде было сделано, а потом

их увезли в Васильков под виселицу, простоять ½ часа). Потом их отвезли в Киев; оттуда пешком послан до самого Нерчинского Завода; оттуда в Читу, в Петровский Завод и на поселение в 840-м году в Красноярскую губернию. После амнистии уехал в Рязанскую губернию.

2) *Кузьмин.* После ареста на поле под Трилесами, где был ранен картечью в правое плечо навылет, в корчме на ночлеге застрелился. Похоронен около Трилес.

3) *Сухинов.* После разбития Черниговского полка скрылся и бежал в Молдавию, но услыша там, что его товарищей арестовали, и (что они) сидят в кандалах, не мог этого перенести, возвратился в Кишинев и об'явил о себе, кто он такой. Его арестовали и судили в Могилеве, сослали вместе с Соловьевым в Сибирь. Там, в Нерчинском Заводе, сделал заговор, чтобы из Читы освободить всех арестантов, освободить всех ссыльно-каторжных, находящихся в Нерчинских заводах, и бежать на Амур и далее. Но было все это открыто накануне самого исполнения. Суд присудил его и еще 5 человек заговорщиков расстрелять; но тоже накануне исполнения приговора в тюрьме на ремне, около печи повесился; так и умер. Вероятно, он этого бы и не сделал, если бы ему сказали, что он будет расстрелян; ему кто-то сказал вечером, что его будут наказывать кнутом; он этого не мог перенести и сам себя умертвил.

4) *Мозалевский и Быстрицкий* —ту же имели участь, что и Соловьев. Мозалевский умер на поселении в Красноярской губернии. Быстрицкий же после амнистии возвратился на родину в Киевскую губернию.

II. *Прочие офицеры Черниговского полка* отданы были все в солдаты. Полк Черниговский был уничтожен,—вновь сформирован, дано было ему другое

название. Солдаты все судились военным судом в кандалах; на эти кандалы графиня Браницкая пожертвовала без денег 200 пудов железа, за что ее хвалили и превозносили ее бескорыстие.

3.

Петровский Завод 1861 г., июля 6 дня.

Письмо твое от 19 июня, я получил 1-го числа июля, любезнейший Михаил Александрович! и да здравствует почта: мы, кажется живем друг от друга 170 верст. Не буду к тебе писать много, потому что рука чертовски болит,—ревматизм, кажется, опять ко мне пожаловал. Я бы к тебе и совсем не писал сегодня по вышеписанной причине, но Сашка пристал непременно к тебе послать игрушки, им сделанные для твоего Николая и Елены; ну, просто плачет почти: «Пошлем, да пошлем; что обо мне подумает Николенька, что я так долго не посылаю к нему обещенного».

Очень жаль Наталью Николаевну [1]; бедная, так молода была, и так рано умереть. Ты скажешь—чахотка была; да разве это резон—иметь в таких летах чахотку, и от чего? Что же касается до твоих молитв к Аллаху и предположений, то об этом речь впереди: дай срок, как русские говорят. А все мне жаль, что я тебе не могу пересказать и десятитысячной доли того, что мог бы тебе передать, не говоря уже о материалах; время было коротко; опять говорю: подожди, дай срок. А рука болит, и не могу более спать.

Прощай!

Твой Ив. Горбачевский.

---

[1] Селиванова, свояченица М. Бестужева.

Марии Николаевне мой усердный поклон и мое глубокое почтение; детей твоих душевно обнимаю. Получил я письма преинтересные—одно от Наталии Дмитриевны Пущиной, другое от Оболенского.

(Приписка сбоку письма). Пожалуйста, когда будешь разбирать игрушки, разбирай со вниманием, потому что много есть мелких вещей; об этом тебя просит Саша.

V.

Письма И. И. Горбачевского к П. И. Першину Караксарскому [1].

1.

1861 г., декабря 14 дня. Петровский Завод.

Милостивый государь, Петр Иванович!

Милое ваше письмо от 24 ноября я получил 2 декабря, за что вас от души благодарю. Видите, я нарочно пишу, которого числа ваше письмо дошло до меня; а мы живем от Кяхты только 250 верст; да здравствует почта, доставляющая так скоро письма! Но дело уже теперь не в почте, я еще благодарю вас сердечно за вашу память обо мне и за ваши чувства.

Читая ваше письмо, я не могу всего выразить вам, как бы хотелось, и что бы хотелось. Но, любезнейший Петр Иванович! пощадите меня: я не успел заслужить перед вами то расположение, каким, вижу, я пользуюсь от вас теперь. Чем я заплачу за теплоту ваших чувств и доброту вашего сердца? Если я не сравняюсь в этом с вами, то, прошу вас, вспомните мое все прошедшее, тогда и будете великодушны и снисходительны к старому допотопному существу, у которого все уже притупилось.

Верю во всем вам и за все сердечно благодарю.

По времени получения моего письма вы увидите, что я не мог исполнить ваше желание: ваш срок был

---

[1] Были опубликованы П. И. Першиным в его «Воспоминаниях о декабристах» — Истор. Вестн. 1908 г., № 11.

5 декабря, письмо же получено 2 декабря, да еще за огромной своей перепиской неделю пропустил и не успел отвечать вам скорее. Я много получил интересных писем и из сил выхожу, а надобно отвечать, и поверите ли, к отправке на сегодняшнюю почту написано 16 писем. К вам пишу 17-е, и еще не все: надобно написать еще несколько.

Простите за подробности, но надеюсь на ваше снисхождение; пишу для того, чтобы вы не приписали краткости моего письма моей лени или небрежности. Буду писать к вам, но, прошу, не считайтесь письмами, будьте как всегда, добры, пишите мне; такие письма, как ваши,— отрада и утешение в скорбной моей жизни. Храни вас собственное ваше достоинство от сомнения в моих чувствах и словах; повторяю вам---я говорю правду. Но душа моя растерзана сегодня, она не в силах далее продолжать; до будущего времени, а теперь будьте здоровы, берегите ваши глаза.

Ваш навсегда преданный
Иван Горбачевский.

Жму крепко руку Алексею Михайловичу [1] за его для меня дорогой подарок, который передал мне Борис Васильевич [2]; буду его хранить и с чистою любовью на него смотреть.

2.

19 марта 1862 года. Петровский Завод.

Милостивый государь, Петр Иванович!

Знаю и помню, что я перед вами виноват и в долгу; я получил милое ваше письмо и буду вам отве-

[1] Лушникову кяхтинскому купцу.
[2] Белозеров, купец на Петровском заводе.

чать, но теперь, когда спешу писать по случаю скорого от'езда Бориса Васильевича, остается одно только мое желание и единственная потребность души—душевно и искренно благодарю вас за вашу присылку лекарства и за ваши хлопоты и труды; а Алексею Михайловичу — мой усердный поклон и благодарность за передачу вам моего поручения, такому исправному комиссионеру, как вы.

Когда же вы пришлете мне свою карточку с вашим портретом? Алексей Михайлович у меня уже поставлен около Пущина и Оболенского; я вас тоже в тот же кружок помещу всех близких моему сердцу. Обнимаю вас душевно и жму вашу руку. Ваш навсегда.

Иван Горбачевский.

VI.

Два рассказа Ив. Ив. Горбачевского [1].

(В передаче П. И. Першина-Караксарского).

1.

События 1812 года знакомы мне лично. Я двенадцатилетним мальчиком был при отце моем, состоявшем тогда при штабе Барклая-де-Толли, а потом Витгенштейна и Кутузова. Воспитывался я в кадетском корпусе [2], поступил на службу на 19-м году артиллеристом в 8-ю бригаду. В тайное общество «Соединенных Славян» поступил в 1820 году [3], на 20-м году своей жизни, по предложению Борисова 2-го.

До 1825 года был деятельным членом общества. В эти первые годы молодости не было дней, посвященных удовольствиям и юной беспечности. Труды

---

[1] Рассказы эти, записанные под свежим впечатлением П. И. Першиным-Караксарским в 1862 году, приведены им в статье «Воспоминания о декабристах» (Истор. Вестн., 1908 г., № 11). Першин ручается за точность своей передачи даже в стилистическом отношении. В первом рассказе излагаются эпизоды, известные из «Записок» Горбачевского. Совпадение рассказа в общем и в отдельных частностях с версией «Записок», а также с письмом Горбачевского к Бестужеву, дозволяет с доверием отнестись к передаче Першина.

[2] Горбачевский обучался в Витебске—сперва в народном училище, а потом в губернской гимназии; по окончании ее поступил в, так называемый, «Дворянский полк», из которого выпущен был в 1820 г. в артиллерию прапорщиком.

[3] Ошибка: общество основано было в 1823 году; в том же году вступил в него и Горбачевский.

по делу общества, занятия по службе, труды по пополнению образования и чтение книг поглощали все время мое, тогда молодого, пылкого юноши. Балы, маскарады, все удовольствия светских людей мне были незнакомы. Утро принадлежало службе: смотрам, разводам, учениям; остальное время дня—канцелярским формальностям. Вечера были поглощены разнообразными занятиями по «думе» нашего общества «славян», требовавшего деятельности, распоряжений и таких распоряжений, которые требовали осмотрительности и при том самой тщательной осторожности по сохранению тайн общества.

Союз «Славянского» общества с «Южным» вызывал ряд бесконечных занятий и суждений. Собрание наше представляло нечто в роде палаты депутатов, где в известное время собиралось 150 членов и более. Всякая мера, предстоящих действий общества, предложенная президентом союза, обсуждалась и решалась большинством голосов. Заседания наши представляли полную возможность и независимость в высказывании мнений, где не было подобострастия низшего к высшему, служебные ранги не мешали равенству в делах общества, дружеские отношения при обсуждении каких-либо мер не мешали горячим спорам в защиту своих идей; где всякая мысль проходила через критику умов всех членов и уже выходила очищенной от пристрастия и промахов. Нередко бывали и крупные разногласия по принятию каких-нибудь решительных мер, на которые более осторожные не соглашались.

Из таких спорных вопросов приведу один случай, которым решился вопреки благоразумию рискованный шаг. Поручик Х докладывает, что ротный командир Саратовского полка не дозволяет солдатам 8-й артиллерийской бригады ходить в его роту, что, конечно, препятствовало распространению идей среди нижних чинов о предпринимаемой реформе. Пред-

стояло избавиться от ротного командира, но как? Предложенные планы были различны и многие рискованы, на которые начальник наш Муравьев, человек осторожный и предусмотрительный, был весьма разборчив, не дозволял никаких крайних мер, которые могли бы огласить тайну. Однако-же, молодые люди большею частью обладали энергичным и решительным характером и были готовы на самую крутую меру, лишь бы устранить препятствие. Поручик Кузьмин вызвался взбунтовать роту Березина, и это предложение принято собраием с восторгом, с криками «ура» и «браво». Такое решение не только не одобрено Муравьевым, но привело его в бешенство, как противника крутых и опасных мер.

— Слушай, Горбачевский,— сказал он:— если ты не предупредишь этого сумасбродного намерения, я тебя убью.

Выразив повиновение начальнику, я в то же время, втайне сочувствуя намерению Кузьмина, шепнул ему, чтобы он привел свой план в исполнение, но осторожно.

Устранить Березина от командования ротою было необходимо, и с этим все были согласны, кроме Муравьева, который пришел в негодование и представил резон всей невыгоды и риска, грозящего разрушением общества с печальными последствиями.

— Если ты, Горбачевский, не уймешь этих цепных собак, я тебя убью,— снова повторил Муравьев.

Собрание кончилось.

В четыре часа утра прискакал ко мне фейерверкер.

— Ваше благородие, третья рота Саратовского полка взбунтовалась.

— Вели поскорее оседлать мне лошадь,— сказал я.

Пока я оделся и привел себя в порядок, выйдя из дома, третью роту я нашел уже на линии.

Шекола, один из членов общества, рослый и дюжий мущина, еще накануне, тотчас по окончании собрания, взял на себя взбунтовать роту и в этом успел в совершенстве. Вся рота на линии кричала: «Давайте нам другого командира: мы не хотим Березина!» Командир полка, трусливый старикашка, чтобы уладить скандал, был на все согласен, лишь бы дело не приняло серьезного оборота. Шекола, видя благоприятный результат, пробежал по задним рядам роты со словами: «Соглашайтесь, ребята». Заявление роты было командиром принято, и Березин сменен, а вместо него назначен командовать ротой один из членов нашего общества.

Вербовалась в члены общества большею частью молодежь с неустановившимися, невыработанными взглядами, со смутными, неясно очерченными идеалами. Молодежь жаждала подвига, деятельности. Не скажу, что это были умные все головы. Скорее это были горячие головы.

Хотя я упомянул, что в нашем «парламенте» была полная свобода в выражении мнений, но далеко не всякое мнение принималось к сведению. Горячим головам сейчас же требовалась деятельность, они не выжидали хода событий, не соображались с обстоятельствами. Из таких горячих голов был и Кузьмин. Он, как говорится, рвался к бою, ему надоело по нескольку часов сидеть в собрании и выслушивать главарей о планах и способах нового государственного устройства.

— Послушайте, Горбачевский,— раз, оставляя собрание, сказал мне Кузьмин. Знать не знаю я ваших конституций, революций, республик; мне бунт давайте.

Таких сумасбродов был не один Кузьмин...

Известна история доноса Майбороды и Шервуда... Надвинувшиеся события застали нас врасплох[1], в поход собрались в одну ночь: лошадей подковали, обоз соорудили живо...

Разбили, рассеяли нас около Белой Церкви. Многих арестовали, в числе которых был и Кузьмин. В первой стычке с императорскими войсками Кузьмин был тяжело ранен. Но всю дорогу, пока нас везли под строгим конвоем в Белую Церковь, страдал молча от тяжких ран. На одной из станций раздался выстрел: то Кузьмин покончил с собою выстрелом из пистолета, направленного в грудь, спрятанного в рукаве шинели.

2.

(Нас привезли на ямских тройках в Зимний дворец. Это было глубокой ночью). Мы стоим в оковах в огромных залах дворца, позади нас часовые, да флигель-ад'ютанты шныряют молча.

Вдруг распахнулись двери кабинета, и вошел император Николай, быстрыми шагами подошел к нам.

— Чего вы хотели? Конституции?

— Нет, государь,— сказал Н...— мы имели намерение образовать федерацию из всех славян...

— Я, государь, не могу справиться с такой идеей, чтобы об'единить всех славян, а вы самовольно, сумасбродно задумали вершить судьбами народов...

Краткий допрос всех нас сделал сам государь, и опять завязали нам глаза и увезли...

Дальнейшую эпопею вы знаете.

Библиотека Учебных Пособий М. Г. У.

---

[1]) «Нас» здесь и ниже неточно, так как 8-ая артиллерийская бригада в том числе и Горбачевский, в восстании Черниговского полка участия не принимала. Ред.

УКАЗАТЕЛЬ.

Аврамов, фельдфеб. Черниговск. полка, 167, 168.
Аврамов, Пав. Вас., полк., командир Казанского пех. полка, дек., 367.
Аврамов, Ив. Борис., поруч. квартирмейстерской части, дек., 370.
Акулов, Ник. Павл., лейтенант гвардейского экипажа, дек., 373.
Александр I, имп., 77, 95, 97, 106, 109.
Алексеев, капит. конно-егер. полка, 214.
Алексеев, ученик М. Бестужева, чиновн. на Петровск. зав., 265.
Андреев 2-й, Андрей Ник., подпоруч. л.-гв. Измайл. п., дек., 111, 368, 371.
Андреевич 2-й, Як., Макс., подпоруч. 8 арт. бриг., дек., 7, 49, 51, 56, 66, 69, 70, 80, 95, 96, 99, 105—109, 111, 126—134, 181, 183, 316, 321, 323, 340, 353.
Анненков, Ив. Ал., поруч. Кавалерг. п., дек., 317, 332, 333, 365.
Анненкова, Полина Егоровна, жена дек., 266.
Апостол-Кегич, Гр. Ив., прапорщ. Черниг. полка, 151, 169, 205.
Арбузов, Ант. Петр., лейтенант гвард. экипажа, дек., 354, 355.
Арбузов, торговец в Петров. Зав., 239, 243, 247, 257.
Арсеньев, Александр Ильич, горн. инжен., 240, 241, 247, 249, 251, 254—256, 319, 322, 329.
Ахшаров, казак, 249.
Балуганские—братья, ученики М. А. Бестужева, 265.
Балуганский, Егор, солд. в Петров. Зав., 265.
Барклай-де-Толли, М. Б., кн., 380.
Бартенев, П. И., ист., 27—29, 32, 33, 219.
Барятинский, кн., Александр Петр., ад'ют. Главнокоманд. 2-й арм., дек., 13, 216, 266, 318, 322, 333, 343, 349, 169, 205.
Басаргин, Ник. Вас., поруч., старший ад'ют. 2-й армии, дек., 317, 318, 323, 365.

Батенков, Гавр. Степ., подполк., дек., 285, 304, 366.
Бахмутов, знакомый Горбач. в Петр. Зав., 240, 243, 247.
Башмаков, Флег. Мир., дек., рядов. Черниг. полка, бывш. команд. 17 артил. бриг., 103, 104, 141, 143, 210.
Безак, ген. коменд. Бобруйск. крепости, 201.
Белелюбский, Ампл. Дм., прапорщ. Черниг. полка, 151, 169, 205.
Белоголовый, Н. А., доктор, 17.
Белозеров, Бор. Вас., купец в Петровск. Заводе, 338, 378, 379.
Беляев 1-й, Александр Петр., мичман гвард. экипажа, дек., 368.
Беляев 2-й, Петр Петр., мичман гвард. экипажа, дек., 281, 368.
Бенкендорф, А. Х. гр., шеф жандармов, нач. III отделения собств. е. и. в. канцелярии, 256, 318.
Березин, команд. 1-й гренад. роты Сарат. полка, 382, 383.
Берстель, Ал-др Карлов., подполк. 9 артил. бригады, дек., 371.
Бестужев, Александр Алекс., дек., 353, 354.
Бестужев, Коля (Н. М.), сын М. А. Бестужева, 301, 303, 338, 375.
Бестужев, Мих. Александр., шт.-кап. Московск. п., дек., 13, 18, 20, 23, 26, 28—30, 33, 216, 261, 267, 272, 278, 282, 285, 288, 290, 296, 297, 301—304, 306, 309, 316, 319, 326, 337, 339, 340, 342—345, 347, 348, 350—356, 363—366, 375.
Бестужев, Ник. Александр., кап.-лейт., дек., 37, 216, 316, 319, 341, 345, 350, 353, 359, 365.
Бестужев, Петр Александр., мичман 27 флот. экип., 373.
Бестужева, Леля (Ел. Мих.), дочь М. А. Бестужева 338, 375.
Бестужева, Мар. Ник., жена Мих. Ал. Бестужева, 272, 338, 363, 376.
Бестужев-Рюмин, Мих. Павл., подпор. Полтавск. п., дек., 9, 10, 13, 32, 43, 46—56, 60, 66, 67, 69—77, 79—82, 86—89, 95, 96, 99, 100, 103, 104, 106—108, 110, 111, 116, 118—123, 125, 127—131, 134, 141, 144, 145, 151, 156, 174, 176—178, 181, 199, 210, 214, 340, 341, 343—346, 360, 364.
Бечаснов, Вл. Алдр., прапор. 8-й артил. бригады, дек., 7, 8, 69, 86, 106, 107, 114, 244, 256, 325, 326, 353.
Бибикова, Соф. Никит., дочь Ник. М. Муравьева, 270.
Бобрищев-Пушкин 1-й, Никол. Серг., поруч. квартирмейст. части, дек., 372.
Бобрищев-Пушкин 2-й, Пав. Серг., поруч. квартирм. части, дек., 268, 269, 281, 288, 292, 307, 311, 318, 367.

Богуславский, юнкер Полтавск. пех. полка, 63, 64.
Бодиско 1-й, Бор. Андреев., лейт. гвард. экипажа, дек., 365, 372.
Бодиско 2-й, Мих. Андреев., мичман гвард. экипажа, дек., 369.
Борисов 1-й, Андрей Ив., отст. подпор., дек., 7, 8, 13, 86, 110—117, 119, 181, 248, 250, 316, 319, 322, 324, 325, 348.
Борисов 2-й, Петр Ив., подпоруч. 8-й артил. бригады, дек., 7—10, 12, 13, 16, 17, 43—49, 51—54, 56, 60, 61, 66, 69, 71—75, 77—79, 86—88, 95, 96, 99, 100, 106, 107, 109, 112—114, 115, 117, 119, 243, 245, 248, 250, 319, 322, 325, 330, 331, 347—349, 354, 369, 380.
Боткин, С. П., доктор, 17.
Бочаров, ссыльн. поселен., 220, 221, 224—228, 232—234.
Браницкая, А. В., гр., статс-дама, 170, 171, 181, 375.
Бригген, фон-дер, Александр Федор., отст. полковник, 371.
Булгари, гр., Ник. Яковл., поруч. Кирасир. полка, дек., 371.
Быстрицкий, Андрей Андреев., подпор., дек., 14, 142, 151, 164, 166, 167, 169, 174, 175, 177, 178, 205, 206, 210, 213, 215, 234, 325, 340, 350, 365, 374.
Бычков, И. А., историк, библиограф, 36.

Вадковский, Фед. Фед., прапорщ. Нежинского полка, дек., 143, 145, 171, 325, 351—353, 367.
Василевский, гр., собствен. местечка Барановки, 348.
Васильев, Мих., ссыльн. фельдфеб., 220, 221, 233.
Веденяпин 1-й, Апол. Вас., подпоруч. 9-й арт. бригады, дек., 7, 66—68, 70, 71, 74, 371.
Веденяпин 2-й, Алексей Вас., прапор. 9-й арт. бриг., дек., 111, 365, 373.
Венюков, М. И., географ-путешественник, 37.
Витгенштейн, гр., Петр Хр., фельдм., 380.
Вишневский, Федор Гаврил., лейтен. гвард. экипажа, дек., 373.
Войнилович, Антон Стан., подпоручик, квартирм. Черниговск. п., дек., 141, 151, 154, 169, 206.
Волков, офицер, свидет. казни декабрист., 344, 345.
Волков, ссыльн. поселен., 338.
Волконская, кн., Мар. Ник., жена дек., 217, 266, 323, 347.
Волконский, кн., Серг. Гр., ген.-м., бригад. команд. 19 пех. дивизии, дек., 51, 284, 325, 354.
Больф, Фердин Богданов., штаб-лекарь при главн. квартире 2 армии, дек., 325, 365.
Воронцов, гр., Мих. Сем., Новоросс. ген.-губ., 196, 360.
Врангель, Фад. Егор., поруч. конно-артилл. № 6 роты, 66.

Враницкий, Вас. Ив., полков. квартирм. части, дек., 51, 66, 372.
Вреде, ген.-м., 208.
Выгодовский, Пав. Фомич, чиновник канцелярии Волынского губернатора, дек., 371.
Высочин, Александр Дм., прапор. 6-й конно-артил. роты, дек., 45.

Габбе, Мих. Андр., полков. 16 егерского полка, 51.
Гациский, ксендз в Иркутске, 258.
Гебель, Густ. Ив., подполковник, команд. Черниговск. полка, 97, 98, 101—104, 111, 121, 126, 134—141, 146, 147, 173, 184, 206.

Гейсмар, Фед. Клим., ген.-м., 171, 173, 177, 184, 188, 340.
Глебов, Мих. Ник., кол. секр., дек., 369.
Глинка, Вл. Андр., полк. артиллерии, 347.
Голенищев-Кутузов—Смоленский кн., Мих. Илар., 380.
Голенищев-Кутузов кн., Пав. Вас., петрб. воен. ген.-губ., 343, 345—347.

Голиков, ссыльн. фельдфеб., 220, 221, 224—228, 232—234.
Голицын, Валер. Мих., камер-юнкер, дек., 371.
Головинский, Пав. Казимир., юнк. 4-й пароч. роты, 11, 113.
113.

Головинский, брат предшеств., маршал Овручс. повета,
Горбачевская, мать дек., 6, 274, 275.
Горбачевская, Ульяна Ив., сестра дек., 5, 276, 277, 322, 323.

Горбачевский, Ив. Вас., надв. сов., от. дек., 5, 6, 7, 24, 275, 276, 294.

Горбачевский, Ив. Ив., подпор. 8-й артил. бригады, дек., 5—34, 37, 38, 43, 46, 49, 51, 53, 63, 64, 66, 68, 69, 71, 72, 77—80, 82—88, 91, 95, 96, 99, 106—108, 112, 114, 117, 118, 123, 216, 239, 241, 242, 244, 246, 248, 250—252, 254, 255, 257, 258, 260, 268, 273, 280, 283, 286, 289, 293, 295, 301, 302, 305, 307, 309, 311, 312, 314, 315, 317, 319, 322, 324, 326, 331, 333, 337—341, 343, 347—350, 352, 354, 356, 358—360, 363, 377—380, 382, 384.

Горбачевский, Ник. Ив., воен. инжен., брат дек., 5, 251, 275, 276, 316.

Горчаков кн., Мих. Дм., нач. штаба 3 корпуса, 206, 207.
Громницкий. Петр Федор., поруч. Пензенск. полка, дек., 45, 46, 64, 66, 86, 112, 114—119, 325, 364.
Громов, знакомый Горбачевского, 240.

Грохольский, Дмитрий, солд. Черниг. полка, разжалов. из офицеров, 178, 205, 208—210.
Грузин, Семен, ссыльно-посел. в Петровском Заводе, 241.

Давыдов, Вас. Льв., отст. полковн., дек., 51, 192—194, 252, 260, 315, 331, 352, 353, 360.
Давыдова, Алдра Ив., жена дек., 252, 266.
Демосфен, 276.
Дивов, Василий Абрамов., мичм. гвард. экипажа, дек., 356.
Добрынин, Мих. Степан., надзир. в Петровск. каземате, 289, 302.
Драгоманов, Як. Аким., юнкер Полтавск. полка, 71, 198.
Дубровин, Ник. Ник., управл. Петровск. Зав., 38, 338, 363.
Дуров, полк., киевск. полицейм., 162, 211, 212.

Елин, Ил. Степ., учен. И. И. Горбачевского, 17.
Ентальцов, Андрей Вас., подполк., командир конно-арт. № 27 роты, дек., 91, 370.
Ентальцова, Алдра Вас., жена дек., 217, 370.
Ефимьев, капит. Саратовск. полка, 120.

Жданов, торговец в Петровск. Заводе, 239, 242, 244, 250, 252, 254—257, 331.
Желтухин, ген., команд. дивиз., 196.
Жизневский, офиц. Черниговск. полка, 151, 173, 206.
Жуковский, В. А., поэт, 359.
Жуковский, знакомый декабристов в Петровск. зав., 338.

Завалишина, Аполлинария Семен., жена дек., 319.
дек., 267, 272, 278, 282, 285, 288, 290, 295, 297, 304, 306, 308, 319, 332, 355.
Завалишина, Аполлинария Семен., жена дек., 319.
Загорецкий, Ник. Алдр., поруч. квартирмейст. части, дек., 370.
Заикин, Ник. Фед., подпоруч. квартирм. части, дек., 368, 372.
Зензинов, М. М., 9, 37.
Зинкевич, шт.-лекарь, 190, 192—194.
Зотов, В. Р., 37, 237.

Иаков 2-й, король англ., 78.
Иванов, Ил. Ив., провиантс. чинов. 10 класса, дек., 44—46, 48, 111, 112, 115, 367.
Ивашев, Вас. Петр., ротм. Кавалерг. полка, дек., 266, 317, 323, 365.
Ивашева, Камил. Петр., жена дек., 266.
Ильинская, Ек. Дм., жена доктора Дм. Зах. Ильинского, 241, 251, 271, 322, 324, 338.

Ильинский, Дм. Зах., доктор в Петровск. Зав., 15, 243, 247, 251, 322, 324, 329.
Инзов, Ив. Ник., новороссийский ген.-губ., 360.

Какауров, унт.-оф. Черниг. полка, 141, 143.
Каннист, Алексей Вас., подполковн. Воронеж. пех. полка, член тайн. общ., 189.
Карл 1-й, король англ., 78.
Каховский, Петр Григор., отст. поруч., дек., 214, 343—347.
Квист, Анна Ив., сестра Ив. Ив. Горбачевского, 5, 15, 27, 250, 253, 260, 295, 316—318, 322.
Квист, И. И., дир. канцел. командующего 1-й армией, 5.
Квист, Оскар Ильич, чл. сов. минист. финанс., 15, 27.
Киреев, Ив. Вас., прапор. 8-й артил. бригады, дек., 66, 111—113, 115, 269, 281, 284, 288, 292, 307, 314, 364.
Киселев, Пав. Дм., ген.-ад'ют., нач. шт. 2 армии, 51.
Кожевников, Нил Павл., подпор. л.-гв. Измайловск. полка, 372.
Козаков, ссыльн. поселен., 225—227.
Козлов, капит. Черниг. полка, 165.
Кондырев, Васил. Яковл., подпоруч. Черниг. полка, 151, 169, 205.
Коновницын, гр., Петр Петр., подпоруч. Гвард. Генер. Штаба, дек., 372.
Константин Павлович, в. кн., 95, 97, 106, 109.
Корнилович, А-др Осипов., шт.-кап. Гвардейского Генер. Штаба, дек., 367.
Кочубей, 309.
Краснокутский, Сем. Григор., д. ст. сов., обер-прокур. Сената, дек., 371.
Красовский, Аф. Ив., ген., нач. штаба 4 корп., 162.
Крашенинников, знакомый декабристов в Петровск. Заводе, 242.
Крашенинникова, знакомая декабристов в Петр. Заводе, 239, 242—244.
Креницкий, отст. поруч., 11, 112.
Кривцов, Серг. Ив., подпор. гвард. конной артилл., дек., 370.
Крокодилов, 333.
Крупенников (подполк., чл. тайн. общ.), личность, не существовавшая в действительности, 155, 156, 159—161, 189.
Крыжановский, Северин, подполк. лейб-гв. польск. конно-егерск. полка, 52.
Крюков 1-й, Александр Александр., поруч. Кавалерг. полка, дек., 364.

Крюков 2-й, Ник. Александр., поручик квартирм. части, дек., 364.
Кубалов, Б. Г., историк, 35, 37.
Кудрявцов, знакомый Горбачевского, 250.
Кузмин, Анаст. Дм., поруч. Черн. п., дек., 60, 61, 63—65, 76, 77, 86, 100, 105, 125, 134—140, 144, 148, 149, 151, 155, 163, 168, 169, 174, 175, 177—180, 207, 339, 340, 361, 362, 373, 374, 382—384.
Куракин кн., Бор. Алексеев., сенатор, 215.
Курносов, ген.-м., 181.
Кучков, унт.-оф. Черниговск. полка, 168.
Кюхельбекер, Вильг. Карл., кол. ассес., дек., 351, 352.
Кюхельбекер, Мих. Карл., лейт. гвард. экипажа, дек., 351, 369.

Лавинский, Александр Степан., ген.-губ. Вост. Сиб., 370.
Ланг, жанд. поруч., 126, 134, 135, 137, 138, 187.
Лаппа, Матв. Демьян., подпор. л.-гв. Измайловск. полка, дек., 368, 373.
Лепарский, Стан. Роман., ген.-м., 227, 230, 232—234.
Лисовский, Ник. Фед., поруч. Пензенск. полка, дек., 86, 112, 114—118, 370.
Лихарев, Влад. Ник., подпоруч. квартирмейст. части, дек., 370.
Лобода, 254.
Лорер, Ник. Иван., майор Вятск. пех. полка, дек., 367.
Лунин, Мих. Серг., подполк., л.-гв. Гродненского гус. полка, дек., 30, 81, 325, 364.
Лушников, Алексей Мих., кяхтинский купец, 378, 379.
Люблинский, Юлиан Каз., дворянин Волынской губ., дек., 8, 325, 369.
Людовик 16-й. кор. франц., 78.

Маевский, Карл Климент., шт.-капит. Черниг. п., 151, 173, 206.
Майборода, Арк. Ив., капит. Вятск. полка, 54, 384.
Максимов, С. В., писат., 34, 266, 359.
Малецкий, старш. ад'ют. 4 корпуса, 162.
Малиновский, Ив. Вас., лицейский тов. Пушкина и Пущина, 319, 322, 323.
Мальвинский, золотопром. 351.
Малявин, ротм. Ахтырск. полка, 131, 132.
Манасеин, В. С., проф., 27, 37, 335.
Марий, римский полководец, 267.
Мещерский кн., Александр Петр., прапорщ. Черниговск. полка, 151, 169, 205.

Митьков, Мих. Фотиевич, полковн. л.-тв. Финляндского полка, дек., 365.
Модзалевский, Б. Л., ист., 35, 339.
Мозалевский, Александр Евтих., прапорщ. Черниг. полка, дек., 14, 146—149, 151, 155—164, 186, 188, 205—207, 210, 213, 215, 217—219, 222, 224, 225, 227, 228, 232—234, 240, 254, 256, 318, 321, 324, 328, 340, 365, 374.
Мозгалевский, Николай Осип., подпоруч. Саратовск. полка, дек., 372.
Мозган, Пав. Дм., подпор. Пензенск. пех. полка, дек., 75, 367.
Молчанов, Дм. Александрович (?), подпор. 17 егерск. полка, дек., 143, 145, 205.
Молчанов, прапорщ. конно-пионерн. эскадрона, 213.
Морозов, знакомый Горбачевского, 243.
Мошинский гр., Петр Игнат., волынск. губернск. предв. дворянства, 52.
Муравьев, Алдр. Захар., полковник, команд. Александр. гусарского полка, 51, 122, 369.
Муравьев 2-й, Алдр. Мих., корнет Кавалерг. полка, дек., 160, 325, 367, 368.
Муравьев, Артамон Захар., полк., командир Ахтырского гусарск. полка, дек., 51, 66, 67, 107, 121—126, 130—132, 160, 252, 325, 351, 352.
Муравьев-Амурский гр., Ник. Ник., 37, 288, 352.
Муравьев, Никита Мих., кап. Гвард. Генер. Штаба, дек., 325, 353, 367, 368.
Муравьева, Александра Григ., жена дек. Ник. Мих. Муравьева, 217, 266, 269, 270, 346.
Муравьев-Апостол, Ипп. Ив., прапор. квартирм. части, дек., 150, 151, 153—155, 174—177, 180, 207, 340, 372.
Муравьев-Апостол, Матв. Ив., отст. подполк., дек., 103, 122, 125, 135, 139, 150, 151, 156, 174, 178, 181, 182, 185, 340, 347, 348, 353, 354, 356.
Муравьев-Апостол, Серг. Ив., подполк. Черниг. полка, дек., 9—12, 23, 32, 43, 45—52, 54, 55, 65—70, 72, 75—80, 82—89, 98—101, 103—106, 108—112, 114—116, 118—127, 130—190, 196, 198, 205, 207—210, 214, 339—346, 356, 360—362, 364, 382.
Мусин-Пушкин, Епафродит Степан., лейтен. гвард. экипажа, дек., 373.
Муханов, Петр Александр., шт.-кап. л.-гв. Измайловск. полка, дек., 264, 325, 326, 366.

Набоков, полк., команд. Кременчугск. полка, 51, 157.
Назимов, Мих. Александр., шт.-кап. л.-гв. конно-пионерск. эскадрона, дек., 372.
Нарышкин, Мих. Мих., полк. Тарутинского полка, дек., 255, 290, 293, 302, 368.
Нарышкина, Елиз. Петр., жена дек., 216, 217.
Насонов, Дм. Ив., слуга Оболенского из ссыльных, 241, 246, 249, 250, 253, 257, 263—265, 268, 279, 289, 300, 305, 317, 322, 324, 330, 333.
Нащокин, Порфирий, поруч. конно-артилл, № 5 роты, дек., 66, 111.
Несмеянов, жанд. поруч., 103, 126, 149, 162.
Никитин, рядов. Черниг. полка, 210, 214.
Никифор, кучер, 337.
Никифораки, поруч. Ахтырск. гус. полка, 132.
Николаев, унт.-оф. Черниговск. полка, 158, 161, 168, 210, 214.
Николай I-й, имп., 12, 99, 100, 109, 359, 384.
Нил, архиеп. Иркутский, 14.
Норов, Вас. Серг., отст. подполк., дек., 365.

Оболенская, кн., Нат. Петр., сестра дек., 33, 268, 272, 274, 279, 283, 286, 289, 293, 305, 312.
Оболенский, кн., Евг. Петр., поруч. л.-гв. Финляндского полка, дек., 14, 15, 17, 19—21, 24—26, 33, 239—242, 244—261, 263, 265, 266, 268, 269, 273, 276, 279, 280, 283, 285, 286, 289, 292, 293, 295, 296, 298, 301, 303, 305, 307, 309, 310, 312—314, 316, 319, 329, 331, 333, 338, 347, 350, 351, 354, 376, 379.
Оболенский, кн., Мих. Евг., сын дек., 287.
Овчинникова, няня у Анненкова, 332.
Одоевский, Александр Иван., корнет л.-гв. Конного полка, дек., 368.
Октавий (Август), римск. импер., 74.
Оржицкий, Ник. Ив., отст. штабс-ротм. Ахтырского гус. полка, дек., 372.
Орлов, Мих. Фед., ген.-м., дек., 51.

Павел I, имп., 78.
Павлов, Евграф Федоров., поруч., полков. ад'ют. Черниг. полка, 147, 162, 164.
Панов 1-й, Ник. Алексеев., поруч. л.-гв. Гренадер. полка, дек., 216, 325, 355.
Первоухин, Ив. Ив., надзир. в Петровск. Заводе, 265, 300, 305.

Першин-Караксарский, Петр Ив., знаком. И. И. Горбачевского в Петровск. Заводе, 12, 15, 17, 18, 27, 33, 377, 378, 380.
Пестель, Пав. Ив., полковн., командир Вятск. пех. полка, дек., 51, 87, 90, 339, 344, 352.
Пестов, Алдр. Сем., подпор. 9-й артилл. бригады, дек., 7, 10, 45, 48—50, 70, 71, 80, 82, 86—88, 214, 354.
Петин, Вас. Ник., поруч. Черниг. полка, 141, 151, 173, 206.
Повало-Швейковский, Ив. Сем., полковн. Сарат. пех. полка, дек., 51, 52, 66, 126—129, 132, 144, 355.
Поджио, Александр Викт., отст. подполк., дек., 241, 244, 262, 268, 269, 278, 281, 283, 284, 288, 292, 300, 301, 309, 311, 322, 325, 326, 331, 342, 351, 352, 354.
Поджио, Осип Виктор., отст. штабс-капит., 325, 366.
Поджио (Высоцкая), Варв. Ал., дочь декабриста, 342.
Подушкин, Е. М., плац-майор, свидет. казни декабр., 344—346.
Поливанов, Ив. Юрьев., отст. полк. Кавалер. полка, дек., 371.
Попов, И. И., литератор, 37.
Пугачев, Емел. Ив., 13, 349.
Пушкин, Алдр Серг., 359, 360.
Пущин, Ив. Ив., колл. ассес., дек., 14, 17, 19, 23, 33, 241, 242, 244, 254, 257, 263—265, 274, 315, 317—333, 354, 359, 360, 379.
Пущин, Мих. Иван., капит. л.-гв. конно-пионерн. эскадрона, дек., 373.
Пущин, Ник. Ив., брат дек., 19, 324, 325, 328, 330, 333.
Пущина (фон-Визина), Нат. Дм., жена дек., 261, 266, 269, 281, 283, 284, 288, 292, 308, 311, 354, 356, 376.
Пущина, Ан. Ив., сестра дек., в замужестве за Малиновским, 317, 319, 322, 323.
Пыхачев, Матв. Ив., капит. конно-артилл. № 5 роты, 51, 66, 68, 91, 186.

Раевский, Ник. Ник., ген. от кавалерии, 51, 360.
Ракуза, Игн. солдат Черниг. полка, разжалов. из офицер., 178, 205, 208.
Ребиндер, Никол. Роман., полковн., коменд. Петровск. Зав., 250.
Репин, Ник. Петр., шт.-кап. л.-гв. Финлянск. полка, дек., 368.
Розен, Андрей Евген., бар., поруч. л.-гв. Финляндск. полка, дек., 313, 369.
Рот, Логг. Осип., ген.-лейт., команд. 3 корпуса, 121, 186—189, 207.

Ротшильд, банкир, 255.
Рыбаковский, Влад. Ник., подпор. Черниг. полка, 148, 151, 169, 205.
Рылеев, Кондр. Фед., отст. подпор., дек., 214, 339, 344—347, 364.
Салин, 316.
Саул, царь израильск., 84.
Саша, мальчик, которого Горбачевский брал с собою в 1861 году в гости к М. Бестужеву, 338, 375, 376.
Свистунов, Петр Ник., корн. Кавалерг. полка, дек., 21, 264, 265, 279, 283, 285, 287, 292, 296, 300, 364.
Селиванова, Нат. Ник., свояченица М. А. Бестужева, 375.
Семеновский, Вас. Ив., историк, 34.
Семичев, Ник. Ник., ротм. Ахтырск. полка, 123, 132.
Сиверс, А. А., историк, 35, 339.
Сизых, С. П., знакомый Горбачевского, 244.
Скоков, жанд. прапорщ., 103, 126, 150, 162, 164.
Смолянинова, Филанцета Осиповна, теща Дм. Ир. Завалишина, 272, 288, 297.
Соловьев, бар., Вен. Ник., шт.-кап. Черниг. полка, дек., 34, 64, 65, 75, 86, 100, 101, 134—142, 145, 151, 167—169, 174—177, 179, 181, 205—207, 210—215, 217—219, 222, 224, 225, 227, 228, 232—234, 255, 256, 340, 373, 374.
Спиридов, Мих. Матв., майор Пензенск. пех. полка, дек., 10, 13, 60, 65, 66, 69—72, 80, 82, 85—87, 99, 107, 112, 114, 117—120, 123, 252, 349, 350, 352.
Старцев, Дм. Дм., селенгинский купец, 271, 338.
Старцева, Хар. Поликарп., жена Д. Д. Старцева, 271, 331.
Старцева, Федосья Дм., родствен. Д. Д. Старцева, 338.
Сутгоф, Алдр. Ник., поруч. л.-гв. Гренадер. полка, дек., 216, 325, 355.
Сухинов, Ив. Иван., поруч. Черниг. полка, дек., 34, 76, 77, 86, 100, 105, 106, 131, 134—138, 140, 144—146, 151, 154, 163, 164, 170, 171, 174, 175, 177, 183, 190—197, 205—207, 210—213, 215, 217—225, 227—233, 340, 374.
Сычев, Александр Поликарп., свящ. в Благовещенске, 260, 309.
Сычев, Евг. Поликарп., сын свящ. Поликарпа Сычева, 260, 300, 309.
Сычев, Ил. Поликарп., сын свящ. Полик. Сычева, 309.
Сычев, Пав., Поликарп., сын свящ. Полик. Сычева, 309.

Сычев, Полик. Павл., свящ. в Петровск. Зав., 16, 240, 246, 248, 251, 254, 255, 257, 260, 265, 266, 270, 271, 282, 289, 292, 300, 302, 304, 305, 307, 309, 331, 333.
Сычева, Ан. Вас., жена свящ. Полик. Сычева, 246, 331.
Тизенгаузен, Вас. Карл., полк. Полтавск. полка, дек., 51, 66, 90, 197—201, 370.
Тихановский, Степ. Леонт., ген.-м., команд. 9 дивиз., 148, 149.
Тиханов, Никол. Ильич, подпор. 9-й арт. бриг., дек., 70, 76.
Толстой, Влад. Серг., прапорщ. Московск. пех. полка, дек., 370.
Толь, бар., Карл Фед., ген.-ад., нач. штаба 1-й армии, 167.
Торсон, Конст. Петр., кап.-лейтен. флота, ад'ют. нач. Морского Штаба, дек., 365.
Траян, римск. имп., 78.
Трофим, сторож в казем. Петровск. Зав., 241.
Троцкий, подпоруч. Полтавск. полка, 199—201.
Трубецкая, кн., Екат. Ив., жена дек., 217, 266, 346.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., полк., деж. шт.-оф. 4 пех. корпуса, дек., 51, 242, 244, 250, 325, 342, 346, 348, 351.
Трусов, прапорщ. Полтавск. полка, 199—201.
Трусов, плац-ад'ют., свидетель казни декабристов, 346.
Трухин, Серг. Степан., майор Черниг. полка, 141, 142, 144, 145, 151, 162—164, 166, 185, 188.
Тургенев, Ник. Ив., д. ст. сов., дек., 356.
Тютчев, Алексей Ив., кап. Пенз. пех. полка, дек., 45—48, 51, 86, 100, 112, 114—119, 123, 354, 360, 363.
Усовский, Алексей Вас., поруч. Полтавск. пех. полка, 50, 89, 199.
Фаленберг, Петр Ив., подполк. квартирмейст. части, дек., 366.
Фердинанд 7-й, король испанский, 78.
Фок, Ал—др Ал—др., подпор. л.-гв. Измайл. полка, 373.
Фонвизин, Мих. Ал—др., отст. ген.-майор, дек., 366.
Фонвизина, Нат. Дмитр., см. Пущина.
Фохт, Ив. Федор., шт.-кап. Азовск. пех. полка, 372.
Фролов 4-й, Александр Филип., подпоруч. Пенз. пех. полка, дек., 51, 66, 90, 365.
Фурман, Андрей Федор., капит. Черниговск. полка, 141, 143, 151, 205, 372.
Харитонов, Ив., унтер-оф. Чернигов. полка, 161, 168.
Хотяинцов, Ив. Никол., подполк., команд. Витебск. пех. полка, дек., 189.

Цебриков, Александр Ром., лейт. Гвард. экип., 373.
Цицерон, 276.
Черкасов, бар. Алексей Ив., поруч., квартирм. части, дек., 371.
Черниговцев, маркштейгер Нерчинск. рудников, 225—227.
Черноглазов, Илья Мих., подпор. 9-й артил. бриг., дек., 70, 76.
Чернышев, гр. Захар Григ., ротм. Кавалерг. п., дек. 370.
Чижов, Ник. Александр., лейт. 2 флотск. экип., дек., 371.

Шахирев, Андрей Ив., поруч. Чернигов. полка, дек., 70, 372.
Шаховской, кн. Фед. Петр., отст. майор, дек., 372.
Шварц, полковн., команд. Семеновск. полка, 219.
Шеколла, Викентий Иван., юнкер Сарат. пех. полка, 60—62, 383.
Шервуд-Верный, Ив. Вас., унт.-оф., 3 Украинск. улан. полка, 384.
Шергин, Капитон, свящ. в Петров. зав., 331.
Шильдер, Н. К., историк, 30, 32.
Шимков, Ив. Федор., прапорщ. Саратов. полка, дек., 50, 118—120, 367.
Шишкина, знакомая декабристов в Петр. заводе, 316, 333.
Штейнгель, бар., Вл. Ив., отст. подполк., дек., 14, 264, 366.
Штрайх, Сол. Як., историк, 35.
Шультен, подпоруч. 9-й артил. бриг., дек., 70, 76.
Шутов, фельдф. Чернигов. полка, 141, 144, 148, 149, 168, 210, 214.

Щепилло, Мих. Алексеев., поруч. Черниг. полка, дек., 64, 74, 75, 77, 100, 101, 134—139, 141, 142, 145, 147, 151, 156, 168, 169, 174, 175, 177, 180, 207, 340, 373.
Щепин-Ростовский кн., Дм. Александр., шт.кап., л.-гв. Московск. полка, дек., 216, 356.
Щербатов, кн., Алексей Григ., ген.-ад., команд. 4 корпуса, 155, 162, 164, 188, 189.

Энгельгард, юнкер, 127, 128.
Эндора, 82.

Юлий-Цезарь, 74.
Юшневская, Мар. Казимир., жена дек., 252, 256, 326.
Юшневский, Алексей Петр., ген.-интенд. 2-й армии, дек., 51, 252, 325, 353.

Яблоновский, кн., Антон Станисл., камергер, чл. польского тайн. общества, 52.

Якубович, Александр Ив., капит. Нижегород. драг. полка, дек., 266, 325, 351, 352.
Якушкин, Е. Е., внук декабриста, историк, 35, 315, 320.
Якушкин, Ив. Дм., отст. кап., дек., 14, 354.
Янчуковский, Виктор, подполк., помощн. начальн. Нерчинск. завода, 264.

Замеченные опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует.
29	8 сн.	их	ее
30	10 сн.	М. К. Шильдера	Н. К. Шильдера
43	5 св.	общества	обществ.
52	1 св.	Все они	Все сии
77	3 сн.	с его	сего
77	7 сн.	соблюдает	соблюдет
81	13 и 14 св.	Да гибнет	Да погибнет
87	3 сн.	кторые	которые
90	2 и 11 сн.	Енгальцев	Ентальцев
91	7 сн.	Плодм	Плодом
97	19 св.	поступили	поступил
110	5 св.	Борисова 2-го	Борисова 1-го
177	9 сн.	len commandai	les commandais
182	2 св.	Ошибка	Ошибки
182	6 сн.	кида	куда
183	2 св.	соединялись	соединились
186	16 сн.	междуусобия	междоусобия
359	7 сн.	расположение	нерасположение

24924
МГУ учебная
б-ка № 3

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. 1. И. И. Горбачевский и его «Записки». (Статья Б. Е. Сыроечковского) 5

2. К портретам. 37

II. Записки декабриста И. И. Горбачевского.

1. Происшествия Лещинского лагеря. 41

2. Восстание Черниговского полка. . 93

3. Судьба участников 203

III. Письма И. И. Горбачевского.

1. К Е. П. Оболенскому 239

2. К Н. П. Оболенской. 312

3. К И. И. Пущину 315

4. К М. А. Бестужеву. 337

5. К П. И. Першину-Караксарскому. . . 377

IV. Два рассказа И. И. Горбачевского (в передаче П. И. Першина-Караксарского . . 380

V. Указатель. 385

К-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“

Москва, Сивцев Вражек, 40. Тел. 3-65-07.

Л. Сейфуллина Т. I. Преступление. Ц. 1 р. 25 к. Ее же. Т. II. Виринея. Повесть Ц. 1 р. 25 к. Ее же Т. III. Путники. Роман. Ц. 1 р. 25 к. Сергей Клычков. Сахарный немец. Роман. Ц. 1 р. 50. к. Крашенников. Целомудрие. Роман. Ц. 1 р. 50 к. Александр Дроздов. Единая страсть. Рассказы Ц. 1 р. Юрий Слезкин. Девушка с гор. Роман. Ц. 1 р. Л. Сейфуллина, М. Пришвин, Бор. Пильняк, Вс. Иванов, Вл. Лидин и др. Охотничий рог. Сборник художественной прозы Ц. 1 р. 50 к. Анатоль Франс. К лучшим временам. Ц. 2 р. Джона Рид. Революционная Мексика. Ц. 1 р. 25 к. Густав Даниловский. Три поколения. Роман. Ц. 1 р. Пьер Бенуа. Хозяйка большого замка. Роман. Ц. 1 р. Джон Перис. Кимоно. Роман Ц. 2 р. Гальдеман-Джулиус. Пыль. Роман. Ц. 1 р. Шервуд Андерсон. Торжество яйца. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к. Гернет. Человек в зоологическом саду. Роман. Ц. 75 к. Конрад Берковичи. Кн. I. Дочь укротителя. Ц. 1 р. Его же. Кн. II. Счастье Ц. 1. Гиспа и Мизор. Негритянка в купальне. Роман. Ц. 1 р. 25 к. Рягер Налковская. Роман Терезы Генерт. Ц. 1 р. Деревня в современной русской художественной литературе, составил Н. А. Столляр. Ц. 1 р. 50 к. Дети Труда в русской художественной литературе, составил Н. А. Столляр под редакцией с предисловием В. Львова-Рогачевского. Ц. 1 р. 50 к. Рюрик Ивнев. Любовь без любви. Ц. 1 р. 25 к. Шолом-Алейхем. Сквозь слезы. Распродано. Поль и Виктор Маргерит, кн. I. Жизнь открывается. Распродано. Его же, кн. II. Голос крови. Роман. Распродано. Его же кн, III. Проститутка. 3-е издание. Роман. С предисловием П. С. Когана. Ц. 2 р. Оскар Граф. Юность. Роман. Ц. 75 к. Синклер Люис. История одной американки. Роман. Распродано. Рабиндранат Тагор. кн. I. Лирика любви и жизни. а) Садовник. б) Читра. Ц. 1 р. Его же, кн. II. Лунный Серп. Ц 50 к. Уильям Локк. кн. I. Девушка с востока. Роман. 3-е изд. Распродано. кн. II. Любовь побеждает. Роман. Ц. 1 р. 50. кн. III. Слава за любовь. Роман. Распродано. Добрянский. Обманутые Звезды. Восточная сказка Ц. 1 р. Записки и письмо декабриста Горбачевского. Ц. 2 р. Записки И. Д. Якушкина. Ц. 1 р. Георгий Чулков. Мятежники 1825 года. Ц. 1 р. 50 к.

Саломон, Рейнак, Аполлон. Всеобщая история пластических искусств с 650 рисунками в тексте Ц. 5 р.